НОВЫЙ РОМАН О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ДЖЕЙМСА БОНДА!

Джеффри Дивер

КАРТ-БЛАНШ

Карт-бланш
Джеффри Дивер

Аннотация
Джеффри Дивер. Карт-бланш
Воскресенье. Красный Дунай
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Понедельник. Мусорщик
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Вторник. Смерть в песках
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Среда. Поля смерти
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42

Глава 43
Четверг. «Улица забвения»
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Пятница. Спуск в Геенну
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66

Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72
Примечания
Ян Флеминг
Джеффри Дивер

Аннотация

Джеймс Бонд. Агент 007.

Самый знаменитый шпион в мире. Герой легендарных романов Яна Флеминга, положенных в основу суперпопулярной киноэпопеи, вот уже почти пятьдесят лет пользующейся колоссальным успехом во всем мире.

В 2010 году фонд Яна Флеминга принял решение заказать роман о легендарном агенте 007 Джеффри Диверу — автору 26 мировых бестселлеров, проданных тиражом, превышающим 20 миллионов экземпляров.

Перед вами — блокбастер года! Джеймс Бонд ВОЗВРАЩАЕТСЯ!!!

И на этот раз опасное задание приведет его в Дубай и Южную Африку…

Миллионы поклонников Джеймса Бонда затаили дыхание: какие приключения ожидают агента 007 на этот раз?..

Джеффри Дивер
Карт-бланш

Посвящается Яну Флемингу — человеку, научившему нас не терять веру в героев.

Все описанные события вымышленны, однако большинство упомянутых в романе организаций существуют на самом деле. В мире разведки, контрразведки и шпионажа любят аббревиатуры и сокращения, поэтому, чтобы не захлебнуться в их мешанине, помещаю в конце книги примечания.

Дж. Д.

Нам необходима новая организация, чтобы координировать, направлять, контролировать и оказывать помощь гражданам угнетенных стран… Необходима полная секретность, определенная доля фанатизма, желание работать с представителями разных национальностей и полная политическая надежность. Как мне видится, подобная организация должна обладать абсолютной независимостью от Военного министерства.

Хью Далтон, министр экономической войны, о формировании разведочно-диверсионной группы при Управлении специальных операций Британии в начале Второй мировой войны

Воскресенье
Красный Дунай

Глава 1

Ощущая знакомый трепет, который всегда охватывал его на этом участке пути — от Белграда на север, к Нови-Саду, — машинист тепловоза Сербской железной дороги сжал покрепче рычаг тормозного переключателя.

Этим маршрутом — из Греции в Белград и дальше на север — ходил с 1930-х по 1960-е знаменитый Арльбергский Восточный экспресс. Конечно, тяжеловозу, который вел машинист, было далеко до сверкающего красавца «Пасифик-231», тянущего за собой элегантные, отделанные красным деревом и латунью вагоны — спальные, вагон-ресторан и вагон с частными апартаментами — царство роскоши и сладких предвкушений. Машинист управлял видавшим виды американским локомотивом, за которым громыхал вполне сносный подвижной состав, набитый под завязку самыми обыденными грузами.

И тем не менее за каждым поворотом машинист чувствовал дыхание истории, особенно сейчас, зная, что совсем скоро покажется река. Его река.

Но тревога все равно не отпускала.

Среди вагонов до Будапешта, груженных углем, металлоломом, потребительскими товарами и лесом, находился один, который очень его беспокоил. В этом вагоне ехали бочки с МИЦ — метилизоцианатом, идущим в Венгрии на производство резины.

Машинист — пузатый, лысеющий, в поношенной фуражке и засаленном комбинезоне — уже успел наслушаться инструкций насчет опасного химиката и от своего начальника, и от недоумка из надзора за обеспечением транспортной безопасности. Несколько лет назад в результате утечки токсичных веществ, случившейся на заводе в индийском городе Бхопал, за пару дней погибли восемь тысяч человек.

Машинист, осознав важность задачи, не удержался все-таки от вопроса, подсказанного железнодорожным опытом и профсоюзной закалкой:

— А на моем перегоне до Будапешта чем это чревато?

Старший с чиновником обменялись начальственными взглядами, но ничего конкретного, кроме «ты там поосторожнее», не сказали.

Вдали забрезжили огни Нови-Сада, второго по величине города Сербии, и в вечерних сумерках протянулся бледной лентой Дунай. Воспетая ком-

позиторами, вошедшая в историю река на самом деле была мутной и невыразительной, и ходили по ней баржи да танкеры, а не романтические кораблики со свечами на столиках и венскими оркестрами. И все же это был Дунай, символ балканского величия, и грудь железнодорожника всегда раздувалась от гордости, когда он вел поезд по мосту.

Его река.

Он посмотрел через забрызганное стекло на убегающие рельсы, подсвеченные лобовым фонарем тепловоза «Дженерал электрик». Волноваться не о чем.

У рычага тормозного переключателя имелось восемь положений. Сейчас он стоял на пятой отметке, и машинист плавно перевел его на тройку, сбрасывая скорость перед чередой поворотов. Дизель в четыре тысячи лошадиных сил зарокотал тише.

На прямом отрезке перед мостом машинист перевел рычаг обратно на пятерку, а потом и на шестерку. Мотор загудел громче, за спиной послышалось попеременное лязганье. Машинист знал, что это всего лишь вагонные сцепки, недовольные изменением скорости, — подобный нестройный хор он слышал уже тысячу раз. Но

воображение подсунуло ему другую картину: в третьем вагоне бьются друг о друга, грозя протечкой, бочки с токсичным химикатом.

«Ерунда», — успокоил он себя, сосредоточиваясь на том, чтобы держать постоянную скорость. А потом, совершенно без необходимости, разве только ради собственного удовольствия, потянул клапан гудка.

Глава 2

Далекий тепловозный гудок долетел до зарослей высокой травы на вершине пригорка, где залег, схоронившись, человек. Он сразу понял: гудит поезд, приближающийся с юга, и будет здесь через десять-пятнадцать минут. Не отразится ли его прибытие на рискованной операции, которая вот-вот начнется?

Человек развернулся вполоборота и рассмотрел тепловоз с длинной цепочкой вагонов в монокулярный прибор ночного видения.

Рассудив, что поезд ни ему самому, ни его планам помехой не станет, Джеймс Бонд снова навел монокуляр на гостиничный ресторан, присматриваясь к объекту в окне. Судя по количеству «застав» и «фиатов» перед большим зданием с облупившейся желтой штукатуркой, заведение пользовалось у местных популярностью.

Без двадцати восемь. Стоял ясный воскресный вечер под Нови-Садом, где Среднедунайская равнина переходит в возвышенность, которая у сербов считается гористой. Заядлый горнолыжник, Бонд полагал, в отличие от них, что горы здесь называют горами, только чтобы привлекать

туристов. Майский воздух был сух и прохладен, как в зале похоронного бюро. Бонд предусмотрительно обулся в разношенные кожаные ботинки, обеспечивающие устойчивость в схватке и отлично подходящие для погони.

В свои тридцать он весил сто семьдесят фунтов при росте шесть футов. Разделенные на косой пробор черные волосы почти скрывали один глаз. Правую щеку пересекал трехдюймовый шрам.

Одежду Бонд в этот вечер тоже выбирал тщательно и в конце концов остановился на темно-зеленой куртке и непромокаемых штанах американской фирмы «5.11», лучшей среди производителей тактического снаряжения.

В сгущающихся сумерках огни на севере засияли ярче. Нови-Сад. Бонд знал, что у этого симпатичного, бурлящего жизнью города темное прошлое. Когда в январе 1942 года венгры перебили тысячи сербов и сбросили трупы в скованный льдом Дунай, город стал колыбелью партизанского движения. Сегодня Бонд прибыл сюда предотвратить катастрофу, хоть и иного порядка, но не менее масштабную и трагическую.

Вчера, в субботу, британскую разведку охватила тревога. В челтнемском ЦПС расшифровали перехваченный электронный шепоток, согласно

которому на следующей неделе где-то намечался теракт.

ВСТРЕЧА
С НОЕМ В ОФИСЕ, ПОДТВЕРДИТЬ ИНЦИДЕНТ 20 ВЕЧЕРОМ В ПЯТНИЦУ, ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ
ЧИСЛО ЖЕРТВ В НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, УЩЕМЛЕНИЕ БРИТАНСКИХ ИНТЕРЕСОВ, ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВ СОГЛАСНО ДОГОВОРЕННОСТИ

Чуть позже правительственные слухачи перехватили обрывок второго сообщения, зашифрованного по тому же алгоритму, посланного с того же телефона, однако на другой номер:

ВСТРЕЧАЕМСЯ
ВЕЧЕРОМ В ВОСКРЕСЕНЬЕ В РЕСТОРАНЕ РОШТИЛЬ ПОД НОВИ-САДОМ В 20.00. ВО МНЕ 6+ ФУТОВ РОСТА, ИРЛАНДСКИЙ АКЦЕНТ

После отправки сообщений Ирландец (сам невольно подсказавший спецслужбам подходящее прозвище) телефон либо уничтожил, либо разрядил. Его адресаты поступили, видимо, так

же.

Поздним вечером в Лондоне собрались представители Объединенного комитета разведслужб и КОБРЫ — правительственного комитета по чрезвычайным ситуациям — оценить риск «Инцидента-20», названного так по предполагаемой дате.

Достоверной информации о характере и источнике угрозы пока добыть не удалось, однако в МИ-6 полагали, что исходит она из тех районов Афганистана, где «Аль-Каида» и ее приспешники повадились нанимать исполнителей для операций в Европе. Шесть кабульских агентов объединенными усилиями пытались разузнать больше, однако сербскую линию тоже нужно было разработать. Вчера, в десять часов вечера, цепкие щупальца спрута, начавшего действовать, дотянулись и до Бонда, который сидел в эксклюзивном закрытом ресторане на Чаринг-Кросс-роуд с красивой женщиной, утомляющей его бесконечным рассказом о тяготах жизни непризнанной художницы. Высветившееся на экране мобильного телефона эсэмэс-сообщение гласило:

NIACT. Позвонить НШ

Код NIACT требовал откликнуться немедленно, независимо от времени суток. Звонок начальнику штаба позволил благополучно прервать скучнейший ужин, и вскоре Бонд уже следовал в Сербию по заданию второго уровня, предписывающему отыскать Ирландца и установить слежку с закладкой «маячков» и других средств наблюдения. В случае неудачи приказ давал ему право арестовать Ирландца и переправить либо обратно в Англию, либо на секретную базу на континенте для допроса.

И вот теперь Бонд лежал в зарослях травы и белых нарциссов, стараясь не задевать лишний раз листья этого красивого, но довольно ядовитого первоцвета. Все свое внимание он сосредоточил на витрине ресторана «Роштиль», за которой, не прикасаясь к еде, сидел Ирландец, беседуя со своим пока не установленным сообщником славянской внешности. Местный, видимо, перестраховываясь, припарковался где-то в переулке и к ресторану подошел пешком, исключая возможность вычислить его по номеру машины.

Ирландец не осторожничал. Его недорогой «мерседес» прибыл сорок минут назад. Автомобиль с этим номером был взят сегодня в прокате за наличные на вымышленную фамилию по

поддельным британским правам и паспорту. Сам объект оказался долговязым мужчиной примерно одного возраста с Бондом (может, чуть старше), ростом шесть футов два дюйма. У него была нелепая походка — в ресторан он вошел, ставя носки врозь. Высокий лоб закрывала неровная светлая челка, острые скулы сходились трапецией у квадратного подбородка.

Бонд уже удостоверился, что этот человек и есть его объект. За два часа до назначенной встречи он зашел в ресторан выпить чашку кофе и прикрепил подслушивающее устройство на входную дверь изнутри. Объект прибыл в назначенное время и обратился к метрдотелю по-английски — громко и с расстановкой, как водится у иностранцев при общении с местными. Бонд, слушая его с тридцати ярдов через спецприложение на своем мобильном, определил акцент как среднеольстерский — скорее всего Белфаст или окрестности. Больше, к сожалению, ничего уловить не удалось: Ирландец и его сообщник расположились вне зоны действия «жучка».

Приставив к глазу трубку монокуляра, Бонд внимательно рассматривал противника, обращая внимание на мельчайшие детали (как твердили инструкторы в Форт-Монктоне, «под-

меченная мелочь — подмога, упущенная мелочь — провал»). От него не укрылось, что Ирландец все время начеку и не делает лишних движений. Нарисованную собеседником диаграмму Ирландец придвинул ластиком автоматического карандаша, чтобы не оставлять отпечатков. Сидя спиной к окну, он заслонял собой сообщника, поэтому специальное приложение на мобильном телефоне Бонда не могло ничего считать по губам ни у того ни у другого. В какой-то момент Ирландец вдруг резко обернулся и взглянул в окно, словно что-то заподозрил. Светлые глаза смотрели без всякого выражения. Взглянул — и снова обратился к тарелке с мало интересующей его едой.

Трапеза, судя по всему, подходила к концу. Бонд осторожно спустился с пригорка и зашагал между редко растущими елями и соснами в окружении чахлого подлеска и россыпей вездесущих мелких белых цветов, минуя облупившийся указатель на сербском, французском и английском, позабавивший его еще по прибытии.

Спа-отель и ресторан «Роштиль».

Расположен в местности, славящейся своими целебными свойствами, широко

рекомендуется для санаторного лечения после хирургических операций, особенно при острых и хронических респираторных заболеваниях, а также анемии.

Полный пансион.

У въезда на территорию ресторана Бонд завернул за угол обветшалого садового сарая, воняющего машинным маслом, бензином и мочой. За сараем его дожидались, как он их мысленно называл, «товарищи».

Обычно Джеймс Бонд предпочитал действовать в одиночку, однако разработанный им план требовал участия двух местных агентов. Они прибыли из БИА — сербской службы внешней разведки и госбезопасности (на редкость невинное название для спецслужбы) и сейчас действовали под прикрытием, облачившись в форму полиции Нови-Сада, с позолоченными значками Министерства внутренних дел.

Квадратнолицые, круглоголовые, неулыбчивые, с коротким ежиком под форменной темно-синей фуражкой, в шерстяной форме того же темно-синего оттенка. Одному было около сорока, второму — двадцать пять. Невзирая на то что по легенде им отводилась роль провин-

циальных блюстителей порядка, вооружились они до зубов, прихватив «беретты» и уйму патронов. На заднем сиденье одолженного в полиции «фольксвагена-джетты» примостились два «Калашникова» камуфляжной раскраски, «узи» и холщовый мешок с ручными осколочными гранатами — не какими-нибудь пукалками, а швейцарскими «HG-85».

Бонд повернулся к старшему, но не успел открыть рот, как сзади раздались громкие хлопки. Рука сама метнулась к «Вальтеру ППС», однако, развернувшись, он увидел всего-навсего младшего серба — тот выколачивал ладонью сигарету из пачки. Сам бывший курильщик, Бонд всегда считал этот ритуал дурацким и бессмысленным.

О чем только этот олух думает?

— Тише! — прошептал он недовольно. — А сигареты уберите. Никакого курева.

В темных глазах серба мелькнуло недоумение.

— Да ладно, мой брат всегда курит на заданиях. У нас тут куда подозрительнее не курить.

По дороге сюда младший им все уши прожужжал о своем брате, бойце печально знаменитого ПСО — спецподразделения, формально принадлежащего службе государственной безопасности, а на самом деле, как прекрасно знал Бонд, ис-

пользующегося в секретных военных операциях. Младший обронил ненароком (но с гордостью, а значит, намеренно), что его брат сражался с «Тиграми Аркана» — бандой головорезов, зверствовавших во время войны в Хорватии, Боснии и Косово.

— Может, в Белграде сигарета — обычное дело, — ответил Бонд вполголоса, — но мы сейчас на тактическом задании. Поэтому сигареты убрать.

Агент неохотно повиновался и явно что-то хотел сказать своему напарнику, однако передумал, видимо, вспомнив, что Бонд сносно владеет сербско-хорватским.

Бонд оглянулся на ресторан и увидел, что Ирландец уже кладет на металлическую тарелочку динары — разумеется, никаких кредиток, чтобы не вычислили. Его собеседник надевал пиджак.

— Все, пора.

Бонд повторил план действий. Они последуют за «мерседесом» Ирландца на полицейской машине, а когда он отъедет от ресторана примерно на милю, остановят, заявив, что его автомобиль соответствует описанию разыскиваемому по нови-садскому делу о наркотиках. Ирландца вежливо попросят выйти и скуют наручниками. Мобильник, бумажник и документы оставят на

багажнике, а его самого посадят в стороне, лицом в противоположном от машины направлении.

Тем временем Бонд выскользнет с заднего сиденья полицейского авто, сфотографирует документы, перекачает что сможет из телефона, осмотрит ноутбуки и багаж и прикрепит «маячки».

Ирландец, несомненно, быстро просечет, что у него вымогают деньги, и попробует откупиться от «полицейских». Тогда его отпустят на все четыре стороны.

Если он поедет вдвоем со своим местным подельником, план останется прежним и распространится на обоих.

— Я уверен на девяносто процентов, что он ничего не заподозрит, — заявил Бонд. — Но если вдруг окажет сопротивление, помните: убивать его нельзя ни в коем случае. Он нужен мне живым! Стреляйте в ведущую руку, ближе к локтю, не в плечо.

Вопреки тому, что обычно показывают в кино, ранение в плечо не менее опасно, чем ранение в живот или в грудь.

Ирландец вышел из ресторана и, остановившись у порога, осмотрелся по сторонам, определяя, что изменилось, пока он был в зале. Новые

машины на стоянке — насколько это существенно? Наконец, убедившись, видимо, что угрозы нет, оба сообщника уселись в «мерседес».

— Значит, двое. План прежний, — напомнил Бонд.

— Да.

Ирландец завел машину, включились фары.

Бонд нащупал свой «вальтер», уютно устроившийся в кожаной кобуре «Буллард», и сел на заднее сиденье полицейского автомобиля. На полу валялась банка из-под пива. Значит, пока Бонд вел наблюдение, кто-то из «товарищей» промочил горло местным «Еленем», что в переводе с сербского означает «олень». Бог с ним, с нарушением субординации, но безалаберность Бонду не понравилась. Ирландец может заподозрить неладное, если от задержавшего его полицейского будет нести пивом. Бонд не возражал против самомнения и жадности тех, кто был с ним рядом, — они могли сослужить неплохую службу, но чужую некомпетентность он считал досадной и непростительной помехой.

Сербы устроились впереди, загудел двигатель. Бонд постучал пальцем по своему коротковолновому передатчику с генератором белого шума, использующемуся для засекреченных радиопе-

реговоров между агентами во время операций.

— Второй канал, — напомнил он сербам.

— Да-да, — со скучающим видом кивнул старший, и оба нацепили наушники.

Бонд в очередной раз мысленно спросил себя, не упустил ли он чего. При всей стремительности разворачивающейся операции он не один час провел за обдумыванием тактики. Вроде бы все возможные варианты просчитаны.

Как оказалось, все, кроме одного.

Ирландец не сделал того, что должен был сделать при любом раскладе.

Он не уехал.

Свернув с парковки, «мерседес» выкатил на газон у ресторана, скрытый от глаз персонала и посетителей высокой живой изгородью, и направился на восток, в сторону пустыря.

— Вот дерьмо, куда его понесло? — выругался младший. Все трое выскочили из машины. Старший выхватил пистолет и рванулся было вслед «мерседесу».

— Не надо! — взмахом руки остановил его Бонд.

— Он удирает! Засек нас!

— Нет. Тут что-то другое.

Ирландец явно не от погони спасался. Он ехал

медленно, «мерседес» плыл по пустырю, словно лодка по тихому утреннему морю. И потом, удирать было просто некуда. Впереди путь преграждали утесы над Дунаем, железнодорожная насыпь и лес у склонов Фрушка-Горы.

«Мерседес» подъехал к железнодорожным путям, ярдах в ста от наблюдающего за ним Бонда, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, остановился — капотом к ресторану — поблизости от железнодорожного депо и стрелки, где от главного пути ответвлялся еще один. Там злоумышленники вылезли, и Ирландец что-то вынул из багажника.

«Выбор действия диктуется намерениями противника», — мысленно повторил Бонд еще одну максиму, усвоенную на лекциях в Форт-Монктоне, центре подготовки специалистов, расположенном в Госпорте.

Что же замышлял Ирландец?

Бонд снова вытащил монокуляр и, переключив на ночное видение, навел на Ирландца. Сообщник открыл панель управления стрелочным переводом и принялся копаться в переключателях. Присмотревшись, Бонд увидел, что второй путь — старый, ржавый и заброшенный — забирает вправо и заканчивается тупиком на

вершине пригорка.

Значит, диверсия. Загонят поезд на пригорок и пустят под откос. Вагоны покатятся кубарем прямо в приток Дуная.

Бонд направил монокуляр на тепловоз с составом. Вот и разгадка. В первых двух вагонах сплошной металлолом, но вот в следующих… По укрытой брезентом платформе шла надпись по-сербски: «Опасность!» Присмотревшись, Бонд заметил и ромбик — повсеместно принятый знак для предупреждения спасателей в чрезвычайной ситуации о том, чем именно опасен данный груз. К несчастью, на ромбике значились высокие показатели по всем трем категориям: угроза здоровью, взрывоопасность и воспламеняемость. Буква W в нижнем углу означала, что вещество представляет опасность при взаимодействии с водой. Выходит, груз чрезвычайно опасен, последствия утечки сопоставимы с ядерной катастрофой.

Поезду оставалось около трех четвертей мили до стрелки, и он уже начал набирать ход перед подъемом на мост.

Выбор действия диктуется намерениями противника.

Неизвестно, как соотносится эта диверсия с

«Инцидентом-20» и соотносится ли вообще, но ближайшая цель определилась. Равно как и действия, которые подсказала Бонду интуиция.

— Если попытаются уйти, преградите им выезд и арестуйте. На поражение не стрелять.

Он прыгнул за руль «джетты», развернул машину в сторону поля и огородов, откуда высматривал ресторан, и, отпустив сцепление, вдавил в пол педаль газа. Легкая машина прыгнула вперед, взревев мотором, и понеслась, сминая валежник, молодую поросль, нарциссы и кусты малины, растущей в Сербии повсюду. Собаки бросились врассыпную, в соседних домишках вспыхнули огни, люди на огородах возмущенно замахали руками.

Не обращая ни на что внимания, Бонд сосредоточился на своей цели, освещенной тусклым светом неполной луны и головным прожектором обреченного тепловоза, горевшим ярче ночного светила.

Глава 3

Он ощущал тяжесть неотвратимой смерти.

Найл Данн притаился в бурьяне, в тридцати футах от стрелки, и, прищурившись, в вечерних сумерках смотрел на кабину приближающегося тепловоза. «Трагедия», — подумал он.

Смерть обычно означает потерю, а Данн по складу характера потерь не выносил, считая их сродни греху. Дизельные двигатели, гидронасосы, разводные мосты, электромоторы, компьютеры, конвейеры — все эти механизмы должны выполнять свою задачу с наименьшими потерями.

Смерть — это бездарно растраченные возможности.

Однако сегодня ее не избежать.

Данн обернулся на юг, где в свете головного прожектора приближающегося поезда уже заблестели рельсы, затем посмотрел по сторонам. «Мерседес» останется для машиниста незамеченным — автомобиль предусмотрительно поставлен под таким углом, чтобы его не было видно из кабины тепловоза. Еще одна безупречная деталь, вписанная в разработанный Данном план операции. В ушах зазвучал голос

начальства: «Это Найл, мой проектировщик. Он настоящий гений».

Данну почудилось, что он видит в кабине машиниста. Смерть… Он поспешно отогнал непрошеную мысль.

Теперь поезду оставалось до стрелки около четырех-пяти сотен ярдов.

— Как скорость? — спросил Данн у подошедшего Альдо Карика, серба средних лет. — Нормально? По-моему, медленно.

— Нет, порядок, — ответил серб на тягучем английском. — Видишь, набирает. Порядок.

Медведеподобный Карик шумно цыкнул зубом. За обедом он заметно нервничал — не из боязни ареста или увольнения, как он сам признался, а потому что не представлял, как заначить от всех (включая жену и двоих детей) десять тысяч евро.

Данн снова обернулся к поезду. Прикинул скорость, массу, уклон. Да, порядок. Даже если теперь кто-то попытается остановить состав — например, диспетчер из Белграда, заметивший неладное, свяжется с машинистом и велит экстренно затормозить, — будет уже поздно. Поезд не успеет замедлить ход до того, как въедет на предательски переведенную стрелку.

«Иногда смерть необходима», — напомнил

себе Данн.

Поезду оставалось три сотни ярдов до стрелки.

Полторы минуты. И тогда…

А это еще что? Данн вдруг уловил какое-то движение на огородах, неясную тень, мчащуюся по колдобинам прямо к железнодорожным путям.

— Видишь? — спросил он Карика.

— Вижу. Машина! — изумился тот. — Что происходит?

Действительно, машина. В бледном свете луны Данн разглядел небольшой седан, виляющий между деревьями и штурмующий на полном ходу пригорки. Так гнать по пересеченной местности! Невероятно… Наверное, подростки развлекаются, вечно у них какие-то дурацкие игры.

Не сводя глаз с автомобиля, Данн прикинул скорость и направление. Если свихнувшийся водитель не сбавит ход, то проскочит перед самым носом поезда, но ему придется прыгать через пути, тут ведь нет переезда. А если машина застрянет на рельсах, тепловоз сомнет ее в лепешку, как консервную банку. Впрочем, на его планах это никак не отразится. Протаранив крошечную машинку, тепловоз все равно свернет на роковую стрелку.

Так, секунду… Что за черт? Данн только теперь

рассмотрел, что машина полицейская. Но почему без мигалки и сирены? Угнали? Идут на верную смерть?

Но водитель, как оказалось, не собирался ни останавливаться на рельсах, ни прыгать через пути.

Слетев с последнего пригорка, седан затормозил у самой насыпи, в пятидесяти ярдах от приближающегося поезда. Мужчина в темной одежде выскочил из него и прошел на пути. Несмотря на темноту, видно было — не полицейский. Сигналить машинисту, чтобы остановить поезд, он не торопился, а вместо этого спокойно присел на корточки между рельсами, прямо перед тяжеловозом, летящим на него со скоростью пятьдесят-шестьдесят миль в час.

Отчаянный гудок прорезал вечернюю тишину, из-под колес брызнули снопы оранжевых искр.

Прямо перед носом локомотива человек взвился с рельсов и исчез в кювете.

— Что это было? — прошептал Карик.

И тут на рельсах перед тепловозом полыхнула бело-желтая вспышка, а еще через секунду раздался хлопок — как от самодельного взрывного устройства или ручной гранаты. За первым взрывом последовал второй.

Похоже, у водителя полицейской машины имелся собственный план.

Сокрушающий точно выверенные планы Данна.

Нет, это не полицейский и не самоубийца. Это явно спецагент, обладающий опытом подрывных работ. Первым взрывом выбило костыли, которыми рельсы крепятся к шпалам, вторым — сдвинуло свободный теперь рельс чуть внутрь, убирая его из-под левых передних колес.

Карик что-то пробормотал на сербском. Данн же, не обращая на него внимания, смотрел на дрожащий диск головного прожектора. С диким скрежетом и грохотом локомотив и весь тяжеленный состав, сойдя с рельсов, пропахали колесами голую землю и щебенку, взметая клубы густой пыли.

Глава 4

Бонд смотрел из кювета, как состав замедляет ход, зарываясь колесами в мягкую землю и выбрасывая фонтаны песка и щебня. Выждав немного, он вылез из укрытия оценить обстановку.

Сообразить, как предотвратить катастрофу и не позволить токсичному веществу вылиться в Дунай, пришлось за считанные минуты. Остановив машину у путей, он схватил две гранаты, припасенные сербами, и подложил их на рельсы.

Бонд потер плечо — шальной осколок рассек рукав куртки.

Как он и рассчитывал, тепловоз и вагоны не перевернулись и не посыпались в реку. Он спустил поезд с рельсов там, где требовалось ему, — на ровной поверхности, а не на косогоре, как хотел Ирландец.

С шипением и скрежетом состав наконец остановился — недалеко от Ирландца и его сообщника, скрытых от Бонда облаком пыли и дыма.

— Говорит первый, — сообщил он в коротковолновый переговорник. — Вы на месте? — Молчание. — Вы на месте? Отвечайте!

— Поезд сошел с рельсов! — донесся сквозь треск в наушнике голос старшего серба. — Видели? Вы где?

— Слушайте меня внимательно.

— Что случилось?

— Тихо! Времени мало. Думаю, они попытаются взорвать или прострелить контейнеры с токсичным веществом. Я отгоню их выстрелами к машине. Подкараульте «мерседес» на том пустыре у ресторана, прострелите им колеса и не отпускайте.

— Надо брать их сейчас!

— Нет! Только у ресторана, раньше не пытайтесь. В «мерседесе» им не удастся держать оборону, останется только сдаться. Как поняли?

Передатчик заглох.

Черт. Бонд поспешил сквозь пыльную тучу к третьему вагону — тому самому, где стояли, дожидаясь, когда их вскроют, бочки с опасным веществом.

* * *

Найл Данн прокручивал в голове произошедшее. Он знал, что, возможно, придется импровизировать, но предугадать подобный предупреждающий удар неизвестного противника

не мог никак.

Данн осторожно выглянул из укрытия — плотных зарослей неподалеку от того места, где остановился, отдуваясь, свистя и хрипя, тепловоз. Где-то там, в темноте, за облаком пыли и дыма, притаился враг. А может, его размазало по рельсам. Или он сбежал.

Закинув рюкзак на плечо, Данн обогнул тепловоз и двинулся по противоположной стороне, укрываясь за сошедшими с рельсов вагонами от непрошеного гостя — если, конечно, тот еще жив.

Изматывавшая его тревога, как ни странно, отступила. Смерти удалось избежать. Он, конечно, настраивался, собирался с духом (желание начальства — закон), но с посторонним вмешательством все разрешилось само собой.

Обходя локомотив, Данн невольно залюбовался громоздкой махиной. Американец, «Дэш 8-40В» производства «Дженерал электрик», старый, потрепанный, как и большинство тепловозов на Балканах, но по-прежнему красивый. Четыре тысячи лошадей. Стальные листы, колеса, клапаны, подшипники, пружины, трубки и шланги — прекрасные, элегантные в своей функциональной лаконичности. Как хорошо, что…

Из раздумий его выбило появление ковыляющего навстречу человека, зовущего на помощь. Машинист. Данн ответил двумя выстрелами в голову.

Как хорошо, что удалось избежать самого страшного и он не стал причиной гибели этой чудесной машины. Он погладил бок локомотива, как отец гладит по голове заболевшего сына, у которого только что спал жар. Через несколько месяцев тепловоз снова будет бегать по рельсам.

Вскинув рюкзак повыше на плечо, Найл Данн проскользнул между вагонами, собираясь приступить к работе.

Глава 5

Два выстрела, которые услышал Бонд, не задели вагон с опасным грузом — Бонд прикрывал его с тридцати ярдов. Скорее всего жертвами стали машинист с помощником.

И тут в облаке пыли показался Ирландец. Сжимая пистолет, злоумышленник шагал между двумя вставшими под углом друг к другу вагонами с металлоломом, прицепленными сразу за тепловозом. За плечом у него висел рюкзак — судя по всему, полный, значит, если он собирался взорвать контейнеры с токсичным веществом, то взрывчатку еще не подложил.

Прицелившись, Бонд выпустил две пули под ноги Ирландцу, отгоняя его обратно к «мерседесу». Он подскочил от неожиданности и поспешно скрылся, пригибаясь.

Бонд взглянул на пути с противоположной стороны, стороны ресторана, — и стиснул зубы. Сербы не выполнили приказ. Вместо этого они захватили у депо подручного Ирландца и, повалив на землю, стянули ему запястья нейлоновыми наручниками. Теперь оба двигались к поезду.

«Безалаберность…»

Бонд вскочил и, пригибаясь, побежал к ним.

Рюкзак теперь стоял на земле, в зарослях бурьяна у самого тепловоза, и за ним кто-то прятался. Пригибаясь, сербы осторожно продвигались вперед.

Рюкзак, конечно, Ирландца. А вот прячется за ним точно не он. Скорее всего там тело машиниста.

— Нет, — прошептал Бонд в переговорник. — Это ловушка! Вы меня слышите?

Но старший серб не слушал. С криком: «Ne mrdaj! Ни с места!» — он шагнул вперед.

В этот момент Ирландец высунулся из кабины локомотива и выстрелил ему в голову. Серб упал как подкошенный.

Его напарник, решив, что стреляют с земли, из-за рюкзака, разрядил автомат в мертвое тело машиниста.

— Осторожно! — крикнул Бонд.

Но было поздно. Ирландец снова высунулся из кабины и прострелил младшему сербу правую руку у самого локтя. Тот выронил автомат и с криком повалился навзничь.

Спрыгнув с поезда, Ирландец дал с полдюжины выстрелов в сторону Бонда, который открыл ответный огонь, целя по ногам. Не попал. Ирлан-

дец сунул пистолет в кобуру, вскинул на плечо рюкзак и потащил младшего серба к «мерседесу». Оба исчезли.

Бонд метнулся к «джетте», прыгнул за руль и дал по газам. Через пять минут, перелетев через пригорок, он затормозил на пустыре за рестораном «Роштиль». Там царила паника, посетители и персонал в ужасе разбегались. «Мерседеса» не было видно. Зато стало ясно, что Ирландец пристрелил не только старшего серба, но и своего подельника. Тот со связанными руками лежал ничком — мертвый.

Выскочив из «джетты», Бонд обыскал тело, однако Ирландец успел сам пройтись по карманам, вытащив и бумажник, и все остальное. Тогда Бонд достал свои солнечные очки «Окли» и, протерев стекло дочиста, прижал к нему большой и указательный пальцы убитого. Снова усевшись за руль «джетты», он помчался догонять «мерседес», выжимая семьдесят миль в час на петляющей, усеянной выбоинами дороге.

Через несколько минут на обочине впереди что-то мелькнуло в лучах фар. Бонд резко нажал на тормоз, не обращая внимания на то, что машину заносит, и остановился, выпустив клубы дыма, в нескольких ярдах от младшего серба. Выйдя

из машины, агент склонился над трясущимся и подвывающим парнем. Рана в руке оказалась серьезной, он потерял много крови. Одна нога была разута, и на пальце не хватало ногтя. Ирландец его пытал.

Открыв складной нож, Бонд острым как бритва лезвием разрезал на парне рубашку и лентой ткани замотал ему руку, а потом затянул повязку, просунув под нее валявшуюся неподалеку палку.

— Куда он отправился? — спросил Бонд, наклоняясь над сербом и отирая испарину с его лба.

Тот, глотнув воздух, что-то забормотал на сербскохорватском, корчась от невыносимой боли, затем, узнав Бонда, проговорил:

— Позвоните брату… Вы должны отвезти меня в больницу.

— Мне нужно знать, куда он отправился.

— Я ничего не сказал. Он пытался… Но я про вас ни слова.

Несомненно, парень выложил Ирландцу все подчистую, но это сейчас не имело значения.

— Куда он поехал? — повторил Бонд.

— В больницу… Отвезите меня, я все скажу.

— Выкладывай, или через пять минут тебе конец, — ровным голосом проговорил Бонд, ослабляя повязку. Кровь хлынула ручьем.

Парень сморгнул слезы.

— Сволочь!.. Ладно. Он спрашивал, как выехать на скоростную магистраль Е-75. Она ведет в Венгрию. На север отправился. Пожалуйста, прошу вас!

Бонд снова затянул повязку. Ни на какой север Ирландец, конечно же, не едет. Такому умному и расчетливому тактику не нужны пояснения. Бонд почувствовал в противнике родственную преданность делу. Наверняка еще до прибытия в Сербию он досконально изучил всю карту окрестностей Нови-Сада и сейчас двинется на юг по Двадцать первому шоссе — единственной ближайшей крупной дороге, на Белград или под Белград, откуда его заберут.

Обыскав карманы серба, Бонд вытащил мобильный и набрал номер для экстренной связи — 112. Когда в трубке раздался женский голос, установил телефон на землю у губ парня и помчался обратно к «джетте». Выжимая предельную на ухабистой дороге скорость, он весь ушел в сложные манипуляции с рулем и педалями.

На крутом повороте машину занесло на встречную. Показавшаяся впереди большая фура с кириллическим логотипом, сердито загудев, ушла в сторону, и Бонд, разминувшись с ней

буквально в дюйме, вильнул обратно на свою полосу. Во что бы то ни стало следовало догнать Ирландца — он был единственной ниточкой, тянувшейся к Ною и тысячам жертв намеченной на пятницу катастрофы.

Через пять минут на подъезде к Двадцать первому шоссе Бонд замедлил ход. Впереди мигали оранжевые вспышки, к небу, застилая луну и звезды, поднимались клубы черного дыма. Вскоре стало видно место аварии. Не вписавшись в крутой поворот, Ирландец выехал на широкую, заросшую травой обочину, оказавшуюся на самом деле никакой не обочиной. Полоска кустарника скрывала крутой обрыв, на дне которого теперь и покоилась перевернутая машина с горящим капотом.

Подъехав ближе, Бонд заглушил мотор и вышел, а потом, вытащив «вальтер», полубегом, полускользя, спустился вниз, осматриваясь в поисках возможной опасности. У машины он остановился. Ирландец был мертв — висел вниз головой, пристегнутый ремнем безопасности. На потолок салона капала кровь.

Щурясь от дыма, Бонд выбил стекло со стороны места водителя, чтобы вытащить труп. Обыщет, возьмет мобильный и все остальное, что най-

дется по карманам, а потом вскроет багажник и заберет чемодан с ноутбуками.

Истошное завывание сирен вдалеке стало громче. Бонд оглянулся на дорогу. Пожарные в нескольких милях отсюда, скоро доберутся. Быстрее! Над капотом, распространяя вонючий дым, бушевало пламя.

Бонд принялся перепиливать ножом ремень и вдруг спохватился: «Пожарные? Так быстро? Странно. Полиция, да, само собой. Но пожарные?»

Ухватив труп за окровавленные волосы, он повернул его голову.

Не Ирландец. Бонд взглянул на куртку. Та же надпись на кириллице, что и на фуре, с которой он едва не столкнулся. Значит, Ирландец остановил фуру, перерезал горло водителю, пристегнул его ремнем к креслу и столкнул с обрыва, а потом вызвал полицию, чтобы создать затор на дороге и притормозить погоню.

Рюкзак и все остальное из багажника он, без сомнения, вынул сам. Однако на перевернутый потолок у заднего сиденья высыпались обрывки бумаги. Бонд сгреб их и сунул в карман, уворачиваясь от языков пламени. Затем вскарабкался бегом по склону к «джетте» и погнал в сторону

Двадцать первого шоссе, прочь от приближающихся мигалок и сирен.

По дороге Бонд выудил из кармана мобильный. Он напоминал айфон, но был побольше размером и напичкан оптическими, аудио- и прочими полезными приспособлениями. Сим-карт в аппарате было две: одна, чтобы регистрировать на официальное или неофициальное прикрытие агента, а вторая — секретная, с сотнями приложений и шифровальных программ.

(Поскольку телефон разработали в отделе «Кью», какой-то остряк в конторе на следующий же день окрестил его «ай-кью-фоном».)

Открыв приложение и установив приоритетную связь с центром слежения ЦПС, Бонд продиктовал описание желтой фуры. Компьютер в Челтнеме автоматически определит местонахождение агента и расходящиеся оттуда возможные маршруты, затем настроит спутник на вычисление подходящего по приметам грузовика в соответствующей зоне и установит слежку.

Через пять минут телефон загудел. Отлично. Бонд посмотрел на экран.

Однако сообщение оказалось не от ищеек, а от Билла Таннера, начальника штаба в организации, где служил Бонд. Заголовок «СРОЧНОЕ

ПОГРУЖЕНИЕ» означал тревогу.

Посматривая то на экран, то на шоссе, Бонд прочел:

> Перехвачено ЦПС: сербский оперативник, поступивший под твое начало по «Инциденту-20», по дороге в больницу скончался. Обвиняешься в неоказании помощи. У сербов приказ о твоем аресте. Снимайся немедленно.

Понедельник
Мусорщик

Глава 6

Проспав три с половиной часа, Джеймс Бонд проснулся в семь утра в своей квартире в Челси от писка электронного будильника в мобильном. Взгляд уперся в белый потолок маленькой спальни. Дважды моргнув, Бонд, превозмогая боль в плече, голове и коленях, скатился с двуспальной кровати, подгоняемый желанием поскорее напасть на след Ирландца и Ноя.

Одежда, в которой он ездил в Нови-Сад, валялась на паркете. Подобрав ее, Бонд сунул тактическое обмундирование в тренировочную сумку, а остальные вещи — в корзину для грязного белья, облегчая задачу Мэй — чудесной домработнице-шотландке, которая трижды в неделю приходила налаживать его быт. Еще не хватало, чтобы она подбирала за ним барахло.

Не одеваясь, он прошествовал в ванную, включил самый горячий, чтобы едва можно было терпеть, душ и принялся тереть кожу мылом без запаха. Затем, переключив на холодную, постоял, сколько смог, под ледяными струями, вышел и вытерся насухо, попутно разглядывая вчерашние травмы. Два больших баклажанно-фиолетовых

синяка на ноге, несколько ссадин и на плече царапина от осколка. Ничего серьезного.

Брился он тяжелой безопасной бритвой с двойным лезвием и ручкой из буйволиного рога. Причем пользовался этим изысканным прибором, предпочитая его одноразовым пластмассовым станкам, не из экологических соображений, а потому что его лезвие брило чище и требовало в обращении определенного мастерства. Джеймс Бонд любил преодолевать препятствия даже в мелочах.

К четверти восьмого он уже был одет — в темно-синий костюм «Канали» с белой сорочкой из си-айлендского хлопка и шелковым галстуком винного цвета (сорочка и галстук «Тернбулл энд Эссер»). На ногах — черные ботинки без шнурков; шнурки он признавал только в бойцовской обуви либо когда операция требовала передать другому агенту сообщение с помощью определенным образом завязанных шнурков.

На запястье скользнул браслет стальных тридцатичетырехмиллиметровых «Ролекс-ойстер-перпечуал», ничем, кроме окошка с датой, не обремененных. Лунные фазы и время прилива в Саутгемптоне Бонда не интересовали. Как наверняка и большинство населения Земли.

Чаще всего Бонд ходил на завтрак (самую любимую из всех трапез) в небольшой отельчик на соседней Понт-стрит. Иногда готовил себе сам одно из немногих блюд, которые умел состряпать из кухонных запасов: яичницу-болтунью с ирландским маслом. К ней прилагался бекон и хрустящий тост из непросеянной муки, тоже с ирландским маслом и апельсиновым джемом.

Однако сегодня, поскольку «Инцидент-20» требовал немедленных действий, было не до завтрака. Бонд просто сварил себе обжигающе крепкого ямайского кофе «Блю маунтин» и выпил его из фарфоровой чашки под «Радио-4», включенное, чтобы можно было узнать, попали ли вчерашние погибшие и сошедший с рельсов поезд в сводку новостей. Судя по всему, не попали.

Бумажник и наличные — в карманах, ключи от машины тоже. Осталось взять со стола целлофановый пакет с привезенными из Сербии уликами и запертый стальной контейнер с оружием и патронами, которые в пределах Великобритании Бонд не имел законного права носить.

Он сбежал по лестнице на первый этаж своей квартиры — перестроенной из двух просторных конюшен — и, открыв дверь, вышел в гараж. В тесном помещении еле хватало места для двух

автомобилей, запасных шин и инструментов. Бонд уселся за руль «Бентли-континенталь-GT», характерного гранитно-серого цвета с густо-черным кожаным салоном.

Турбированный двенадцатицилиндровый двигатель ответил ровным урчанием. Поставив рычаг на первую передачу, Бонд плавно выехал на дорогу, оставив в гараже второй автомобиль, не такой мощный и более норовистый, однако не уступающий первому в элегантности — «Ягуар-E-type» 1960 года выпуска, отцовское наследство.

Лавируя в потоке машин, Бонд катил на север вместе с десятками тысяч других водителей, разъезжавшихся по офисам и начинавших новую трудовую неделю. Впрочем, сам Бонд в тривиальный образ лондонского служащего не вписывался.

Как и его работодатели.

Три года назад Джеймс Бонд сидел за серым столом в монументальном сером здании Министерства обороны на улице Уайтхолл, из окна виднелось небо — вовсе не серое, а голубое, будто высокогорное шотландское озеро ярким летним днем. Уйдя из резерва ВМФ и не имея ни малейшего желания заниматься счетами в «Саачи и Саачи» или подбивать баланс в Национальном

Вестминстерском банке, он позвонил бывшему приятелю по фехтовальной команде Феттес-колледжа, и тот надоумил его податься в военную разведку.

Насидевшись над аналитическими отчетами, одновременно и занудными, и крайне важными, он поинтересовался у начальника, есть ли вероятность получить более живую работу.

И вскоре получил загадочное послание, написанное от руки, а не электронное, с приглашением на обед в «Трэвеллерс-клуб» на Пэлл-Мэлл.

В назначенный день Бонда проводили в обеденный зал и усадили за столик в углу напротив солидного мужчины лет шестидесяти пяти, отрекомендовавшегося как Адмирал. Серый его костюм идеально подходил к глазам. Брыластые щеки, россыпь родимых пятен на макушке, просвечивающих сквозь зачесанные назад редеющие пегие, с проседью, волосы. Адмирал встретил Бонда пристальным немигающим взглядом, в котором не было ни вызова, ни презрения, ни явной оценки. Бонд выдержал этот взгляд без труда — того, кому доводилось и убивать, и смотреть в лицо смерти, взглядом не испугаешь. Однако он понимал, что мысли этого человека для него потемки.

Обошлись без рукопожатия.

Принесли меню. Бонд заказал палтуса на пару́ под голландским соусом, с вареным картофелем и спаржей. Адмирал выбрал запеченные на гриле почки с беконом.

— Вина? — спросил он Бонда.

— Да, пожалуй.

— Выбирайте.

— Думаю, бургундского. «Кот-де-Бон» или шабли?

— Может быть, «Пюлиньи» Алекса Гамбала?

— Отлично.

Бутылку принесли тотчас же. Продемонстрировав этикетку, официант налил немного в бокал Бонда. Вино было отменное — оттенка бледного масла, с земляными нотами, идеальной температуры, не переохлажденное. Бонд пригубил, кивнул одобрительно, и бокалы наполнили до половины.

— Мы оба с вами бывшие военные, — хрипловатым голосом начал Адмирал, когда официант удалился. — Разговоры о погоде нам ни к чему. Я пригласил вас, чтобы предложить работу.

— Я так и полагал, сэр, — ответил Бонд. Слово «сэр» добавилось само собой, помимо его воли.

— Вам, наверное, известно принятое в «Трэвел-

лерс» правило — не трясти рабочими документами. Боюсь, нам придется его нарушить. — Старик вытащил из нагрудного кармана конверт и передал Бонду. — Своего рода подписка о неразглашении государственной тайны.

— Но я уже подписывал…

— Разумеется. Для военной разведки, — оборвал его старик. — Эта позубастее. Ознакомьтесь.

Бонд ознакомился. Да, определенно позубастее.

— Если вы не заинтересованы подписывать, то давайте продолжим обед, обсудим недавние выборы, ловлю форели в северных реках или то, как треклятые новозеландцы снова обыграли нас на прошлой неделе — и разойдемся по своим конторам, — приподняв кустистую бровь, предложил Адмирал.

После секундного раздумья Бонд поставил под документом росчерк и вернул бумагу собеседнику. Документ исчез.

Еще глоток вина.

— Вы слышали об Управлении специальных операций? — поинтересовался Адмирал.

— Да, слышал.

Еще бы. Среди немногочисленных кумиров Бонда Уинстон Черчилль занимал почетное место. Военная и репортерская молодость, которую

Черчилль провел на Кубе и в Судане, внушила ему большое уважение к партизанским отрядам, поэтому позже, когда разразилась Вторая мировая, они с министром экономической войны Хью Далтоном создали УСО, чтобы вооружать участников движения сопротивления и десантировать британских разведчиков и диверсантов. Так называемая тайная армия Черчилля ощутимо подорвала фашистские силы.

— Хорошая контора, — заметил Адмирал и добавил сварливо: — Только ее прикрыли после войны. Межведомственные нестыковки, организационные проблемы, междуусобица с МИ-6 и Уайтхоллом… — Он отпил вина, и в разговоре повисла пауза. Оба собеседника занялись едой, отменное качество которой Бонд не преминул похвалить. — Да, здешний шеф-повар знает, что делает, — пробурчал старик. — На американское телевидение не рвется. Вам известно, как образовались «Пятерка» и «Шестерка»?

— Да, сэр, я много о них читал.

В 1909 году ввиду опасений по поводу войны с Германией и внедрения немецких шпионов (опасений, навеянных, как ни странно, остросюжетными романами) Адмиралтейство и Министерство сухопутных войск сформировали

Бюро секретной службы. Однако вскоре Бюро распалось на Пятый отдел Управления военной разведки (МИ-5), занимающийся внутренней безопасностью, и на Шестой отдел (он же МИ-6), ведающий вопросами внешней разведки. «Шестерка» завоевала со временем статус старейшей в мире непрерывно действующей разведывательной организации, как ни пытались китайцы этот статус оспорить.

— Тогда скажите, что их объединяет?

Бонд в замешательстве промолчал.

— Внешняя отстраненность, — буркнул старик. — И «Пятерка», и «Шестерка» изначально создавались «отрезанными ломтями», чтобы ни Короне, ни премьер-министру, ни Кабинету, ни Министерству сухопутных войск не пришлось марать руки, занимаясь таким грязным делом, как шпионаж. Отсюда все беды. С «Пятерки» и «Шестерки» не сводят глаз. Подрихтованные досье, вторжение в частную жизнь, политический шпионаж, слухи о незаконной точечной ликвидации… Всем подавай прозрачность. И разумеется, никому нет дела, что война давно ведется другими методами и противник не играет по правилам. — Еще глоток вина. — В некоторых кругах есть мнение, что нам тоже пора сменить

правила игры. Особенно после одиннадцатого сентября и седьмого июля.[1]

— Итак, если я правильно понимаю, — начал Бонд, — вы говорите о создании организации, подобной УСО, но при этом не принадлежащей ни «Пятерке», ни «Шестерке», ни Министерству обороны.

Адмирал смотрел на Бонда в упор.

— Я читал рапорты о ваших боевых успехах — принадлежность к резерву ВМФ не помешала вам сражаться в передовых сухопутных частях. Пришлось поднапрячься, наверное. — Холодные глаза буравили Бонда. — Насколько я понимаю, вы провели в тылу ряд операций, не вошедших в официальные сводки. Благодаря вам некоторым подрывным планам врага так и не суждено было осуществиться.

Бонд собирался сделать еще глоток «Пюлиньи-Монтраше», вершины жизненного пути винограда шардонне, однако, услышав слова Адмирала, поставил бокал. Откуда у старого вояки такие подробности?

— В десантниках, умеющих управляться со

---

[1] Примечания: 1

7 июля 2005 г. террористы-смертники произвели в Лондоне четыре скоординированных взрыва: три в метро и один в автобусе. — *Здесь и далее примеч. пер.*

штыком и винтовкой, у нас недостатка нет, — продолжал старик негромким ровным голосом. — Но не всегда от них есть толк в других, скажем так, более тонких делах. И напротив, у нас имеется уйма талантливых агентов из «Пятерки» и «Шестерки», великолепно разбирающихся… — он показал взглядом на бокал, стоящий перед Бондом, — в оттенках нот «Кот-де-Бон» и «Кот-де-Нюи» и говорящих по-французски не менее бегло, чем по-арабски, но при этом теряющих сознание при виде крови — как своей, так и чужой. — Стальные глаза впились в Бонда. — Вы обладаете довольно редким сочетанием достоинств. — Адмирал опустил вилку с ножом на тарелку из костяного фарфора. — Теперь к вашему вопросу.

— Моему?

— Да, о новом Управлении специальных операций. Ваша догадка верна. По сути, оно уже существует. Хотите стать его сотрудником?

— Да, — ответил Бонд не раздумывая. — Хотя прежде мне следовало бы спросить, чем именно оно занимается.

Адмирал ответил не сразу, словно хотел добиться максимального эффекта от своих слов.

— Наша задача проста. Мы защищаем Родину — чего бы это ни стоило.

Глава 7

И вот теперь, после получасового лавирования, без которого не обходится езда по центральным улицам Лондона, Бонд приближался к главному зданию этой самой организации неподалеку от Риджентс-парка.

Название организации — Группа международных программ — обтекаемостью не уступало УСО, а во главе ее стоял Адмирал, известный под прозвищем Эм.

Официально ГМП помогала британским компаниям открывать и развивать зарубежные филиалы, а также вкладывать средства за границей. Она давала Бонду ОП — официальное прикрытие: он числился системным аналитиком в сфере безопасности, в обязанности которого входило ездить по всему миру и оценивать финансовые риски.

Однако стоило ему сойти с трапа самолета, как он обретал НП — неофициальное прикрытие: убирал с глаз долой таблицы «Эксель», надевал тактическое обмундирование «5.11» и вооружался винтовкой калибра 308 с оптическим прицелом «Никон Бакмастер». Или облачался в

элегантный костюм с Сэвил-роу и шел в какой-нибудь частный киевский клуб играть в покер с чеченским торговцем оружием, чтобы взглянуть на его охрану в преддверии главной операции предстоящего вечера — переправки боевика на засекреченный пункт в Польше.

ГМП, затерявшаяся в сложной иерархии Министерства иностранных дел и по делам Содружества, располагалась в узком шестиэтажном эдвардианском здании на тихой улочке близ Девоншир-стрит. От шумной и оживленной Мэрилебон-роуд ее отделяли кварталы скучных, но служащих отличной маскировкой адвокатских контор, неправительственных организаций и частных клиник.

У въезда в тоннель, ведущий на подземную парковку под зданием, Бонд посмотрел в сканер сетчатки, затем прошел идентификацию еще раз, уже у человека. Шлагбаум поднялся, и Бонд проехал на стоянку.

Лифт, предварительно просканировав голубые глаза посетителя, отвез его на первый этаж. Миновав тир, Бонд зашел в оружейную и вручил запертый стальной контейнер рыжеволосому Фредди Мензису, бывшему капралу САС и непревзойденному специалисту по огнестрельному

оружию. Он позаботится о том, чтобы «вальтер» почистили, смазали, проверили и зарядили предпочитаемыми Бондом патронами.

— Ваша ласточка будет готова через полчаса, — пообещал Мензис. — Как она, ноль-ноль-семь, умницей была?

При всей любви к некоторым своим профессиональным атрибутам, Бонд их не персонифицировал. И, если уж на то пошло, «вальтер» 40-го калибра, даже компактной полицейской модели, должен быть мужского рода.

— С задачей справился, — ответил Бонд.

Поднявшись на лифте на четвертый этаж, он повернул налево и зашагал по невыразительному коридору, скучные, выкрашенные белой краской и уже слегка обшарпанные стены которого украшали батальные сцены, а также картины с видами Лондона от времен Кромвеля до королевы Виктории. Подоконники кто-то оживил цветочными композициями — искусственными, разумеется, поскольку для ухода за живыми растениями пришлось бы нанимать дополнительный персонал.

В конце открытого зала, уставленного рабочими столами, Бонд заметил молодую женщину. Утонченная — так он ее мысленно охаракте-

ризовал, когда впервые увидел месяц назад. В ГМП ее перевели временно, в рамках ротации кадров. Миловидное, с высокими скулами, лицо девушки обрамляли медно-рыжие, россеттиевского оттенка волосы, спускавшиеся волнами на плечи. Подбородок украшала крошечная, очаровательная в своей легкой несимметричности, ямочка. Взгляд золотисто-зеленых глаз скрестился со взглядом Бонда, скользнувшим по точеной изящной фигуре — идеальной, на его вкус. Довершали образ коротко стриженные ногти без лака, черная юбка до колен и абрикосовая блузка под горло, при этом достаточно тонкая, чтобы под ней угадывалось кружево белья, — одновременно дерзкая и элегантная. Ноги обтягивал нейлон цвета кофе с молоком.

«Чулки или колготки?» — задал себе вопрос Бонд.

Офелия Мейденстоун служила в МИ-6 специалистом по анализу разведданных. В ГМП ее зачислили координатором, поскольку организация занималась не сбором разведданных, а тактическими и оперативными мероприятиями. Как и Кабинет с премьер-министром, ГМП, скорее, потребляла «продукт», то есть разведданные, основным поставщиком которых была

«Шестерка».

Внешность и прямолинейный характер Филли произвели впечатление на Бонда, однако еще больше его впечатлили ее находчивость и усердие. Не менее притягательной оказалась и любовь Филли к вождению. Ее сердце принадлежало «БСА-спитфайру», знаменитому «А-65» 1966 года, одному из самых красивых мотоциклов на свете. Не самый мощный из сошедших с конвейера «Бирмингем смолл армз», зато настоящая классика. При правильной отладке (а ее умница Филли проводила сама) срывался с места, оставляя на старте черные следы сожженной резины. Филли, как оказалось, ездила в любую погоду и обзавелась утепленным кожаным летным комбинезоном, позволяющим выезжать на трассу когда заблагорассудится. Представив себе этот обтягивающий наряд, Бонд вопросительно изогнул бровь — и получил в ответ саркастическую улыбку.

Еще выяснилось, что Филли помолвлена. В кольце, на которое Бонд сразу обратил внимание, блестел рубин.

Ясность была внесена.

Сейчас Филли встретила его заразительной улыбкой:

— Джеймс, здравствуй! Почему ты на меня так смотришь?

— Ты мне нужна.

Она заправила за ухо выбившуюся прядь.

— С удовольствием помогу, чем сумею, но у меня срочный материал для Джона. Он в Судане. А Судан на грани войны.

Суданцы воевали с британцами, египтянами, остальными африканскими соседями и между собой больше сотни лет. Восточный фронт — коалиция суданских земель вдоль Красного моря — намеревался отделиться и основать умеренно светское государство, чего диктаторское правительство в Хартуме никак допустить не могло.

— Знаю, сначала меня хотели отправить именно туда, — ответил Бонд. — А затем передумали и кинули в Белград.

— Там кухня получше, — с нарочитой серьезностью заявила девушка. — Если, конечно, любишь сливы.

— Так вот, в Сербии я кое-что подобрал. Просто взгляни.

— У тебя, Джеймс, никогда ничего не бывает «просто».

У Филли загудел мобильный. Нахмурившись, она посмотрела на экран и взяла трубку. Послу-

шав, произнесла:

— Понятно. — Затем снова взглянула на Бонда. — Ты, кажется, подергал за нужные ниточки, — обратилась она к нему, нажав «отбой». — Или припугнул кого надо.

— Я? Да ты что?!

— Ладно, в Африке пока повоюют без меня. — Подойдя к соседнему закутку, девушка передала хартумскую эстафету другому сотруднику.

Бонд сел за ее рабочее место. Что-то тут неуловимо изменилось, хотя он и не мог понять, что именно. То ли Филли прибралась, то ли передвинула что-то — насколько это возможно в крохотном закутке.

— Ну, я вся твоя. — Филли внимательно посмотрела на Бонда. — Что там у нас?

— «Инцидент-20».

— А-а… Тогда вводи в курс дела, я ведь не входила в число посвященных.

Как и Бонд, Офелия Мейденстоун прошла проверку на благонадежность в Оборонном агентстве по проверкам и допускам, Форин офисе и Скотленд-Ярде, получив неограниченный допуск к материалам повышенной секретности, за исключением самых закрытых данных по ядерному оружию. Бонд вкратце изложил ей суть: Ной,

Ирландец, намеченная на пятницу катастрофа, сербская диверсия. Девушка аккуратно делала пометки.

— Тебе придется поиграть в инспектора сыскной полиции. Вот все, что у нас есть. — Бонд передал ей пакет с обрывками бумаги, подобранными в горящей машине под Нови-Садом, и с его собственными солнечными очками. — Нужно как можно скорее установить личность — ну и все остальное, что сможешь отсюда выжать.

Сняв трубку, Офелия попросила забрать материалы на анализ в лабораторию МИ-6, а если этого будет недостаточно, то в криминалистический отдел Скотленд-Ярда.

— Сейчас прибудет курьер, — сказала она Бонду, нажав «отбой», а потом подцепила два клочка бумаги, взяв из ящика стола пинцет. Первый обрывок оказался счетом из паба в окрестностях Кембриджа, к сожалению, оплаченным наличными.

На втором обрывке значилось: «Бутс — Март. 17. Не позже». Шифр — или напоминание двухмесячной давности забрать что-то в аптеке?

— А очки зачем? — спросила девушка, заглянув в пакет.

— В центре правого стекла — отпечатки паль-

цев сообщника Ирландца. В его карманах ничего не нашлось.

Офелия скопировала оба обрывка, вручила одну копию Бонду, другую оставила себе, а оригиналы вернула обратно в пакет, к очкам.

Затем Бонд рассказал ей про опасное вещество, которое Ирландец пытался слить в Дунай.

— Нужно выяснить, что там было. И чем именно грозил разлив. Боюсь, я погладил сербов против шерсти, и со мной они больше сотрудничать не станут.

— Разберемся.

У Бонда зажужжал телефон. На экран можно было не смотреть, щебечущий звонок уже подсказал, кого он услышит в трубке.

— Манипенни?

— Здравствуй, Джеймс, — ответила женщина грудным голосом. — С возвращением.

— Эм? — спросил агент.

— Эм.

Глава 8

На табличке у двери кабинета на верхнем этаже значилось: «Генеральный директор».

Бонд вошел в приемную, где за аккуратным столом сидела женщина лет тридцати с небольшим, одетая в темный пиджак почти такого же оттенка, как у Бонда, поверх бледно-кремового топика. Продолговатое царственно-красивое лицо — и глаза, в которых холодная строгость сменялось сочувствием быстрее, чем переключаются передачи в болиде «Формулы-1».

— Здравствуй, Манипенни.

— Подожди минутку, Джеймс. Там снова Уайтхолл на проводе.

Спина прямая, ни одного лишнего движения. Гладкая прическа, волосок к волоску. Бонд в очередной раз отметил, что военную выправку не вытравишь — на свою нынешнюю должность референта Эм девушка перешла из британского ВМФ.

В один из первых своих дней в ГМП Бонд, сверкнув ослепительной улыбкой, уселся в ее рабочее кресло.

— Лейтенантом уволилась, Манипенни? Я бы

предпочел быть под тобой, а не над, — грубовато пошутил Бонд, покинувший ВМФ в чине коммандера — капитана второго ранга.

Вместо заслуженного отпора в ответ он получил изящное и мягкое:

— Жизнь показала, Джеймс, что любая позиция хороша — при наличии опыта. И я не сомневаюсь, что по этой части мне до тебя ой как далеко.

Быстрый остроумный ответ, обращение по имени и сияющая улыбка раз и навсегда расставили точки над i: Бонду указали на место, при этом открыв возможность для дружеских отношений. Такими они и были — теплыми, близкими, но сугубо профессиональными. (Впрочем, Бонд тешил себя мыслью, что из всех агентов категории «ноль-ноль» к нему она больше всего неравнодушна.)

— Говорят, тебе там нелегко пришлось? — нахмурилась Манипенни, окинув Бонда взглядом.

— Пожалуй.

Она оглянулась на закрытую дверь в кабинет Эм.

— Ситуация с Ноем очень непростая, Джеймс. Агентурные сообщения так и сыплются. Вчера шеф ушел в девять вечера, сегодня пришел в пять утра. Беспокоился о тебе, — добавила она

шепотом.

Лампочка на телефонном аппарате погасла. Манипенни нажала кнопку и произнесла в неприметный микрофон:

— Ноль-ноль-семь, сэр.

Она кивнула на дверь, и над притолокой загорелась табличка «Не беспокоить». Загорелась, разумеется, бесшумно, однако Бонду всегда чудился при этом лязг отодвигаемого с той стороны засова, впускающего в средневековую темницу очередного узника.

— Доброе утро, сэр.

Эм ничуть не изменился с той встречи в «Трэвеллерс-клубе», состоявшейся три года назад, и даже серый костюм на нем, казалось, был тот же. Повинуясь приглашающему жесту хозяина кабинета, Бонд уселся в одно из двух рабочих кресел, стоящих перед большим дубовым столом.

На полу лежал ковер, вдоль стен высились стеллажи с книгами. Вид из окна напоминал, что здание располагается на стыке старого и нового Лондона. Историческая застройка Мэрилебон-Хайстрит на западе резко контрастировала с металлом и стеклом небоскребов, концептуальных скульптур сомнительного эстетического свойства и хитроумных лифтов на Юстон-роуд.

Весь этот пейзаж даже в самые солнечные дни выглядел мрачным, поскольку пуленепробиваемые и противовзрывные окна покрывала зеркальная пленка, защищающая от шпионских поползновений, на случай если изворотливый противник исхитрится зависнуть на воздушном шаре посреди Риджентс-парка.

Эм оторвался от записей и окинул Бонда внимательным взглядом:

— Медпомощь, я так понимаю, не потребовалась.

Ничего не упускает.

— Пустяки, пара царапин.

На столе разместились: желтый блокнот, сложное телефонное устройство, мобильный, эдвардианская латунная лампа и хьюмидор,[2] набитый узкими черными обрезанными сигарами, которые Эм иногда позволял себе выкурить по дороге на Уайтхолл или с Уайтхолла, либо в коротких прогулках по Риджентс-парку, куда его сопровождали только собственные мысли и двое телохранителей из отдела «П». О личной жизни Эм Бонд знал мало: живет в особняке эпохи Регентства у самого Виндзорского парка,

---

[2] Примечания: 2
Коробка для хранения сигар.

играет в бридж, любит рыбалку и пишет вполне профессиональные цветочные акварели. Ездил он на отполированном до блеска десятилетнем «роллс-ройсе», который водил представительный капрал морской пехоты по имени Энди Смит.

— Докладывайте, ноль-ноль-семь.

Эм не терпел невнятицы и многословия. Эканье, меканье и констатация очевидного были в равной степени неприемлемы. Собравшись с мыслями, Бонд вкратце обрисовал, что произошло в Нови-Саде, затем добавил:

— Я привез из Сербии кое-какие улики. Сейчас с ними разбирается Филли, попутно выясняя, какого рода вещество везли в тех вагонах.

— Филли?

Бонд вспомнил, что шеф не любит уменьшительные имена и прозвища, при том что его самого в организации величали исключительно инициалом.

— Офелия Мейденстоун. Координатор из «Шестерки». Если там хоть что-то можно выжать, она выжмет.

— Ваше прикрытие в Сербии?

— Я действовал «под чужим флагом». На самом верху БИА, в Белграде, про мою принадлежность к ГМП и про цель моего приезда известно, а

для оперативников я прибыл якобы из некой британской миротворческой организации. Мне пришлось упомянуть и про Ноя, и про намеченную на пятницу акцию — вдруг оперативникам БИА удастся напасть на след. Но если Ирландец что-то и выпытал у младшего, ничего существенного ему все равно узнать не удалось.

— Скотленд-Ярд и «Пятерка» интересуются, не была ли диверсия в Нови-Саде репетицией аналогичного теракта уже здесь, в Британии. Что, если в Сербии они устроили пробный прогон?

— Я об этом тоже думал, сэр. Но в таком деле особых репетиций не требуется. Кроме того, сообщник Ирландца провернул диверсию за три минуты, а в Британии дороги наверняка устроены посложнее, чем захолустная сербская грузовая ветка.

Кустистая бровь скептически приподнялась, и это означало, что предположение спорное.

— Вы правы, — согласился Эм. — На прелюдию к «Инциденту-20» не похоже.

Бонд подался в кресле вперед.

— Сэр, я предполагаю немедленно вернуться на станцию прослушивания. Въехать через Венгрию и развернуть операцию по выслеживанию и поимке Ирландца. Прихвачу с собой парочку

наших агентов категории «один-один», разыщем угнанную фуру. Трудновато, но…

Эм покачал головой, откидываясь на спинку своего потертого трона.

— Тут есть небольшая загвоздка, ноль-ноль-семь, касающаяся непосредственно вас.

— Вопреки всем утверждениям Белграда, погибший оперативник…

Эм нетерпеливо отмахнулся:

— Да-да, разумеется, они сами виноваты. Никто не сомневается. Оправдания — признак слабости, ноль-ноль-семь.

— Простите, сэр.

— Я говорил о другом. Вчера ночью Челтнем получил спутниковый снимок той фуры, на которой скрылся Ирландец.

— Отлично, сэр. — Значит, расчет на отслеживающее приложение сработал.

Однако, судя по хмурому взгляду Эм, радоваться было рано.

— Примерно в пятнадцати милях к югу от Нови-Сада фура съехала с шоссе, и Ирландец перебрался в вертолет. Никаких номеров, никакой регистрации, но в ЦПС имеется измерительно-сигнатурный портрет.

Измерительно-сигнатурная разведка опира-

ется на высокие разведывательные технологии. Кроме нее бывает еще разведка электронная — если информация поступает из электронных источников (микроволновых или радиопередатчиков); разведка видовая — разведданные, представленные в виде фото или спутниковых снимков; радиоэлектронная разведка, занимающаяся мобильными телефонами и электронной перепиской, и разведка агентурная, «человеческая». Приборы измерительно-сигнатурной разведки собирают и обрабатывают параметры тепловой энергии, звуковых волн, воздушных потоков, вибрации вертолетных винтов, выхлопа реактивных двигателей, изменения скорости и тому подобное.

— Вчера ночью «Пятерка» получила измерительно-сигнатурный портрет, совпадающий с портретом того вертолета, на котором сбежал Ирландец.

Вот черт! Если МИ-5 нашла вертолет, значит, противник в Англии. Ирландец — единственная ниточка к Ною и «Инциденту-20» — ушел прямиком туда, где Бонд не вправе его преследовать.

— Вертолет приземлился к северо-востоку от Лондона, — продолжал Эм, — примерно в час ночи. И исчез. Следы потерялись. — Он покачал

головой. — Не понимаю, почему Уайтхолл, наделяя нас полномочиями, не мог дать большую свободу действий в пределах нашей же страны. Это ведь несложно. Вот загнали бы вы Ирландца на «Лондонский глаз» или в Музей мадам Тюссо — и что дальше? Звонить девять девять девять? Кругом глобализация, Интернет, Евросоюз — а мы не можем выследить преступника в собственной стране!

Логика, впрочем, понятна. МИ-5 блестяще проводит расследования. МИ-6 — мастер «подрывной деятельности» и сбора разведданных за рубежом, ей ничего не стоит, подбросив дезу, развалить террористическую группировку изнутри. Группа международных программ идет еще дальше, временами (хоть и нечасто) отдавая агентам категории «ноль-ноль» приказ уничтожить государственного врага. Однако проводить подобные операции в пределах Великобритании, при всей их моральной и тактической оправданности, значит дразнить блоггеров и писак с Флит-стрит. Да и королевские обвинители не преминут сказать по этому поводу свое веское слово.

Политика политикой, но Бонд не собирался бросать «Инцидент-20». Ирландец задел его за живое, тем не менее Эм он ответил взвешенно и

рассудительно:

— Полагаю, сэр, мне ничто не мешает разыскать этого человека и выведать, что они с Ноем затеяли. Я хотел бы продолжить расследование, сэр.

— Отлично. И я хотел бы того же, ноль-ноль-семь. Я говорил сегодня утром с «Пятеркой» и с отделом Скотленд-Ярда по спецоперациям. Оба ведомства готовы отвести вам роль консультанта.

— Консультанта? — горько усмехнулся Бонд, но вовремя сообразил, каких трудов стоило Эм договориться хотя бы об этом. — Спасибо, сэр.

Эм отмел благодарности небрежным кивком:

— Вы будете работать с человеком из Третьего отделения. Некто Осборн-Смит.

Третье отделение… Британская служба безопасности и полиция ведут вполне человеческую жизнь: появляются на свет, заключают брачные союзы, дают потомство, умирают и даже, как однажды пошутил Бонд, меняют пол. Третье отделение — из числа самых младших на сегодня отпрысков. Некоторым образом соприкасается с «Пятеркой», примерно как подразделение ГМП связано призрачной ниточкой с МИ-6.

«Внешняя отстраненность…»

В отличие от «Пятерки», обладающей широки-

ми возможностями для разведки и наблюдения, но лишенной бойцов и полномочий на арест, Третье отделение располагает в том числе и последними. «Подразделение 3» — это засекреченная обособленная группа, состоящая из тех, кто в совершенстве овладел высокими технологиями, чиновников и крутых бойцов воздушного и морского десанта, вооруженных по последнему слову техники. Бонда сильно впечатлили последние проведенные ими операции по захвату террористических группировок в Олдеме, Лидсе и Лондоне.

Эм смотрел на Бонда немигающим взглядом.

— Я знаю, ноль-ноль-семь, вы привыкли получать карт-бланш и действовать исходя из собственных соображений. Ваша тяга к независимости себя оправдывала. В прошлом. — Короткое мрачное молчание. — По большей части. Однако здесь ваши полномочия ограничены. Значительно. Я внятно излагаю?

— Да, сэр.

«Прощай, карт-бланш, — сердито подумал Бонд. — Здравствуй, замызганный карт-гри[3]».

Еще один хмурый взгляд от Эм.

---

[3] Примечания: 3

Carte grise — документ о регистрации автотранспортного средства, технический паспорт *(фр.)*.

— Теперь об осложнениях. Конференция по безопасности.

— Конференция?

— Разве вы не читали протокол брифинга с Уайтхолла? — с раздражением спросил Эм.

Административные протоколы о внутриправительственных делах Бонд и в самом деле не читал.

— Виноват, сэр.

Эм прищурился.

— В Британии насчитывается тринадцать органов службы безопасности. Возможно, с сегодняшнего утра стало больше. Главы «Пятерки», «Шестерки», СОКА, Объединенного аналитического центра по борьбе с терроризмом, Антитеррористического отдела полиции, Военной разведки — и я в том числе — соберутся на три дня в Уайтхолле ближе к концу недели. Ах да, еще ЦРУ и несколько гостей с континента. Будут брифинги по Исламабаду, Пхеньяну, Венесуэле, Пекину и Джакарте. И непременно заявится какой-нибудь молодой аналитик в гарри-поттеровских очочках, продвигающий теорию, что исландский вулкан разбудили чеченские боевики! Очень некстати вся эта канитель. — Он вздохнул. — Связи со мной практически не бу-

дет. Ответственным за операцию «Инцидент-20» остается начальник штаба.

— Да, сэр. Я с ним свяжусь.

— Приступайте, ноль-ноль-семь. И помните: вы действуете в Великобритании. Считайте ее новой, незнакомой для себя страной. Что означает: Бога ради, помягче с аборигенами!

Глава 9

— Картина малоприятная, сэр. Вы точно хотите взглянуть?

— Да, — без раздумий ответил он бригадиру.

— Ясно. Сейчас я вас отвезу.

— Кто еще в курсе?

— Только начальник смены и тот парень, который обнаружил. Они будут молчать, если вам так надо, — добавил бригадир, покосившись на босса.

Северан Хайдт ничего не ответил.

Под хмурым и пыльным небом они вдвоем сошли с погрузочной платформы у старинного главного здания компании и направились к расположенному рядом автопарку. Там они сели в мини-вэн с логотипом «Грин уэй энтерпрайзис» — название на фоне распускающегося весеннего листа. Вообще-то дизайн показался Хайдту издевательски попсовым, но, согласно отчетам, логотип хорошо приняли в фокус-группах, а значит, эффективность рекламы обеспечена. («Ах, эффективность…» — протянул он со скрытым презрением, однако проект неохотно одобрил).

Он был высоким — шесть футов три дюйма

— и широкоплечим. Колонноподобный торс скрывался в сшитом на заказ черном шерстяном пиджаке. В густых вьющихся черных волосах белела проседь, в бороде тоже. Желтоватые ногти были длинными, но аккуратно подпиленными — он отращивал ногти намеренно, а не просто забывал подстричь.

Темные ноздри и глаза казались еще темнее на вытянутом бледном лице, глядя на которое, никто не дал бы Хайдту его пятидесяти шести. По-прежнему сильный, он почти не утратил юношеской мускулистости.

Мини-вэн покатил по неприглядной территории — больше сотни акров приземистых построек, мусорных гор, контейнеров, и надо всем этим кружат чайки, поднимается дым, пыль…

Тлен…

Трясясь по ухабам, Хайдт невольно бросил взгляд на возвышающееся в полумиле сооружение. Новое, почти достроенное здание как две капли воды походило на двух своих собратьев, уже давно стоявших неподалеку. Пятиэтажные коробки с торчащими трубами, над которыми колыхалось жаркое марево. В старину мусоросжигательные печи назывались деструкторами, и это викторианское слово Северану Хайдту

очень нравилось. Британия первой в мире догадалась получать энергию из городского мусора. Пробный завод запустили в 1870-х в Ноттингеме, и вскоре сотни печей по всей стране стали перерабатывать тепло в электроэнергию.

Почти достроенный деструктор, выросший на территории предприятия по переработке и утилизации отходов, по сути, мало чем отличался от своих мрачных предков времен Диккенса. Разве что сепараторами и фильтрами для очистки вредных выбросов да большей производительностью. Сжигая полученное из мусора топливо, он вырабатывал энергию, поставляемую (с выгодой для предприятия) в электросети Лондона и пригородов.

Компания «Грин уэй энтерпрайзис» вписала последнюю на сегодняшний день страницу в долгую историю развития переработки и утилизации отходов в Британии. Еще Генрих IV своим указом повелел под страхом штрафа собирать и вывозить мусор с городских улиц. Берега Темзы очищали копающиеся в речном иле беспризорники — ради собственной выгоды, разумеется, а не за государственное жалованье, — а старьевщики продавали шерстяное тряпье на мануфактуры, где из него производили дешевую ткань под

названием «шодди». В Лондоне еще в XIX веке нанимали девушек и женщин перебирать и сортировать привозимый мусор. В 1890 году была основана Британская бумажная компания, перерабатывающая макулатуру.

«Грин уэй» располагалась в двадцати милях к востоку от Лондона, далеко за коробками офисных зданий на Собачьем острове, морской миной стадиона «О2», шумными Кэннинг-Тауном, Силвертауном и доками. Чтобы до нее добраться, нужно было съехать с шоссе А13 и двигаться по направлению к Темзе. Вскоре водитель упирался в узкую, неприветливую, даже отталкивающую дорогу, окруженную лишь низкорослым кустарником и бурьяном, бледным и прозрачным, как кожа умирающего. Полоска асфальта, казалось, вела в никуда, пока не переваливала через пригорок, за которым открывался внушительный комплекс «Грин уэй», окутанный вечной дымкой.

Мини-вэн остановился посреди этого мусорного царства, у обшарпанного контейнера шести футов высотой и двадцати — длиной. Рядом неловко переминались двое рабочих лет сорока с небольшим в рыже-коричневых комбинезонах. Приезд владельца компании уверенности им не

добавил.

— Ни фига себе! — прошептал один другому.

Хайдт знал, что их пугают его темные глаза, густая борода и внушительная фигура.

И еще ногти.

— Там? — спросил он.

— Там, сэр, — ответил за безмолвствующих рабочих бригадир, которого, судя по надписи, вышитой на комбинезоне, звали Джек Деннисон. — Давай, поторапливайся, не задерживай мистера Хайдта! — подстегнул он подчиненного.

Тот подскочил к борту контейнера и с некоторым усилием открыл широкую створку на пружине. Внутри громоздились горы непременных зеленых мусорных пакетов вперемешку со всяким хламом — бутылками, журналами и газетами, которые люди поленились рассортировать перед отправкой на помойку.

И человеческое тело.

Женское или подростковое, судя по комплекции. Определить было трудно, поскольку смерть настигла этого человека не один месяц назад. Хайдт наклонился и потыкал тело длинным ногтем.

Тело, похоже, все-таки женское.

Глядя на обвисшую кожу, торчащие кости, на

то, что осталось от плоти после совместных усилий крыс и насекомых, Хайдт почувствовал, как учащается сердцебиение.

— Никому ни слова, — велел он двум рабочим.

— Да, сэр.

— Конечно, сэр.

— Подождите там.

Они удалились. Хайдт взглянул на Деннисона, который кивком подтвердил, что рабочие не подведут. Хайдт не сомневался. Здесь работали четко, и «Грин уэй» напоминала скорее военную базу, а не мусороперерабатывающее предприятие. Строжайшие меры безопасности: никаких мобильных телефонов, вся исходящая корреспонденция просматривается, суровая дисциплина. Взамен — высокая, очень высокая, оплата. Как учит история, наемники-профессионалы обычно сражаются лучше, чем любители-рекруты, пока не иссякнет денежный поток, разумеется. Но в «Грин уэй» недостатка в средствах не испытывали. Избавление от ненужных людям вещей всегда было, есть и будет делом прибыльным.

Хайдт, оставшись один, вновь склонился над телом.

Человеческие останки здесь обнаруживали регулярно. То рабочие, разгребая строительный

мусор в зоне мелиорации, наткнутся на кости викторианской эпохи или на высохший скелет. То в контейнере попадется труп бродяги, которого сгубили непогода и холод или спиртное и наркотики. Иногда встречались погибшие насильственной смертью — их услужливо подкидывали на свалку сами убийцы.

Хайдт никогда не сообщал о подобных находках. Полиция была последней, кого он желал бы видеть у себя в гостях.

И кроме того, зачем расставаться с таким сокровищем?

Запах тлена — похожий на горьковатый запах мокрого картона — у большинства вызывал отвращение, однако Хайдта, всю жизнь занимавшегося отходами, он отталкивал не больше, чем механика отталкивает запах смазки или рабочего скотобойни — запах крови и требухи.

Бригадир Деннисон отошел от смрада подальше.

Длинным желтоватым ногтем Хайдт погладил макушку черепа, с которого слезли почти все волосы, потом провел по скуле, по фалангам пальцев, первыми обнажившимся до кости. Ногти у женщины были длинными — не потому что они растут после смерти, это миф. Они просто

кажутся длинными на фоне ссохшихся тканей.

Хайдт неохотно выпрямился, посмотрел на часы, вытащил из кармана айфон и сделал десяток снимков трупа.

Затем, осмотревшись по сторонам, показал на пустующий пятачок между двумя большими мусорными горами, похожими на курганы, под которыми спят павшие воины.

— Скажи, пусть зароют здесь.

— Да, сэр, — ответил Деннисон.

— Только не слишком глубоко, — добавил он, направляясь к мини-вэну. — И метку оставьте. Чтобы я потом нашел.

Полчаса спустя Хайдт сидел у себя в кабинете и сосредоточенно просматривал сделанные на айфон снимки. Рабочим столом ему служила уложенная на козлы трехсотлетняя тюремная дверь. Наконец он отодвинул трубку и обратил мрачный взор к прочим делам, которых было немало. «Грин уэй» входила в число мировых лидеров в области переработки и утилизации отходов.

Просторный, неярко освещенный офис располагался на верхнем этаже главного здания «Грин уэй» — бывшего мясокомбината 1896 года постройки, переделанного в том стиле, который журналы по дизайну называют «шебби-шик»

— потертая роскошь.

Стены украшали архитектурные сувениры из снесенных его компанией зданий: потрескавшиеся витражи в крашеных облупленных рамах, бетонные горгульи, чучела, барельефы, мозаики. Несколько раз встречался святой Георгий с драконом. И святая Иоанна. На одном из барельефов Зевс, замаскировавшись под лебедя, обхаживал Леду.

Заглянула секретарь Хайдта с письмами на подпись, докладными, директивами на одобрение и финансовыми выписками на ознакомление. «Грин уэй» процветала. Как-то на конференции по утилизации отходов Хайдт пошутил, что афоризм о том, что в жизни неизбежны две вещи — смерть и налоги, — следует дополнить. Ведь есть еще и избавление от мусора.

Услышав сигнал компьютера, он открыл зашифрованное электронное письмо от зарубежного коллеги. В письме подтверждалось время и место важной встречи, назначенной на завтра, на вторник. Особенно Хайдта взволновала последняя строчка:

Число погибших намечается значительное — около ста. Надеюсь, устраи-

вает.

Вполне. Желание, пробудившееся при первом взгляде на тело, обнаруженное в контейнере, разгоралось все жарче.

Оторвавшись от экрана, Хайдт поднял глаза на вошедшую стройную женщину лет шестидесяти с лишним в темном брючном костюме и черной блузке. Ее седые волосы были подстрижены строгим каре. На тонкой шее висел кулон с большим неоправленным бриллиантом на платиновой цепочке; такие же камни, только в более сложном обрамлении, украшали запястье и пальцы.

— Я одобрила макет, — сообщила она.

Джессика Барнс была американкой, родом из небольшого городка под Бостоном, и очаровательный акцент так и не выветрился из ее говора. Бывшая королева красоты, она познакомилась с Хайдтом, когда работала старшей официанткой в фешенебельном нью-йоркском ресторане. Они прожили вместе несколько лет, а потом Хайдт взял ее в «Грин уэй» отсматривать рекламу для компании — еще одно занятие, не вызывающее у него самого ни интереса, ни уважения. Однако Джессике удавалось, как ему говорили, время от времени принимать очень удачные решения,

идущие «Грин уэй» на пользу.

Только что-то в ней сегодня не так.

Взгляд Хайдта задержался на лице вошедшей. Точно. Он настоятельно требовал, чтобы Джессика одевалась исключительно в черное с белым и не пользовалась косметикой. Сегодня же на ее скулах розовели едва заметные румяна, а на губах, кажется, помада.

Джессика, перехватив изучающий взгляд, слегка замялась и задышала чуть сбивчивее. Пальцы дернулись к щеке.

Она протянула Хайдту рекламные проспекты:

— Будешь смотреть?

— Не сомневаюсь, что там все в порядке.

— Тогда я отсылаю.

Она вышла из офиса — сейчас пойдет не в маркетинговый отдел, а в уборную умываться.

Хайдт посмотрел в окно на новый деструктор. Он прекрасно помнил о событии, намеченном на пятницу, однако в данный момент его больше занимало завтрашнее.

«Число погибших… около ста».

Под ложечкой сладко засосало.

В интеркоме раздался голос секретаря:

— К вам мистер Данн, сэр.

— Хорошо.

Вошедший через мгновение Найл Данн захлопнул за собой дверь. Они остались наедине. За девять месяцев знакомства Хайдт едва мог припомнить, чтобы на скуластом лице этого долговязого мужчины вспыхивали какие-то чувства. Северана Хайдта мало интересовали люди, а еще меньше — манеры, но Данн даже его вгонял в оторопь.

— Ну, что там случилось? — спросил Хайдт. После сербского происшествия Данн пожелал сократить телефонное общение до минимума.

Глядя на Хайдта бледно-голубыми глазами, посетитель разъяснил, что к ним с Кариком, местным подручным, пожаловали незваные гости — двое сотрудников сербской разведки, маскировавшихся под полицейских, и один с Запада, назвавшийся сербам представителем Европейской миротворческой наблюдательной группы.

Хайдт нахмурился:

— Это…

— Нет такой, — спокойно ответил Данн. — Значит, он действовал в частном порядке. Без поддержки и страховки. Сербские агенты наверняка получили от него на лапу — на Балканах с этим просто. А может, конкурент, — добавил он. — Может, кто из ваших партнеров или рабо-

чих сболтнул насчет плана.

Он, разумеется, намекал на «Геенну». Как ни старались они держать проект в тайне, когда в дело вовлечено множество людей из разных стран, полностью исключить возможность утечки и того, что планами заинтересуется какой-нибудь преступный синдикат, нереально.

— Не хочу преуменьшать риск — противник оказался достаточно умен. Но действовал он в одиночку. Поэтому, думаю, с «Геенной» можно продолжать.

Судя по всему, сербское происшествие его не волновало.

Данн вручил Хайдту мобильный телефон:

— Возьмите. Шифрует надежнее.

Хайдт осмотрел трубку.

— Ты этого западноевропейца хорошо рассмотрел?

— Нет. Там сплошной дым был.

— А Карик?

— Я его прикончил. — На лице читалось то же безразличие, словно он сказал: «Да, прохладно сегодня».

Хайдт обдумал услышанное. Найлу Данну нет равных в умении досконально проанализировать ситуацию. И если этот парень убежден, что

волноваться не о чем, Хайдт примет его точку зрения.

— Сейчас я поеду на завод, — продолжал Данн. — Как только получу материалы, ребята все закончат за несколько часов.

Возбуждение, подогретое образом женского тела в контейнере и того, что готовилось на севере, вспыхнуло с новой силой.

— Я еду с тобой, — заявил Хайдт.

Данн помолчал.

— Считаете, нужно? Может оказаться рискованно, — наконец произнес он безразлично, словно распознав мелькнувшее в голосе Хайдта возбуждение. Данн явно полагал, что ничем хорошим решение, принятое на эмоциях, не обернется.

— Значит, рискну. — Хайдт похлопал по карману, проверяя, на месте ли телефон. Вдруг представится возможность сделать еще снимки.

Глава 10

Покинув логово Эм, Бонд прошел чуть дальше по коридору и, приветствовав изящно одетую азиатку, стучащую по клавиатуре компьютера, шагнул в дверь за ее спиной.

— Дежурство принял? — спросил он у человека, сгорбившегося над столом; стол — полная противоположность девственно-чистому столу Эм — был завален бумагами и папками.

— Есть такое дело. — Билл Таннер поднял голову. — Присаживайся, Джеймс.

Он кивнул на единственный свободный стул в комнате. В кабинете не было недостатка в посадочных местах, но их завалили папками.

— Ну как там, в САС, деликатесами кормят, приличными винами поят? — полюбопытствовал начальник штаба ГМП.

Предоставленный Специальной авиационной службой вертолет «апач» подобрал Бонда на поле к югу от Дуная и перенес на базу НАТО в Германии, откуда «Геркулес-С1» переправил его в Лондон вместе с грузом автозапчастей.

— Наверное, забыли питание загрузить, — ответил Бонд.

Таннер рассмеялся. Отставной армейский офицер, бывший подполковник, был габаритным мужчиной лет пятидесяти, румяным и во всех смыслах прямолинейным. В кабинете он сидел в своей привычной форме — темных брюках и голубой рубашке с закатанными рукавами. При такой нелегкой работе, заключавшейся в координации повседневных действий ГМП, он по определению должен был растерять все чувство юмора, однако юмором просто фонтанировал. Он стал для Бонда наставником, когда тот только поступил на службу; наставничество постепенно переросло в крепкую дружбу. Еще Таннер был заядлым гольфистом, и несколько раз в месяц они с Бондом старались выехать на какое-нибудь из самых сложных полей — «Роял Синк-Портс», «Роял Сент-Джорджес» — либо, если время поджимало, в Саннингдейл, к югу от Хитроу.

Разумеется, Таннер был в общих чертах знаком с «Инцидентом-20» и поисками Ноя, и Бонд ввел его в курс последних событий, заодно рассказав о своей роли в предстоящей операции на территории Великобритании.

— Карт-гри? — сочувственно усмехнулся начальник штаба. — Ничего, я вижу, ты держишься молодцом.

— А что остается?.. Как там, в Уайтхолле, по-прежнему уверены, что угроза идет из Афганистана?

— Скажем так: они надеются, что оттуда, — понизив голос, ответил Таннер. — По некоторым причинам. Думаю, ты и сам понимаешь по каким.

По политическим, по каким же еще.

Таннер кивнул в сторону кабинета Эм:

— Он с тобой поделился своим мнением насчет этой некстати подвернувшейся конференции?

— Мнение вполне однозначное, — кивнул Бонд.

Таннер усмехнулся.

Бонд посмотрел на часы и встал.

— Иду на встречу с одним человеком из Третьего отделения. Перси Осборн-Смит. Знаешь о нем что-нибудь?

Билл Таннер загадочно изогнул бровь.

— Ну-ну. Удачи тебе, Джеймс.

Отдел «О» занимал почти весь пятый этаж и представлял собой огромное открытое пространство, обрамленное кабинетами агентов. В центре располагались рабочие столы референтов и прочего вспомогательного персонала. Отдел легко можно было бы принять за офис продаж

какого-нибудь крупного супермаркета, если бы не сканеры сетчатки и кодовые замки на двери каждого кабинета. На рабочих столах виднелись плоскоэкранные мониторы — никаких громоздких монстров, которыми так любят оснащать шпионские организации телевизионщики и киношники.

Бонд прошагал через рабочую зону, кивнув по пути блондинке лет двадцати с небольшим, подавшейся вперед в своем кресле и будто парящей над письменным столом. Работай Мэри Гуднайт в любом другом отделе, Бонд мог бы пригласить ее на ужин, а дальше положиться на обстоятельства. Но она работала именно здесь, в пятнадцати шагах от двери в его кабинет, и была его личным дневником, подъемным мостком и воротами с решеткой, отсекающими незваных гостей решительно и, что особенно ценно на государственной службе, с безупречным тактом. А еще Мэри Гуднайт могла бы устроить (но не устраивала) выставку регулярно перепадавших ей открыток и сувениров (от коллег, друзей и поклонников) с символикой «Титаника» — настолько она походила на Кейт Уинслет.

— Доброе утро, Гуднайт.

Эти и подобные каламбуры с ее фамилией,

означавшей «добрый вечер», давно перешли из флирта в разряд ласкового обмена любезностями — как привычные нежности между супругами.

Мэри начала перечислять назначенные на сегодня встречи, но Бонд велел все отменить. Он должен увидеться с человеком из Третьего отделения, который прибудет из Темз-Хауса, а потом, возможно, придется скоропалительно уехать.

— Агентурные сообщения тоже пока попридержать? — спросила она.

— Нет, давай я их сейчас перелопачу, — подумав, ответил Бонд. — Все равно стол надо разгребать. Если придется уехать, возвращаться потом к недельным залежам бумаг — радости мало.

Мэри вручила ему стопку папок с грифом «Совершенно секретно». Убедив сканер сетчатки и кодовый замок, что его можно впустить, Бонд вошел в свой кабинет и щелкнул выключателем. По лондонским офисным стандартам, помещение было немаленькое, пятнадцать на пятнадцать футов, но довольно безликое. Казенный рабочий стол, того же цвета, что в Военной разведке, только чуть больше. Четыре деревянные полки, уставленные книгами и периодикой, которые могут пригодиться в работе, самой невероятной

тематики — от последних хакерских достижений в Болгарии до тайских идиом и руководства по перезарядке снайперских патронов «Лапуа» калибра .338. Почти ничего личного, что оживляло бы кабинет. Единственная награда, которую можно было бы выставить на всеобщее обозрение — крест «За отвагу», полученный во время службы в Афганистане, — лежала в нижнем ящике стола. Награду Бонд принял с достоинством, однако отвагу считал не более чем рядовым боеприпасом в арсенале, и вешать на стену свидетельство о ее получении казалось ему таким же бессмысленным, как определять в рамку под стекло использованный шифрблокнот.

Усевшись за стол, Бонд принялся читать агентурные сообщения — разведдонесения из Директората постановки заданий МИ-6, причесанные и упакованные. Первое пришло из отдела России. Их резидентура взломала правительственный сервер в Москве и вытащила несколько засекреченных документов. Бонд, имевший природную склонность к языкам и учивший русский в Форт-Монктоне, пропустил краткое изложение на английском и перешел непосредственно к документу.

Одолев один абзац дубового текста, он вдруг

замер, наткнувшись на два слова:

«Стальной патрон».

Фраза отозвалась в глубинах сознания пронзительным писком, как у гидролокатора на подводной лодке, запеленговавшего далекую, но различимую цель.

«Стальной патрон» — это словосочетание было шифром, означавшим «активное мероприятие», то есть тактическую операцию. Также упоминались «некоторые жертвы».

И больше никакой конкретики, никаких деталей операции.

Бонд откинулся в кресле, глядя в потолок, но за дверью послышались женские голоса, и он повернул голову. Филли с какими-то папками в руках остановилась поболтать с Мэри Гуднайт. Бонд кивком пригласил сотрудницу «Шестерки» войти, и она села на деревянный стул напротив стола.

— Как успехи?

Она закинула ногу на ногу, и Бонду послышался манящий шелест нейлона.

— Во-первых, Джеймс, фотограф ты неплохой, но место для съемки выбрал темноватое. Увеличить разрешение на снимке с Ирландцем не получается, поэтому опознать его там нельзя. На

чеке из паба и на другом обрывке отпечатков нет, только твои смазанные.

Что ж, значит, пока Ирландец остается инкогнито.

— Зато отпечатки на очках вышли отлично. Сообщником Ирландца был Альдо Карик, серб. Проживал в Белграде, работал на государственной железной дороге. — Филли огорченно поджала губы, еще четче обозначив очаровательную ямочку на подбородке. — Однако дополнительной информации придется ждать дольше, чем я надеялась. То же самое с опасным грузом. Никто ничего не говорит. Ты был прав, Белград на сотрудничество не идет. Теперь что касается обрывков, подобранных в горящей машине. Я прикинула несколько возможных адресов. — Она вытащила из папки несколько распечаток. Это оказались карты с веселым логотипом интернет-навигатора «МэпКвест».

— Вам что в «Шестерке», бюджет урезали? Хочешь, позвоню в Казначейство, замолвлю за тебя словечко?

Филли рассмеялась с придыханием.

— Я, конечно, зашла через прокси-сервер. Просто хотела понять, на какой стороне площадки мы играем. — Она постучала пальцем по распе-

чатке. — Паб? Вот он. Прямо у шоссе неподалеку от Кембриджа.

Бонд посмотрел на карту. Кто там обедал? Ирландец? Ной? Другие сообщники? Или кто-то, арендовавший эту машину на прошлой неделе и вообще никак не связанный с «Инцидентом-20»?

— А другой обрывок? С записью от руки?

«Бутс — Март. 17. Не позже».

Филли вытащила длинный список.

— Я попыталась прикинуть все комбинации возможных значений. И дату, и обувь, и топонимы, и аптеку. — Ее губы снова сжались — так она была огорчена. — Боюсь, пока ничего подходящего.

Бонд поднялся, взял с полки несколько топографических атласов и принялся листать, скользя внимательным взглядом по страницам.

В дверях возникла Мэри Гуднайт:

— Джеймс, к тебе посетитель внизу. Говорит, из Третьего отделения. Перси Осборн-Смит.

От Филли, должно быть, не укрылась резкая смена выражения лица Бонда.

— Исчезаю, Джеймс. Продолжу копать сербов. Что-нибудь нарою, не сомневайся.

— Подожди, Филли, еще одно дело. — Бонд передал ей только что прочитанное агентурное

сообщение. — Выясни, пожалуйста, все, что сможешь, по советской или российской операции под названием «Стальной патрон». Прости, что без перевода, но ты, наверное…

— Я говорю по-русски.

— Да, и, в отличие от меня, почти без акцента, — отметил Бонд со слабой улыбкой, отныне зарекаясь недооценивать Филли.

Она всмотрелась в текст внимательнее.

— Украдено из интернет-источника. А у кого оригинальный файл?

— У кого-то из ваших. Пришло из резидентуры «Р».

— Я свяжусь с отделом России. Хочу взглянуть на метаданные, закодированные в файле. Там будет дата создания, автор и, может быть, перекрестные ссылки на другие источники. — Филли опустила распечатку в коричневый конверт и занесла ручку над одним из окошек на передней стороне. — Какой гриф секретности присвоить?

Бонд задумался.

— Только для нас с тобой.

— Только для нас с тобой?

В официальной документации таких грифов не имелось.

— Да, — кивнул он. — Больше никому не по-

казывать.

После секундного замешательства Филли вывела на конверте: «Совершенно секретно. Для личного ознакомления агенту СРС Мейденстоун и агенту ГМП Джеймсу Бонду».

— А степень важности? — поинтересовалась она.

Над этим вопросом Бонд не раздумывал.

— Срочно.

Глава 11

Бонд сидел за столом, копаясь в правительственных базах данных, когда за спиной послышались приближающиеся шаги и громкий голос:

— Не беспокойтесь. Можете уже отлепиться, спасибо, обойдусь без спутниковой навигации.

С этими словами в кабинет вошел мужчина в полосатом костюме, оставив позади сопровождающего охранника из отдела «П». Мимо Мэри Гуднайт, которая, нахмурившись, поднялась ему навстречу, он тоже промчался, не повернув головы.

Подойдя к столу Бонда, посетитель протянул пухлую розовую ладонь. Худой, но рыхлый, при всей своей неприметности он обладал властным взглядом, и руки у него были длинные, с широкими ладонями. Такие обычно жмут руку до хруста, поэтому Бонд, отодвинув монитор, встал, чтобы лишить гостя выигрышного положения, и решительно сунул ему свою ладонь.

Однако пожатие у Перси Осборн-Смита оказалось коротким и безобидным, разве что неприятно влажным.

— Бонд. Джеймс Бонд. — Он приглашающим жестом указал сотруднику Третьего отделения на стул, который недавно освободила Филли, и напомнил себе, что внешность — русые волосы, зачесанные набок, пухлые губы и резиновая шея — бывает обманчивой. Безвольный подбородок не обязательно означает безвольный характер, как известно любому, кто знаком со списком побед фельдмаршала Монтгомери.

— Итак, к делу, — начал Осборн-Смит. — Буча вокруг «Инцидента-20». И кто только эти названия придумывает? Видимо, Комитет разведслужб.

Бонд неопределенно качнул головой.

Взгляд гостя скользнул по кабинету, задержавшись ненадолго на пластиковом ружье с оранжевым дулом для тренировок по рукопашному бою, и вернулся к Бонду.

— Насколько я понимаю, Военная разведка и «Шестерка» на всех парах летят по афганскому следу, собираясь искать злодеев в этой заднице мира. А нас, как малолетних недотеп, оставили тянуть волынку с сербами. Хотя порой ведь и пешка может стать королевой и выиграть партию, а?

Он промокнул платком нос и губы. Бонд не мог припомнить, когда в последний раз видел

подобные манипуляции с платком в исполнении кого-то младше семидесяти.

— Я о вас слышал, Бонд… Джеймс. Давайте по именам, хорошо? Фамилия у меня — язык сломаешь. Такой вот крест. Да и должность не легче — заместитель начальника по оперативным вопросам.

«Мог бы и поизящнее это ввернуть», — подумал Бонд.

— Значит, решено. Перси и Джеймс. Прямо комический дуэт на благотворительном концерте… В общем, я о вас слышал, Джеймс. Слава бежит впереди вас. То есть не то чтобы далеко впереди, но до меня добежала…

Почувствовав, что терпение на исходе, Бонд прервал затянувшийся монолог и подробно рассказал о случившемся в Сербии.

Осборн-Смит внимал, делая пометки, затем, в свою очередь, поделился тем, что происходило по эту сторону Ла-Манша. Ничего нового Бонд не услышал. Даже подключив спецов из отдела оперативной поддержки — так называемых наблюдателей из подразделения «А» МИ-5, — удалось установить лишь то, что вертолет с Ирландцем сел где-то к северо-востоку от Лондона. Далее ни одного сигнатурно-измерительного

портрета и никаких других данных о вертолете.

— Итак, план наших действий? — спросил Осборн-Смит. Вопрос, впрочем, оказался риторическим и служил вступлением к заявлению. — Пока Военная разведка с «Шестеркой» прочесывают пустыню в поисках «афганцев массового поражения», я намерен отыскать Ирландца и Ноя и преподнести им на блюдечке с голубой каемочкой.

— Арестовать?

— «Задержать», скажем так.

— Не уверен, что это самый правильный подход, — дипломатично возразил Бонд.

«Бога ради, помягче с аборигенами…»

— Почему? У нас нет времени на слежку. — Бонд уловил едва заметное пришепетывание. — Только на допросы.

— Если на кону стоят тысячи жизней, вряд ли Ной с Ирландцем действуют в одиночку. Скорее всего они просто мелкие сошки. Нам доподлинно известно только, что встреча состоялась в офисе Ноя. Вовсе не факт, что операцией руководит он. А Ирландец? Заурядный подрывник. Мастер своего дела, конечно, однако не более чем исполнитель. Думаю, надо установить их личности и не прекращать игру, пока не разузнаем побольше.

Осборн-Смит согласно кивал.

— Ах, Джеймс, вы не в курсе моего послужного списка. — Елейная улыбка пропала. — Я набивал руку на допросах заключенных. В Северной Ирландии. И в Белмарше.

Печально известная лондонская «тюрьма для террористов».

— На Кубе я тоже погрелся, — продолжал Осборн-Смит. — В Гуантанамо. Да-да, я умею развязать язык, Джеймс. Несколько дней повозишься, и они как миленькие сдадут тебе хоть брата, хоть сына, хоть дочь. Душу изливают. Главное — знать подход.

Бонд не уступал:

— Если партнеры Ноя поймут, что его взяли, они только ускорят то, что наметили на пятницу. Или исчезнут — и нанесут удар через полгода, когда все следы остынут. Наверняка Ирландец предусмотрел подобный поворот событий.

Мягкий нос Перси огорченно сморщился.

— Будь мы где-нибудь на континенте или на Красной площади, я бы с радостью сидел сложа руки на трибуне и любовался, как вы подаете хоть простые, хоть крученые, — но мы-то с вами дома, на родном крикетном поле.

Вот и неизбежный щелчок хлыста. Спорить

бессмысленно. Эта напомаженная марионетка мягко стелет, да жестко спать. К тому же последнее слово за ним; при желании он мог вообще отстранить Бонда от участия в деле.

— Решать, разумеется, вам, — любезно согласился Бонд. — Однако в любом случае их прежде всего необходимо отыскать. Вот что у нас имеется, взгляните. — Он подвинул к Осборн-Смиту копию чека из паба и записку, где значилось загадочное «Бутс — Март. 17. Не позже».

Наморщив лоб, Осборн-Смит принялся рассматривать копии.

— И какие из этого выводы?

— Особо никаких. Паб под Кембриджем. А с запиской еще не прояснилось.

— Семнадцатое марта? Напоминание заскочить в аптеку?

— Может быть, — с сомнением протянул Бонд. — Я предполагал некую шифровку. — Он подтолкнул к Осборн-Смиту распечатку «МэпКвест», которую принесла Филли. — На мой взгляд, паб — это тупик. Не вижу в нем ничего примечательного, и поблизости тоже никаких важных объектов. Уимпол-роуд, недалеко от шоссе М11. — Бонд показал пальцем на карте. — Очень возможно, что это пустышка, но давайте

я и ее отработаю. Съезжу туда, поищу в Кембридже. А вы передадите записку про семнадцатое марта дешифровщикам из «Пятерки», вдруг их компьютеры что-нибудь выдадут. Мне кажется, ключ в ней.

— Хорошо. Только, если не возражаете, Джеймс, пабом я тоже хотел бы заняться сам. Местность мне знакома, я учился в Кембридже. Колледж Магдалены. — Карта и чек исчезли в портфеле Осборн-Смита вместе с копией записки, а взамен появился другой документ. — Давайте сюда вашу девушку.

— Какую девушку? — Бонд недоумевающе приподнял бровь.

— Ту цыпочку за дверью. Которая скучает в одиночестве.

— Вы имеете в виду моего референта? — сухо уточнил Бонд и, поднявшись, подошел к двери. — Мисс Гуднайт, зайдите, пожалуйста.

Мэри вошла, хмуря брови.

— Наш друг Перси хочет вам кое-что сказать.

Осборн-Смит, не уловив насмешки, вручил ей документ:

— Сделайте копию, хорошо?

Оглянувшись на Бонда и получив разрешающий кивок, Мэри забрала документ и направи-

лась к копиру.

— С двух сторон, естественно! — крикнул Осборн-Смит ей вслед. — Транжира — пособник врага.

Гуднайт вернулась через минуту. Осборн-Смит убрал оригинал в портфель, а копию вручил Бонду.

— Вы как, на стрельбы выбираетесь?

— Время от времени, — ответил Бонд. Он не стал уточнять, что исправно тренируется по шесть часов в неделю, с малокалиберным оружием — здесь, с крупнокалиберным — в Бизли, и раз в две недели выезжает на полигон Скотленд-Ярда. В их компьютеризованном стрелковом симуляторе тебе на спину прикрепляют электрод, и если пуля террориста опережает твою, разряд бросает тебя на колени, заставляя корчиться от боли.

— Необходимо соблюсти формальности. — Осборн-Смит кивнул на документ в руке Бонда. — Заявление на временное исполнение обязанностей полицейского, уполномоченного носить огнестрельное оружие.

В Британии носить оружие разрешается лишь отдельным представителям исполнительных органов — официально уполномоченным полицейским.

— По-моему, не самая лучшая мысль — указывать тут мое подлинное имя, — заметил Бонд.

Об этом Осборн-Смит, судя по всему, не подумал.

— Да, пожалуй, вы правы. Тогда воспользуйтесь оперативным псевдонимом. Джон Смит какой-нибудь, например. Заполните личные данные и опросник на обратной стороне. Если забуксуете, зовите, я вас вытащу.

— Займусь немедленно.

— Вот и чудно. С этим улажено. Тогда свяжемся позже, когда разберемся каждый со своим секретным заданием. — Осборн-Смит похлопал по портфелю. — Я в Кембридж.

Развернувшись, он умчался из кабинета так же стремительно, как и появился.

— Бывают же такие недоделанные, — прошептала Мэри Гуднайт.

Бонд рассмеялся, взял со спинки кресла пиджак и прихватил топографический атлас.

— Я сейчас в оружейную, заберу пистолет, а потом меня не будет часа три-четыре.

— А заявление, Джеймс?

— Да, точно. — Он порвал документ на тонкие полоски и рассовал между страницами вместо закладок. — Незачем лишний раз тратить наши

стикеры. Транжира — пособник врага, сама понимаешь.

Глава 12

Через полтора часа Джеймс Бонд сидел в своем «Бентли-континентале-GT», серой пулей летящем на север.

Он размышлял о том, как обвел вокруг пальца Перси Осборн-Смита. Кембриджский паб с самого начала показался ему малоперспективным. Может быть, сообщники там и перекусили — судя по чеку, обед был на двоих или троих. Но состоялся он неделю с лишним назад, так что вряд ли кто-нибудь из персонала вспомнит по приметам Ирландца и его сотрапезников. И вряд ли такой предусмотрительный человек, как Ирландец, будет обедать в одном и том же месте — скорее всего он постоянно меняет дислокацию и за покупками ходит в разные магазины.

Разумеется, кембриджскую зацепку все равно стоило отработать — и в то же время следовало отвлечь Осборн-Смита. Бонд не мог допустить, чтобы Ирландца или Ноя арестовали и отволокли в Белмарш, как наркодилеров или исламистов, покупавших подозрительно много удобрений. Обоих подозреваемых надо сохранить в игре, иначе ничего об «Инциденте-20» не выяснить.

Бонд, заядлый игрок в покер, решился на блеф. Изобразил плохо замаскированный интерес к пабу, обронив заодно, что заведение находится недалеко от Уимпол-роуд. Для большинства этот адрес был бы пустым звуком, но Осборн-Смит, по расчетам Бонда, не мог не знать, что на этой же дороге расположен секретный правительственный объект, связанный с Портон-Дауном (Уилтширский исследовательский центр Министерства обороны, занимающийся биологическим оружием). Бонд наткнулся на него, когда просматривал карту. Ничего, что объект находится в восьми милях к востоку, с другой стороны от Кембриджа и далековато от паба. Бонд не сомневался, что приманка сработает и агент Третьего отделения кинется на этот адрес, как голодная чайка на рыбью голову.

Таким образом, самому Бонду доставалось бесперспективное вроде бы задание по расшифровке записки. «Бутс — Март. 17. Не позже».

И он ее, кажется, расшифровал.

Предположения Филли большей частью крутились вокруг слова «Бутс». Так называлась сеть аптек, разбросанных по всей Англии, но речь

могла идти об обуви[4] и о возможном событии, произошедшем семнадцатого марта.

Однако внимание Бонда привлек пункт в самом конце списка. Филли заметила, что «Бутс» и «Март» написаны через тире, а поиск по карте выдал некую Бутс-роуд, проходящую недалеко от городка Марч — в паре часов езды к северу от Лондона. Кроме того, Филли углядела точку, разделяющую слово «Март»[5] и цифру семнадцать. Следующая фраза — «не позже» — явно означала крайний срок, значит, цифра скорее всего дата. И тогда под ней может скрываться завтрашний день, семнадцатое мая.

Мысленно похвалив Филли, Бонд в ожидании Осборн-Смита зашел в «Голден вайер» — надежную сеть, связывающую воедино архивы всех главных британских органов, — надеясь отыскать что-нибудь по Марчу и Бутс-роуд.

Поиски принесли интересные плоды: предлагаемые в дорожных сводках пути объезда Бутс-роуд, по которой сейчас в обе стороны курсируют мимо старой военной базы грузовики; а также оповещения о работах с привлечением крупнога-

---

[4] Примечания: 4
Boots — ботинки, сапоги (*англ.).*

[5] Примечания: 5
March — март *(англ.).*

баритной техники. Судя по оповещениям, работы надлежало закончить до полуночи семнадцатого, под угрозой штрафа за срыв сроков. Интуиция подсказывала Бонду, что все это как-то связано с Ирландцем и Ноем.

А профессиональный опыт говорил, что пропускать подсказки интуиции мимо ушей — себе дороже.

Поэтому теперь Бонд ехал в Марч, по полной наслаждаясь вождением.

То есть гнал на большой скорости.

Не на предельной, конечно, поскольку машину он вел не в Пиренеях и не по малоизвестному шоссе в Озерном крае, а всего лишь на север от Лондона по A1, превращающейся то в шоссе, то в магистраль. И все равно стрелка спидометра дрожала на ста милях в час, хотя Бонд время от времени переключал скользящий как по маслу, чуткий рычаг коробки передач, обгоняя медленно ползущий фургон для лошадей или «форд-мондео». В основном он держался правой полосы, хотя раз-другой съезжал и на укрепленную обочину. Ему нравилось устраивать контролируемые заносы на покатых участках.

Полиции Бонд не боялся. Хотя полномочия ГМП в пределах Британии были ограниченны (карт-

гри вместо карт-бланш, как теперь мысленно шутил), агентам отдела «О» часто требовалось быстро перемещаться по стране. Одним звонком Бонд обеспечил себе неприкосновенность, и теперь номер его машины оставался невидимкой для камер и патрульных с радарами скорости.

«Бентли-континенталь-GT»… Бонд считал его лучшим из всех серийных автомобилей на свете.

Он всегда любил эту марку. Его отец сотнями хранил старые газетные вырезки, на которых творения знаменитых братьев Бентли оставляют далеко позади всякие «бугатти» и иже с ними на ралли «Ле-Ман» 20-х и 30-х. А потом Бонд уже собственными глазами наблюдал, как потрясающий «Бентли-спид-8» встречают отмашкой клетчатого флага на гонках 2003 года, когда автомобиль снова вернулся в игру спустя три четверти столетия. Он всегда мечтал стать обладателем этого величественного и вместе с тем стремительного и умного автомобиля. Если «Ягуар-E-type», стоявший у Бонда в гараже, достался ему непосредственно от отца, то «бентли», можно сказать, достался частично. Свой первый «континенталь» он купил несколько лет назад, потратив остатки выплат по страхованию жизни, перешедших ему после смерти родителей, и недавно обменял его

на новую модель.

Съехав с шоссе, Бонд направился к Марчу, расположенному в самом центре округа Фенленд. О самом городке он знал мало. Слышал о «Мартовском марше Марча» — пешем студенческом походе из Марча в Кембридж, проводившемся, разумеется, в третий месяц года. Еще там находится Уайтмурская тюрьма. Туристы приезжают посмотреть церковь Святой Вендреды — в том, что она являет собой впечатляющее зрелище, Бонд предпочел поверить турбюро на слово. В молитвенный дом его нога не ступала уже много лет.

Впереди показалась старая военная база. Бонд, заложив широкую дугу, принялся огибать базу сзади, где тянулся устрашающий забор с колючей проволокой и понатыканными вокруг запрещающими знаками. Теперь ему стало ясно почему: база шла под снос. Вот, значит, что за «работы с привлечением крупногабаритной техники» тут велись. С полдюжины строений уже лежали в развалинах, сохранилось только одно, трехэтажное, из красного кирпича, с вылинявшей вывеской «Санчасть».

На пригорке ярдах в ста от здания стояли самосвалы, бульдозеры, другие землеройные машины и трейлеры, служившие, очевидно, временным

пристанищем бригаде по сносу. Рядом с самым большим трейлером виднелся черный автомобиль — и ни одной души поблизости. Странно, учитывая, что продолжался понедельник.

Бонд загнал «бентли» в небольшую рощицу, пряча от ненужных глаз, и осмотрел местность: сложная система каналов, картофельные и свекольные поля, группки деревьев. Он переоделся в свое тактическое обмундирование «5.11» с порванной на плече осколком гранаты курткой, пропахшей дымом горящей машины, из которой он вытаскивал тот самый обрывок записки, что привел его сюда. Сбросив городские туфли, натянул низкие армейские ботинки.

«Вальтер» и два запасных магазина Бонд пристегнул к брезентовому десантному ремню.

«Если забуксуете, зовите, я вас вытащу…»

Глушитель, фонарик, набор инструментов и складной нож он рассовал по карманам.

Выбравшись из машины, минуту постоял, собираясь с мыслями, как перед любой тактической операцией. Абсолютное спокойствие, взгляд сосредоточенный, отмечающий мельчайшие подробности — ветки, которые могут предательски хрустнуть; кусты, в которых может скрываться дуло снайперской винтовки; признаки проводов,

датчиков и камер, которые могут выдать его присутствие противнику.

Текущее расследование требовало повышенной осторожности. Возможно, придется и отнять чью-то жизнь, бесшумно и быстро.

Выбор действия диктуется намерениями противника.

Какие намерения у Ноя?

И кто он, в конце концов, такой?

Скользнув между деревьями, Бонд срезал угол по полю, на котором зеленела молодая свекольная ботва, обогнул прозрачное болотце и осторожно пролез через колючие заросли ежевики, подбираясь к санчасти. Наконец он уткнулся в забор с колючей проволокой и предупреждающими знаками. Работы, как выяснилось, проводил некий «Восточный филиал по сносу и демонтажу» — Бонд о таком никогда не слышал, но грузовики эти, броской желто-зеленой расцветки, ему, кажется, попадались.

Обведя взглядом заросший пустырь перед зданием, он принялся перерезать ограду кусачками, мысленно подмечая находчивость противника — очень умно использовать для встреч по «Инциденту-20» здание, предназначенное под снос. Снесут — и никаких следов.

Рабочих видно не было, однако, судя по черному автомобилю, кто-то мог находиться внутри здания. Бонд осмотрелся в поисках черного входа или какого-нибудь другого способа проникнуть туда незаметно и через пять минут нашел что искал: яму футов десять глубиной, возникшую, судя по всему, в результате обрушения подземного тоннеля. Он пробрался вниз и включил фонарик. Тоннель вел в подвалы санчасти, до которой оставалось ярдов пятьдесят.

Бонд двинулся вперед. Из старинной кирпичной кладки вывалились и упали на пол два кирпича. Под ногами тянулись ржавые рельсы узкоколейки.

Он преодолел примерно половину этого мрачного пути, когда ему на голову посыпался щебень вперемешку с сырой землей. Потолок тоннеля в шести футах над ним напоминал надтреснутую скорлупу яйца. Один хлопок в ладоши — и свод обвалится.

Не самое подходящее место для могилы.

«А где, интересно, подходящее?» — мысленно усмехнулся Бонд.

— Отличная работа! — похвалил Найла Данна Северан Хайдт.

Они находились в трейлере строителей, при-

паркованном в сотне ярдов от заброшенной санчасти военных на окраине Марча. Поскольку к завтрашнему дню работы по «Геенне» требовалось закончить, Хайдт с Данном приостановили снос и выдворили с площадки всех посторонних. Основная масса работников Хайдта ничего не знала о «Геенне», поэтому приходилось проявлять повышенную осторожность.

— Удовлетворительная, — произнес Данн ровным тоном. Так он реагировал на все — и на одобрение, и на критику, и на констатацию факта.

Команда увезла устройство, собранное из привезенных Данном материалов, полчаса назад. До пятницы оно побудет на законспирированной квартире неподалеку.

Хайдт успел неторопливо прогуляться вокруг последнего из зданий, предназначенных на снос, — санчасти, возведенной более восьмидесяти лет назад.

Снос приносил «Грин уэй» огромные деньги. Компания получала прибыль из готовности людей заплатить за устранение того, что им больше не требовалось, и за извлечение из развалин того, что требовалось другим: деревянных и стальных балок, проволоки, алюминиевых и медных труб.

Славная медь, мечта любого старьевщика. Однако интересы Хайдта в деле сноса выходили далеко за рамки финансовых. Он изучал старинное здание, внутренне подобравшись, как охотник за секунду до выстрела разглядывает ничего не подозревающую добычу.

Хайдт успел запечатлеть «знатную старую даму» — санчасть — на десятках снимков, пока прогуливался по обветшалым коридорам и плесневеющим палатам — особенно в морге и в прозекторской, — собирая картины упадка и тлена. В его архивах хватало места и людским останкам, и старым зданиям. Обширная коллекция включала довольно художественные снимки таких объектов, как Нортумберленд-Террас, Палмерс-Грин, постройки на Северной окружной дороге, разрушенный нефтяной завод «Пура» на Боу-Крик в Кэннинг-Тауне, а также готический Королевский арсенал и Королевская лаборатория в Вулвиче. От фотографий Ловеловской верфи в Гринвиче, наглядно свидетельствующих, к чему приводит разрушительное небрежение, у него неизменно щемило сердце.

Найл Данн по мобильному инструктировал водителя только что уехавшего грузовика, как лучше спрятать устройство. Инструктировал

подробно и тщательно, как того требовал его собственный характер и серьезность оружия.

И хотя Ирландец вгонял его в оторопь, Хайдт стал (в полном соответствии с истиной) называть подручного «человек, который предусмотрит все». Поэтому Хайдт готов был мириться со зловещим молчанием, ледяными взглядами и вообще со всей этой странной роботизированной конструкцией, которую представлял собой Найл Данн. В результате сложился продуктивный, хоть и неожиданный союз инженера, призванного строить, и мусорщика, питавшего страсть к разрушению.

Люди — удивительные существа. Предсказуемые только в смерти. «И преданные тоже только в ней», — додумал Хайдт.

Как только Данн закончил говорить по телефону, раздался стук в дверь. На пороге стоял явно обеспокоенный Эрик Янссен, сотрудник службы безопасности «Грин уэй», привезший их сюда, в Марч.

— Мистер Хайдт, мистер Данн, кто-то пытается проникнуть в здание.

— Что? — рявкнул Хайдт.

— Он пролез через тоннель.

Данн разразился градом вопросов:

— Он один? Никаких переговоров не перехвачено? Где поставил машину? Не наблюдалось ли поблизости необычных передвижений? Вооружен?

Судя по ответам, гость действовал в одиночку и не был связан ни со Скотленд-Ярдом, ни со службами безопасности.

— Ты его хорошо рассмотрел? Или, может, фото сделал? — поинтересовался Данн.

— Нет, сэр.

Хайдт прищелкнул длинными ногтями.

— А вдруг это тот вчерашний одиночка, который нанял сербов? — спросил он у Данна.

— Не исключено, хотя я не представляю, как нас вычислили. — Данн посмотрел невидящим взглядом в забрызганное окно трейлера.

Хайдт знал, что он уже рисует в уме схему — или прокручивает заранее припасенную на подобный случай. Наконец Данн вытащил пистолет и вышел из трейлера, махнув Янссену, чтобы тот следовал за ним.

Глава 13

От запаха плесени, гнили, химикатов, масла и бензина першило в горле и щипало в глазах. Изо всех сил сдерживая кашель, Бонд сморгнул слезы, выступившие от едкого смрада. Ему кажется, или дымом тоже тянет?

Из входа в тоннель сочился слабый свет. Бонд повел фонариком и увидел, что стоит у поворотного круга, на котором когда-то разворачивали небольшие локомотивы, подвозившие припасы или больных.

Сжимая в руке «вальтер», Бонд осмотрелся, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги, голоса, щелчок вставляемого в пистолет магазина или снимаемого предохранителя. Но в подвале царила тишина.

Он проник через тоннель в южном торце. Постепенно удаляясь от поворотного круга на север, Бонд наткнулся на табличку, вызвавшую у него непроизвольную усмешку, — «Морг».

В этом отделении, состоявшем из трех больших отсеков без окон, похоже, не так давно кто-то был: пол не пыльный, везде расставлены дешевые грубые скамьи. Дымом тянуло откуда-то изнутри.

По стенам и полу вились прихваченные строительной клейкой лентой электрические кабели — видимо, питание для ламп и прочего оборудования. И, судя по всему, их где-то закоротило.

Покинув морг, Бонд вышел в большое помещение; двойные двери справа, в восточной стене, выходили на плац. Сквозь щель между створками проникал свет — Бонд прикинул возможный маршрут отступления, запоминая дверь и колонны, за которыми можно будет укрыться в случае отхода под огнем.

К полу были прикручены стальные прозекторские столы, все в бурых и черных пятнах, каждый с собственным сливом. Ложа для усопших.

Бонд продолжил путь к северному торцу здания, оканчивающемуся рядом небольших комнатушек с зарешеченными окнами. Необходимость решеток разъясняла табличка: «Отделение психиатрии».

Убедившись, что двери, ведущие наверх, на первый этаж, заперты, он вернулся назад, к трем помещениям у зала с поворотным кругом. Тщательный осмотр выявил наконец источник дыма: в углу одного из отсеков курился импровизированный очаг. На больших комках пепла еще можно было разобрать рукописные строчки.

Однако при попытке взять в руку бумага рассыпалась в прах.

Надо бы поосторожнее.

Бонд подошел поближе к одному из кабелей, тянущихся по стене, оторвал несколько кусков серебристого строительного пластыря и разрезал ножом на шестидюймовые полоски. Полоски он аккуратно приложил к серо-черным комкам пепла и прижал пальцами, затем убрал в карман и продолжил осмотр. Во втором отсеке что-то серебристо блеснуло — металлические опилки на полу. Их Бонд тоже подобрал полоской пластыря и сунул в карман.

В следующее мгновение он застыл в оцепенении. Здание дрогнуло и довольно ощутимо зашаталось. Где-то совсем недалеко затарахтел дизельный двигатель. Теперь ясно, почему на площадке было пусто: видимо, рабочие уходили на обед, а теперь вернулись. Изнутри ни на первый, ни на другие верхние этажи не попасть. Значит, пора выбираться.

Бонд вышел в помещение с поворотным кругом, чтобы оттуда уйти по тоннелю.

Его спасла пара децибелов.

Он не заметил злоумышленника, не услышал его дыхания. Уловил только, что мотор вдруг

затарахтел чуть тише — звук заглушала одежда стоящего впереди человека.

Бонд машинально отскочил назад, и металлическая труба просвистела буквально над ухом.

Он крепко перехватил ее левой рукой. Нападающий качнулся вперед, потеряв равновесие, но трубу от удивления не выпустил. Молодой светловолосый человек в дешевом темном костюме и белой рубашке — униформе охранника. Без галстука — видимо, снял, чтобы не мешался. Расширив в смятении глаза, он пошатнулся и чуть не упал, но тут же выпрямился и бросился на Бонда. Сцепившись, они покатились по грязному полу.

Вскочив на ноги, Бонд шагнул вперед, сжав кулаки, однако это был отвлекающий маневр — он хотел заставить своего мускулистого соперника попятиться, уворачиваясь от удара, чтобы самому за эти секунды вытащить пистолет. Однако стрелять Бонд не стал, противник нужен был ему живым.

Под дулом сорокового калибра охранник замер, успев, впрочем, запустить руку под пиджак.

— Отставить, — холодно приказал Бонд. — Лечь на пол, руки в стороны.

Охранник не шевелился, обливаясь потом от нервного напряжения, занеся руку над своим

пистолетом («глок», как заметил Бонд). Тут у него зажужжал мобильный — в кармане пиджака, судя по брошенному украдкой взгляду.

— Ложись, живо!

Если он выхватит пистолет, Бонд попытается его ранить, но может случайно и убить.

Телефон замолчал.

— Живо! — Бонд опустил дуло, целясь в правую руку охранника, ближе к локтю.

Блондин собрался сдаться. Его плечи поникли, глаза в тусклом свете расширились от страха.

И тут наверху заработал бульдозер. С потолка посыпались кирпичи и земля, Бонда огрело крупным обломком. Поморщившись, он шагнул назад, моргая от попавшей в глаза пыли. Будь противник поопытнее — или хотя бы не так растерян, — уже выхватил бы пистолет и выстрелил. Но он лишь развернулся и кинулся прочь по тоннелю.

Бонд встал в свою излюбленную фехтовальную стойку — левая нога вперед, правая перпендикулярно сзади, для упора, — и сделал один-единственный оглушительный выстрел, с двух рук. Пуля попала убегающему противнику в лодыжку, и он, вскрикнув, повалился на пол, ярдах в десяти от входа в тоннель.

Бонд помчался к нему. Здание заходило ходуном, тарахтение усилилось, из стен снова посыпались кирпичи. С потолка дождем летела штукатурка, кусок цемента размером с мяч для крикета обрушился прямо на ушибленное плечо Бонда, и он скрипнул зубами от резкой боли.

Но хода не сбавил. Охранник полз к расщелине, через которую проникал солнечный свет.

Бульдозер тарахтел где-то прямо над головой. «Скорее, шевелись! — подгонял себя Бонд. — Сейчас тут камня на камне не оставят». Он уже почти добежал до раненого, когда чавкающий наверху двигатель взревел еще громче. Кирпичи посыпались градом.

«Не самое подходящее место для могилы…»

Десять ярдов до раненого. Наложить повязку, перетащить его из тоннеля в какое-нибудь укрытие — и задать интересующие вопросы.

С оглушительным грохотом свет весеннего дня в конце тоннеля померк. В облаке пыли возникли два ярко горящих белых глаза. Как у льва, заметившего добычу, они вдруг уперлись прямо в Бонда, и бульдозер с рычанием двинулся вперед, толкая перед собой гору земли и камней.

Бонд вскинул пистолет, но целиться было некуда — поднятый отвал бульдозера прикрывал

кабину. Чудовище медленно ползло вперед.

— Нет! — закричал раненый при виде надвигающегося бульдозера. Водитель его не видел. Или видел, но плевать хотел на то, что человек вот-вот погибнет. С отчаянным воплем охранник исчез под накрывшей его лавиной грунта. В следующее мгновение могилу разровняли стальные гусеницы.

Вскоре свет фар исчез за отвалом и воцарилась кромешная тьма. Щелкнув кнопкой фонарика, Бонд побежал обратно в помещение с поворотным кругом, однако на пороге споткнулся и рухнул на землю. Щиколотки, а затем и икры завалило подступающей землей.

Еще через миг его ноги были скованы до колен.

Бульдозер, надрывно тарахтя, заталкивал в помещение огромную груду строительного мусора. Бонда придавило уже до пояса. Еще полминуты — и он скроется с головой.

Но то ли гора оказалась слишком большой, то ли бульдозер наткнулся на какую-то балку — земляная лавина вдруг замерла. Не дожидаясь, пока водитель отъедет и начнет штурм заново, Бонд поспешно выбрался из-под завала и на четвереньках бросился прочь. Глаза горели, легкие

разрывались. Отплевываясь грязью и песком, он посветил фонариком в тоннель. Проход был забит.

Бонд промчался через три отсека, где собирал пепел и металлические опилки, и замер перед дверью в прозекторскую. Что, если противники завалили выход через тоннель именно затем, чтобы загнать его в ловушку?

Он прикрутил к «вальтеру» глушитель, глубоко дыша, замер на мгновение, а потом резко толкнул дверь, принимая оборонительную стрелковую стойку и светя вперед фонариком, зажатым в левой руке.

Пустой зал откликнулся вздохом. Однако двойные двери, которыми Бонд хотел воспользоваться для отступления, тоже оказались завалены снаружи тоннами сырой земли.

Ловушка…

Бонд кинулся в северный торец, к каморкам в отделении психиатрии. В самой большой из комнат — видимо, кабинете — была дверь, к сожалению, запертая. Отклонившись, чтобы не задело рикошетом, Бонд выпустил четыре пули в металлическую пластинку замка и еще четыре — по дверным петлям.

Безрезультатно. Свинцу, даже наполовину за-

кованному в стальную оболочку, со сталью не справиться. Перезарядив пистолет, Бонд сунул пустой магазин в левый карман, куда обычно складывал стреляные гильзы.

Он начал присматриваться к зарешеченным окнам, и тут громкий окрик заставил его подскочить от неожиданности:

— Внимание! Opgelet![6] Grozba![7] Небезпека![8]

Бонд резко обернулся.

Голос шел из громкоговорителя на стене:

— Внимание! Opgelet! Grozba! Небезпека! Трехминутная готовность!

Последнюю фразу также продублировали на голландском, польском и украинском.

Опасность?

— Всем немедленно покинуть здание! Взрывные устройства приведены в действие!

Луч фонарика заметался по комнате.

Кабели!.. Значит, это не проводка, а шнуры, ведущие к зарядам. Бонд их не рассмотрел, потому что они скрывались под нашлепками серебри-

---

[6] Примечания: 6
Внимание! *(голл.).*

[7] Примечания: 7
Тревога! *(пол.).*

[8] Примечания: 8
Тревога! *(укр.).*

стого пластыря на стальных балках под самым потолком. Все здание опутывала взрывная сеть.

Три минуты…

Фонарик высветил десятки зарядов. Хватит, чтобы обратить каменные стены в пыль — а самого Бонда развеять по ветру. Все выходы перекрыты.

Сердце бешено колотилось, на лбу выступила испарина. Отбросив фонарик и пистолет, Бонд ухватился за металлический прут в зарешеченном окне. Не поддается.

Осмотревшись в тусклом свете, струящемся через пыльное стекло, он вскарабкался по ближайшей опоре под потолок и, сорвав прилепленный заряд, спрыгнул на пол. Судя по запаху, взрывчатая смесь композитная, на основе гексогена. Бонд откромсал ножом крупный кусок и налепил на замок и ручку двери. Достаточно, чтобы взорвать замок, а самому остаться в живых.

Давай, быстрее!

Отойдя шагов на двадцать, Бонд прицелился и выстрелил. Пуля вошла точно в заряд.

Но, как он и опасался, ничего не произошло. Желто-серая смертоносная масса лениво шлепнулась на пол. Композитные смеси взрываются только при помощи детонатора, а не от физиче-

ского воздействия, даже если это пуля, летящая со скоростью двух тысяч футов в секунду.

Из громкоговорителя донеслось предупреждение о двухминутной готовности.

Бонд поднял голову к потолку, где болтался отцепленный от заряда детонатор. Единственный способ заставить его сработать — воздействовать электричеством.

Электричество…

Громкоговоритель? Нет, там слишком маленькое напряжение, на детонатор не хватит. Равно как и в батарейке из фонарика.

Голос загремел снова, объявляя минутную готовность.

Вытерев вспотевшие ладони, Бонд отодвинул затвор пистолета и достал патрон. Подцепив ножом, выковырял и отбросил в сторону свинцовый сердечник, а гильзу с порохом вдавил в плитку взрывчатого вещества, которую налепил на дверь.

Снова отойдя назад, он тщательно прицелился в крохотный диск гильзы и нажал спусковой крючок. Пуля ударила в капсюль, порох рванул, сдетонировав, в свою очередь, композитную смесь.

Полыхнул огонь, и замок вместе с прилегаю-

щей филенкой разлетелся на куски.

Бонда бросило взрывной волной на пол, засыпав дождем из щепок и окутав облаком дыма. Несколько секунд он лежал оглушенный, затем, шатаясь, поднялся на ноги и пошел к двери, открытой, но заклиненной в проеме. Там зияла дыра, дюймов восемь шириной, не больше. Ухватившись за ручку, Бонд с силой потянул дверь на себя.

— Внимание! Opgelet! Grozba! Небезпека!

Глава 14

Северан Хайдт и Найл Данн стояли бок о бок в трейлере, глядя с напряженным ожиданием на старую санчасть. Любому — даже суперневозмутимому Данну, рассудил Хайдт, — интересно посмотреть, как направленный взрыв разрушает здание.

Когда Янссен не ответил на телефонный звонок, Ирландец сказал Хайдту, что охранник наверняка убит. Он завалил все выходы из госпиталя, затем вприпрыжку, будто косолапый зверь, добежал до трейлера и сообщил Хайдту, что будет взрывать заложенные в здании заряды. По плану санчасть предполагалось сносить завтра, но ничто не мешало слегка ускорить процесс.

Данн привел в действие компьютеризованную систему и одновременно нажал две красные кнопки. Страховые обязательства требовали за сто восемьдесят секунд до взрыва объявить тревогу на родных языках девяноста процентов рабочего состава. Опцию можно было бы и отключить, но на это потребовалось бы время, а противник все равно либо погребен под слоем земли в тоннеле, либо заперт в морге. Если

его будут искать и придут к ним с расспросами, Хайдт скажет: «Да, сейчас проверим… Что? Боже, мы понятия не имели! Мы ведь все сделали как полагается — и ограду поставили, и знаки. А объявление о тревоге? Неужели он не слышал?.. Простите, нашей вины тут нет».

— Пятнадцать секунд, — сказал Данн.

Хайдт, беззвучно шевеля губами, вел обратный отсчет.

Таймер на стене дошел до нуля, компьютер послал сигнал детонаторам.

Вспышки они увидели не сразу — первые взрывы прогремели глубоко внизу, под землей, уничтожая несущие опоры. Но уже через несколько секунд, словно фотоаппараты папарацци, засверкали сполохи, сопровождаемые хлопушечным треском и гулкими выбухами. Здание содрогнулось. А потом, будто валясь на колени и кладя голову на плаху, санчасть качнулась и осела в клубах пыли и дыма.

— Нас наверняка слышали. Надо убираться, — проговорил Данн.

Но Хайдт застыл, загипнотизированный кучей обломков, так не похожей на элегантное, при всей его обветшалости, здание, которое стояло на этом месте несколько мгновений назад. Было

— и нет его.

— Северан! — позвал Ирландец.

Хайдт ощутил возбуждение. Перед глазами встала Джессика Барнс, ее седые волосы, бледная, морщинистая кожа. Про «Геенну» она ничего не знала, поэтому сюда он ее брать не стал и теперь пожалел, что ее нет рядом. Ничего, встретится с ней в офисе, потом отвезет домой.

В животе сладко ёкнуло. Сладость тысячекратно усиливалась воспоминанием о теле, найденном в контейнере утром, и о том, что случится завтра.

«Сотня погибших…»

— Да-да. — Очнувшись, Северан подхватил портфель и вышел из трейлера. Однако садиться в «Ауди-А8» не спешил. Он еще раз обернулся посмотреть на облако дыма и пыли, клубившееся на месте взорванного здания. Очень грамотно заложили заряды. Надо будет выразить благодарность команде. Это целая наука — распределить заряды. Фокус не в том, чтобы заставить здание взлететь на воздух, а в том, чтобы, убрав из-под него опоры, предоставить силе притяжения уничтожить его окончательно.

Метафорически, подумал Хайдт, именно так можно описать его собственную роль на этой

земле.

Глава 15

Послеполуденное солнце раскрасило фенландское свекольное поле полосами света и тени под зебру.

Джеймс Бонд лежал на спине, раскинув руки и ноги, как заигравшийся в снежки ребенок, не желающий идти домой. Он лежал между рядами с зеленой ботвой, в тридцати ярдах от кучи обломков, в которую превратилась старая санчасть. И которая едва не погребла его под собой. Уши (он отчаянно надеялся, что временно) заложило от взрывной волны. Глаза он предусмотрительно зажмурил, стараясь уберечь от вспышек и шрапнели, но руками пришлось прокладывать себе дорогу на свободу, выламывая наружную дверь отделения психиатрии, когда сдетонировали взрывные устройства под несущими опорами и здание начало оседать.

Он слегка приподнялся — к маю свекольная ботва еще недостаточно вымахала, чтобы обеспечить надежное укрытие, — и повертел головой, осматриваясь.

Все чисто. Противник — кто бы он ни был, Ирландец, Ной или их сообщник — не думал его

искать, видимо, уверенный, что он похоронен под завалом.

Шумно дыша, чтобы очистить легкие от пыли и едкого дыма, Бонд встал и шатаясь побрел прочь с поля.

Вернувшись к машине, он повалился за руль, оставив дверь открытой. Выудил с заднего сиденья бутылку воды, отпил немного, а остальной водой, высунувшись из салона, промыл глаза.

Потом завел мощный двигатель и, услышав, к своему облегчению, шум выхлопной трубы, выехал из Марча по восточной дороге, чтобы не столкнуться с другими представителями этой «компании по сносу». Вскоре, сделав крюк и вновь повернув на запад, он уже катил по трассе A1 в Лондон, расшифровывать таинственные пепельные останки.

* * *

Около четырех часов того же дня Бонд въехал на парковку под зданием ГМП.

Он хотел принять душ, но потом решил, что времени нет, и поспешил к Филли, умывшись и заклеив пластырем очередную царапину от кирпичного осколка.

— Вот, сможешь восстановить? — Он вручил ей

собранный на полоски пластыря пепел.

— Господи, Джеймс, что с тобой? — встревожилась она. Тактическое обмундирование приняло большую часть ударов на себя, но у Бонда кое-где наливались фиолетовым новые синяки.

— Ничего особенного — легкое столкновение с бульдозером и некоторым количеством то ли семтекса, то ли «си-четыре». Наведи справки о «Восточном филиале по сносу и демонтажу». И выясни, пожалуйста, кому принадлежит военная база под Марчем. Министерству обороны? Или ее кому-то продали?

— Хорошо, сейчас займусь.

Бонд прошел к себе в кабинет, но не успел сесть за стол, как в интеркоме раздался голос Мэри Гуднайт:

— Джеймс, тут по второй линии этот самый. — Ее тон не оставлял сомнений, кто «этот самый».

Бонд нажал кнопку:

— Слушаю, Перси.

— Джеймс, алло! — полился в ухо елейный голос. — Я возвращаюсь из Кембриджа. Выкроил немного время обменяться новостями. Посмотрим, удалось ли отыскать еще фрагменты нашей головоломки.

«Немного время»… Странно такое слышать от

выпускника Кембриджа.

— Как съездили?

— Осмотрелся. Портон-Даун ведет там какие-то разработки. Наткнулся на их объект. Совершенно случайно.

Последняя фраза Бонда позабавила.

— Интересно. А есть какая-то связь между биохимикатами и Ноем или «Инцидентом-20»?

— Сложно сказать. На их видеокамерах и в журнале посетителей ничего примечательного. Но я оставил там своего помощника, он будет копать.

— А в пабе?

— Вполне приличное карри. Официантка, разумеется, уже не помнит, кто там сто лет назад заказывал пирог и «обед пахаря», что и неудивительно. А как у вас? Дала что-нибудь загадочная записка про аптеку и мартовские иды?

К этому вопросу Бонд готовился заранее.

— Я попробовал самый маловероятный вариант. Съездил в Марч, на Бутс-роуд, и там наткнулся на заброшенную военную базу.

Пауза.

— Ясно. — Сотрудник Третьего отделения рассмеялся, совершенно, впрочем, невесело. — Значит, в нашей прошлой беседе вы не раскрутили улику до конца. А число «семнадцать», случай-

но, при таком раскладе не завтрашнюю дату означает?

Что-что, а проницательности Осборн-Смиту не занимать.

— Такая вероятность существует. Когда я туда приехал, там велись работы по сносу, — уклончиво продолжил Бонд. — Боюсь, вопросов теперь еще больше, чем ответов. Есть кое-какие находки, они сейчас переданы экспертам. Так, по мелочи. Заключения перешлю, как получу.

— Благодарю. Я пока разрабатываю все подряд: исламистов, афганский след, всплески радиоэлектронных данных, — как положено, в общем. Займусь ими на время.

Отлично. Самый лучший подход к заместителю начальника по оперативным вопросам Перси Осборн-Смиту.

Занять его на время…

Они попрощались, и Бонд позвонил Биллу Таннеру — отчитался о том, что произошло в Марче. Договорились пока ничего не предпринимать в связи с погибшим под бульдозером парнем, который напал на Бонда. Не стоит ради трупа рисковать прикрытием.

Мэри Гуднайт заглянула в дверь.

— Пока ты говорил по телефону, звонила Фил-

ли. Она для тебя кое-что нашла. Я сказала ей подойти. — Секретарь, нахмурившись, обратила взгляд к затемненному окну. — Жуть, правда? С Филли, я имею в виду.

— Ты это о чем?

— Ты разве не слышал? Тим разорвал помолвку. Взял и исчез несколько дней назад. А ведь уже и церемонию в церкви назначили, и девичник спланировали. В Испании. Я тоже была в числе приглашенных.

«Наблюдательность на высоте, — пожурил себя Бонд. — Вот чего не хватало у нее на рабочем столе — фотографий жениха».

— А что произошло?

— Да как обычно, все одно к одному. Они не очень ладили в последнее время, ссора на ссоре — в основном из-за того, что она слишком лихачит за рулем и круглыми сутками пропадает на работе. Пропустила большой семейный сбор у его родителей. И тут ни с того ни с сего ему предлагают перевод то ли в Сингапур, то ли в Малайзию. Он и согласился… Они три года были вместе, если не ошибаюсь.

— Печально слышать.

Обсуждение семейной драмы оборвалось с появлением главной ее героини.

Не заметив неловкого молчания, Филли с улыбкой прошла мимо Мэри Гуднайт в кабинет, где беззаботно уселась в кресло. Миловидное лицо пылало, в ореховых глазах светился азарт охотника, напавшего на верный след. От этого она казалась еще красивее. Девичник в Испании? Нет, эта картина в его голове не укладывается. Равно как и Филли, волочащая домой пакеты из супермаркета, чтобы состряпать сытный ужин для муженька Тима и деток — Матильды и Арчи.

«Так, хватит!» — одернул себя Бонд, сосредоточиваясь на словах Филли.

— Нашим удалось прочитать слова на одном из сожженных обрывков. Там написано: «план „Геенна“». А под ними — «пятница, 20 мая».

— Геенна? Знакомое что-то.

— Это из Библии. Я постараюсь разузнать побольше. Пока только пробила «план „Геенна“» по органам безопасности и криминалистическим базам данных. Улов нулевой.

— А на другом клочке что?

— Он поврежден сильнее. В лаборатории разобрали только «срок» и «пять миллионов фунтов». Отослали в особый отдел Скотленд-Ярда, под грифом «Совершенно секретно». К вечеру привезут обратно мне.

— Срок… Период, семестр? Условия или срок договора, я так полагаю. А пять миллионов — оплата либо аванс за теракт, или что они там планируют. Значит, Ной работает за деньги, не из политических или идейных соображений.

Филли кивнула.

— Теперь про сербов. Уловка с Венгрией не сработала, оттуда тоже подобраться не удалось. В Белграде на тебя зуб точат, Джеймс. Но мне удалось через ваш отдел «И» представиться шишкой из Евросоюза — главой Управления транспортной безопасности и анализа происшествий.

— Это еще что за контора?

— Сама придумала. И хотя хвалиться нехорошо, вполне сносно изобразила французско-швейцарский акцент. Сербы из кожи вон лезут, чтобы ублажить Евросоюз; теперь в темпе вальса собирают для меня сведения по опасному грузу и этому Карику.

Филли поистине цены нет.

— У «Восточного филиала по сносу и демонтажу» главный офис в Слау. Они предложили самую низкую цену в тендере на снос военной базы в Марче.

— Акционерная компания?

— Частное предприятие. Входит в состав хол-

динга, тоже частного, под названием «Грин уэй энтерпрайзис». Довольно крупный холдинг, действует в полудюжине стран. Весь пакет акций у одного человека. Некто Северан Хайдт.

— Его правда так зовут?

Филли рассмеялась:

— Сначала я тоже удивилась, чем его родители думали. Но оказывается, он сам официально сменил имя в двадцать с небольшим.

— А прежде как его звали?

— Мартин Холт.

— Холт на Хайдт, — задумчиво протянул Бонд. — Тоже не вижу смысла, но Мартин на Северан? Зачем, спрашивается?

Филли пожала плечами.

— «Грин уэй» — огромное предприятие по сбору и переработке мусора. Ты наверняка видел их грузовики, только внимания не обращал. Мне не так уж много удалось раскопать, потому что компания частная, а прессы Хайдт избегает. «Таймс» назвала его самым богатым мусорщиком в мире. В «Гардиан» ему тоже посвятили статью, довольно восторженную, но он и от них отделался парой общих фраз. По рождению голландец, какое-то время имел двойное гражданство, сейчас оставил только британское.

Охотничий блеск в глазах Филли подсказывал, что она еще не все сказала.

— И?..

Филли улыбнулась:

— Нашлось несколько упоминаний в Интернете, относящихся к его студенческим годам в Бристольском университете, — парень, кстати, делал успехи. — Филли пояснила, что помимо учебы Хайдт проявил себя и в университетском яхт-клубе, был капитаном на соревнованиях. — Причем не только водил яхту, но и построил своими руками. Так он заработал свое прозвище.

— И какое же? — спросил Бонд, уже, впрочем, догадываясь.

— Ной.

Глава 16

Половина шестого. До того как Филли передадут запрошенные данные, оставалось еще несколько часов, поэтому Бонд предложил встретиться за ужином.

Филли согласилась и пошла на свое рабочее место, а Бонд тем временем составил и зашифровал письмо для Эм с копией Биллу Таннеру, где сообщил, что Ной — это Северан Хайдт, приложив краткую биографическую справку и отчет о происшедшем в Марче. Добавил, что Хайдт называл теракт, запланированный на пятницу, планом «Геенна».

Ответ пришел лаконичный:

> 007 – –
> Полномочия на продолжение задания. При надлежащем согласовании действий с внутренними организациями.
> Эм.

Карт-гри во всей красе.

Бонд вышел из кабинета, спустился на лифте на третий этаж и заглянул в просторное помеще-

ние, уставленное компьютерами, словно магазин электроники. Несколько человек трудились в своих отсеках за перегородками, вроде тех, что бывают в университетских химических лабораториях. Бонд прошагал в самый конец и постучал в окно.

Глава отдела «Кью» ГМП, Сану Хирани, был худощавым человеком лет сорока. С таким красивым смуглым лицом в обрамлении роскошных черных кудрей ему бы исполнять ведущие роли в Болливуде.[9] Прекрасный игрок в крикет, он славился убойной подачей и обладал научными степенями в химии, электромеханике и вычислительной технике, полученными в ведущих британских и американских университетах. В Америке он преуспел во всем, кроме попыток увлечь крикетом янки, которые, во-первых, отказывались вникать в тонкости правил, а во-вторых, считали отборочную игру слишком затянутой.

Отдел «Кью» обеспечивал техническую поддержку ГМП, и Хирани целиком и полностью отвечал за весь арсенал устройств, использую-

[9] Примечания: 9

Болливу́д (*англ.* Bollywood) — это синоним киноиндустрии индийского города Мумбай (бывш. Бомбей), названной так по аналогии с Голливудом. *Прим. ред. FB2*

щихся в шпионском деле. Кудесники из «Кью», а также из научно-технического подразделения ЦРУ трудились над программами и аппаратурой самого разного рода, изобретая и совершенствуя микрокамеры, невероятное оружие, средства маскировки, связи и слежения. Последняя разработка Хирани, к примеру, представляла собой гиперчувствительный широконаправленный микрофон, упакованный в тушку дохлой мухи. («Жучок в жучке», — заметил Бонд, на что автор творения ответил, что он с этой шуткой уже восемнадцатый, а муха, если кто подзабыл биологию, вообще-то не жук.)

Поскольку raison d'être[10] ГМП составляла оперативная работа, обязанности Хирани большей частью заключались в пополнении арсенала монокуляров, биноклей, камуфляжа, переговорных устройств, особого оружия и приборов контрнаблюдения. Он был сродни библиотекарю, следящему за правильной выдачей и своевременным возвратом книг.

Однако особый талант Хирани состоял в умении изобретать и импровизировать, создавая приборы вроде ай-кью-фона. ГМП принадлежали,

---

[10] Примечания: 10
Смысл существования, суть *(фр.).*

помимо всего прочего, десятки патентов на его изобретения. Если Бонд или кто-то другой из агентов отдела «О» оказывались на задании в тупике, достаточно было в любое время дня или ночи позвонить Хирани, и решение находилось. Он с подручными собирал необходимое и отправлял с курьерской диппочтой. Однако чаще счет шел на часы, и тогда Хирани подключал кого-нибудь из своих многочисленных подручных, разбросанных по всему миру, и тот конструировал, находил или переделывал нужное устройство на месте.

— Джеймс! — Бонд с Хирани обменялись рукопожатием. — Слышал, тебе достался «Инцидент-20».

— Вроде бы.

Бонд уселся, заметив краем глаза лежащую на столе Хирани книгу — «Тайная война Чарльза Фрейзер-Смита». Он и сам любил этот труд по истории шпионской техники.

— И насколько это серьезно?

— Довольно-таки, — лаконично ответил Бонд, дважды успевший за неполные сорок восемь часов посмотреть в лицо смерти.

— Зачем пришел? — осведомился Хирани, усаживаясь под постерами с изображениями первых «Ай-би-эм» и индийских крикетистов.

Бонд понизил голос, чтобы не услышала сидевшая ближе всех сотрудница «Кью», молодая женщина, сосредоточенно вглядывающаяся в экран.

— Какие у тебя есть устройства слежения, чтобы можно было установить в одиночку? Ни к компьютеру, ни к телефону объекта я скорее всего не подберусь, но, возможно, смогу установить что-нибудь в его офисе, в машине или в доме. И одноразовые, потому что забрать их вряд ли удастся.

— Эх, тут такое дело… — Блеск в глазах Хирани померк.

— Какое дело, Сану?

— Понимаешь, Джеймс, мне минут десять назад позвонили сверху.

— Билл Таннер?

— Нет, бери выше.

Эм. Черт. Бонд начал догадываться, к чему клонит Хирани.

— И он сказал, что, если кто-нибудь из отдела «О» придет за устройствами для слежения, немедленно сигнализировать ему. Такое вот совпадение.

— Да уж, — угрюмо отозвался Бонд.

— Так что? — с понимающей улыбкой поинте-

ресовался Хирани. — Сообщить ему, что кто-то из отдела «О» просил выдать «жучок»?

— Думаю, можно слегка повременить.

— Тогда предлагаю твоему вниманию ряд замечательнейших новинок. — Ни дать ни взять продавец автосалона. — Индукционный микрофон — никаких батареек, главное — поместить его рядом с проводом питания. Улавливает голос с пятидесяти футов и автоматически подстраивает громкость, чтобы без искажений. Да, и еще одна наша большая удача — двухфунтовая монета, юбилейная, выпущенная к трехсотлетию Банка Англии в девяносто четвертом году. Достаточно редкая, чтобы объект решил сохранить ее на удачу, но не настолько дорогая, чтобы он вознамерился ее продать. Батарейки хватает на четыре месяца.

Бонд вздохнул. Приборы один другого лучше, но для него под запретом. Поблагодарив Хирани, он пообещал не пропадать надолго и вернулся в кабинет, где за рабочим столом сидела Мэри Гуднайт. Он не видел смысла больше ее сегодня задерживать.

— Мчись домой, Гуднайт, приятного вечера.

Мэри окинула взглядом свежие синяки и царапины Бонда, но поборола соблазн поиграть

в няньку — предыдущие попытки показали, что все равно ничего не выйдет. Поэтому она ограничилась коротким «обработай чем-нибудь, Джеймс» и вышла, подхватив сумочку и плащ.

Откинувшись в кресле, Бонд вдруг осознал, как от него несет потом, и оглядел каемку кирпичной пыли под ногтями. Хорошо бы домой, в душ. Да и горло промочить в первый раз за день. Впрочем, прежде необходимо было кое-что выяснить.

Повернувшись к монитору, он зашел в базу данных «Голден вайер» и выяснил, где расположены офис и дом Северана Хайдта. Проживал крупный бизнесмен, как ни странно, в непритязательном районе Восточного Лондона под названием Кэннинг-Таун. Главные помещения «Грин уэй» располагались на Темзе неподалеку от Рейнема, примыкая к заповеднику.

Бонд открыл дом Хайдта и территорию «Грин уэй» на спутниковой карте. Позарез необходимо установить там прослушку. Сделать это законным путем без привлечения Осборн-Смита и ищеек из Отдела оперативной поддержки МИ-5 не получится. А как только сотрудник Третьего отделения узнает про Хайдта, он мигом задержит и его, и Ирландца. Бонд в очередной раз просчитал возможный риск. Верна ли его догадка, что

в случае захвата этой парочки сообщники либо ускорят проведение теракта, либо залягут на дно до следующего месяца или даже следующего года?

Зло, как успел убедиться Бонд, умеет ждать.

Ставить «жучки» или нет?

Взвесив все «за» и «против», он помедлил минуту и неохотно снял трубку телефона.

Глава 17

В половине седьмого Бонд въехал в свой гараж и задним ходом припарковался рядом с зеленым «ягуаром». Поднявшись по лестнице, он отпер дверь, отключил сигнализацию и с помощью отдельного устройства, представлявшего собой высокоскоростную камеру, убедился, что в квартиру, кроме домработницы Мэй, никто не заходил. (Когда Бонд только нанимал ее на работу, он предупредил, смущаясь, что камера — это требование его начальства, и квартира должна оставаться под наблюдением в отсутствие хозяина, даже если там будет она, Мэй. «Вы служите Родине, сэр, а я патриотка, так что ничего страшного», — решительно заявила домработница. Бонд единственный удостоился от нее обращения «сэр».)

На автоответчике был только один звонок — от приятеля из Мейфэра. Фуад Хараз, тучный ушлый иорданец, занимался продажей и арендой транспортных средств — автомобилей, самолетов и яхт, бьющих все рекорды ослепительности. Они с Харазом состояли в одном игорном клубе под названием «Коммодор», на Беркли-сквер.

В отличие от прочих подобных лондонских клубов, где членство покупалось за пятьсот фунтов и оформлялось за сутки, в «Коммодоре» процедура проходила по всем правилам и требовала запастись терпением — велась проверка. Вступив же в клуб, вы обязывались строго придерживаться внутренних правил, соблюдать дресс-код и безупречно вести себя за игровыми столами. Кроме того, клуб располагал рестораном с изысканной кухней и винным погребом.

Хараз звонил, чтобы пригласить туда Бонда вечером на ужин.

— Выручай, Джеймс. У меня тут появились две прекрасные особы из Сен-Тропеза; как появились — слишком долгая и деликатная история, не для автоответчика. Моего обаяния на обеих не хватит. Поможешь?

Улыбнувшись, Бонд перезвонил и извинился: на сегодня у него уже назначена встреча. Договорились обязательно поужинать в другой раз.

Затем он повторил ритуал в душе — обжигающе горячая, потом ледяная — и растерся полотенцем. Провел пальцем по щекам и подбородку… нет, лучше не изменять своему извечному принципу не бриться дважды в день. «С чего вообще такие мысли? — поддел он себя. — Филли Мейденстоун,

конечно, умница и красавица и ездит на обалденном мотоцикле — но она прежде всего коллега. И не больше».

Однако перед глазами против воли возник черный кожаный комбинезон.

Обернув вокруг бедер полотенце, Бонд зашел на кухню, налил бурбона «Бэзил Хэйден» на два пальца, бросил кубик льда и отпил половину, наслаждаясь крепким ореховым вкусом. Первый глоток за день всегда самый сладкий, особенно такой — между смертельно опасной экскурсией в тыл врага и ужином с красивой женщиной.

«Притормози», — одернул он себя снова.

Бонд уселся в старинное кожаное кресло в спартански обставленной гостиной. Большая часть вещей перешла ему по наследству от родителей и после их смерти хранилась на складе рядом с домом тетки, в Кенте. Что-то он потом докупил сам — несколько ламп, письменный стол, стулья и аудиосистему, слушать которую, впрочем, вечно не хватало времени.

На каминной полке стояли в серебряных рамках фотографии родителей и бабушек с дедушками — шотландцев с отцовской стороны, швейцарцев — с материнской. На нескольких снимках был запечатлен сам юный Джеймс со

своей тетей Чармиан в Кенте. На стенах висели фотографии другого рода, сделанные матерью, фотографом-фрилансером. Большей частью черно-белые, они запечатлевали политические собрания, профсоюзные мероприятия, спортивные состязания и панорамные экзотические пейзажи.

В самом центре каминной полки располагался весьма неожиданный арт-объект — патрон, не имеющий ровным счетом никакого отношения к службе Бонда агентом категории «ноль-ноль» в отделе «О» ГМП. Он принадлежал совсем другому этапу его биографии.

Как ни принуждал себя Бонд считать все отношения с Филли — все дела с агентом Мейденстоун — сугубо профессиональными, он не мог не думать о ней как о женщине.

О женщине, которая больше не связана помолвкой.

Допустим, его тяга к Филли — это нечто большее, чем физическое влечение. Тогда закономерно возникает вопрос, который он себе уже задавал относительно других женщин (хоть и не часто): стоит ли рассчитывать на что-то серьезное?

С личной жизнью у Бонда было куда сложнее, чем у многих. Обзавестись постоянной спутни-

цей мешали в какой-то степени и бесконечные разъезды, и условия работы, и опасность, грозящая ему на каждом шагу. Главная же сложность состояла в том, чтобы признаться, в чем на самом деле заключается его работа, а точнее, что подразумевается под двумя нулями. У некоторых женщин (если не у большинства) его обязанности вызовут ужас (если не отвращение).

Рано или поздно любой женщине, с которой его будет связывать нечто большее, чем постель, ему придется хотя бы частично во всем признаться. Не получится до бесконечности хранить тайну от близкого человека. Люди гораздо умнее и наблюдательнее, чем нам кажется, поэтому, если ты связал себя с кем-то романтическими узами, твои самые важные тайны останутся тайнами лишь в том случае, если так пожелает другой.

В Уайтхолле внешняя отстраненность, может быть, и возможна, а между спутниками жизни — вряд ли.

Однако с Филли Мейденстоун это как раз не проблема. Не нужно никаких откровений за ужином или на смятой утренней постели. Ей прекрасно известен и его послужной список, и круг его обязанностей.

И ресторан она выбрала недалеко от своего

дома.

Что кроется за таким выбором?

Джеймс Бонд взглянул на часы. Пора одеваться и попробовать разгадать эту шифровку.

Глава 18

В четверть девятого такси высадило Бонда у «Антуана» в Блумсбери, и он моментально одобрил выбор Филли. Многолюдных, шумных ресторанов и баров он терпеть не мог, и ему уже не раз доводилось покидать раскрученные заведения, где уровень децибелов превышал терпимый. «В модных пабах сейчас скорее грустно, чем вкусно», — пошутил он однажды.

Но в «Антуане» царили тишина и интимный полумрак. У дальней стены красовалась впечатляющая коллекция вин, а остальные стены были увешаны неяркими портретами девятнадцатого века. Бонд попросил отдельный закуток поближе к стене с винами и, опустившись на мягкий кожаный диван, лицом к залу, как обычно, обвел заведение взглядом. Судя по всему, в основном деловые люди и завсегдатаи.

— Что будете пить? — поинтересовался официант, приятный мужчина лет под сорок, с бритой головой и проколотыми ушами.

Бонд остановил свой выбор на коктейле.

— «Краун роял», пожалуйста, со льдом, двойной. Добавьте половину мерки «Трипл-сек», пару

капель горькой настойки и завиток апельсиновой цедры.

— Хорошо, сэр. Интересный коктейль.

— На основе «Старомодного», но вообще-то мое собственное изобретение.

— А название у него есть?

— Нет пока. Подыскиваю.

Коктейль принесли через несколько минут — идеально составленный, о чем Бонд не преминул сообщить официанту, отпив глоток. Когда он поставил стакан на стол, в дверь вошла Филли, сияющая радостной улыбкой. Заметив Бонда, она ускорила шаг.

На ней были обтягивающие черные джинсы и коричневый кожаный пиджак, а под пиджаком облегающий темно-зеленый свитер цвета его «ягуара».

Бонд привстал при появлении девушки, и она села за стол — рядом с ним, не напротив. В руках у нее был портфель.

— Ты как, нормально?

Бонд ожидал чего-то более интимного, чем такое формальное приветствие. «А собственно, почему?» — строго спросил он себя.

Едва сняв пиджак, она перехватила взгляд официанта, встретившего ее радостной улыбкой:

— Офелия!

— Здравствуй, Аарон. Мне бокал мозельского рислинга.

— Уже несу.

Вино прибыло, и Бонд сказал Аарону, что они пока повременят с заказом. Бокалы качнулись навстречу друг другу, не соприкасаясь.

— Прежде, — придвигаясь чуть ближе, начал Бонд, — про Хайдта. Рассказывай.

— Отработала особый отдел в Ярде, «Шестерку», Интерпол, Национальный информационно-криминологический центр, ЦРУ и еще Нидерландскую службу разведки и безопасности. В «Пятерке» тоже кое-что попыталась разузнать втихаря. — От Филли явно не укрылись трения между Бондом и Осборн-Смитом. — Криминала за ним не числится. В списках лиц под особым наблюдением не состоит. Скорее тори, чем лейборист, а вообще от политики довольно далек. Ни к какой церкви не принадлежит. С подчиненными обращается нормально — трудовых конфликтов не наблюдалось. От налоговой и охраны труда никаких нареканий. Обычный состоятельный бизнесмен. Очень состоятельный. Занимался и занимается исключительно сбором и переработкой мусора.

«Мусорщик…» — подумал Бонд.

— Пятьдесят шесть лет, женат не был. Родители — голландцы — уже умерли. Отец не бедствовал, много путешествовал по работе. Хайдт родился в Амстердаме, в двенадцать лет его перевезла сюда мать. У нее был упадок сил, поэтому сын оказался на попечении домработницы, приехавшей с ними из Голландии. Потом отец Хайдта разорился и навсегда исчез из жизни сына. Домработница, оставшись без жалованья, позвонила в Службу опеки и тоже исчезла, а ведь она восемь лет неустанно заботилась о мальчике. — Филли сочувственно покачала головой. — Ему было тогда четырнадцать. В пятнадцать он начал работать дворником. А потом исчез с горизонта — до двадцати лет. В двадцать с небольшим открыл «Грин уэй» — тогда как раз начался бум с переработкой отходов, и пошла борьба с загрязнением среды.

— Как ему удалось подняться? Наследство привалило?

— История загадочная. Начинал он, насколько я понимаю, без пенса в кармане. Умудрился как-то оплатить учебу в университете в юношеские годы. Изучал древнюю историю и археологию. Сейчас его состояние оценивается в несколько сотен миллионов. Просто он более скрытный,

чем остальные.

— А «Грин уэй»?

— Занимается вывозом мусорных контейнеров и строительного мусора, металлоломом, сносом зданий, переработкой, уничтожением бумажных документов, вывозом и захоронением опасных отходов. Согласно деловой прессе, компания намерена открыть центры сбора и переработки отходов в десятке других стран. — Филли продемонстрировала распечатку рекламной брошюры.

Бонд, нахмурившись, посмотрел на логотип. Что-то вроде зеленого кинжала, лежащего на боку.

— Это не кинжал, — рассмеялась Филли, — хотя я тоже так подумала. Это листик. Сейчас самые лакомые темы у зеленых — глобальное потепление, загрязнение, источники альтернативной энергии. Но сбор и переработка отходов не вредящими планете способами тоже стремительно выдвигаются на первый план. И «Грин уэй» — в авангарде.

— Компания не связана с сербами?

— Хайдт владеет через филиал частью небольшого предприятия в Белграде. Но и там ни за кем ничего криминального за ним не числится.

— Не понимаю я его игру. В политику не лезет, с террористами ничего общего. Такое впечатление, что организовать теракт, или что там планируют в пятницу, его наняли за деньги. Однако в деньгах он не нуждается. — Бонд отпил свой коктейль. — Что ж, тогда, инспектор Мейденстоун, расскажите, как дела с уликой — тем комком пепла из Марча. «Шестерка» разобрала «план „Геенна“» и «пятница, 20 мая»; удалось криминалистам из Ярда вытащить еще что-нибудь?

Филли понизила голос, вынуждая Бонда подсесть ближе. До него донесся приятный, неизвестный ему аромат. Тыльная сторона кисти коснулась кашемирового свитера.

— Удалось. Они считают, что дальше там: «Курс определен. Радиус взрыва должен быть не меньше сотни футов. Оптимальное время — десять тридцать».

Бонд вздохнул:

— Значит, взрывное устройство. Пятница, десять тридцать — вечера, судя по изначально перехваченной информации. И курс — вероятно, морской или воздушный путь.

— Теперь, — продолжала Филли, — касательно металлических опилок. Это титаново-стальная слойка. Уникальный материал. В лаборатории

такое в первый раз видят. Металлические опилки, соструганные вчера-позавчера.

Получается, люди Хайдта в подвале санчасти изготавливали оружие из этого металла?

Филли отпила вина, а Бонд скользнул взглядом по ее изящному профилю — от лба до груди.

— Что касается сербов, я пригрозила им Евросоюзом, и они раскололись. Сообщника Ирландца звали Альдо Карик, он был диспетчером по грузоперевозкам.

— Значит, точно знал, в каком поезде перевозят опасный груз.

— Да. — Филли нахмурилась. — Но вообще-то, Джеймс, странно. Вещество было крайне токсичное. Метилизоцианат, МИЦ, именно из-за него погибла куча народа в Бхопале.

— Боже…

— Но ты взгляни, вот описание всех грузов на этом поезде. — Она показала Бонду список, переведенный на английский. — Контейнеры с веществом практически пуленепробиваемые. Даже если их с самолета сбросить, они скорее всего выдержат.

Бонд был озадачен:

— То есть крушение поезда к разливу не привело бы?

— По всей видимости. И еще: там было всего-то триста килограммов МИЦ. Он, конечно, крайне токсичен, но в Бхопале вытекло сорок две тонны. Даже если несколько бочек и протекли бы, последствия оказались бы не особенно серьезными.

Тогда зачем Ирландцу это все понадобилось?

Бонд пробежал глазами список. Остальной груз вполне безобиден: бойлеры, автозапчасти, моторное масло, металлолом, балки, пиломатериалы.

Может быть, хитроумный план состоял в том, чтобы убить машиниста? Или кого-то проживающего у подножия холма под рестораном? Ирландцу понадобилось инсценировать чью-то смерть в результате несчастного случая?

Пока не станут ясны намерения Ноя, никаких действий предпринимать нельзя. Оставалось надеяться только на слежку, разрешение на которую Бонд скрепя сердце запросил несколько часов назад.

— А что там с Геенной? — спросил он.

— Ад, — ответила Филли.

— Что, прости?

Она улыбнулась:

— Геенна — это предтеча ада в христианско-иудаистской традиции. Слово происходит от

еврейского «Гехинном», то есть «долина Еннома» — так называлась долина под Иерусалимом. Считают, что в незапамятные времена там сжигали мусор, потому что благодаря источникам натурального газа в скалах горел вечный огонь. В Библии же Геенна стала означать место будущей кары для грешников и неверующих. Одно из последних упоминаний, сделанное полтора века назад, содержится в стихотворении Редьярда Киплинга. — Филли процитировала по памяти: — «В бездну Геенны иль в царский чертог тот быстрей доберется, чей путь одинок».

Бонд мысленно повторил строку — она ему понравилась.

— У меня было еще одно задание — «Стальной патрон», — продолжила Филли.

«Спокойно», — велел себе Бонд и небрежно вскинул бровь.

— Никакой связи между планом «Геенна» и «Стальным патроном» я не улавливаю, — доложила она.

— Понятно, я и не пытался их связать. Это из другой области, еще до ГМП.

Взгляд ореховых глаз скользнул по лицу Бонда, задержавшись на его шраме.

— Ты служил в Военной разведке, да? А еще

раньше — в Афганистане, в резерве ВМФ?

— Точно.

— Афганистан… Сначала там орудовали русские, потом в заварушку влезли мы. Этот «патрон» имеет какое-то отношение к твоим афганским заданиям?

— Не знаю, все может быть.

Филли поняла, что задает, возможно, неудобные для Бонда вопросы.

— Я получила оригинальный файл, перехваченный нашей резидентурой «Р», и прошлась по метаданным. Меня переадресовали на другие источники, где выяснилось, что «Стальной патрон» — это точечная зачистка, санкционированная на высоком уровне. Вот откуда «некоторые жертвы». Не смогла найти, кто проводил операцию, КГБ или СВР, поэтому даты пока неизвестны. В 1991 году печально известная советская спецслужба КГБ разделилась на ФСБ, отвечающую за внутреннюю безопасность, и СВР — службу внешней разведки. Все интересующиеся событиями в мире спецслужб сошлись на том, что перемены не капитальные, а косметические.

— Точечная зачистка… — задумчиво протянул Бонд.

— Именно. Причем каким-то боком с этой

операцией был связан один из наших тайных агентов, из «Шестерки», но кто и каким образом, я пока не знаю. Может, он выслеживал русского киллера. Может, хотел завербовать его и использовать как двойного агента. А может, наоборот, как раз на нашего и охотились. Скоро выясню детали — прорабатываю по своим каналам.

Бонд поймал себя на том, что, нахмурившись, сверлит невидящим взглядом скатерть.

— Отлично, Филли, спасибо! — поспешно улыбнулся он собеседнице.

Вкратце изложив услышанное от Филли насчет Хайдта, «Инцидента-20» и «Грин уэй» (не касаясь данных по «Стальному патрону»), он отослал эсэмэс-сообщение Эм и Биллу Таннеру.

— Все. Теперь, после праведных трудов, нам положен отдых. Как насчет вина? Тебе какое — красное, белое?

— Я девушка, которая играет не по правилам. — Филли выдержала дразнящую, как показалось Бонду, паузу и пояснила: — Вполне могу взять какое-нибудь красное — «Марго» или «Сент-Жульен» — к непритязательной рыбе вроде камбалы. А могу заказать пино-гри или «Аль-бариньо» к хорошему сочному стейку. Я имею в виду: заказывай что хочешь, меня все устроит.

Намазав маслом кусок булочки, она съела его с явным аппетитом, а потом стала изучать меню с видом маленькой девочки, выбирающей, какой рождественский подарок открыть первым. Бонд умилился.

Рядом со столиком возник официант Аарон.

— Давай сначала ты, — попросила Филли. — Мне надо еще семь секунд.

— Тогда для начала паштет. Багет, пожалуйста, подрумяньте. Затем палтуса на гриле.

Филли заказала салат из рукколы с грушей и пармезаном, а на горячее — припущенного в масле омара с зеленой фасолью и молодым картофелем.

Бонд выбрал бутылку не выдержанного в дубовой бочке шардонне из новозеландского виноградника Мальборо.

— Хорошо, — одобрила Филли. — Лучший шардонне за пределами Бургундии выращивают американцы, но им давно пора набраться храбрости и выкинуть свои дурацкие бочки.

Бонд придерживался ровным счетом того же мнения.

Принесли вино, потом еду, которая оказалась отличной. Бонд похвалил Филли за выбор ресторана.

Завязалась непринужденная беседа. Филли расспрашивала о его жизни в Лондоне, о недавних поездках, о детстве. Он инстинктивно отделывался общими сведениями, которые и так не скрывал: смерть родителей; детство с тетей Чармиан в кентской деревушке Петт-Боттом; недолгая учеба в Итоне и последующий перевод в старинную школу Феттес, которую заканчивал и его отец.

— Да, ходят слухи, что в Итоне ты попал в какую-то заварушку. Что-то с горничной? — Филли выдержала игривую паузу, потом улыбнулась: — Я слышала официальную версию — слегка скандальную. Но есть и другая — что ты вступился за честь девушки.

— Боюсь, на устах моих печать, — с полуулыбкой ответил Бонд. — Официальная подписка о неразглашении. Или неофициальная.

— А тебе не рановато было играть в защитника обездоленных?

— Наверное, я тогда начитался толкиеновского «Сэра Гавейна», — отшутился Бонд, отметив невольно, как глубоко она копнула его биографию.

Он, в свою очередь, поинтересовался ее детскими годами. Филли сказала, что выросла в

Девоне, училась в школе-пансионе в Кембриджшире и там, еще подростком, зарекомендовала себя как волонтер в борьбе за права человека. Потом изучала юриспруденцию в Лондонской школе экономики. Заядлая путешественница, она с упоением рассказывала о своих поездках, но по-настоящему загорелась, когда речь зашла о мотоцикле и второй ее страсти — лыжах.

«Интересно, — подумал Бонд. — Еще одна точка соприкосновения».

Их взгляды встретились на непринужденные пять секунд.

Бонд ощутил знакомую искру. Его колено коснулось ее колена, случайно — но лишь отчасти. Она провела рукой по распущенным рыжим волосам.

Коды, знаки, шифры…

Филли потерла глаза.

— Надо признать, отличная была мысль, — сказала она, понизив голос. — Насчет ужина. Мне определенно не хватало… — Она прищурилась, обрывая фразу, словно не желая или не видя смысла договаривать. — Расходиться еще, по-моему, рано, только половина одиннадцатого.

Бонд подался вперед. Они соприкоснулись плечами — и на этот раз не отстранились.

— Я бы выпила какой-нибудь диджестив, только не знаю, что у них тут есть.

Читай: «У меня дома через дорогу есть портвейн или бренди, а еще диван и музыка».

Шифры…

Предполагаемая ответная реплика за ним: «Да, я бы тоже не против. Но тогда не здесь».

Все решила одна едва заметная мелочь.

Двумя пальцами правой руки Филли рассеянно потирала левый безымянный, на котором Бонд разглядел тонкую полоску, бледнеющую на фоне свежего послеотпускного загара. Ее оставило ныне отсутствующее рубиновое кольцо, подаренное Тимом на помолвку.

Сияющие глаза по-прежнему смотрели на Бонда, и улыбка тоже не меркла. Он понимал, что они вполне могут расплатиться по счету и выйти и она пойдет с ним под руку к себе домой. И они продолжат перешучиваться. И ночь будет упоительной — об этом говорил блеск ее глаз, и переливы голоса, и то, с каким аппетитом она набросилась на еду, и ее одежда, и то, как она ее носит. И ее смех.

Но еще он понимал, что так будет неправильно. Не сейчас. Вместе с кольцом она вернула дарителю и часть своего сердца. Бонд не сомневался,

что утешится она быстро — женщина, которая носится на мотоцикле по пыльным дорогам Скалистого края, долго горевать не будет.

Однако лучше выждать.

Если Офелия Мейденстоун — девушка, которую он способен впустить в свою жизнь, то месяц-другой ничего не изменят.

— По-моему, я видел в списке диджестивов любопытный арманьяк. Думаю, надо попробовать, — произнес он.

И, увидев, как смягчаются ее черты, как облегчение и благодарность перевешивают (хоть и на самую малость) разочарование, он понял, что поступает правильно. Филли пожала его локоть и откинулась на спинку дивана.

— Заказывай сам, Джеймс. Я уверена, ты не промахнешься.

Вторник
Смерть в песках

Глава 19

Бонд проснулся в холодном поту и с колотящимся сердцем, не помня при этом, что ему приснилось. От жужжания мобильного телефона сердце забилось еще быстрее.

Будильник у кровати показывал пять часов одну минуту. Полусонно моргая, Бонд схватил телефон и посмотрел на экран. «Вот молодец».

— Bonjour, mon ami,[11] — поздоровался он.

— Et toi aussi,[12] — ответил густой хрипловатый голос. — Разговор шифруется, так?

— Oui, да, разумеется.

— Как мы только жили без шифрования? — поинтересовался Рене Матис, звонящий, очевидно, из своего кабинета на бульваре Мортье в 20-м arrondissement[13] Парижа.

— Шифрование существовало всегда, Рене. Просто не всегда было соответствующее приложение

---

[11] Примечания: 11
Доброе утро, дружище (*фр.).*

[12] Примечания: 12
И тебе того же *(фр.).*

[13] Примечания: 13
Округ *(фр.).*

на телефоне с сенсорным экраном.

— Точно подмечено, Джеймс. Ты признанный мудрец, comme un philosophe.[14] Да еще в такую рань.

Тридцатипятилетний Матис служил агентом французских спецслужб — «Дирексьон женераль де ла секюрите экстерьор» (ДГСЕ). Они с Бондом периодически работали на совместных операциях ГМП и ДГСЕ, пресекая деятельность «Аль-Каиды» и преступных группировок в Европе и в Северной Америке. Сколько горькой настойки «Кина Лиллет» и шампанского «Луи Редерера» было ими выпито на двоих — не сосчитать, а еще вспоминались… м-м-м… зажигательные ночи в Бухаресте, Тунисе и в Бари, итальянском райском уголке на Адриатике.

Это ему, Рене Матису, накануне позвонил Бонд, а вовсе не Осборн-Смиту, с просьбой установить слежку за Хайдтом. Скрепя сердце он все же принял политически рискованное решение обойти не только Третье отделение, но и самого Эм. Слежка необходима, однако Хайдт с Ирландцем не должны подозревать о повышенном внимании к ним британских властей.

---

[14] Примечания: 14
Настоящий философ *(фр.)*.

Во Франции, разумеется, имелись свои разведслужбы, как ЦПС в Британии, АНБ в Штатах и аналоги с таким же щедрым бюджетом в других странах. ДГСЕ постоянно прослушивала переговоры и читала электронную переписку граждан других государств, включая Британию. (Сейчас-то эти страны — союзники, но ведь историю со счетов не сбросишь.)

Поэтому Бонд и решил задействовать знакомство. Он попросил Рене Матиса послушать электронные и радиоэлектронные разведданные из Лондона, перехватываемые стометровой антенной разведывательного спутника, отслеживающего ключевые слова.

— У меня для тебя кое-что есть, Джеймс, — сообщил Матис.

— Я одеваюсь. Включаю громкую связь, — ответил Бонд, нажимая кнопку и выскакивая из постели.

— Хочешь сказать, что рыжеволосая красавица, уткнувшаяся в соседнюю подушку, тоже будет слушать?

Бонд усмехнулся, не в последнюю очередь потому, что француз назвал именно этот цвет волос. Перед глазами промелькнула картина, как он вчера прощался с Филли на пороге ее дома, и ко-

гда они на краткий миг соприкоснулись щеками, ее огненные волосы скользнули по его плечу.

— Я искал по сигналам с метками «Северан Хайдт» и с его прозвищем «Ной». А также все, что может относиться к «Грин уэй энтерпрайзис», плану «Геенна», крушению поезда в Сербии или вызывающим тревогу акциям, намеченным на ближайшую пятницу. Поглядывая, не попадутся ли поблизости какие-нибудь ирландские имена. Есть некоторая странность, Джеймс: спутник был нацелен точно на территорию «Грин уэй» к востоку от Лондона, однако никаких радиоэлектронных сигналов оттуда не поступало вообще. Как будто рабочим запрещено пользоваться мобильными. Очень загадочно.

«Да уж», — мысленно согласился Бонд, поспешно продолжая одеваться.

— Кое-что все-таки удалось выцепить. Хайдт сегодня утром отбывает за границу. Думаю, скоро. Куда именно, не знаю. Самолетом. Проскочило упоминание про аэропорт и еще про паспорта. Он полетит на частном самолете, его люди договаривались с пилотом напрямую. Из какого точно аэропорта, боюсь, установить не получится. Я понимаю, что в Лондоне их много, мы нацелились на все — исключительно в целях наблюдения,

спешу добавить!

Бонд оценил шутку.

— Насчет плана «Геенна» ничего выяснить не удалось. Но есть и другие данные. Мы расшифровали короткий вызов, поступивший пятнадцать минут назад на объект, расположенный в десяти милях к западу от «Грин уэй», за пределами Лондона.

— Возможно, это дом Хайдта.

— Мужчина сказал: «Северан, это я», — продолжал Матис. — Голос с акцентом, но распознать регион не удалось. Потом обмен любезностями, а дальше: «Договоренность на семь вечера. Будет около девяноста погибших. Тебе прибыть не позже чем в шесть сорок пять».

Получается, Хайдт либо является участником плана по уничтожению десятков людей, либо намерен совершить массовое убийство лично.

— Кто жертвы? И от чего они должны погибнуть?

— Не знаю, Джеймс. Что меня еще насторожило, так это реакция самого Хайдта. У него был такой голос, как у ребенка, которому предложили шоколадку. «Чудесные новости! — сказал он. — Спасибо!» Никогда не слышал, чтобы так радовались известию о предстоящем убийстве, —

мрачно прокомментировал Матис. — А потом, что еще непонятнее, он спросил: «Как близко я смогу подойти к телам?»

— Он так спросил?

— Да. И ему ответили, что очень близко. Это Хайдта тоже обрадовало. Затем телефоны умолкли, и больше по ним никто не звонил.

— Семь вечера. Где-то за границей. Еще что-нибудь известно?

— Увы.

— Спасибо тебе большое за помощь. Отправляюсь на охоту.

— Я бы с радостью подержал спутник подольше, но начальство уже и так интересуется, зачем мне понадобился скучный городишко под названием Лондон.

— За мной «Периньон», Рене.

— Само собой. До свидания.

— À bientôt, et merci beaucoup.[15] — Бонд нажал «отбой».

За годы службы в резерве ВМФ и потом, в ГМП, Бонду попадались злодеи самого разного толка — боевики, террористы, маньяки-психопаты, беспринципные предатели, продающие секретные

---

[15] Примечания: 15
До скорого, и большое спасибо *(фр.)*.

сведения о ядерном оружии безумцам, способным ими воспользоваться… Понять бы, в чем интерес Хайдта.

Намерения… действия.

Что ж, даже если разгадать намерения этого извращенца Хайдта пока не удалось, кое-какие действия Бонд предпринять может.

Десять минут спустя он сбежал по ступенькам, на ходу выуживая из кармана ключ от машины. Адрес Северана Хайдта ему вновь уточнять не пришлось. Он запомнил его наизусть еще вчера.

Глава 20

Здание МИ-5 Темз-Хаус, Министерство по делам Северной Ирландии и связанные с ними ведомства впечатляют внешне куда меньше, чем расположенная неподалеку, на противоположном берегу Темзы, цитадель МИ-6. Главный корпус «Шестерки» выглядит как футуристический анклав из фильмов Ридли Скотта (за сходство с зиккуратом его прозвали «Вавилон-на-Темзе», но есть и второе прозвище, более обидное — «Леголенд»).

Темз-Хаус, хоть и уступает в архитектурном отношении, внушает гораздо больший трепет. Девяностолетняя серая каменная глыба, вроде тех, где в Советском Союзе или в Восточной Германии человек отвечал на вопросы еще до того, как ему успевали их задать. Впрочем, здание может похвастаться весьма впечатляющей скульптурой (например, «Британия» и «Святой Георгий» Чарлза Сеарджента Джаггера), поэтому главную дверь ежедневно дергают туристы из Арканзаса и Токио, путающие здание МИ-6 с расположенной неподалеку галереей Тейт.

В глухих недрах Темз-Хауса скрывались кабине-

ты Третьего отделения. Площади и оборудование организация сознательно — из соображений непричастности — арендовала у «Пятерки» (по части оборудования МИ-5 равных нет).

Большая операторская выглядела довольно потрепанно — облупленные зеленые стены, обшарпанная мебель, потертый ковер. Со стен смотрели непременные казенные плакаты — о внимании к подозрительным предметам, о пожарных учениях, о делах профсоюзов и охране здоровья. Над некоторыми уже успели потрудиться скучающие сотрудники, дописавшие или вымаравшие кое-какие буквы и знаки:

В с.уП.е
обнаружен.А …доз.А
объеДКов

Но компьютеры здесь были мощные, с большими и яркими плоскими мониторами. Рядом с самым большим и ярким стоял, скрестив руки на груди, заместитель начальника по оперативным вопросам Перси Осборн-Смит, одетый в коричневый пиджак и не совсем того оттенка брюки (он проснулся в четыре утра), рядом двое молодых людей — его помощник и взъерошенный техник, склонившийся над клавиатурой.

Осборн-Смит нажал кнопку и еще раз прокрутил запись, сделанную подслушивающим устройством, которое поставили после бесполезной поездки в Кембридж, подарившей ему только ночное расстройство желудка от курицы с карри. Прослушка никоим образом не касалась подозреваемого по «Инциденту-20», однако плоды принесла неплохие. Подручные Осборн-Смита прилепили несколько микрофонов на окна одного из сообщников анонимного злодея — человека по имени Джеймс Бонд, агента категории «ноль-ноль» отдела «О» ГМП Министерства иностранных дел и по делам Содружества.

Осборн-Смит прослушал запись еще раз. Голос с французским акцентом: «У меня для тебя кое-что есть, Джеймс». И ответ: «Я одеваюсь. Включаю громкую связь».

Вот так Осборн-Смит узнал о Северане Хайдте и о том, что он стоит во главе «Грин уэй энтерпрайзис». Бонд, оказывается, не счел нужным упомянуть, что его визит на Бутс (на улицу, заметим, а не в аптеку) дал такие существенные результаты.

— Засранец этот Бонд, — выругался помощник Осборн-Смита, спортивный молодой человек с дурацкой копной густых каштановых волос. —

Играет чужими жизнями.

— Не так резко, — осадил Осборн-Смит молодчика, которого мысленно называл «зам зама».

— А что? Засранец и есть.

Осборн-Смита как раз приятно поразило, что Бонд связался с французскими спецслужбами. В противном случае никто бы не узнал о намерении Хайдта уничтожить сегодня вечером девяносто с лишним человек где-то за пределами страны или по крайней мере присутствовать при их гибели. Эта запись только укрепила намерение Осборн-Смита заковать Северана Хайдта, то есть Ноя, в наручники и бросить в Белмарш или в камеру для допросов Третьего отделения, тоже не отличающуюся гостеприимством.

— Хайдта нужно обложить со всех сторон, — велел он помощнику. — Я должен знать все его сильные и слабые стороны, какое лекарство принимает, что читает — «Индепендент» или «Дейли спорт», за кого болеет — за «Арсенал» или за «Челси», чем питается, над какими фильмами плачет, каких боится, с кем крутит шуры-муры или кто крутит с ним. И как. Собери группу захвата. Да, и кстати, мы ведь так и не получили от Бонда заявление на право ношения оружия?

— Нет, сэр.

Вот это Осборн-Смита задело.

— Где мое небесное око? — обратился он к молодому технику, склонившемуся над пультом управления.

Выяснить конечный пункт путешествия Хайдта простейшим путем они уже пытались. Поскольку парижский espion[16] установил, что подозреваемый летит частным самолетом, они прошерстили весь реестр Ассоциации гражданской авиации, выискивая борта, зарегистрированные на Северана Хайдта, «Грин уэй энтерпрайзис» или дочерние предприятия. Но ничего не нашли. Придется по старинке науськивать ищейку. Если можно так назвать беспилотный самолет-разведчик стоимостью в три миллиона фунтов.

— Сейчас, секундочку… — бормотал техник. — Все, «Большая птица» в дозоре.

Осборн-Смит посмотрел на экран. Удивительно четкое изображение с высоты трех миль.

— Ты уверен, что это дом Хайдта, — спросил он, присмотревшись, — а не территория предприятия?

— Совершенно уверен. Частное жилище.

Дом занимал целый квартал в Кэннинг-Тауне.

---

[16] Примечания: 16
Шпион *(фр.).*

От соседей из муниципальных домиков и обшарпанных квартир его (вполне закономерно) отделяла внушительная стена, ощетинившаяся колюче-режущей проволокой. За стеной зеленел ухоженный сад в майском цвету. Лет сто назад этот дом был, по всей видимости, скромным складом или фабрикой и теперь проживал вторую жизнь. Рядом сгрудились четыре пристройки и гараж.

«Почему, интересно, — размышлял Осборн-Смит, — такой состоятельный человек вдруг поселился в Кэннинг-Тауне?» Бедный район, этнически разношерстный, со всеми вытекающими минусами — преступностью и бандами, но при этом все сплошь патриоты, и городские советники из кожи вон лезут ради своих избирателей. Реконструкция тут шла полным ходом — не считая перестройки к Олимпиаде, которая, по общему мнению, лишала район души. Осборн-Смит припомнил, что еще его отец слушал в свое время «Полис», «Депеш Мод» и Джеффа Бека в каком-то легендарном кэннинг-таунском пабе.

— Почему Хайдт здесь поселился? — спросил он.

— Только что доложили: Бонд вышел из квартиры и направляется на восток, — сообщил

помощник. — Потом он от нашей наружки оторвался. Гоняет, как Шумахер.

— И так понятно, куда он едет, — раздраженно ответил Осборн-Смит, не любящий объяснять очевидное. — К Хайдту.

Текли минуты, у дома Хайдта ничего не происходило. Помощник докладывал Осборн-Смиту о проделанной работе.

— Группу захвата собрали, пожарных тоже. Ждут команды, сэр.

— Пусть приготовятся, — подумав, велел Осборн-Смит. — Сначала выждем и посмотрим, не будет ли Хайдт с кем-то встречаться. Я намерен сцапать всю шайку разом.

— Зашевелились, сэр, — доложил техник.

Наклонившись поближе к экрану, Осборн-Смит рассмотрел шкафоподобного типа (видимо, охранника), выкатывающего чемоданы из дома Хайдта в отдельно стоящий гараж.

— Сэр, Бонд только что прибыл в Кэннинг-Таун. — Техник поиграл джойстиком, увеличивая поле обзора на экране. — Вот, — показал он. — Это Бонд. Его «бентли». — Приглушенно-серый автомобиль притормозил у обочины.

— «Континенталь-GT», — присвистнул помощник. — Не хило. Ему, кажется, устраивали обзор в

«Топ гир». Вы не смотрите «Топ гир», Перси?

— К сожалению, в это время я обычно работаю. — Осборн-Смит бросил на лохматого «зама зама» скорбный взгляд: либо молодчик научится соблюдать субординацию, либо он вряд ли протянет (в карьерном смысле) дольше «Инцидента-20».

Свой автомобиль Бонд укрыл (если можно укрыть машину стоимостью сто двадцать пять тысяч фунтов в Кэннинг-Тауне) в пятидесяти ярдах от дома Хайдта, за мусорными контейнерами.

— Группа захвата на борту вертолета, — доложил помощник.

— Поднимай, — велел Осборн-Смит. — Пусть повисят где-нибудь возле «Огурца».

Сорокаэтажный небоскреб, он же штаб-квартира Швейцарской перестраховочной компании, который Осборн-Смиту больше напоминал космический корабль, а не огурец, благодаря своему расположению отлично подходил в качестве отправного пункта для слежки.

— Предупреди службу безопасности во всех аэропортах — Хитроу, Гэтуике, Лутоне, Станстеде, Лондон-Сити, Саут-Энде и Биггин-Хилле.

— Слушаюсь, сэр.

— Еще объекты, — сообщил техник.

Из дома на экране вышли трое. Высокий мужчина в костюме, волосы и борода с сильной проседью; рядом с ним долговязый блондин, нелепо ставящий носки врозь. Третьей была стройная седоволосая женщина в черном костюме.

— Хайдт, — показал техник. — Вот этот, с бородой.

— Что за женщина, известно?

— Нет, сэр.

— А этот жираф? — с ехидцей поинтересовался Осборн-Смит, по-прежнему недовольный тем, что Бонд пренебрег заявлением на право ношения оружия. — Может, это и есть пресловутый Ирландец? Фотографию, быстро!

Троица зашла в гараж, и через минуту из ворот выехала, быстро набирая скорость, черная «Ауди-А8».

— Пересчет по головам — все трое в машине плюс телохранитель, — известил «зам зама».

— Нацель приборы измерительно-сигнатурной разведки. И пометь лазером для лучшей наводки.

— Постараюсь, — ответил техник.

— Уж постарайся.

На экране серый «бентли» Бонда, плавно встро-

ившись в поток, сел на хвост «ауди».

— Возьми более широкий угол обзора и держи их в поле зрения, — велел Осборн-Смит, слегка пришепетывая. Эта шепелявость отравляла ему жизнь, и он боролся с ней, сколько себя помнил.

Камера приклеилась к «немцу».

— Отлично, молодец, — похвалил техника Осборн-Смит.

«Ауди» прибавила газу. Бонд следовал за ней как пришитый, ни разу не оторвавшись. Водителя «ауди» он в мастерстве явно превосходил, предугадывая, что тот выкинет в следующий момент — резко передумает поворачивать или перестроится, — и успевая среагировать. Красный, желтый, зеленый — как нитка за иголкой.

— Следуют на север. Принс-Риджент-лейн.

— Значит, аэропорт Лондон-Сити вычеркиваем.

«Ауди» свернула на Ньюхем-уэй.

— Так, — воодушевился «зам зама», взъерошивая «гнездо» на голове. — Оттуда либо в Станстед, либо в Лутон.

— Следуют на север по A406, — сообщила присоединившаяся к наблюдателям пухлая блондинка, тоже техник.

После впечатляющей игры в кошки-мышки

соперники, «ауди» и «бентли», сошлись на шоссе М25, по которому последовали против часовой стрелки.

— Лутон! — выкрикнул помощник.

— Выпускай вертушку, — приказал более сдержанный Осборн-Смит.

— Сейчас.

Они молча наблюдали за несущейся вперед «ауди», которая в конце концов въехала на временную стоянку у аэропорта Лутон. Бонд, прибывший следом, припарковал машину вне поля зрения Хайдта.

— Вертолет садится на антитеррористическую площадку в аэропорту. Группа передислоцируется на парковку.

Из «ауди» никто не выходил.

— Так я и знал! — улыбнулся Осборн-Смит. — Хайдт дожидается сообщников. Повяжем всех. Скажи нашим, чтобы не вылезали, пока я не отдам приказ. И выведи мне изображение со всех камер в Лутоне.

Пусть наземные камеры наблюдения запечатлеют перекошенное лицо Бонда, когда тот увидит, как посланная Третьим отделением группа захвата коршуном спикирует на Хайдта и Ирландца, а преступники и пикнуть не успеют.

Разумеется, Осборн-Смит попросил видео не за этим — но такой бонус получить приятно.

Глава 21

Ханс Грулле сидел за рулем черной «Ауди-А8» Северана Хайдта. В молодости крепко сбитый светловолосый ветеран нидерландской армии увлекался мотокроссом и другими гонками и был очень польщен, когда мистер Хайдт попросил его сегодня показать свое мастерство. С наслаждением вспоминая бешеную гонку из Кэннинг-Тауна в аэропорт Лутон, Грулле рассеянно ловил обрывки фраз мужчины и женщины на заднем сиденье и пассажира на переднем.

Они со смехом обсуждали ход гонки. Водитель «бентли» оказался на редкость ловким и, что еще важнее, обладал хорошей интуицией. Не зная, куда держит путь Грулле, он вынужден был импровизировать, предугадывая его ходы, зачастую совершенно спонтанные. Преследователь словно руководствовался шестым чувством, подсказывавшим, когда Грулле свернет, притормозит или прибавит газу.

Прирожденный водитель.

Кто же он такой?

Ничего, скоро выяснят.

Описание водителя никому из сидящих в «ауди»

получить не удалось — хорошо шифруется, — однако номер его машины они срисовали. Грулле позвонил сообщнику в «Грин уэй», у которого нашлись свои люди в Агентстве по регистрации водителей и транспортных средств в Суонси, и он как раз выяснял, кому принадлежит машина.

Ханс Грулле был готов к любым неожиданностям, — под левым локтем тепло и уютно пристроился «Кольт-1911» сорок пятого калибра.

Он взглянул на виднеющуюся неподалеку полоску серого крыла «бентли» и повернулся к пассажиру на заднем сиденье.

— Получилось, Гарри. Мы их провели. Звони мистеру Хайдту.

Двое пассажиров на заднем сиденье и один рядом с Грулле были рабочими «Грин уэй», посвященными в план «Геенна». Их отобрали за внешнее сходство с мистером Хайдтом, мисс Барнс и Найлом Данном, которые в данный момент ехали в совершенно другой аэропорт, Гэтуик, где их дожидался частный самолет.

Идея, разумеется, принадлежала Найлу Данну. Парень холоден как рыба, зато котелок у него варит что надо, этого не отнять. В Марче кто-то убил Эрика Янссена, коллегу Грулле по службе охраны. Убийца сам погиб, но Данн подозревал, что могут

быть и другие, а за фабрикой или домом — или и за тем и за другим — ведется наблюдение. Поэтому он подобрал троих рабочих, обладающих достаточным сходством, чтобы обмануть слежку, и рано утром перевез их в Кэннинг-Таун. Затем Грулле выкатил чемоданы в гараж, за ним туда же из дома вышли мистер Хайдт, мисс Барнс и Ирландец. Грулле с подставными, дожидавшимися в «ауди», помчались в Лутон, а настоящие спустя десять минут сели в неприметный грузовик «Грин уэй» без логотипов и покатили в Гэтуик.

Теперь подставные должны были сидеть в «ауди», чтобы как можно дольше продержать на стоянке водителя «бентли», давая мистеру Хайдту со спутниками покинуть воздушное пространство Британии.

— Придется подождать, — сказал Грулле и кивнул на магнитолу. — Какое радио включить?

Большинством голосов было выбрано «Радио-2».

— Зараза, это подставные, чтоб им!.. — Голос Осборн-Смита оставался спокойным, но ругательство (если в наши дни это считается ругательством) выдавало его досаду.

Картинка с камеры наблюдения на парковке Лутона транслировалась на широкий экран в

Третьем отделении. Разыгрывающееся на нем реалити-шоу зрителей не радовало. Хотя боковой вид на «ауди» оставлял желать лучшего, не было сомнений: парочка на заднем сиденье не имеет ничего общего с Севераном Хайдтом и его спутницей. И пассажир на переднем, которого Осборн-Смит принял за Ирландца, тоже лишь отдаленно напоминал долговязого блондина, который по-лягушачьи выворачивал носки.

Подстава.

— Но ведь в какой-то аэропорт они едут, — подал голос «зам зама». — Давайте разделим группу захвата.

— Если только они не решили зарулить в Манчестер или Лидс-Брэдфорд.

— Эх. Верно.

— Перешлите фотографию Хайдта всем сыскарям из отделения «А». Срочно.

— Да, сэр.

Прищурившись, Осборн-Смит всмотрелся в изображение с камеры. В двадцати пяти ярдах от «ауди» виднелось серое крыло «бентли» Бонда.

Только это и утешает — что Бонда тоже одурачили. А если учесть его упорное нежелание сотрудничать, сомнительные связи с французскими спецслужбами и стремление быть святее

папы римского... пожалуй, ему пора трястись за свою карьеру.

Глава 22

Пятнадцатифутовый грузовик, арендованный «Грин уэй», но без логотипа, притормозил у диспетчерского терминала, курировавшего полеты частных бортов в аэропорту Гэтуик. Дверь кузова скользнула в сторону, Северан Хайдт, пожилая женщина и Ирландец выбрались наружу и забрали чемоданы.

На стоянке, в тридцати футах от грузовика, примостился черный с красным «мини-купер», в салоне которого в пластмассовой вазе, втиснутой в держатель для стаканов, торчала желтая роза. Сидящий за рулем Джеймс Бонд наблюдал, как троица высаживается из грузовика на тротуар. Ирландец, разумеется, настороженно оглядывался по сторонам. Всегда начеку.

— И как он тебе? — произнес Бонд в гарнитуру своего хэндс-фри.

— Кто?

— «Бентли».

— «Он»? Боже, Джеймс, такой автомобиль просто требует персонального имени! — Филли Мейденстоун сидела в «Бентли-континентале-GT» на стоянке аэропорта Лутон, куда ее привела

погоня за «ауди» Хайдта от самого Кэннинг-Тауна.

— Я как-то не привык давать имена машинам, — ответил Бонд. «И выяснять, какого пола у меня оружие». Он не сводил глаз с высадившейся троицы.

Было совершенно ясно, что после Сербии и Марча Хайдт — или, вероятнее, Ирландец — заподозрит слежку. Да и сам Бонд мог оказаться под колпаком у Осборн-Смита. Поэтому, поговорив с Рене Матисом, он поспешил на крытую стоянку в Сити, где поменялся машинами с Филли Мейденстоун. Филли должна была в его «бентли» сесть на хвост «ауди» Хайдта, в которой наверняка поедут подставные, а Бонд тем временем в ее «купере» дождется отъезда настоящей троицы. Ждать пришлось недолго — всего десять минут с того момента, как «немец», набирая скорость, понесся прочь от дома Хайдта в Кэннинг-Тауне.

Бонд смотрел, как Хайдт, склонив голову, кому-то звонит. Рядом с Хайдтом стояла женщина лет шестидесяти-шестидесяти пяти, довольно привлекательная, несмотря на бледность и синяки под глазами.

«Любовница? — гадал Бонд. — Или преданная секретарша? Судя по взгляду, которым она смот-

рит на Хайдта, скорее первое».

Теперь Ирландец. При первой встрече Бонд его толком не рассмотрел, но сомнений не было: смешная лягушачья походка, вывернутые носки, сутулость, дурацкая белобрысая челка…

Он вспомнил погибших в Сербии — агентов, машиниста и водителя фуры, сообщника самого Ирландца, — вновь ощутил гнев и овладел собой, успокаиваясь.

— Очень понравился, — зазвучал в наушнике голос Филли, отвечавшей на вопрос про «бентли». — Лошадиными силами сейчас никого не удивишь, на «Мерседесе-AMG» детишек в школу отвозят, но какой же в твоем «бентли» вращающий момент! Никогда ничего подобного не водила!

— Чуть больше пятисот фунтов на фут.

— Бог мой! — прошептала Филли, то ли поражаясь, то ли завидуя. — А его распределение?

— Шестьдесят — задние, сорок — передние.

— Восхитительно!

— Твой тоже не промах, — похвалил он «купер». — Я смотрю, турбокомпрессор поставила?

— Поставила.

— Чей?

— «Авторотор», шведский. Увеличивает мощ-

ность двигателя почти вдвое. Теперь там почти три сотни лошадей.

— Я так и думал. — Бонд тоже находился под впечатлением. — Надо бы взять телефон твоего механика. У меня в гараже старый «ягуар» дожидается.

— Пожалуйста, пусть это будет «E-type»! Самый сексуальный автомобиль в истории машиностроения!

Еще одна общая точка… Бонд поспешно задвинул эту мысль в дальний угол сознания.

— Подержу тебя в неведении. Так, стоп. Хайдт зашевелился.

Бонд выбрался из «купера» и спрятал ключ под крылом автомобиля. Прихватив портфель и сумку с ноутбуком, он нацепил новую пару солнцезащитных очков в черепаховой оправе и влился в толпу, следуя за Хайдтом, его спутницей и Ирландцем к терминалу.

— Ты слышишь? — спросил он, используя хэндс-фри.

— Да, — подтвердила Филли.

— Как там подставные?

— Сидят в «ауди».

— Дожидаются, пока Хайдт не взлетит и самолет не покинет воздушное пространство Британии. А

потом развернутся и поведут тебя (и, возможно, Осборн-Смита) обратно в Лондон.

— Думаешь, Оззи тоже следит?

Бонд невольно улыбнулся:

— Где-нибудь в десяти тысячах футов над тобой висит беспилотный разведчик, можешь не сомневаться. Все, Филли, они входят в терминал, мне пора.

— Спасибо за подаренную возможность поиграть в «Формулу-1». А то я все время в четырех стенах.

— Кстати, отличная мысль! Давай как-нибудь вытащим его за город, погоняем по-настоящему.

— Джеймс! — оскорбилась Филли, и Бонд заподозрил, что перегнул палку. — Прекращай уже называть эту красавицу машину в третьем лице. Я попробую на досуге придумать для нее подходящее имя. Но съездить за город было бы чудесно — при условии, что ровно полдороги поведу я. И под запрос о неприкосновенности. У меня в правах уже есть пара штрафных очков.

Хайдт со спутниками, задержавшись у ворот в сетчатой ограде, предъявили охраннику паспорта. Бонд заметил, что у женщины паспорт синий. Американка? Сделав пометки на своем планшете, охранник пропустил их. Подойдя к ограде, Бонд

увидел, как все трое забираются по трапу в белый частный самолет, довольно большой, с семью иллюминаторами по борту и уже включенными проблесковыми огнями. Дверь закрылась.

Бонд нажал кнопку быстрого набора.

— Фланаган. Здравствуй, Джеймс.

— Морис, — обратился он к начальнику отдела «Т», ведавшего в ГМП вопросами транспорта, — мне нужно узнать пункт прибытия частного борта, который взлетает сейчас из Гэтуика. — Он продиктовал пятизначный регистрационный номер, написанный на фюзеляже.

— Минутку.

Самолет покатил вперед. Бонд мысленно чертыхнулся. «Притормози, ну же!» Он ни на секунду не забывал: если Рене Матис не ошибается, Хайдт летит куда-то, чтобы увидеть гибель по крайней мере девяноста человек, намеченную на сегодняшний вечер.

— Вот, есть, — подал голос Морис Фланаган. — Хорошая птичка, «Грумман-550», последнее слово техники и дорогущая. Принадлежит голландской компании, занимающейся мусором и переработкой отходов.

Ясно, одно из дочерних предприятий Хайдта.

— В полетном плане значится Дубай.

Дубай? Это там они собираются положить столько народа?

— Где будет останавливаться на дозаправку?

— Какая дозаправка, Джеймс? — рассмеялся Фланаган. — У него дальность полета — свыше шести с половиной тысяч миль, скорость — восемьдесят восемь сотых Маха.

Бонд смотрел, как самолет выруливает на взлетную. От Лондона до Дубая около трех с половиной тысяч миль. Учитывая разницу во времени, «грумман» сядет там в три или четыре часа дня.

— Мне надо опередить этот самолет и прибыть в Дубай раньше. Что можешь предложить, Морис? Есть паспорта, кредитки, три тысячи наличными. Готов на любые варианты. Да, и учти, у меня с собой оружие.

Бонд не сводил глаз с изящного белого самолета и вертикальных законцовок на его крыльях. Самолет напоминал не птицу, а, скорее, дракона — впрочем, это, наверное, потому, что Бонд знал о намерениях пассажиров, сидящих в его салоне.

«Около ста погибших…»

Самолет все ближе подкатывал к взлетной полосе.

— Прости, Джеймс, — послышался голос Фла-

нагана. — Я могу лишь посадить тебя на коммерческий рейс из Хитроу через несколько часов. Будешь в Дубае в шесть двадцать.

— Нет, Морис, не пойдет. А военные? Правительственные?

— Ничего подходящего.

«Черт… Ладно, можно попросить Филли или Билла Таннера, чтобы через отдел ОАЭ в „Шестерке“ организовали наблюдение в аэропорту Дубая и проследили за Хайдтом и Ирландцем до самого конца».

— Тогда сажай меня на коммерческий рейс, — вздохнул он.

— Хорошо. Прости.

Бонд посмотрел на часы. В Дубае сейчас десять.

Девять часов до катастрофы.

Есть еще шанс, что рейс Хайдта задержат.

Но тут он увидел, как «грумман» выруливает на взлетную, а потом, не медля ни секунды, набирает скорость, отрывается от бетона и сжимается в крошечную точку в небе. Дракон стремительно уносился вдаль.

Перси Осборн-Смит наклонился к большому плоскому монитору, разделенному на шесть прямоугольных окон. Двадцать минут назад камера наблюдения зафиксировала номер грузовика,

зарегистрированного на компанию Северана Хайдта, на Редхилл-Райгетском выезде с A23, ведущем в Гэтуик. Теперь Осборн-Смит с подручными отслеживали все камеры в аэропорту и в окрестностях.

Техник номер два, подключившаяся к работе, закончила перевязывать светлые волосы резинкой и ткнула пухлым пальцем в один из экранов:

— Вот! Вот он.

Судя по метке времени, четверть часа назад грузовик остановился у терминала, обслуживающего частные самолеты, и оттуда вышли несколько человек. Да, точно, это искомая троица.

— Почему Хайдта не опознали, когда он прибыл? Хулиганов-болельщиков из Рио на пути в Олд-Траффорд мы успеваем перехватить, а террориста средь бела дня опознать не можем? Вот так Уайтхолл расставляет приоритеты… Только это между нами… Все, следите за полосой.

Техник пощелкал настройками. Появилось изображение Хайдта со спутниками, следующих к самолету.

— Спиши регистрационный номер и пробей.

«Зам зама», к чести своей, это уже сделал.

— Принадлежит голландской компании, занимающейся переработкой отходов. Так, вот план полетов. Посадка в Дубае. Уже взлетел.

— Где они сейчас? Где?

— Ищу… — Помощник вздохнул. — Как раз покидают воздушное пространство Британии.

Стиснув зубы, Осборн-Смит смотрел на застывшее видеоизображение самолета.

— Напустить бы на них пару «харриеров», живо сядут! Да шучу, шучу, — отмахнулся он, поймав настороженные взгляды.

Хотя в каждой шутке есть доля шутки.

— А это что? Ну-ка гляньте, — подал голос техник номер один.

— Куда?

— Похоже, за ними еще кто-то наблюдает, — подтвердил «зам зама».

У сетчатой ограды терминала, пристально глядя на самолет Хайдта, стоял какой-то человек.

Бонд! Не может быть.

Значит, этот хитро сделанный агент ГМП на шикарной машине, но без разрешения на оружие все-таки сел на хвост Хайдту. Интересно, кто тогда вел «бентли»? Осборн-Смит понимал, что обманут не только Хайдт, но и Третье отделение.

Не скрывая злорадства, он смотрел, как Бонд от-

ходит от ограды и, опустив голову, идет обратно на стоянку, прижав к уху мобильный. Наверняка шеф устроил ему хороший разгон за то, что упустил хитрого лиса Хайдта.

Глава 23

Обычно мы не слышим звук, от которого просыпаемся. Разве что он повторяется — звонок будильника или чей-то настойчивый голос. Обычный шум будит нас, не фиксируясь в сознании.

Джеймс Бонд не знал, что вытряхнуло его из сна без сновидений. Он взглянул на часы.

Начало второго.

И тут до него донесся восхитительный аромат: смесь цветочных духов, жасминовых, кажется, и глубокий, насыщенный вкус выдержанного шампанского. Подняв взгляд, Бонд увидел изумительные пышные формы красавицы ближневосточных кровей, одетой в узкую юбку винного цвета и золотистую блузку с длинными рукавами. Воротник блузки застегивался не на пуговицу, а на жемчужную булавку, и эта кремовая капля показалась Бонду особенно привлекательной. Иссиня-черные, как вороново крыло, волосы были уложены в пучок, и лишь одна дразнящая прядь обрамляла неброско, но умело накрашенное лицо.

— Салам алейкум, — поздоровался Бонд.

— Ваалейкум ассалам, — ответила девушка, ставя на откидной столик высокий бокал с шампанским и изящную бутылку короля всех вин «Моэт» — «Дом Периньона». — Простите, мистер Бонд, я вас разбудила. Наверное, пробка хлопнула чуть громче, чем следует. Я хотела просто оставить бокал, не беспокоя вас.

— Шукран, — поблагодарил Бонд, поднимая бокал. — И не волнуйтесь, пробуждение от звука открываемого шампанского у меня на втором месте в списке самых приятных.

Стюардесса едва заметно улыбнулась:

— Могу позаботиться о ленче.

— Если вас не затруднит, было бы замечательно.

Она удалилась на кухню.

Попивая шампанское, Бонд смотрел в широкий иллюминатор частного самолета, летящего под мерное урчание двух «роллс-ройсовских» двигателей в Дубай на высоте сорока двух тысяч футов с огромной скоростью. Как ни странно, это тоже был «грумман», только шестьсот пятидесятый, более быстрый и с большей дальностью полета, чем у «мусорщика».

Погоня началась четыре часа назад, в лучших традициях старых американских детективов, ко-

гда сыщик прыгает в такси и командует шоферу: «Следуйте за этим автомобилем!» Бонд решил, что коммерческий рейс доставит его в Дубай слишком поздно и предотвратить катастрофу не удастся, поэтому он позвонил своему другу по клубу «Коммодор», Фуаду Харазу, который тут же предоставил в его распоряжение частный борт.

— Дружище, я ведь перед тобой в долгу, — напомнил араб.

Год назад он, превозмогая неловкость, обратился к Бонду за помощью, поскольку полагал, что его работа как-то связана с органами безопасности. Сына-подростка Хараза стали регулярно травить по дороге из школы какие-то подонки лет девятнадцати-двадцати, которым обвинение в антиобщественном поведении — как медаль на грудь. В полиции посочувствовали, но разбираться им было недосуг. Хараз, отчаянно переживающий за сына, пошел за советом к Бонду. В Бонде проснулся благородный рыцарь, и он проследил за парнем от школы до дома. Когда показались приставалы, Бонд вышел на сцену.

Парой небрежных боевых приемов он мягко уложил двоих на асфальт, а третьего, главаря шайки, припечатал к стене. Потом списал фамилии с водительских прав и ледяным шепотом

предупредил: если Хараза-младшего еще раз тронут, следующая встреча шайки с Бондом пройдет в менее дружеской обстановке. Парни отстали, сына Хараза больше никто не трогал, а его авторитет в школе возрос.

Вот так Бонд стал «самым наиближайшим» другом Фуада Хараза. Сегодня он решил попросить об ответной услуге и воспользоваться его личным самолетом.

Судя по электронной карте на перегородке под индикаторами скорости и высоты, самолет летел над Ираном. До посадки в Дубае — два часа.

Сразу после взлета Бонд позвонил Биллу Таннеру, доложил о том, куда направляется, и многочисленных жертвах, которые, возможно, появятся в семь вечера — предположительно в Дубае, но, возможно, и в каком-нибудь другом населенном пункте Эмиратов.

— Зачем Хайдту их убивать? — спросил начальник штаба.

— Вряд ли он будет убивать сам, но люди погибнут, и он намерен при этом присутствовать.

— Я задействую дипломатические каналы, сообщу в посольства, что есть угроза, но ничего определенного пока не известно. Они, в свою очередь, шепнут дубайским спецслужбам.

— Не упоминай имя Хайдта. Пусть проникнет в страну беспрепятственно и ничего не заподозрит. Мне нужно выяснить, что он затеял.

— Согласен. Будем действовать тихо.

Бонд попросил Таннера проверить через «Голден вайер», есть ли у Хайдта филиалы в Эмиратах. Через минуту начальник штаба снова был на проводе.

— Ни офисов, ни жилых домов, ни дочерних предприятий. Еще я сделал информационную проходку — брони в гостинице у него тоже нет.

Известия Бонда не обрадовали. Приземлившись, Хайдт моментально растворится на просторах страны с населением в два с половиной миллиона человек. И обнаружить его до катастрофы не представится возможным.

Вернулась стюардесса.

— Выбор у нас богатый, но я видела, как вы смотрели на «Периньон» как знаток, поэтому предложу вам лишь самое лучшее. Мистер Хараз велел обслужить вас по-королевски. — Она опустила на откидной столик серебряный поднос и долила шампанского в бокал. — Вот иранская икра — белужья, разумеется, — только не с блинами, а с тостами, сметаной и каперсами. — Каперсы оказались большими, такими большими, что их

принесли нарезанными. — Тертый лук сорта «Видалия», из Америки, он самый сладкий в мире. И не портит дыхание, — добавила она. — Мы зовем его луком для влюбленных. Далее, заливное из утки с мятным йогуртом и финиками. Могу, если пожелаете, поджарить стейк.

— Нет-нет, — рассмеялся Бонд, — этого более чем достаточно.

Стюардесса удалилась. После еды Бонд выпил две маленьких чашки арабского кофе с корицей, читая досье, которое Филли Мейденстоун собрала на Хайдта и «Грин уэй».

Обращали на себя внимание два момента: как старательно Хайдт держится в стороне от организованной преступности и с каким фанатизмом он расширяет свою компанию, охватывая все новые и новые страны. В базе данных «Голден вайер» значились недавно поданные заявки на открытие филиалов в Южной Корее, Китае, Индии, Аргентине и полудюжине стран помельче. Никаких намеков на Ирландца в досье не обнаружилось. Филли пробила его фотографию и фотографию пожилой женщины по базам, но ничего не нашла. Билл Таннер сообщил, что агентам МИ-5 и прочим представителям, прибывшим в Гэтуик, сказали, что, к сожалению, все записи о

пассажирах «груммана» «куда-то пропали».

И вот тут Бонда настигли тревожные новости. Зашифрованное электронное письмо от Филли сообщало, что кто-то пытается по неофициальным каналам выведать в «Шестерке» его местонахождение и предполагаемый маршрут.

Бонд сразу заподозрил милейшего Перси Осборн-Смита. То, что Дубай находится вне зоны полномочий Третьего отделения, не означает, что Перси не сможет изрядно подпортить Бонду жизнь и даже рассекретить.

Связей с людьми из «Шестерки» в Дубае у Бонда не имелось, значит, подключить местные кадры к встрече рейса, которым прилетает Хайдт, не получится. По большому счету он вообще не должен контактировать ни с кем из соотечественников — это особенно досадно, учитывая, что генеральный консул в Дубае — человек опытный и умный. И по совместительству — друг Бонда.

Бонд связался по интеркому с пилотом. Складывалось впечатление, что диспетчеры тормозят его «грумман», давая при этом «зеленый свет» рейсу Хайдта, и обогнать подозреваемого не удастся. Они отстанут минимум на полчаса.

Черт, эти тридцать минут могут решить судьбу около ста человек!.. Вытащив мобильный,

Бонд смотрел в иллюминатор на Персидский залив и прокручивал длиннющую адресную книгу, в очередной раз думая о большой бухгалтерии шпионских связей. «Я прямо банк „Леман бразерс“ — долги начинают значительно перевешивать активы».

И все же он набрал номер.

Глава 24

Лимузин с Севераном Хайдтом, Джессикой Барнс и Найлом Данном подкатил к отелю «Интерконтиненталь». Вез их суровый водитель из местных, к чьим услугам они прибегали и раньше. Как и Ханс Грулле в Англии, он исполнял по совместительству обязанности телохранителя (и не только телохранителя, при необходимости).

Данн прочитал электронное письмо или эсэмэс, выключил айфон и сообщил Хайдту:

— Ханс навел справки относительно водителя в «бентли». Любопытно.

Хайдт пощелкал длинными ногтями.

Данн смотрел в сторону.

— Прослеживается связь с Марчем.

— Правда? — Хайдт попробовал понять, что скрывает взгляд Данна, однако тот, как обычно, оставался непроницаемым.

Больше Ирландец не проронил ни слова — при Джессике.

— Тогда пойдемте заселяться, — сказал Хайдт.

Задрав обшлаг своего элегантного пиджака, он взглянул на часы. Два тридцать.

«Около ста погибших…»

Данн вышел из автомобиля первым, по привычке настороженно оглядываясь по сторонам.

— Все чисто, — донесся до спутников его голос с легким акцентом. — Можно.

Хайдт с Джессикой, окунувшись в изнуряющий зной, поспешили нырнуть в гостеприимную прохладу отельного вестибюля, где возвышалась потрясающая десятифутовая композиция из экзотических цветов. С портретов на соседней стене сурово и уверенно взирали шейхи Объединенных Арабских Эмиратов.

Джессика расписалась за номер, забронированный на ее имя, — тоже с подачи Данна. Вселяются они, правда, ненадолго, вечером летят дальше, но ведь приятно где-то передохнуть и не мотаться с багажом. Чемоданами займется и отнесет в номер старший коридорный.

Оставив Джессику у цветочной колонны, Хайдт кивком отозвал Данна в сторону:

— Так что там с «бентли»?

— Зарегистрирован на некую фирму в Манчестере. Тот же адрес, что и у «Мидлендс диспоузал».

«Мидлендс» была связана с одним из крупнейших преступных синдикатов, базировавшимся в Южном Манчестере. В Америке мафия тради-

ционно не брезговала мусорным бизнесом, а в Неаполе, вотчине Каморры, сбор мусора считался Il Re del Crimine — королем криминала. Хотя в Британии организованная преступность не питала особого интереса к этому делу, время от времени какой-нибудь местный авторитет норовил вломиться на рынок, как злодеи в фильмах Гая Ричи.

— Сегодня утром, — продолжал Данн, — по военной базе шастали легавые с фотографией типа, которого видели на территории накануне. У них на него ордер за тяжкие телесные. И он работал на «Мидлендс». Полиция говорит, пропал без вести.

«Еще бы, — мысленно усмехнулся Хайдт. — Пропадешь, если твое тело потихоньку гниет под развалинами снесенного здания».

— И что ему там понадобилось?

— Возможно, хотел саботировать работы по сносу, — поразмыслив, ответил Данн. — Срыв договора, на репутации вашей фирмы пятно, а «Мидлендс» тут как тут, оттяпывает клиентуру.

— Тогда водитель «бентли», возможно, просто хотел выяснить, что случилось вчера с его дружком?

— Именно.

У Хайдта отлегло от сердца. Значит, на «Геенну»

никто не покушался. И, что еще важнее, к полиции или спецслужбам незваный гость тоже не относится. Просто издержки мусорного бизнеса.

— Ладно. С «Мидлендс» разберемся потом.

Хайдт с Данном подошли к стоявшей у колонны Джессике.

— У нас с Найлом кое-какие дела. Вернусь к обеду.

— А я, наверное, прогуляюсь, — ответила она.

— В такую жарищу? — нахмурился Хайдт. — Тебе станет плохо. — Нечего ей разгуливать тут. Дело не в том, что она может проболтаться — о «Геенне» она все равно ничего не знает. А что касается остальных темных сторон его жизни — там тоже ничего криминального, максимум постыдное. Просто когда Джессика ему требовалась, она требовалась немедленно. Вера в то, что тлен неумолимо возьмет свое, научила Северана Хайдта: жизнь достаточно коротка и полна опасностей, чтобы в чем-то себе отказывать.

— Ничего, я выдержу, — возразила она робко.

— Разумеется, разумеется. Однако женщине ходить по городу одной?.. — продолжал Хайдт. — Ты ведь знаешь, какие тут мужчины.

— Арабы, ты имеешь в виду? Здесь же не Тегеран и не Джидда. Никаких сальных взглядов.

Уважения больше, чем в Париже.

Хайдт мягко улыбнулся. Забавно ее слушать. И рассуждает правильно.

— И все-таки лучше посидеть в спокойном месте. Преступность, опять же… А в отеле чудесный спа-салон. В бассейне часть дна прозрачная — можно смотреть на землю с высоты сорока футов. Вид на «Бурдж-Халифу» впечатляет.

— Не сомневаюсь.

Только теперь, когда она подняла взгляд к цветочной колонне, Хайдт заметил новые лапки морщин в уголках ее глаз.

Ему вспомнилось женское тело, найденное вчера в контейнере и теперь покоящееся, по словам бригадира Деннисона, в неприметно отмеченном месте. Хайдт почувствовал, как внутри что-то распускается, будто отпущенная пружина.

— Лишь бы тебе было хорошо, — сказал он ей негромко и погладил длинным ногтем лучики морщин. Отшатываться она давно отучилась, хотя и раньше его это не останавливало.

Хайдт внезапно почувствовал, что прозрачные голубые глаза Данна смотрят на него в упор. Замерев на мгновение, Ирландец тут же отвел взгляд.

Хайдт вскипел. Какое этой бесчувственной глыбе дело до него? Он уже не впервые заподо-

зрил, что в его сексуальных пристрастиях Данна отталкивает не их необычность, а сексуальность как таковая. За несколько месяцев знакомства Хайдт ни разу не видел у Данна даже намека на обращенный хоть к мужчине, хоть к женщине вожделеющий взгляд.

Опустив руку, он снова посмотрел на Джессику, на лучики морщин, разбегающиеся от ее смиренных глаз. Вылет вечером, отдельных кабинок в самолете нет. О том, чтобы заняться с ней любовью в присутствии Данна, даже если тот будет крепко спать, и помыслить нельзя.

Надо было решать. Хватит ли сейчас времени подняться в номер, уложить Джессику на кровать, раздвинуть шторы пошире, чтобы солнце залило это мягкое тело, подсвечивая каждую морщинку…

…и пробежаться по ее коже ногтями?

Судя по тому, что творится сейчас у него внутри, они управятся быстро.

— Северан, — сухо окликнул Данн, — мы не знаем, что приготовил для нас аль-Фулан. Пора идти.

Хайдт сделал вид, что обдумывает его слова, хотя на самом деле все уже решил.

— Полет был долгим. Мне нужно переодеть-

ся. — Он посмотрел в усталые глаза Джессики. — А тебе, дорогая, хорошо бы вздремнуть с дороги.

И решительно увлек ее к лифту.

Глава 25

Примерно без четверти пять частный самолет Фуада Хараза замер на посадочной полосе. Джеймс Бонд отстегнул ремень и, взяв багаж, поблагодарил пилотов и стюардессу, тепло пожав ей руку (от поцелуя в щеку воздержался — как-никак они уже на Ближнем Востоке).

Сотрудник миграционной службы сонно проштамповал паспорт, подвинул его обратно и жестом пригласил Бонда проследовать на территорию страны. Бонд прошел со своей смертоносной контрабандой в багаже через «зеленый коридор» и вскоре окунулся в изнурительный зной. С плеч словно гора свалилась.

Он снова был в своей стихии — один на один с заданием, ни с кем его не деля. Чужая земля вернула ему карт-бланш.

Дорога от аэропорта до Фестиваль-Сити пролегала по задворкам города — подъезды к аэропортам во всем мире одинаковы, и это шоссе мало чем отличалось от лондонского A4 или платной автострады в вашингтонский Даллес, разве что песка и пыли здесь было побольше. Однако, как и повсюду тут, вокруг царила безупречная

чистота.

Бонд смотрел на раскинувшийся за окном город, обращенный на север, к Персидскому заливу. В мареве предвечернего зноя над геометрически сложным силуэтом небоскребов на шоссе шейха Зайеда взмывала к небу игла «Бурдж-Халифы», самого высокого на сегодняшний день здания на земле. И вряд ли в ближайшее время этот титул смогут оспорить.

Бросалась в глаза и другая характерная для города черта — торчащие повсюду строительные краны — белые, желтые и оранжевые. Они снова трудились в полную силу. В прошлый приезд Бонда краны бездействовали, словно игрушки, брошенные ребенком, которому наскучила игра. Недавний кризис сильно ударил по эмирату. Официальное прикрытие требовало от Бонда следить за финансовой обстановкой в мире, и он испытывал досаду от того, что Лондон и Нью-Йорк пытаются свалить всю вину на Дубай. На самом деле вклад Уолл-стрит и Сити в приближение краха на порядок больше. Однако дыхание кризиса все же чувствовалось и тут. Многие дерзкие проекты, вероятно, останутся замороженными навсегда — например искусственный архипелаг в форме карты мира, составленный из насыпных

островков у побережья.

К одной только ошеломляющей роскоши образ Дубая не сводился — по правде сказать, роскоши хватало и в Сингапуре, Калифорнии, Монако и в сотнях других мест, избранных богачами для работы и досуга. Для Бонда Дубай значил в первую очередь не бизнес и недвижимость, а экзотику, слияние старого и нового, мирное сосуществование множества религий и культур. Особенно его восхищал бескрайний простор пустыни, стихия верблюдов и «рейндж-роверов», так разительно не похожая на пейзажи Кента, где он вырос. Как знать, не в эти ли красные пески приведет его сегодняшнее задание…

Такси ехало мимо коричневых, белых и желтых одноэтажных построек, украшенных скромной арабской вязью зеленого цвета. Никаких кричащих вывесок и неоновых огней, максимум — объявления о предстоящих мероприятиях. Над одноэтажными кварталами возвышались минареты — символы веры, стоящие незыблемо посреди дрожащего знойного марева. Пустыня наступала со всех сторон, финиковые пальмы, мелии и эвкалипты доблестно несли вахту на границе бесконечных песков.

У торгового центра Бонд вручил водителю

несколько десятидирхамовых банкнот и выбрался из машины. Торговый центр в этот час между двумя намазами, Асром и Магрибом, буквально кишел местными вперемешку с иностранцами; в бессчетных магазинах бойко шла торговля. Невольно вспомнишь, что Дубай на английском переиначивают как «Do buy» — «Покупай!».

Бонд влился в толпу, озираясь, будто ища приятеля, с которым договорился где-то здесь встретиться. На самом деле искал он человека, следовавшего за ним от самого аэропорта, возможно, с враждебными намерениями. Он уже дважды засек этого мужчину в темных очках и синей рубашке или куртке: сначала в аэропорту, затем в пыльной черной «тойоте», ехавшей за такси. В машине мужчина нахлобучил на голову бейсболку, но Бонд видел по плечам, посадке головы и форме очков, что это тот же самый, из аэропорта. Теперь «тойота», замедлив без особой причины ход, проехала мимо торгового центра и скрылась позади ближайшего отеля.

Послать такси по отвлекающему маршруту? Впрочем, Бонд не хотел отрываться от «хвоста». Зачастую гораздо полезнее загнать преследователя в ловушку.

Кто он такой? Ждал Бонда в Дубае? Или про-

следил за ним от Лондона? Или вообще не знает, что Бонд — это Бонд, просто решил сесть на хвост только что прибывшему в город иностранцу?

Бонд купил газету. Несмотря на палящее солнце, он пренебрег кондиционированной прохладой внутреннего зала кафе и сел на улице, держа в поле зрения все входы и выходы.

Пока он отправлял и принимал эсэмэс-сообщения, к его столику подошел официант. Бонд скосил глаза на поблекший листок меню и заказал кофе по-турецки и минеральную воду с газом. Когда официант удалился, он бросил взгляд на часы. Пять вечера.

Всего два часа до гибели девяноста с лишним человек где-то в этих знойных песках.

* * *

В полуквартале от торгового центра накачанный мужчина в синей куртке сунул дубайскому дорожному инспектору несколько сотен дирхамов и пообещал на английском, что отлучается ненадолго. До вечернего намаза он обязательно уедет.

Инспектор пошел прочь, будто и не заметил немытую «тойоту», припаркованную у тротуара в неположенном месте.

Человек, называвший себя Ником, закурил сигарету, закинул на плечо рюкзак и вошел в прохладный полумрак торгового центра, где объект его слежки, почитывая газету, беспечно попивал турецкий кофе.

Он так и называл его мысленно — «объект». Не враг, не ублюдок.

Ник знал, что на такой операции надо отключить все чувства, как бы это ни казалось порой трудно. Не человек, а маленькая черная точка в центре мишени.

Цель. Объект.

Может, он и ушлый, этот тип, но уехать из аэропорта — это он здорово сглупил. Ник выследил его в два счета. И еще больше уверился в собственных силах перед предстоящей операцией.

Спрятав лицо под темными очками и длинным козырьком бейсболки, Ник перебежками подобрался ближе к цели. Здесь такая маскировка не казалась необычной, в Дубае все прикрывали голову и глаза от солнца. Единственное, что могло вызвать недоумение, — куртка с длинными рукавами, которую по такой жаре мало кто из местных отважился бы надеть. Но другого способа скрыть спрятанный за поясом брюк пистолет он не видел.

Золотая серьга в ухе тоже могла бы привлечь любопытные взгляды, однако в этой части побережья Дубайской бухты, с его торговыми центрами и парком развлечений, местные привыкли закрывать глаза на необычный внешний вид туристов, лишь бы те не пили спиртное и прилюдно не целовались.

Ник глубоко затянулся, потом бросил окурок на землю и затоптал, подбираясь еще ближе к объекту, который неспешно тянул кофе на жаркой веранде кафе.

Вынырнувший откуда-то уличный торговец начал по-английски предлагать коврики:

— Очень дешево, почти даром! Много узлов! Тысячи тысяч узлов!

Одного взгляда Ника хватило, чтобы торговец захлопнул рот и испарился.

Ник прокрутил в голове план. Остаются, конечно, проблемы транспортировки — в этой стране все за всеми следят. Нужно заманить объект подальше от людских глаз — на парковку или в подвалы торгового центра, может, во время вечерней молитвы, когда толпа поредеет. Чем проще, тем лучше. Пристроиться за ним, приставить к затылку пистолет и «сопроводить» вниз.

А там уже в дело пойдет нож.

Ох, как он — объект, хотя, ладно, пусть будет ублюдок — заговорит, когда лезвие начнет неспешную прогулку по его телу!

Плавно перемещаясь из тени в тень, Ник сунул руку под пиджак и снял пистолет с предохранителя.

Глава 26

Поставив кофе и воду перед собой, Джеймс Бонд уткнулся в газету «Нэшнл», выходящую в Абу-Даби. Он считал ее лучшей на Ближнем Востоке. Статьи на любой вкус — от скандала по поводу недостатков экипировки мумбайских пожарных и прений о правах женщин в арабском мире до репортажа на полстраницы о гангстере-киприоте, вскрывшем могилу бывшего президента островной республики, чтобы похитить тело.

Немалый интерес для Бонда представляли и отличные репортажи с гонок «Формулы-1».

Сейчас, однако, он газету не читал, а использовал для маскировки — правда, без стереотипной дырки, проверченной где-нибудь между рекламой дубайского гипермаркета «Дулу» и местными новостями. Газета лежала на столе, и Бонд сидел опустив голову, но при этом не переставал следить за окружающей обстановкой.

Тут он услышал резкий скрип кожаной обуви за спиной и понял, что кто-то быстро приближается к его столу.

Бонд не пошевелился.

Широкая рука — бледная, веснушчатая — схва-

тила и дернула на себя соседний стул.

Подошедший тяжело плюхнулся на сиденье.

— Здорово, Джеймс, — прозвучал голос с сильным техасским акцентом. — Добро пожаловать в Дубай.

(В его исполнении «в Дуба-а».)

Бонд с улыбкой повернулся к приятелю, и они радостно пожали друг другу руки.

Феликс Лейтер — долговязый и такой худой, что пиджак на нем болтался как на вешалке, — был на несколько лет старше Бонда. С его бледной кожей и соломенными волосами секретная работа на Ближнем Востоке практически исключалась — кроме тех случаев, когда он изображал самого себя, развязного проныру с американского Юга, который приехал в город по делам, но не прочь совместить приятное с полезным. Его расхлябанность и фамильярность были обманчивы: в случае необходимости он выстреливал, как пружинный нож.

Когда пилот «груммана» сообщил, что сесть в Дубае раньше Хайдта не получится, именно ему, Феликсу Лейтеру, позвонил Бонд, израсходовав еще один актив из своей «бухгалтерской книги».

В отличие от связей в «Шестерке», которые Бонд опасался задействовать из-за чрезмерного

интереса Осборн-Смита, связи с ЦРУ, обладавшим широкими полномочиями на территории Объединенных Арабских Эмиратов, он зазорными для себя не считал. Однако просить помощи у Лейтера, занимавшего высокий пост в Национальной секретной службе разведуправления, значило идти на политический риск. Обращение к дружественной спецслужбе в обход верхов чревато нешуточными дипломатическими последствиями, а Бонд уже и так привлек к делу Рене Матиса. Карт-бланш снова на волоске.

Феликс Лейтер с готовностью принял просьбу встретить самолет Хайдта и проводить троицу до места назначения — отель «Интерконтиненталь», примыкающий к торговому центру, где и сидел теперь в кафе Бонд.

Бонд уже рассказал американскому приятелю о Хайдте, об Ирландце и — десять минут назад — о человеке в «тойоте». Лейтер занял в торговом центре наблюдательную позицию, чтобы — в буквальном смысле — прикрыть Бонда со спины.

— Ну что, есть за мной хвост?

— Видел, как он входил, в сорока ярдах к югу, — ответил Лейтер с улыбкой, будто контрнаблюдение сейчас заботило его в последнюю очередь. — Был вон там, у входа. А потом рас-

творился.

— Ловкач.

— Однозначно. — Лейтер оглянулся. — Как тебе здешний шопинг? — Он обвел рукой толпы посетителей. — У вас в Англии торговые центры есть, Джеймс?

— Конечно. И телевизоры. И водопровод. Со дня на день и компьютеры появятся.

— Ха! Надо будет как-нибудь в гости заглянуть. Когда научитесь пиво держать в холодильнике.

Подозвав официанта, Лейтер заказал кофе, шепнув Бонду:

— Я бы попросил американо, только боюсь, этим тут же себя рассекречу.

Он дернул мочку уха, подавая, судя по всему, условный сигнал, — потому что рядом со столиком тут же вырос худощавый араб в местной одежде. Откуда он вынырнул, Бонд даже не догадывался. Вполне мог катать туристов на джонках по Дубайской бухте.

— Юсуф Насад, — представил его Лейтер. — А это мистер Смит.

Бонд понимал, что Насад тоже вымышленная фамилия. Этот парень из местных кадров и определенно спец, раз его привел Лейтер. Феликс Лейтер умеет подбирать людей. Именно Насад

помогал ему «вести» Хайдта от аэропорта.

Насад присел за столик.

— Как наш приятель? — спросил Лейтер.

— Ушел. Наверное, вас увидел.

— Да, выделяюсь я будь здоров! — рассмеялся американец. — То ли дело Алабама — там на меня никто и не взглянул бы.

— Я его практически не рассмотрел, — сказал Бонд. — Темные волосы, синяя рубашка.

— Крепкий парень, — произнес Насад. Американский телевизионный английский — так мысленно охарактеризовал его выговор Бонд. — Мускулистый. Очень короткая стрижка. И золотая серьга в ухе. Бороды нет. Я хотел сделать фото, но он слишком быстро исчез. Да и фототехника у нас дерьмовая. А ваш игрушечных дел мастер еще трудится? Как там его — на букву «кью»... Квентин? Квигли?

— «Кью» не человек. Можно сказать, это наш отдел снабжения.

— И синяя на нем не рубашка была, а куртка, — продолжал Насад. — Вроде ветровки.

— В такую жару? — удивился Бонд. — Значит, оружие прячет. Какое именно, не видели?

— Нет.

— Есть догадки, кто он?

— Определенно не араб, — высказался Насад. — Возможно, катса.

— На кой черт, спрашивается, я понадобился оперативному офицеру Моссада?

— Тебе виднее, дружище, — ответил Лейтер.

Бонд покачал головой:

— Скорее, его наняла местная тайная полиция. В последнее время в Дубае моих соотечественников не жалуют.

— Вряд ли. Люди из Амн ад-Даулы никого не выслеживают. Просто приглашают в свои четырехзвездочные апартаменты в Дейре, и человек сам выкладывает все, что их интересует.

Насад обежал взглядом кафе и окрестности, но ничего подозрительного не обнаружил. Он постоянно это делал, как подсел за столик.

— Думаешь, этого молодчика подослал Хайдт? — поинтересовался Лейтер.

— Не исключено. Даже если так, сомневаюсь, что они знают, кто я.

Бонд объяснил, как беспокоился до выезда из Лондона, что Хайдт с Ирландцем заподозрят слежку — особенно после провала в Сербии. Поэтому он через отдел «Т» слегка подтасовал данные, позаботившись, чтобы номер «бентли» выводил на манчестерскую утилизационную

компанию с криминальными связями. А потом Билл Таннер прислал на бывшую военную базу в Марче несколько агентов, которые изображали сотрудников Скотленд-Ярда, разыскивающих якобы пропавшего здесь охранника.

— Пусть Хайдт с Ирландцем хотя бы на несколько дней ослабят бдительность, — сказал Бонд. — В эфире ничего не пролетало?

Добродушный американец посуровел.

— По электронным и радиоканалам глухо. Я, правда, не особый любитель подслушивать.

Бывший морской пехотинец, Феликс Лейтер (там, на службе, Бонд с ним и познакомился) специализировался на агентурной разведке, предпочитая роль куратора, вербующего местные кадры, — например Юсуфа Насада.

— Я подключил все свои связи, поговорил с агентурой. Что бы там Хайдт и его здешние помощники ни планировали, утечки они не допускают. Ни одной зацепки. Подозрительных веществ в Дубай никто не ввозил. Друзьям и родным никто по секрету не шептал, мол, держись подальше от такой-то мечети или такого-то торгового центра примерно в семь вечера. И с того берега Залива никаких незваных гостей.

— Ирландец позаботился, чтобы все было ши-

то-крыто. Не знаю, кем именно он работает у Хайдта, но конспирация у них отличная. Будто предугадывает наш следующий ход и заранее продумывает ответные меры.

Они помолчали, обводя словно бы рассеянными взглядами торговый центр. Никаких следов «хвоста» в синей куртке. Равно как и Хайдта с Ирландцем.

— Ты у нас по-прежнему писака? — полюбопытствовал Бонд.

— А то, — ответил Лейтер.

Техасец работал под прикрытием журналиста-фрилансера и блогера, пишущего на музыкальные темы — блюз, ритм-н-блюз, афрокарибские мотивы. Журналистская деятельность часто используется секретными агентами для прикрытия: она оправдывает частые поездки, особенно в горячие точки и не самые злачные места мира. Лучшее прикрытие всегда то, которое соответствует подлинным увлечениям агента, ведь иногда приходится конспирироваться по нескольку недель или месяцев подряд. Режиссер Александр Корда (завербованный знаменитым британским куратором сэром Клодом Дэнси) под предлогом поисков натуры для съемок фотографировал в преддверии Второй мировой

объекты в запретных зонах. Бонду же прикрытие (системный аналитик ГМП в сфере безопасности) не сулило ничего, кроме смертельной скуки. В особенно тяжкие дни он мечтал променять его на должность инструктора по лыжам или дайвингу.

Бонд подался вперед, и Лейтер проследил за его взглядом. Из парадных дверей «Интерконтиненталя» вышли двое, направляясь к черному представительскому «линкольну».

— Это Хайдт. И Ирландец.

Лейтер отправил Насада за машиной, а Бонду показал на пыльную старую «альфа-ромео» на ближайшей стоянке.

— Моя тачка, — шепнул он. — Пойдем.

Глава 27

«Линкольн» с Хайдтом и Найлом Данном плыл сквозь зной и духоту на восток, вдоль линии электропередачи, несущей энергию в дальние районы города-государства. Слева раскинулся Персидский залив, припудренный висящей в воздухе пылью и выбеленный низким, но безжалостным солнцем.

Они пересекали Дубай по широкой дуге, минуя по пути крытый лыжный комплекс, отель «Бурдж аль-Араб», похожий на парус, надетый на мачту высотой с Эйфелеву башню, и роскошную Пальму Джумейра — насыпной остров с магазинами, домами и гостиницами, выдающийся далеко в Залив и выполненный, как подсказывало название, в форме представительницы местной флоры.

Северана Хайдта эти сверкающие красоты угнетали — слишком новые, с иголочки. Ему стало гораздо уютнее, когда машина свернула в старые кварталы Сатвы, населенные тысячами и тысячами рабочих — в основном приезжих.

Время близилось к половине шестого. Полтора часа до встречи, на которой он увидит по меньшей мере девяносто трупов. И полтора часа, с

внутренней улыбкой отметил Хайдт, до заката.

Интересное совпадение. Хороший знак. Его предки — духовные предки, а не те, что по крови, — верили в знаки и предвестия, поэтому он тоже позволял себе верить в них. Да, он практичный, приземленный бизнесмен… Но у него есть и другая сторона.

Автомобиль катил по улицам, выписывая замысловатые петли. Целью поездки был вовсе не осмотр достопримечательностей. Нет, это Данн, перестраховываясь, добирался до пункта назначения в жалких пяти милях от «Интерконтиненталя» таким кружным путем.

Водитель — наемник, воевавший в Афганистане и в Сирии, — доложил:

— Кажется, за нами был «хвост». «Альфа» и «форд», по-моему. Но мы оторвались, точно.

Данн оглянулся:

— Хорошо. Тогда на завод.

Автомобиль покатил в обратном направлении. Через десять минут они были в промышленном комплексе Дейры, пестрого и тесно застроенного центрального района, прилепившегося к Заливу. Хайдт сразу почувствовал себя как дома. Время тут словно остановилось: кособокие домишки, восточные базары, гавань в бухте, где у причалов

толпятся одномачтовые дхоу и другие мелкие суденышки… Декорация к приключенческому фильму тридцатых годов. Палубы ломились от тюков с грузом, наваленных огромными кипами. Водитель отыскал нужный участок — большую фабрику со складом и прилегающими офисами, одноэтажными, выкрашенными бежевой, уже облезающей краской. Поверх сетчатого забора тянулась колюче-режущая проволока — редкое зрелище в спокойном, некриминогенном Дубае. Водитель подъехал к переговорному устройству и заговорил по-арабски. Ворота медленно распахнулись, «линкольн» вплыл на парковку и остановился.

Оба пассажира выбрались из салона. До заката оставался час с четвертью, в воздухе разливалась прохлада, хотя раскаленная земля еще продолжала отдавать накопленный за день жар.

Пыльный ветер донес до Хайдта радушное приветствие:

— Прошу вас! Заходите, друг мой!

Им махал рукой мужчина в дишдаше — длинной белой рубахе особого эмиратского фасона — и без головного убора. Хайдт знал, что ему лет пятьдесят пять, однако выглядел он, как и многие арабы, моложе. Аккуратная борода, элегантные

очки, европейская обувь. Длинноватые волосы зачесаны назад.

Махди аль-Фулан зашагал через островки красного песка, вьющегося поземкой по асфальту и наметаемого под бордюры, мостки и стены домов. Глаза араба блестели, как у школьника, рвущегося показать выстраданное задание. Впрочем, почти так оно и есть, подумал Хайдт. Борода у араба была ухоженная, густая. Любопытно, что в этой стране, где краска для волос спросом не пользовалась, поскольку и мужские, и женские головы чаще всего скрывались тканью, популярным товаром стала краска для бороды.

Последовало рукопожатие.

— Друг мой!

Хайдт не решился здороваться по-арабски. Языки ему давались плохо, а обнаруживать недостаток мастерства он считал проявлением слабости.

Найл Данн шагнул вперед и тоже поздоровался, однако светлые глаза смотрели мимо араба. Только сейчас они не выискивали опасность. Он пожирал глазами несметные сокровища этого склада, видимые через открытую дверь, — около пятидесяти станков всех мыслимых и немыслимых геометрических форм, из крашеной и

некрашеной стали, железа, алюминия, углеволокна и черт знает чего еще. Сплошные трубки, провода, пульты управления, лампочки, переключатели, лотки и ремни. Сладкий сон робота (если роботам снятся сны).

Они вошли на безлюдный склад. Данн то и дело останавливался, чтобы осмотреть, а иногда и ласково погладить какой-нибудь агрегат.

Махди аль-Фулан, закончивший в свое время Массачусетский технологический, работал конструктором. Он старался держаться подальше от раскрученных фирм, дающих прямую дорогу на обложки деловых журналов (а иногда в суд по делам о банкротстве), проектируя функциональное промышленное оборудование и системы управления, на которые никогда не исчезал спрос. Хайдт познакомился с ним на конференции по перерабатывающему оборудованию, и с тех пор аль-Фулан входил в число основных поставщиков его фирмы. Узнав, в какие именно командировки араб ездит за границу и кому продает продукцию, Хайдт немедленно взял его в партнеры. Изобретения талантливого ученого и инженера оказались для «Геенны» весьма кстати.

Равно как и его связи.

«Около ста погибших…»

При этой мысли Хайдт невольно бросил взгляд на часы. Почти шесть.

— Прошу вас за мной, Северан, Найл, — позвал аль-Фулан, ведя гостей сквозь череду полутемных безмолвных помещений. Данн замедлял шаг у разных механизмов и пультов, то кивая одобрительно, то морща лоб в попытке понять, как эта штука работает.

Миновав машинные залы, наполненные ароматами масла, краски и особым металлическим, почти кровянистым запахом электрооборудования большой мощности, они вошли в офисную часть здания.

В конце полутемного коридора аль-Фулан открыл электронным ключом дверь без таблички и пригласил в просторное бюро, где громоздились ватманы, чертежи и разные бумаги с текстом, таблицами и диаграммами, большей частью оставшиеся для Хайдта загадкой.

Здесь было жутковато — мягко говоря, — во-первых, из-за полумрака и загроможденности, а во-вторых, из-за того, что́ украшало стены.

Изображения глаз.

Самых разных — человеческих, рыбьих, собачьих, кошачьих, глаз насекомых… Фотографии, компьютерная трехмерная графика, картинки

из анатомических атласов 1800-х годов. Неприятнее всего выглядел вычурный, подробный инженерный чертеж человеческого глаза, будто созданного каким-нибудь современным Франкенштейном по новейшим технологиям.

Перед одним из десятков больших мониторов сидела симпатичная брюнетка лет тридцати. Встав из-за компьютера, она подошла к Хайдту и энергично пожала ему руку:

— Стелла Киркпатрик. Работаю у Махди младшим референтом.

Хайдт приезжал в Дубай к аль-Фулану уже не впервые, но с этой девушкой еще не встречался. Выговор у нее американский, отметил он. Скорее всего умна, расчетлива и воплощает уже не первую сотню лет бытующий в этих краях феномен — выходца с Запада, влюбленного в арабскую культуру.

— Почти все алгоритмы разработала Стелла, — пояснил аль-Фулан.

— Вот как? — улыбнулся Хайдт.

Девушка залилась краской смущения, продиктованного признательностью своему наставнику, на которого она кинула быстрый взгляд, молящий об одобрении. Аль-Фулан улыбнулся в ответ обольстительной улыбкой. Хайдт сделал вид, что

ничего не заметил.

Как подсказывали картинки на стенах, аль-Фулан специализировался на оптике. Целью своей жизни он видел изобретение искусственного глаза для слепых, который не уступал бы «созданному для нас Аллахом, слава Ему». Однако на пути к этой цели он зарабатывал неплохие деньги конструированием промышленного оборудования. Большинство специализированных аварийных, управляющих и контрольных систем на сортировочных агрегатах и машинах для уничтожения бумаг в «Грин уэй» разработал именно он.

Недавно Хайдт заказал ему еще один агрегат для фирмы и сегодня приехал с Данном взглянуть на образец.

— Продемонстрировать? — спросил араб.

— Да, пожалуйста, — ответил Хайдт.

Прошествовав обратно в царство машин, аль-Фулан подвел гостей к замысловатому устройству весом в несколько тонн, пристроенному на погрузочной площадке рядом с большими уплотнителями для промышленных отходов.

Араб нажал несколько кнопок, и машина, взревев, начала постепенно разогреваться. Агрегат был футов двадцати в длину, шести — в высоту и десяти — в ширину. К переднему торцу подходил

металлический конвейер, исчезая в широкой квадратной пасти шириной в ярд. Внутри, в кромешной темноте, угадывались горизонтальные валики со спицами, как на комбайне. В противоположном торце полдюжины мусоросбросов нависали над контейнерами с заправленными в них толстыми серыми пластиковыми мешками, приготовленными для сбора того, что выплюнет агрегат.

Хайдт внимательно осмотрел машину. «Грин уэй» зарабатывает хорошие деньги на безопасном уничтожении документов, но мир меняется. Сегодня информация большей частью хранится на компьютерах и флэш-накопителях, и чем дальше, тем популярнее будет эта практика. Хайдт решил расширить свою империю, предложив новый подход к уничтожению компьютерных носителей информации.

Подобные услуги уже предлагала не одна компания, в том числе и сама «Грин уэй», однако благодаря аль-Фулану теперь подход будет принципиально другим. Сейчас, чтобы уничтожить информацию безвозвратно, требуется вручную раскрутить компьютер, стереть данные с жесткого диска путем размагничивания, затем пустить носитель под пресс. Кроме того, нужно отсоеди-

нить и другие элементы старого компьютера, в большинстве своем способные нанести вред окружающей среде.

Агрегат аль-Фулана будет выполнять все это автоматически. Ставите компьютер на конвейерную ленту, а остальное машина сделает сама: разберет устройство на части под бдительным надзором оптики аль-Фулана, распознающей и распределяющей детали по соответствующим лоткам и мусорным контейнерам. Рекламщики Хайдта смогут с чистой совестью заверить клиентов, что агрегат позаботится не только об уничтожении компромата на жестком диске, но и об утилизации прочих компонентов в полном соответствии с экологическими нормами.

По кивку шефа Стелла взяла старый ноутбук и положила на ребристую ленту конвейера. Ноутбук скрылся в темной утробе агрегата.

Изнутри донесся металлический лязг, толчки, затем громкий скрежещущий звук. Аль-Фулан подвел гостей к заднему торцу агрегата, откуда в разные контейнеры посыпались рассортированные запчасти — металлические и пластиковые детали, платы и тому подобное. В контейнер с надписью «Носители информации» полилась струйкой мелкая кремниево-металлическая

пыль — все, что осталось от жесткого диска. Вредные отходы, вроде батарей и тяжелых металлов, угодили в контейнер с соответствующей маркировкой, а безобидный мусор — в накопители для утилизации.

— Отлично! — похвалил Хайдт.

Ледяная маска Данна растаяла. Казалось, он мог бы пуститься в пляс.

Хайдт тоже был доволен. Очень доволен. Он хотел задать вопрос, когда заметил настенные часы. Половина седьмого. Ему тут же стало не до машин.

Глава 28

Джеймс Бонд, Феликс Лейтер и Юсуф Насад притаились за большим контейнером в пятидесяти футах от фабричного здания, наблюдая через окно погрузочной платформы за Хайдтом, Ирландцем, арабом в национальной белой рубахе и симпатичной брюнеткой.

Они вели слежку за «линкольном» от «Интерконтиненталя» — Бонд с Лейтером на «альфе» американца, Насад на «форде», замыкающим, — но вскоре поняли, что водитель-араб начинает запутывать следы. Обеспокоившись, как бы он не засек хвост, Бонд с помощью приложения на своем телефоне сделал измерительно-сигнатурный слепок машины, взял с помощью лазера ее координаты и отправил данные в отдел слежения ЦПС. Лейтер перестал давить на газ, предоставив слежку за «линкольном» спутникам, непрерывно передающим результаты на мобильный Бонда.

— Черт, — завистливо глядя на трубку в руке приятеля, протянул Лейтер. — Я тоже такой хочу.

Следя за маршрутом «линкольна» по карте, Бонд подсказывал американцу и державшемуся

за ними Насаду общее направление движения. Траектория у Хайдта выходила весьма любопытная. Наконец «линкольн» покатил обратно в старую часть города — Дейру. Прибывшие через несколько минут Бонд, Лейтер и его агент оставили машины в проулке между двумя пыльными складами и, прорезав сетчатую ограду, подобрались к зданию фабрики, надеясь выяснить, что замыслили Хайдт с Ирландцем.

Бонд вставил в ухо наушник и навел объектив телефонного фотоаппарата на четверку внутри здания, устроив прослушку с помощью приложения, разработанного Сану Хирани. Вибромикрофон восстанавливал разговор, происходивший за окном или прозрачной дверью, считывая вибрации стекла или ближайшей гладкой поверхности. Звуковые данные программа комбинировала с визуальным рядом — движением губ и щек, выражением глаз и жестами. В подобных условиях точность передачи разговора составляла около восьмидесяти пяти процентов.

— Говорят про оборудование для «Грин уэй», — пересказал Бонд содержание беседы, — его официальной компании. Черт!

— Ты только посмотри на этого урода, — прошептал американец. — Знает, что через полчаса

девяносто человек распрощаются с жизнью, и хоть бы что — будто пиксели на широкоэкранном телевизоре обсуждает.

У Насада зажужжал мобильный. Он ответил на отрывистом арабском — Бонд, разобрав отдельные слова, понял, что ему передают информацию про фабрику. Владеет ею, как сообщил, договорив по телефону, Насад, гражданин Дубая Махди аль-Фулан. Фотография подтверждала, что именно он сейчас беседует с Хайдтом и Ирландцем. В связях с террористами не подозревается, в Афганистане никогда не был, обычный инженер и бизнесмен. Хотя свою продукцию он наряду с другими поставляет полевым командирам и торговцам оружием. Недавно он разработал оптический сканер для инженерных мин, способный распознавать военную форму или знаки отличия.

«Радиус взрыва…» — вспыхнуло в мыслях у Бонда.

Беседа в здании склада возобновилась, и Бонд, склонив голову набок, вновь стал прислушиваться.

— Пора отправляться. Нам с Махди, — сказал Хайдт Ирландцу и с жутковатым, каким-то алчным взглядом повернулся к арабу. — Тут ведь недалеко?

— Недалеко, можно пешком.

— А вы со Стеллой займитесь техническими вопросами, — закончил Хайдт, обращаясь к Ирландцу.

Хайдт с арабом скрылись в глубине склада, а Ирландец обернулся к брюнетке.

Бонд отключил приложение.

— Хайдт с аль-Фуланом отправляются туда, где произойдет теракт. Пешком. Я за ними. А вы попробуйте тут еще что-нибудь выяснить. Ирландец с женщиной остаются. Если сможете, подберитесь ближе. Когда разберусь, что именно они затеяли, позвоню.

— Само собой, — прогудел техасец.

Насад кивнул.

Бонд проверил свой «вальтер» и сунул его обратно в кобуру.

— Погоди, Джеймс, — сказал Лейтер. — Спасая этих девяносто или сколько там человек, ты можешь себя рассекретить. И тогда Хайдт, заподозрив, что ты на него охотишься, заляжет на дно — исчезнет, — и ты его не увидишь, пока он не затеет новый «Инцидент-20». Только конспирацию еще больше повысит. А если ты позволишь ему сейчас довести дело до конца, он ничего о тебе не узнает.

— Предлагаешь пожертвовать людьми?

Американец выдержал взгляд Бонда.

— Выбор тяжелый. Не знаю, смог бы я сам его сделать. Но подумать стоит.

— Я уже подумал. Люди не погибнут.

Бонд заметил двух человек, направляющихся к выходу с территории.

Пригибаясь, Лейтер подбежал к зданию, пролез, подтянувшись, в небольшое окно и бесшумно скрылся внутри. Через секунду он махнул рукой, и Насад последовал за ним.

Бонд проскользнул обратно сквозь дыру в ограде и пустился за двумя подозреваемыми. Попетляв несколько кварталов по промышленным задворкам, Хайдт с аль-Фуланом вышли на крытый базар Дейры: сотни палаток со столиками и более основательных лавочек, где торговали золотом, специями, обувью, телевизорами, компакт-дисками, видеокассетами, шоколадными батончиками, сувенирами, игрушками, западной и ближневосточной одеждой — всем, что душе угодно. Уроженцы Эмиратов составляли здесь не самую многочисленную прослойку — Бонд слышал обрывки разговоров на тамильском, малайском, урду и тагальском; арабский доносился гораздо реже. Покупатели толпились на

базаре сотнями. У каждой палатки и в каждой лавочке шел оживленный торг — с энергичной жестикуляцией, насупленными бровями и перебрасыванием хлесткими фразами.

«Do buy — покупай».

Бонд незаметно следовал за сообщниками, выискивая намеченную ими цель — тех, кого через двадцать пять минут они намерены отправить на тот свет.

Что задумал мусорщик? Генеральный прогон перед массовым убийством в пятницу, где жертв будет в десять, а то и в двадцать раз больше? Или пятница тут ни при чем? Может, Хайдт использует свой статус бизнесмена международного уровня для прикрытия и их с Ирландцем наняли просто как исполнителей?

Бонд прорывался через плотную толпу торговцев, покупателей, туристов и портовых грузчиков, сваливающих груды тюков на палубы суденышек. Приближалось время послезакатной молитвы, Магриба, и народу все прибывало. Может, здесь, в толпе, и устроят теракт?

Но нет, Хайдт с аль-Фуланом покинули базар и прошли пешком еще полквартала. Там они остановились перед современным зданием в три этажа, с большими окнами, выходящими на

Дубайскую бухту. Общественное здание, в котором находятся взрослые и дети. Подобравшись поближе, Бонд прочитал вывеску на арабском и английском: «Музей Эмиратов».

Вот, значит, где их цель. Да, знали, что выбрать. Только по первому этажу бродит человек сто, а наверху явно еще больше. Музей расположен у самой бухты, перед фасадом лишь узкая дорожка, то есть пожарным и «скорым» проехать будет затруднительно.

Аль-Фулан обеспокоенно оглянулся, но Хайдт уже толкнул входную дверь. Сообщники растворились в толпе.

Воткнув в ухо наушник, Бонд включил подслушивающее устройство на телефоне и вошел вслед за сообщниками в здание. Там заплатил символическую сумму за билет и, смешавшись с группой западных туристов, стал приближаться к злоумышленникам.

Слова Феликса Лейтера не давали ему покоя. Предотвратив катастрофу, он может спугнуть Хайдта.

Как бы поступил Эм на его месте?

Скорее всего старик пожертвовал бы сотней ради спасения тысяч. Он ведь был действующим адмиралом ВМФ. Офицерам такого ранга посто-

янно приходится принимать нелегкие решения.

Вокруг копошились дети, взрослые рассматривали и увлеченно обсуждали экспонаты, смеялись и, кивая, с живым интересом слушали экскурсовода.

Хайдт и аль-Фулан шли все дальше. Что они собираются делать? Подложат взрывное устройство? Может быть, его они и изготавливали в Марче?

Или промышленный конструктор аль-Фулан что-то разработал для Хайдта по спецзаказу?

Бонд обошел просторный мраморный зал, заполненный шедеврами арабского искусства и антиквариатом. Бросалась в глаза массивная позолоченная люстра. Бонд незаметно направил в сторону Хайдта и его сообщника микрофон. До него донеслись десятки обрывочных фраз из чужих разговоров, но только не от Хайдта с аль-Фуланом. Досадуя на себя, он прицелился поточнее и наконец расслышал голос Хайдта.

— Как долго я этого ждал. Еще раз спасибо за помощь.

— Рад был оказаться полезным. Хорошо, что мы оба в одном деле.

— Я бы хотел сфотографировать тела, — рассеянно прошептал Хайдт.

— Само собой. Все, что пожелаешь, Северан.

«Насколько близко я смогу подойти к телам?» — думал Хайдт.

— Почти семь, — проговорил он. — Сейчас начнется?

«Что делать? — лихорадочно соображал Бонд. — Вот-вот погибнут люди».

Выбор действия диктуется намерениями противника…

Он заметил на стене кнопку пожарной тревоги. Если нажать, всех тут же эвакуируют. Но помимо пожарной сигнализации еще есть камеры наблюдения и охрана. Его засекут, а при попытке бежать полиция и охрана перехватят его и найдут оружие. Хайдт тоже все увидит и мгновенно поймет, в чем дело. Миссия будет провалена.

Нет ли иного способа?

Однако больше в голову ничего не приходило, и Бонд начал подбираться к тревожной кнопке.

Без пяти семь.

Хайдт с аль-Фуланом быстрым шагом направлялись к двери в дальнем конце вестибюля. Бонд стоял рядом с кнопкой. Прямо под тремя камерами наблюдения.

Охранник находился шагах в двадцати, не больше. Он уже начал присматриваться к Бонду,

сообразив, что тот ведет себя не совсем как обычный западный турист в музее. Склонив голову набок, охранник заговорил в микрофон, закрепленный на плече.

Впереди семья посетителей рассматривала диораму, изображающую верблюжьи скачки. Маленький мальчик с отцом смеялись над забавными фигурками.

Без четырех семь.

Коренастый охранник повернулся к Бонду. В кобуре у него висел пистолет. Снятый с предохранителя.

Без трех семь.

Охранник шагнул вперед, потянувшись к пистолету.

Не сходя с места и не выпуская из виду находящихся в двадцати шагах Хайдта с аль-Фуланом, Бонд занес руку над кнопкой пожарной тревоги.

Глава 29

В этот момент из громкоговорителя донеслось объявление на арабском. Бонд замер, вслушиваясь, и разобрал почти все.

«Господа! Купивших билеты на семичасовой сеанс просим проследовать ко входу в северное крыло».

Именно к этому входу приближались сейчас Хайдт с аль-Фуланом, к той самой двери в торце вестибюля. Покидать музей в их планы явно не входило. Но если сейчас здесь погибнут люди, почему эти двое не спешат убраться?

Бонд шагнул к двери, оставив кнопку тревоги. Охранник бросил на него еще один взгляд и отвернулся, застегивая клапан кобуры.

Хайдт с коллегой стояли у входа на устроенную в музее выставку. Осознав наконец, в чем дело, Бонд медленно выдохнул. Выставка называлась «Смерть в песках». Плакат у входа разъяснял, что прошлой осенью недалеко от оазиса Лива в эмирате Абу-Даби, примерно в сотне километров от Персидского залива, археологи раскопали массовое захоронение тысячелетней давности. От рук головорезов погибло целое племя кочевников-

бедуинов, девяносто два человека. Налетевшая сразу после битвы песчаная буря погребла мертвых под слоем песка, который и сохранил все племя для археологов.

Экспозиция представляла собой воссозданное бедуинское поселение с разложенными точно в таком же виде, в каком их нашли, иссушенными телами. Для обычных посетителей тела, судя по всему, прикрывали приличия ради. А сегодня в семь был устроен специальный показ — для научных работников, врачей и преподавателей, исключительно мужского пола, на котором тела оставили как есть, неприкрытыми. Видимо, аль-Фулану удалось достать билеты.

Бонд чуть не рассмеялся, испытав неимоверное облегчение. Потом пришла более трезвая мысль: только что он едва не провалил всю операцию ради девяноста человек, которые уже тысячу лет как мертвы.

Он заглянул в просторный выставочный зал, скользя взглядом по этому царству смерти — иссушенным телам, сохранившим в некоторых случаях большую часть похожей на пергамент кожи. От большинства несчастных остались в основном скелеты. Воздетые, видимо, в мольбе о пощаде, руки. Ссохшиеся фигурки матерей с

младенцами. Пустые глазницы, прутики пальцев и у некоторых жуткий оскал, сотворенный временем и тленом.

Бонд посмотрел на лицо Хайдта. В глазах мусорщика, разглядывающего погибших, светилось вожделение, сродни сексуальному. Даже аль-Фулану было не по себе от того, какое неподдельное удовольствие испытывает его деловой партнер.

«Никогда не слышал, чтобы так радовались известию о предстоящем убийстве…»

Хайдт делал снимок за снимком, вспышка его мобильного окутывала трупы мерцающим сиянием, придавая им еще более жуткий вид.

«Сколько времени коту под хвост», — с досадой подумал Бонд. Только и удалось выяснить, что Хайдт обзавелся хитроумным перерабатывающим агрегатом и что его возбуждает вид мертвых тел. Может, «Инцидент-20» тоже результат неверно истолкованного перехваченного сообщения? Однако, процитировав мысленно исходную фразу, Бонд пришел к выводу, что катастрофа, намеченная на пятницу, в любом случае не вымышленная.

…предполагаемое число жертв в несколько тысяч человек, ущемление

британских интересов, передача средств согласно договоренности.

Определенно теракт.

Хайдт с аль-Фуланом постепенно двигались в глубь зала. Бонд, не имея билета, последовать за ними не мог. Но тут Хайдт снова заговорил, и Бонд поднял телефон.

— Надеюсь, ты не всерьез с этой твоей девушкой? Как там ее зовут?

— Стелла, — ответил аль-Фулан. — Нет. Когда поймет, что от жены я не уйду, она станет опасна. Слишком много знает. И, честно говоря, — добавил он, — в последнее время она меня порядком достала.

— Мой напарник обо всем позаботится, — продолжал Хайдт. — Вывезет в пустыню, и поминай как звали. На него можно положиться. Отличный стратег… во всех областях.

Вот почему Ирландец остался на складе.

Если он собирается убить Стеллу, значит, не такие уж безобидные у них дела в легальном бизнесе. Видимо, связь с «Инцидентом-20» все же есть. Бонд поспешил к выходу, набирая номер Феликса Лейтера. Надо спасти женщину и выяснить, что ей известно.

Однако мобильный Лейтера после четвертого гудка переключился на автоответчик. Бонд попробовал снова. Черт, почему американец не отвечает? Может, они с Насадом уже пытаются спасти Стеллу, дерутся с Ирландцем или шофером? Или с обоими сразу?

Очередная попытка дозвониться. Снова автоответчик. Бонд пустился бегом, петляя по базарным рядам под аккомпанемент заунывных голосов, созывающих на молитву.

Обливаясь потом, запыхавшийся, через пять минут он прибежал к складу аль-Фулана. «Линкольн» Хайдта исчез. Бонд проскользнул в прорезанную дыру в ограде. Окно, через которое Лейтер пробрался на склад, было закрыто. Подбежав к зданию, Бонд с помощью отмычки вскрыл боковую дверь и прокрался внутрь, вытаскивая «вальтер».

В помещении никого не было, хотя где-то неподалеку громко завывал работающий аппарат.

Никаких следов девушки.

И где Лейтер с Насадом?

Ответ на свой вопрос — по крайней мере частичный — Бонд получил через несколько секунд. В комнате с маленьким открытым окном на полу алели свежие капли крови. Видны были следы

борьбы — валялись инструменты, а рядом с ними — пистолет и телефон Лейтера.

Бонд попытался мысленно восстановить события. Лейтер с Насадом разделились, американец спрятался здесь. Пока он наблюдал за Ирландцем и Стеллой, водитель-араб подкрался сзади и огрел его куском трубы или гаечным ключом. Что дальше? Лейтера бросили в багажник «линкольна» и увезли в пустыню вместе с девушкой?

Сжимая пистолет, Бонд осторожно подкрался к двери, из-за которой доносился шум работающего оборудования.

Увиденное заставило его оцепенеть.

Человек в синей куртке — тот самый, преследовавший его от аэропорта, — закатывал бесчувственного Феликса Лейтера в огромный мусоротрамбовочный агрегат. Агент ЦРУ лежал, распластавшись, ногами вперед на пока неподвижном конвейере, хотя сама машина уже работала: в ее глубине лязгали, почти смыкаясь, две массивные металлические пластины.

Ступням Лейтера оставалась пара ярдов до лезвий. Еще минуты две — и его перемелет в фарш.

Злоумышленник поднял голову и недовольно посмотрел на незваного гостя.

Бонд наставил на него дуло пистолета, крик-

нув:

— Руки в стороны!

Противник повиновался, но при этом, дернувшись, нажал кнопку агрегата и рванул со всех ног прочь.

Конвейер плавно пополз вперед, увлекая Лейтера к толстым стальным пластинам.

Подскочив к аппарату, Бонд надавил на красную кнопку «Выкл.» и помчался было догонять злоумышленника. Но трамбовщик не спешил останавливаться, лента по-прежнему тащила Лейтера к смертельным, неумолимо клацающим лезвиям.

Нет, только не это! Бонд сунул «вальтер» в кобуру и развернулся. Обхватив бездыханного американца, весившего килограммов на шесть больше его самого, Бонд, напрягая все силы, попытался стащить его с конвейера. Однако лента была утыкана металлическими шипами, чтобы мусор лучше держался, и одежда Лейтера зацепилась.

Конвейер упорно тащил его к лопастям.

Восемнадцать дюймов до лезвий. Шестнадцать. Двенадцать…

Вскочив на конвейер и упершись ногой в раму, Бонд намотал пиджак Лейтера на руки и вцепил-

ся изо всех сил. Конвейер слегка притормозил, но мощный мотор под несмолкающее клацанье лезвий все продолжал прокручивать ленту.

Восемь дюймов. Еще шесть — и ноги Лейтера превратятся в кровавую кашу.

Превозмогая жгучую боль в мышцах, Бонд, застонав от напряжения, потянул сильнее.

Три дюйма.

Прошипев напоследок гидравликой, конвейер остановился.

Тяжело дыша, Бонд отцепил брюки американца от зубцов конвейера и осторожно стащил обмякшего приятеля на пол. Затем кинулся к погрузочной площадке, вытаскивая пистолет, но мужчины в синей куртке уже и след простыл. Тогда, оглядываясь по сторонам, он вернулся к агенту ЦРУ, который уже начал приходить в себя. Поддерживаемый Бондом, Лейтер медленно сел, постепенно осознавая, где находится.

— На пять минут тебя оставить нельзя, — проворчал Бонд, пряча пережитый страх. Не теряя времени даром, он осмотрел рану на голове американца и промокнул первой найденной поблизости ветошью.

Лейтер оглянулся на жуткий агрегат и покачал головой. Однако серьезное лицо тут же озарилось

знакомой улыбкой.

— Вечно вы, британцы, врываетесь в самый неподходящий момент. Я как раз собирался взять его.

— С собой в больницу? — поинтересовался Бонд. Сердце у него колотилось — от неимоверных усилий и от облегчения, что друга удалось спасти.

— Не-а. — Лейтер осмотрел пропитанную кровью ветошь. Вид у него был при этом скорее сердитый, чем обеспокоенный. — Черт, Джеймс, крайний срок ведь уже миновал! Что там с теми девяноста?

Бонд рассказал про выставку.

Лейтер отрывисто рассмеялся:

— Вот прокол, а! Надо же было так купиться. Значит, говоришь, его мертвяки заводят? И он их фотографировал? Новое слово в порнографии…

Бонд вернул Лейтеру подобранные пистолет и телефон.

— Что тут случилось, Феликс?

Взгляд американца застыл.

— Едва ты ушел, как объявился водитель «линкольна» и стал переговариваться с Ирландцем, поглядывая на девушку. Я понял, что ей несдобровать, а значит, ей что-то известно. Надо было

как-то исхитриться помешать им и спасти ее. Представиться каким-нибудь инспектором по технике безопасности… Но не успел я и шагу сделать, как они схватили девушку, связали и потащили в кабинет. Я отправил Юсуфа в обход, чтобы он зашел с тыла, а сам двинулся вперед. Тут меня и подсек этот урод из торгового центра, который за тобой следил.

— Знаю. Я его заметил.

— Дерется эта гнида будь здоров. Вырубил меня в два счета.

— Что-нибудь говорил?

— Только пыхтел. Когда меня треснул.

— На кого он работает, на Ирландца или аль-Фулана?

— Неизвестно. Вместе с ними я его не видел.

— А девушка? Надо ее найти!

— Они сейчас, наверное, на полдороге в пустыню. Если повезет, Юсуф за ними проследит. Может, он звонил, пока я был в отрубе. — С помощью Бонда американец поднялся на ноги и нажал кнопку быстрого набора на телефоне.

Где-то рядом зазвучала жизнерадостная электронная мелодия. Зазвучала приглушенно.

Оба агента обернулись.

— Господи… — прошептал Лейтер, зажмури-

ваясь.

Они поспешили к дальнему торцу утилизатора. Звук доносился из большого переполненного мусорного мешка, который машина уже запломбировала и вытолкнула на погрузочную платформу для отправки.

Бонд тоже все понял.

— Я посмотрю.

— Нет, — остановил его Лейтер. — Это моя обязанность. — Он раскрутил пломбу и, глубоко вздохнув, заглянул в мешок. Бонд встал рядом.

В плотной мешанине острых металлических частей, проволоки, гаек, болтов и винтов виднелись обрывки окровавленной и перемазанной одежды, плоти, кожи и костей.

Остекленевшие глаза Юсуфа Насада смотрели с раздробленного, покореженного лица куда-то в пространство между Бондом и Лейтером.

Не произнеся больше ни слова, они сели в «альфа-ромео» и, сверившись со спутниковой системой слежения, выяснили, что лимузин Хайдта вернулся в «Интерконтиненталь». По дороге он сделал две короткие остановки — видимо, чтобы пересадить девушку в другую машину, которая отвезет ее в последний путь в пустыню, а потом забрать Хайдта из музея.

Через пятнадцать минут Бонд проехал мимо отеля «Интерконтиненталь» на прилегающую стоянку.

— Может, в номер? Рану обработать? — Он кивнул на рассеченную голову Лейтера.

— Не-а, мне бы хлебнуть чего покрепче. Пойду умоюсь. Встретимся в баре.

Они припарковали «альфу», Бонд вытащил из багажника ноутбук, а чемодан оставил. Повесив на плечо небольшую сумку, Лейтер отыскал бейсболку с эмблемой «Лонгхорнов» — футбольной команды Техасского университета, — бодро нахлобучил ее на раненую голову и заправил под кромку свои соломенные волосы. В отель агенты вошли с бокового входа.

Лейтер отправился умываться, а Бонд, убедившись, что поблизости нет никого из свиты Хайдта, прошел через вестибюль на улицу. Там, столпившись, о чем-то оживленно беседовали водители лимузинов. Оглядев эту тесную группу и увидев, что водителя Хайдта тут нет, Бонд подозвал жестом самого щуплого шофера. Тот с готовностью подошел.

— Есть визитка? — спросил Бонд.

— А то как же, сэр, пожалуйста… Что желаете? Сафари по барханам?.. А, знаю! На золотой базар!

Подарок для вашей дамы — привезете сувенир из Дубая и станете ее героем!

— Кто ездит в том лимузине? — поинтересовался Бонд.

Взгляд водителя застыл. Бонда это не беспокоило, он чувствовал, кто продается, а кто нет.

— Ты ведь его знаешь?

— Не особенно, сэр.

— Но вы, водители, между собой общаетесь как-никак. Все знаете. Тем более про такого заметного человека, как мистер Хайдт.

Бонд украдкой сунул водителю пятьсот дирхамов.

— Да, сэр. Да. Пожалуй, что-то я слышал.

— И что же?

— Кажется, он с друзьями отправился в ресторан. Просидят там часа два. Хороший ресторан. Дорогой, без суеты.

— А оттуда они куда могут направиться, есть соображения?

Кивок. И ни слова.

Еще пять сотен дирхамов отправились за предыдущими.

Водитель рассмеялся приглушенным саркастическим смехом:

— На нас не обращают внимания. Мы ведь так,

вьючные животные, вроде верблюдов. Я имею в виду, что мы для всех пустое место. А значит, при нас можно говорить о чем угодно, мы вроде как не слышим.

Бонд вынул еще несколько купюр, но тут же спрятал в карман.

Водитель оглянулся по сторонам.

— Вечером он летит в Кейптаун. Частным самолетом, через три часа. Как я уже говорил, ресторан на нижнем этаже славится неторопливыми сытными трапезами. — Он притворно надулся. — Но вы, я погляжу, не захотите, чтобы мой приятель забронировал вам столик. Понимаю. Возможно, в следующий ваш приезд…

Бонд выдал ему остальные деньги и, вытащив водительскую визитку, потеребил ее большим пальцем.

— Моего друга видел? Того здоровяка, что со мной вошел?

— Американец.

— Да, американец. Высокий.

— Очень высокий.

— Я скоро уеду, а вот он останется. И он очень надеется, что сведения о мистере Хайдте верны.

Улыбку словно ветром сдуло.

— Да-да, сэр, все точно. Клянусь Аллахом, да

славится имя Его!

Глава 30

Бонд зашел в бар и занял столик на террасе с видом на Дубайскую бухту; ее мирная зеркальная гладь, усеянная колеблющимися цветными отблесками, постепенно вытесняла жуткую сцену во владениях аль-Фулана.

Подошедший официант поинтересовался, что он будет заказывать. Из всех спиртных напитков Бонд предпочитал бурбон, однако водка, особенно обжигающе ледяная, обладала, по его мнению, более целебными свойствами. Поэтому он попросил полусухой мартини с двойной «Столичной» — тщательно взболтать (тогда водка не только лучше охлаждается, но и насыщается воздухом, что значительно улучшает вкус).

— И еще лимонную цедру.

Когда коктейль принесли — непрозрачный, а значит, взболтанный правильно, — Бонд залпом выпил половину. Лицо и горло обожгло ледяным огнем, притупляя горечь от того, что не удалось спасти ни девушку, ни Юсуфа Насада.

Однако воспоминание о том, с каким вожделением Хайдт смотрел на иссушенные тела, коктейль стереть не смог.

Бонд сделал еще глоток, рассеянно глядя на экран телевизора над барной стойкой; там в калейдоскопе кадров, как в клипах арабского и индийского телевидения, мелькала прекрасная Ахлам из Бахрейна. Из динамиков лился ее чарующий, переливчатый голос.

Допив коктейль, Бонд позвонил Биллу Таннеру. Рассказал о ложной тревоге и о выставке в Историческом музее, потом добавил, что Хайдт поздним вечером вылетает в Кейптаун. Не сможет ли отдел «Т» организовать перелет и для Бонда? Снова напроситься на борт «груммана» не выйдет — он уже отбыл обратно в Лондон.

— Я посмотрю, Джеймс. Наверное, придется коммерческим рейсом. И не уверен, что получится опередить Хайдта.

— Мне главное, чтобы кто-то встретил его в аэропорту и проследил, куда он поедет. Как там дела у «Шестерки» в тех краях?

— У резидентуры «Зет» есть тайный агент в Кейпе. Грегори Лэмб. Секунду, проверю статус. — В трубке послышался перестук кнопок. — Сейчас он в Эритрее, танцы с саблями на суданской границе принимают угрожающий характер. Хотя знаешь, Джеймс, Лэмба лучше не вовлекать. У него в личном деле не все чисто. Он там совсем

ассимилировался, как какой-нибудь герой Грэма Грина. Думаю, у «Шестерки» он числится в кандидатах на увольнение, просто руки никак не доходят вручить ему документы. Поищу тебе кого-нибудь из местных. Рекомендую обратиться в Полицейскую службу Южной Африки, а с органами национальной безопасности не связываться — они в последнее время в новостях предстают не в самом приглядном свете. Я прозвоню пару номеров, потом по результатам — тебе.

— Спасибо, Билл. Соединишь меня с «Кью»?

— Сейчас. Удачи!

Вскоре в трубке послышался задумчивый голос:

— Отдел «Кью», Хирани.

— Сану, это ноль-ноль-семь. Я в Дубае. Срочно кое-что нужно. Но «Шестерка» здесь пока нон грата.

— Не волнуйся, к «Шестерке» мои люди никакого отношения не имеют. Я работаю с местными.

Выслушав разъяснения Бонда, Хирани явно разочаровался — слишком простое задание.

— Ты где сейчас?

— «Интерконтиненталь», Фестиваль-Сити.

Снова перестук кнопок.

— Хорошо. Тридцать минут. Главное, запомни:

цветы.

Разговор как раз закончился, когда появился Лейтер и, усевшись, заказал «Джим Бим» — неразбавленный.

— Никакого льда, никакой воды, никаких фруктовых салатов, ничего. Но двойной. Или даже тройной.

Бонд попросил еще мартини.

— Как голова? — спросил он, дождавшись, пока отойдет официант.

— Жить буду, — пробурчал Лейтер. Рана действительно казалась неопасной, и Бонд понимал, что подавленное настроение товарища вызвано гибелью Насада. — Выяснил что-нибудь насчет Хайдта?

— Они сегодня улетают. Через пару часов. В Кейптаун.

— А что там?

— Понятия не имею. Надо выяснить.

Причем выяснить за три дня, напомнил себе Бонд, если он действительно собирается спасти тысячи намеченных в жертву людей.

Принесенные официантом напитки они приняли в молчании и, отпивая, одновременно обвели глазами просторный бар. Темноволосого мужчины с серьгой — или других наблюдателей,

чересчур пристально высматривающих (или, наоборот, старательно не замечающих) двух мужчин в углу, — видно не было.

Ни тот ни другой не помянули только что погибшего агента. При всем соблазне почтить память, этого не делали никогда.

— А Насад? — спросил Бонд. — Тело? — Думать о напарнике, принявшем такую жуткую смерть, было тяжко.

Лейтер плотно сжал губы.

— Если тут замешаны Хайдт с Ирландцем и я бы вызвал команду, они бы поняли, что за ними следят. Нельзя рисковать прикрытием. Юсуф понимал, на что идет.

Бонд кивнул. Так будет правильнее, хотя легче от этого не становится.

Лейтер вдохнул пары виски, потом сделал еще глоток.

— Сам знаешь, в нашем деле тяжелее всего принимать такие вот решения — а не изображать Бутча Кэссиди, выхватив шестизарядник. На это особого ума не надо.

У Бонда зажужжал мобильный. Отдел «Т» забронировал для него билет на ночной рейс в Кейптаун компанией «Эйр эмирейтс». Вылет через три часа. Выбором перевозчика Бонд остался

доволен. Авиакомпания изо всех сил пыталась «сохранить лицо», поэтому пассажиров ждал качественный сервис, достойный золотой эры воздушных перевозок, царившей лет пятьдесят-шестьдесят назад. Бонд поделился с Лейтером своими планами по поводу отъезда.

— Давай поедим, — добавил он.

Американец подозвал официанта и попросил принести мезе.[17]

— А потом групера на гриле. Только, будьте любезны, без костей.

— Да, сэр.

Бонд заказал бутылку хорошего шабли, и они в молчании потягивали вино из охлажденных бокалов, пока не появились закуски — тефтели, оливки, хумус, сыр, баклажаны, орехи и лепешки, вкуснее которых Бонд никогда не пробовал. Оба агента налегли на еду. Потом официант убрал со стола и принес главное блюдо — простую белую рыбу, исходящую паром на подушке из зеленой фасоли. У нее оказался изысканный, слегка мясной вкус. Однако не успел Бонд проглотить и нескольких кусков, как телефон зажужжал сно-

---

[17] Примечания: 17

Набор закусок или маленьких блюд, подаваемых на Средиземноморье и на Ближнем Востоке за обедом или ленчем, как с алкогольными напитками, так и без них.

ва. Определитель показывал лишь код номера, принадлежащий британскому правительству. Предположив, что это, наверное, Филли из другого кабинета, Бонд ответил.

И тут же об этом пожалел.

Глава 31

— Джеймс! Джеймс! Джеймс! Угадай кто! Перси! Давно не слышались!

У Бонда сжалось сердце.

Лейтер нахмурился, увидев помрачневшее лицо приятеля.

— А, Перси. Да.

— Все хорошо? — поинтересовался Осборн-Смит из Третьего отделения. — Никаких стычек, требующих серьезного оперативного вмешательства?

— Все в порядке.

— Рад слышать. Здесь у нас все в темпе вальса. Ваш шеф проинформировал всех насчет «Геенны» — вам ведь было недосуг, вы так спешно покидали пределы страны… — Он выдержал многозначительную паузу. — Не обращайте внимания, Джеймс, я нарочно вас подкалываю. На самом деле я звоню в первую очередь, чтобы извиниться.

— Правда? — с подозрением спросил Бонд.

Голос сотрудника Третьего отделения посерьезнел.

— Сегодня утром я пригнал в аэропорт группу

захвата в надежде скрутить Хайдта и притащить на доверительную беседу. Но похоже, вы были правы. Ищейки перехватили и расшифровали обрывок одного сообщения. Сейчас зачитаю… Сперва неразборчиво, потом: «У Северана три основных партнера… если его самого не будет, кнопку может нажать любой из них». Так что ваша взяла, Джеймс, арестовывать его опасно. Остальные просто уйдут на дно, и мы потеряем всякую надежду выяснить, в чем состоит план «Геенна», и предотвратить катастрофу. — Осборн-Смит перевел дыхание. — Я вел себя слегка резковато при встрече и за это тоже прошу прощения. Очень надеюсь продолжить сотрудничество, Джеймс. Извинения приняты? Будем считать, что Гермиона взмахнула волшебной палочкой и обиды как ветром сдуло, идет?

Бонд давно усвоил, что в мире разведки союзники просят прощения за промахи так же редко, как враги. Наверняка уступчивость Осборн-Смита отчасти продиктована желанием остаться в игре и получить свою порцию славы, но это его не задевало. Главное — узнать, в чем состоит план «Геенна», и предотвратить гибель тысяч людей.

— Конечно.

— Хорошо. Ваш шеф послал нам агентурное со-

общение по результатам вашей поездки в Марч, так что я по нему работаю. С «радиусом взрыва» все ясно — самодельное взрывное устройство, поэтому мы вылавливаем любые сообщения о неучтенной взрывчатке. Поскольку известно, что в «условия» сделки входит пять миллионов фунтов, я подключил свои контакты в Банке Англии, чтобы отследить ПФО.

Бонд и сам думал позвонить в банк с просьбой сигнализировать о подозрительных финансовых операциях. Но пять миллионов фунтов — такая мелочь по нынешним временам, что скорее всего в потоке отчетов он бы просто захлебнулся. А Осборн-Смит, если хочет, пусть покажет.

— Что касается подтвержденного «курса», — продолжал сотрудник Третьего отделения, — без более подробной информации взять под контроль какие-то воздушные или морские суда не представляется возможным. Но ребята в морских портах и аэропортах будут наготове, если нам понадобится срочно реагировать.

— Хорошо, — сказал Бонд, не уточняя, что практически о том же самом попросил Билла Таннера. — Мне как раз стало известно, что Хайдт со своей подругой и Ирландцем направляются в Кейптаун.

— Кейптаун? О, это уже пища для размышлений. Я тут покопался в грязном белье Хайдта…

Бонд уже понял, что Перси Осборн-Смит не мыслит дружеской беседы без подобных шуток.

— В ЮАР у «Грин уэй» один из крупнейших филиалов. Второй дом, можно сказать. Наверняка «Геенна» имеет к этому какое-то отношение — чего-чего, а британских интересов там хоть отбавляй.

Бонд рассказал про аль-Фулана и смерть девушки.

— Все, что нам доподлинно удалось узнать, — Хайдт ловит кайф от созерцания мертвых тел. И что фирма араба, возможно, тоже как-то участвует в плане «Геенна». Он не раз поставлял оборудование торговцам оружием и полевым командирам.

— Правда? Любопытно. Да, кстати, сейчас перешлю один снимок, взгляните обязательно. Он вам пригодится.

Бонд свернул окно вызова на мобильном и открыл засекреченное приложение. Снимок оказался фотографией Ирландца.

— Это он, — сообщил Бонд Осборн-Смиту.

— Так я и думал. Его зовут Найл Данн.

— Как вы его нашли?

— Посмотрели материал с камер наблюдения в Гэтуике. В базах данных его нет, но я посадил своих неутомимых помощников сличать картинку с данными уличных лондонских камер. Попалось несколько очень похожих изображений мужчины с такой же дурацкой челкой, который осматривал тоннели у здания «Грин уэй» на набережной Виктории. Последнее слово в индустрии — сбор и перевозка мусора подземным путем. И дороги чистые, и туристам радость. Наши ребята притворились, что пришли с проверкой из коммунальных служб, показали фотографию и добыли имя с фамилией. Я отослал досье на него в «Пятерку», в Скотленд-Ярд и вашему начальнику штаба.

— И что известно о Данне? — поинтересовался Бонд. Рыба на тарелке остывала, но ему было уже не до нее.

— Биография любопытная. Родился в Белфасте, изучал архитектуру и инженерное конструирование, стал лучшим в своем выпуске. В армии служил в инженерных войсках.

Военные инженеры — это те, кто строит мосты, аэродромы и всякие укрытия, а также устраивает и обезвреживает минные поля. Они славятся мастерством импровизации, умением изготовить

оборонительную и наступательную технику и укрепления из любых подручных материалов и в самых неблагоприятных условиях.

В инженерных войсках служил в свое время подполковник ГМП Билл Таннер, а Бонд еще не встречал человека опаснее и умнее, чем этот спокойный любитель гольфа.

— После армии, — продолжал Осборн-Смит, — Данн стал вольнонаемным инженерным инспектором. Я и не подозревал о существовании такого занятия; оказывается, при строительстве здания, корабля или самолета на каждом шагу необходимо проходить самые разные проверки. Вот Данн смотрит на проект и говорит — быть или не быть. Судя по всему, спец он, каких поискать: любую мелочь замечал там, где другие в упор не видели. Но потом он эту работу вдруг оставил и пошел, если верить реестру Налогового управления, в консультанты. Там он тоже преуспел — зарабатывает около двухсот тысяч в год, причем без логотипов и всяких талисманов вроде Уэнлока и Мандевиля.[18]

После выслушивания извинений выносить искрометный юмор Осборн-Смита было чуть легче.

---

[18] Примечания: 18

Так называются необычные забавные человечки — талисманы Олимпиады 2012 г., которая пройдет в Лондоне.

— Видимо, так они и познакомились. Данн инспектировал что-то для «Грин уэй», и Хайдт его нанял.

— Информационная проходка показала, — излагал Осборн-Смит дальше, — что последние несколько лет Данн постоянно летал в Кейптаун и обратно. У него одна квартира там, другая в Лондоне (кстати, мы в нее заглянули, но ничего интересного не нашли). Известно также, что он побывал в Индии, в Индонезии, на Карибах и в других местах, где происходят всякие заварушки. Очевидно, столбит территорию для босса. Уайтхолл по-прежнему рассматривает афганский след, — добавил Осборн-Смит, — хотя я бы на него не ставил. А вот вы, Джеймс, наверное, напали на золотую жилу.

— Спасибо, Перси. Вы очень помогли.

— Рад, что и от меня польза есть.

Вчера Бонд увидел бы в этих словах ерничество, но сегодня они показались ему вполне искренними.

Попрощавшись, он пересказал Лейтеру добытые Осборн-Смитом сведения.

— Значит, это пугало Данн еще и инженер? В Америке мы зовем их задротами.

В ресторане появился уличный торговец и

начал ходить от столика к столику, предлагая розы.

Лейтер проследил за взглядом Бонда.

— Не надейся, Джеймс. Ужин, конечно, был хорош, но если думаешь, что теперь букетик — и дело в шляпе, я не по этой части.

Бонд улыбнулся.

Торговец подошел к соседнему столику и протянул цветок сидевшей там молодой паре.

— Прошу, — обратился он к девушке. — Это очаровательной даме от меня, бесплатно, в качестве комплимента. — И отправился дальше.

Через секунду Бонд приподнял салфетку и открыл конверт, который ловко вытащил из кармана прошедшего мимо торговца.

«Главное, запомни: цветы…»

Он украдкой изучил поддельное разрешение на ношение оружия в ЮАР, проштемпелеванное и подписанное.

— Пора идти. — Бонд взглянув на часы. Не хотелось бы столкнуться с Хайдтом, Данном и их спутницей на выходе из отеля.

— Запишем на счет Дяди Сэма, — сказал Лейтер, оплачивая ужин. Приятели покинули бар и, выскользнув на улицу через боковую дверь, направились на парковку.

Через полчаса они прибыли в аэропорт.

Пожимая Бонду на прощание руку, Лейтер проговорил вполголоса:

— Юсуф был отличным агентом. А еще он был моим другом. Так что, когда увидишь эту сволочь в синей куртке, стреляй не раздумывая.

Среда
Поля смерти

Глава 32

«Боинг» плавно подруливал к рукаву кейптаунского аэропорта. Бонд потянулся в кресле и надел сброшенные ботинки. Он чувствовал себя отдохнувшим. Когда самолет «Эйр эмирейтс» оторвался от дубайской земли, Бонд позволил себе два слегка разбавленных «Джима Бима». Алкоголь отлично выполнил свою задачу, и Бонд безмятежно проспал почти семь часов. Теперь он просматривал сообщения от Билла Таннера.

> Связь: капитан Йордан, Отдел по борьбе с преступностью, Полицейская служба ЮАР. Встретит по прилете в аэропорту. За Хайдтом ведется слежка.

Затем следовало второе сообщение:

> Грегори Лэмб из МИ-6 еще в Эритрее. Общее мнение — держись от него подальше.

И последнее:

> Рад слышать, что вы с Осборн-Смитом

снова вместе. Когда мальчишник?

Бонд невольно улыбнулся.

Самолет замер у рукава, и старший бортпроводник проговорил известную Бонду наизусть формулу высадки:

— Экипаж, двери в ручное, контроль двери напротив. Дамы и господа, просим вас соблюдать осторожность при открытии верхних багажных отсеков — во время полета вещи могли сместиться.

«Благословляю тебя, дитя мое, ибо судьба решила благополучно вернуть тебя на землю — до поры до времени».

Бонд снял с полки сумку с ноутбуком — чемодан, где лежал пистолет, он сдал в багаж — и проследовал на паспортный контроль в гудящий заполненный зал. Там ему вяло проштамповали паспорт, и он двинулся на таможенный досмотр, где предъявил крепко сбитому неулыбчивому таможеннику свое разрешение на оружие, чтобы забрать чемодан. Встретив пристальный хмурый взгляд, Бонд напрягся. Неужели проблемы?

— Ну-ну, — произнес таможенник, надувая широкие блестящие щеки от осознания величайшей важности своего поста. — А теперь выкладывай-

те начистоту.

— Выкладывать? — спокойно переспросил Бонд.

— Вот-вот. Как вы намерены подбираться вплотную к спрингбоку или куду[19] со своим пистолетом?

— Да, задачка не из легких, — признал Бонд.

— А я что говорю.

— Но я на спрингбоков не охочусь, — нахмурился Бонд.

— Нет? Из них отменный билтонг[20] получается.

— Может быть. Но пристреливший спрингбока рискует сильно навредить британской команде на матче по регби.

Таможенник расхохотался, пожал Бонду руку и кивком направил к выходу.

В зале прилета толпился народ. В основном все были в западной одежде, хотя попадались и традиционные африканские наряды: у мужчин — пестрые рубахи-дашики и парчовые комплек-

---

[19] Примечания: 19

Виды африканских антилоп. Спрингбок был изображен на прежнем гербе ЮАР, и южноафриканские команды в разных видах спорта, в том числе и в регби, часто носят прозвище «спрингбоки».

[20] Примечания: 20

Нарезанное полосками острое вяленое мясо.

ты, у женщин — просторные накидки-кенте и тюрбаны яркой расцветки. Кое-где виднелись мусульманские одеяния и даже несколько сари.

Пробираясь через зал для встречающих, Бонд успел уловить несколько слов на разных языках и многочисленных диалектах. Его всегда восхищало в африканских наречиях характерное щелканье — согласный звук, производимый особым щелчком языка. Наиболее полно он представлен у койсанов — коренных обитателей этой части африканского континента, — хотя щелкают и зулусы, и говорящие на коса. Бонд как-то попробовал пощелкать, но звук ему не дался.

Поскольку встречающий его капитан Йордан появляться не спешил, Бонд зашел в кафе, где, присев на высокий табурет у стойки, заказал двойной эспрессо. Он выпил чашку до дна, расплатился и шагнул к выходу, любуясь красавицей в деловом костюме — лет тридцати пяти, с экзотически высокими скулами и густыми волнистыми волосами, в которых поблескивала ранняя седина, лишь добавляющая женщине чувственности. Приталенный бордовый костюм с черной блузкой подчеркивал пышные, но в то же время подтянутые формы.

«Похоже, в ЮАР мне понравится», — подумал

Бонд и улыбнулся, пропуская женщину вперед. Как большинство красавиц в подобных проходных местах, она не обратила на него никакого внимания.

Бонд постоял немного в центре зала для встречающих, потом решил, что, возможно, Йордан ждет, когда он объявится сам. Пришлось послать сообщение Таннеру и попросить фотографию. Однако, едва нажав кнопку «отправить», он наткнулся взглядом на полицейского — огромного, бородатого и рыжеволосого, в светло-коричневом костюме. Медведь, а не человек. Тот взглянул на Бонда в ответ, и в глазах его вроде что-то мелькнуло, однако он тут же развернулся и пошел покупать сигареты в киоске.

В их профессии все построено на подтекстах — прикрытие, маскирующее твою истинную сущность; скучные разговоры, пересыпанные кодовыми словами, за которыми скрываются жуткие подробности; невинные, казалось бы, предметы, превращающиеся в смертельное оружие…

Неожиданный уход Йордана за сигаретами — это сигнал. Полицейский не подошел к Бонду, потому что рядом враг.

Он оглянулся, но никакой непосредственной

угрозы не заметил. Процедура, конечно, известна. Когда агент дает такую отмашку, нужно непринужденно и как можно незаметнее удалиться и выйти на связь с кем-то третьим, который назначит новую встречу в более безопасном месте. Связником выступит Билл Таннер.

Бонд начал пробираться к выходу.

Поздно.

Не успел Йордан скрыться за дверью в мужской туалет, засовывая в карман пачку, из которой он скорее всего курить не будет, как над ухом Бонда раздался зловещий голос:

— Не оборачивайтесь. — К английскому примешивался местный акцент.

Судя по всему, противник был довольно высок. Краем глаза Бонд рассмотрел еще и второго, пониже и поплотнее. Быстрым движением он избавил Бонда от сумки с ноутбуком и чемодана с бесполезным сейчас «вальтером».

— Идите прямо к тому выходу, — велел первый противник.

Бонду оставалось только повиноваться. Повернувшись, он пошел куда было велено, по безлюдному коридору.

Шагая, он оценивал обстановку. Судя по звуку шагов, сообщник высокого достаточно далеко, и

с первого броска удастся вырубить только одного из злоумышленников. Тогда коротышке придется бросить чемодан и ноутбук и Бонд выиграет лишь несколько секунд, однако оружие он все равно наверняка успеет достать. Нейтрализовать коротышку можно будет, но перестрелки не избежать.

«Нет, — решил Бонд. — Слишком велика вероятность кого-то зацепить. Лучше дождаться, пока выйдем на улицу».

— В эту дверь налево. И не оглядываться.

Они вышли на залитый солнцем тротуар. Стояла осень, воздух был прозрачный и ломкий, небо — ослепительно голубое. Как только они подошли к заброшенной стройке, навстречу рванулся и с визгом притормозил у тротуара потрепанный черный «рейндж-ровер».

В полку врага прибыло. Однако из машины никто выходить не спешил.

Намерения — действия.

Намерение — похитить его.

Значит, действия стандартные для попытки захвата: усыпить бдительность, затем атаковать. Незаметно сдвинув «Ролекс» на костяшки пальцев как кастет, он резко обернулся и с презрительной улыбкой посмотрел на обидчиков.

Перед ним стояли двое страшно серьезных молодых людей, чья темная кожа казалась еще темнее из-за ослепительно белых накрахмаленных рубашек. Помимо рубашек, гардероб их составляли костюмы — коричневый и темно-синий — и узкие темные галстуки. Оружие у парней скорее всего имелось, однако доставать его из кобуры они, видимо, из-за чрезмерной самоуверенности, не стали.

Когда за спиной распахнулась дверь «рейнджровера», Бонд отскочил в сторону, чтобы избежать нападения сзади, и прикинул раскладку. Сначала он сломает челюсть высокому и выхватит его пистолет. Посмотрев обидчику в глаза, он рассмеялся:

— Я пожалуюсь на вас в турбюро. О южноафриканском гостеприимстве наслышан, однако представлял я его себе по-другому.

Броситься на противника ему помешал донесшийся из машины за спиной суровый женский голос:

— Мы бы с радостью проявили гостеприимство, если бы вы не вздумали вальяжно распивать кофе на виду у всех, особенно у разгуливающего по аэропорту злоумышленника.

Бонд разжал кулак и обернулся, а когда загля-

нул в машину, не смог скрыть удивления.

С заднего сиденья на него смотрела та самая красавица, которую он приметил в зале прилета.

— Капитан Бхека Йордан, Полицейская служба ЮАР, Отдел по борьбе с преступностью.

Полные губы без намека на помаду, темные неулыбчивые глаза.

У Бонда зажужжал мобильный. На экране высветилось сообщение от Билла Таннера — само собой, с вложенной фотографией женщины, сидящей в машине.

— Коммандер Бонд, я уорент-офицер Полицейской службы ЮАР Квалене Нкоси, — представился высокий похититель, протягивая руку, и их с Бондом ладони встретились в традиционном южноафриканском приветствии: сначала обычное пожатие, как на Западе, потом с обхватом больших пальцев и снова обычное. Бонд знал, что отпускать руку слишком поспешно считается неуважительным, но, судя по всему, он продержал ее ровно столько, сколько надо. Нкоси, тепло улыбнувшись, указал подбородком на коротышку, загружавшего чемодан и ноутбук в багажник «рейндж-ровера». — А это сержант Мбалула.

Коренастый хмуро кивнул и, управившись с багажом, поспешно ушел — видимо, к собствен-

ной машине.

— Простите нас за резкость, коммандер, — продолжал Нкоси. — Надо было как можно быстрее вывести вас из аэропорта, не тратя времени на объяснения.

— Тратить время на обмен любезностями, уорент-офицер, тоже считаю лишним, — вмешалась Бхека Йордан.

Бонд опустился рядом с ней на заднее сиденье, Нкоси забрался на пассажирское место впереди. Через миг за машиной пристроился черный седан сержанта Мбалулы, тоже без всяких отличительных признаков.

— Поехали! — рявкнула Йордан. — Быстро.

«Рейндж-ровер» отлепился от тротуара, вклинился в поток под возмущенные гудки и вялые проклятия остальных водителей и тут же погнал на девяноста с лишним километрах в час по участку с максимальными сорока.

Бонд снял с ремня мобильный и, нажав пару кнопок, прочитал полученный ответ.

— Уорент-офицер, — обратилась Йордан к Нкоси, — что там?

Нкоси, все это время не сводивший глаз с бокового зеркала, ответил то ли на зулусском, то ли на коса. Бонд, не владея ни тем, ни другим, понял по

его интонации и по кивку Йордан, что «хвоста» нет. Когда территория аэропорта осталась позади, а на горизонте замаячили невысокие, но внушительные горы, машина слегка сбавила ход.

Йордан протянула Бонду руку. Он с улыбкой хотел ее пожать, но в руке оказался мобильный.

— Будьте любезны, — попросила она сурово, — приложите палец к экрану.

Вот тебе и потепление в международных отношениях.

Он взял телефон, оставил отпечаток большого пальца на экране и отдал трубку обратно. Йордан прочитала высветившийся текст: «Джеймс Бонд, Группа международных программ Министерства иностранных дел и по делам Содружества».

— Теперь можете удостоверить мою личность. — Она выставила руку с растопыренными пальцами. — У вас ведь тоже в телефоне есть такое приложение?

— Не вижу необходимости.

— Почему? — поинтересовалась она высокомерно. — Потому что рассматриваете меня только как красивую женщину и проверять не считаете нужным? А если я наемный убийца? Или смертница из «Аль-Каиды», обвязанная взрывчаткой?

Бонд решил не уточнять, что пристальный осмотр ее фигуры не выявил возможностей спрятать на ней пояс шахида. Он лишь заявил:

— Не вижу необходимости, поскольку, во-первых, мне только что переслали из конторы вашу фотографию, а во-вторых, несколько минут назад мой телефон сосканировал вашу сетчатку и подтвердил, что вы действительно капитан Бхека Йордан из Отдела борьбы с преступностью, Полицейская служба Южной Африки. Работаете там уже восемь лет. Проживаете в Кейптауне на Леувен-стрит. В прошлом году получили «Золотой крест» за отвагу. Поздравляю!

Кроме этого, он выяснил ее возраст — тридцать два и семейное положение — в разводе.

Уорент-офицер Нкоси, развернувшись вполоборота, посмотрел на мобильный Бонда и с улыбкой похвалил:

— Хорошая у вас игрушка, коммандер.

— Квалене! — одернула его Йордан.

Улыбка мигом исчезла, и Квалене снова уставился в боковое зеркало.

Йордан презрительно покосилась на телефон Бонда.

— Едем ко мне в штаб, будем думать, как подобраться к Северану Хайдту. Я работала с вашим

подполковником Таннером, когда он еще был в МИ-6, поэтому согласилась помочь. Он человек толковый и очень предан своему делу. Кроме того, истинный джентльмен.

Намекает, что Бонд в отличие от Таннера не джентльмен? Его несколько задело, что она так болезненно восприняла невинную — в самом деле невинную — улыбку в зале прилета. Он ведь наверняка не первый мужчина, кто кидает в ее сторону выразительные взгляды.

— Хайдт у себя в офисе? — спросил Бонд.

— Точно, — подтвердил Нкоси. — Они оба с Найлом Данном в Кейптауне. Мы с сержантом Мбалулой проследили за ними от аэропорта. С ними еще женщина была.

— Наблюдение установлено?

— Так точно. Наша схема видеонаблюдения сделана по образцу лондонской, поэтому в центре везде камеры. Сейчас Хайдт в офисе, за ним следят с центрального поста. Если покинет здание, «поведем», куда бы он ни направился. У нас тоже кое-какие игрушки имеются, коммандер.

Бонд улыбнулся в ответ.

— Вы говорили про злоумышленника в аэропорту… — напомнил он Йордан.

— Иммиграционная служба сообщила, что од-

новременно с вами прибыл человек из Абу-Даби. С поддельным британским паспортом. Но подделка обнаружилась, когда он уже прошел таможню и исчез в неизвестном направлении.

Тот медведь, которого он принял за встречающего? Или тип в синей куртке из торгового центра в Дубае? Бонд описал обоих.

— Не знаю, — буркнула Йордан. — Как уже сказала, у нас только документальное свидетельство. И поскольку отследить этого человека не удалось, я решила, что не стоит встречать вас в зале прилетов лично, поэтому послала своих сотрудников. — Она вдруг обернулась к Нкоси: — И сейчас никого?

— Нет, капитан. Никого.

— Опасаетесь слежки? — поинтересовался Бонд.

— В ЮАР почти как в России, — ответила Йордан. — Прежний строй разрушен, полная свобода. Сюда стекаются все, кому охота озолотиться или поучаствовать в политике. Иногда законным путем, иногда незаконным.

— У нас тут говорят, — подхватил Нкоси, — «большие перспективы — сплошные детективы». Мы стараемся об этом не забывать и все время оглядываемся. Вам, коммандер, тоже советую.

Определенно.

Глава 33

Центральный полицейский участок на Бейтенкант-стрит, в центре Кейптауна, больше походил на уютный отель, чем на государственное учреждение. Двухэтажный, из красного кирпича, с красной черепичной крышей, он выходил на широкий чистый проспект с зеленеющими пальмами и жакарандами.

Водитель высадил пассажиров у входа. Йордан с Нкоси вышли первыми и осмотрелись. Убедившись, что ни слежки, ни опасности нет, уорент-офицер махнул Бонду. Он последовал за ними внутрь, прихватив из багажника чемодан и ноутбук.

Войдя в участок, Бонд заморгал от удивления. Перед ним красовалась табличка с надписью: «Servamus et Servimus» — девизом Полицейской службы ЮАР. «Защищаем и служим».

Остановился же Бонд потому, что эти два слова странным образом напоминали имя Северана Хайдта.

Не дожидаясь лифта, Йордан стала подниматься на второй этаж по лестнице. В ее скромном кабинете все было уставлено книгами и специ-

ализированными журналами, на стенах висели современные карты Кейптауна и Западной Капской провинции. В отдельной раме красовалась большая карта восточного побережья Южной Африки стодвадцатилетней давности, показывающая провинцию Наталь с портом Дурбан и городом Ледисмит, зачем-то обведенным уже выцветающими чернилами. На севере располагались Зулуленд и Свазиленд.

Стол Йордан украшали фотографии в рамках. На одной стояли, взявшись за руки, светловолосый мужчина и темнокожая женщина, они же появлялись и на нескольких других снимках. Женщина отдаленно напоминала Йордан, и Бонд догадался, что это ее родители. Еще там были фотографии пожилой женщины в национальной африканской одежде и несколько снимков с запечатленными на них детьми. Вряд ли это дети Йордан, решил Бонд. Никаких семейных фотографий самой хозяйки кабинета не наблюдалось.

Бонд вспомнил, что она в разводе.

Еще на столе громоздились около пятидесяти папок. В полиции, как и в разведке, куда больше бумажной работы, чем стрельбы и всяких хитроумных штучек.

Несмотря на позднюю осень, на улице и в каби-

нете было тепло. Йордан сняла бордовый пиджак и повесила на крючок. Черная блузка оказалась с короткими рукавами, и Бонд заметил на внутренней стороне правого предплечья широкую полосу тонального крема. По Йордан не скажешь, что она любитель татуировок, но что еще можно замазывать косметикой на руке? Впрочем, нет, можно и другое: длинный и широкий шрам.

«„Золотой крест“ за отвагу…»

Бонд сел напротив стола рядом с Нкоси, который, расстегнув пиджак, выпрямился на стуле.

— Подполковник Таннер вам рассказал, зачем я здесь? — спросил Бонд сразу у обоих.

— Мы знаем только то, что вы охотитесь за Североном Хайдтом по вопросу, связанному с государственной безопасностью.

Бонд изложил, что удалось узнать по «Инциденту-20» (он же план «Геенна») и надвигающейся пятничной катастрофе.

Высокий лоб Нкоси прорезали глубокие складки. Йордан выслушала, не меняясь в лице. Потом сжала ладони — на обоих средних пальцах поблескивали скромные тонкие кольца.

— Понятно. Информация достоверная?

— Да. Вас что-то удивляет?

— Северан Хайдт вряд ли представляет опас-

ность, — ровным голосом произнесла Йордан. — Нам он, разумеется, известен. У него основная часть контрактов на сбор и переработку отходов в крупнейших городах ЮАР — Претории, Дурбане, Порт-Элизабете, Йоханнесбурге и, само собой, по всему западу. Он принес нам много пользы. Страна сейчас переживает переходный период, а в прошлом мы успели нанести немалый урон экологии. Добыча золота и алмазов, нищета, отсутствие инфраструктуры — сказалось все. В деревнях и сквоттерских поселениях сбор отходов представлял серьезную проблему. Устраняя последствия принудительного переселения по Закону о групповых областях времен апартеида, правительство построило вместо хижин жилые кварталы — так называемые локаси. Но и там плотность населения была такой высокой, что наладить сбор мусора удавалось плохо или вообще не удавалось. Это влияло на здоровье людей. Северан Хайдт во многом помог изменить положение дел. А еще он выделяет средства на борьбу со СПИДом и с голодом.

Что ж, в криминальных организациях тоже имеются грамотные пиарщики, рассудил Бонд. Статус «вряд ли представляющего опасность» не снимает подозрений.

Йордан явно заметила скептицизм Бонда, поскольку уточнила:

— Я имею в виду, что он не особенно похож на террориста или опасного преступника. Но если подозрения серьезные, мы готовы сделать все от нас зависящее.

— Спасибо. А о его сообщнике, Найле Данне, вам что-нибудь известно?

— О нем я впервые услышала сегодня утром. Посмотрела, что у нас на него есть. Приезжает и уезжает по официальному британскому паспорту, уже несколько лет. Никаких проблем никогда с ним не было. Ни в каких ориентировках не числится.

— А женщина, которая с ними приехала?

Нкоси заглянул в досье:

— Паспорт американский. Джессика Барнс. Полная для нас загадка. В полицейской картотеке не значится, в криминале не замешана. Есть несколько снимков.

— Это не она, — покачал головой Бонд, взглянув на фотографии молодой и очень красивой блондинки.

— Да, простите, не предупредил. Снимки старые, из Интернета. — Нкоси перевернул распечатку. — За тысяча девятьсот семидесятый год.

Тогда она стала Мисс Массачусетс и участвовала в конкурсе «Мисс Америка». Сейчас ей шестьдесят четыре.

Теперь Бонд и сам видел определенное сходство.

— А где находится офис «Грин уэй»? — спросил он.

— Их два, — ответил Нкоси. — Один совсем рядом, а другой в двадцати милях к северу, там у Хайдта главный мусороперерабатывающий завод.

— Мне надо попасть туда, выяснить, что он замышляет.

— Разумеется, — согласилась Бхека Йордан и, выдержав долгую паузу, уточнила: — Вы ведь имеете в виду попасть законным путем?

— «Законным путем»?

— Вы можете следить за ним на улице, в общественных местах. Но обеспечить вам ордер на подсовывание «жучка» к нему в дом или офис я не смогу. Северан Хайдт, как я уже говорила, ничего плохого здесь не сделал.

— Обычно я обхожусь без ордеров. — Бонд едва удержался от улыбки.

— А я нет.

— Капитан, этот человек дважды покушался

на мою жизнь, в Сербии и в Великобритании, а вчера подстроил убийство молодой женщины и, возможно, агента ЦРУ в Дубае.

Йордан сочувственно нахмурилась:

— Прискорбно. Однако эти преступления произошли за пределами территории ЮАР. Если мне представят приказ об экстрадиции, одобренный местным магистратом, я с радостью его исполню. Но без приказа… — Она развела руками.

— Нам не нужно его арестовывать, — раздраженно возразил Бонд. — Нам не нужны доказательства для суда. Цель моего приезда — выяснить, что он замыслил на пятницу, и предотвратить катастрофу. И я это сделаю.

— Делайте — только законными методами. Если вломитесь к нему в дом или в офис, это будет незаконное проникновение, и преступником станете вы.

Взгляд непроницаемых глаз, похожих на темный гранит, говорил Бонду, что эта женщина с радостью защелкнет наручники на его запястьях.

Глава 34

— Его надо убрать.

Северан Хайдт сидел у себя в кабинете, в здании «Грин уэй энтерпрайзис», расположенном в центре Кейптауна, и, крепко зажав в руке трубку, слушал ледяные слова Найла Данна. Хотя нет. Ни холода, ни жара в интонациях Ирландца не уловить. Совершенно безразличное замечание.

И от этого мурашки по коже.

— Объясни. — Хайдт рассеянно чертил на столе треугольник длинным желтеющим ногтем.

Данн сообщил, что один из рабочих «Грин уэй», по всей вероятности, что-то узнал про «Геенну». Штатный рабочий с мусорного завода к северу от города, понятия не имевший о темных делах Хайдта. Он случайно попал на закрытую территорию в главном здании и мог увидеть электронные письма, касающиеся проекта.

— Сейчас он, конечно, ничего не поймет, но когда в конце недели о происшествии сообщат во всех новостях, догадается обо всем и пойдет в полицию.

— И что ты предлагаешь?

— Пока думаю.

— Но если ты его убьешь, неужели у полиции не возникнет вопросов? Он ведь у нас работает.

— Я с ним разберусь по месту жительства — в сквоттерском лагере. Полиции там будет мало, а может, и вообще не будет. Скорее всего делом займутся таксисты, а от них нам неприятностей ждать нечего.

В деревнях, сквоттерских лагерях и даже в локаси таксисты-маршруточники занимались не только извозом. Взяв на себя роль добровольных судей и присяжных, они разбирали дела, выслеживали и наказывали виновных.

— Ладно. Только не тяни.

— Сегодня, когда он вернется вечером домой.

Данн положил трубку, и Хайдт снова принялся за работу. Все утро он готовил базу для производства новых агрегатов Махди аль-Фулана, чтобы рекламщики могли заняться продвижением.

Но сосредоточиться не получалось — перед глазами постоянно вставала та девушка, Стелла, теперь погребенная где-то в бескрайних песках Руб-эль-Хали к югу от Дубая. Ее красота Хайдта прежде не трогала, но теперь, когда он мысленно рисовал облик, который она примет через несколько месяцев или лет, все изменилось. А через тысячу она станет совсем как те бедуины

в музее…

Хайдт встал, повесил пиджак на вешалку и вернулся за стол. Сделал ряд телефонных звонков, по легальным делам «Грин уэй». Ничего особенно интересного — пока не позвонил глава отдела продаж по ЮАР, сидящий этажом ниже.

— Северан, у меня на линии один африканер из Дурбана. Хочет поговорить с тобой об утилизации.

— Пошли ему проспект и скажи, что до следующей недели я занят.

Хайдт не собирался брать новые проекты, самое главное сейчас — «Геенна».

— Речь не о найме. Он хочет как-то подключиться к деятельности «Грин уэй».

— Примазывается? — съязвил Хайдт. Стоит раскрутиться и получить в своей области маломальскую известность, как тут же появляются желающие урвать кусок. — Слишком много дел. Не интересует. Но ты его поблагодари.

— Хорошо. Да, он просил передать кое-что странное. Говорит, у него такая же проблема, как при Изандлване в семидесятых годах девятнадцатого века.

Хайдт оторвался от документов. Через секунду он поймал себя на том, что сжимает трубку так,

что побелели пальцы.

— Именно это и сказал?

— Да. «Такая же, как при Изандлване». Понятия не имею, о чем он.

— Он в Дурбане?

— Там у них главное здание. А сейчас прибыл на день в кейптаунский офис.

— Спроси, сможет ли он подъехать.

— Когда? — уточнил менеджер.

— Немедленно, — ответил Хайдт после миллисекундного раздумья.

В январе 1879 года разгоревшаяся между Великобританией и Зулулендом война закончилась битвой при Изандлване и сокрушительным разгромом британцев. Превосходство сил (двадцать тысяч зулусов против неполных двух тысяч британцев и колонистов) и несколько тактических промахов врага привели африканцев к полной победе. Именно там зулусам удалось прорвать британское каре — знаменитый оборонный строй, в котором пока одна шеренга солдат стреляет, следующая перезаряжает ружья, осыпая противника почти непрерывным дождем свинца, в данном случае из убойных казнозарядных винтовок Мартини-Генри.

Тактика не сработала, тысяча триста британ-

ских и союзнических солдат полегли в бою.

Проблема «утилизации», упомянутая африканером, могла означать только одно. Битва состоялась в январе, в самую страшную изнуряющую жару на этих землях, ныне ставших провинцией Квазулу-Наталь. Тела погибших требовалось срочно убрать, однако транспортировка представляла серьезную проблему.

Над предстоящим избавлением от останков после «Геенны» Хайдт и Данн ломали голову уже месяц.

И тут вдруг появляется бизнесмен из Дурбана со схожей проблемой, да еще требующей участия Хайдта… Может оказаться полезным.

Через десять долгих минут в дверях появилась секретарь.

— К вам некий мистер Терон, сэр. Из Дурбана.

— Хорошо-хорошо, пусть войдет. Прошу.

Она исчезла и минуту спустя вернулась с суровым, резковатым человеком, который окинул кабинет Хайдта настороженным и слегка вызывающим взглядом. Одежда его представляла собой типичный наряд южноафриканского бизнесмена: костюм с элегантной сорочкой, но без галстука. Дела его шли успешно — судя по тяжелому золотому браслету на правом запястье

и часам — броскому «Брайтлингу». Еще имелся золотой перстень с печаткой (Хайдт решил, что это уже перебор).

— Доброе утро! — Гость пожал Хайдту руку. При виде длинных желтых ногтей он в отличие от многих не поморщился и не отпрянул. — Джин Терон.

— Северан Хайдт.

Они обменялись визитками.

Юджин Дж. Терон
Президент «ЮДТ-сервисес»
Дурбан, Кейптаун и Киншаса

Офис в столице Конго, одном из самых неспокойных африканских городов? Любопытно.

Гость оглянулся на открытую дверь. Хайдт, поднявшись из-за стола, закрыл ее и вернулся на место.

— Так вы из Дурбана, мистер Терон?

— Да, там у меня основной офис. Но я много езжу. А вы? — В его английском слышался мелодичный призвук африкаанса.

— То Лондон, то Голландия, то вот здесь. Еще бываю на Востоке и в Индии. Все по делам компании. Терон… Это ведь гугенотская фамилия?

— Да.

— Мы иногда забываем, что не все африканеры — голландского происхождения.

Терон вздернул бровь, словно подобные реплики надоели ему еще с младенчества.

У Хайдта запиликал телефон. На экране высветилось: «Найл Данн».

— Одну секундочку, — извинился он перед Тероном и, плотно прижав трубку к уху, ответил: — Да?

— Терон чист. Южноафриканский паспорт. Живет в Дурбане, у него там главный офис охранной фирмы, а филиалы — здесь и в Киншасе. Отец — африканер, мать — британка. Рос в Кении. Подозревается в поставке войск и вооружения в горячие точки Африки, Юго-Восточной Азии и Пакистана. Под следствием не состоит. Был задержан в Камбодже в процессе расследования махинаций по ввозу нелегальной рабочей силы и наемников в Мьянму, помогал шанам, но в итоге его отпустили. В Интерполе за ним ничего. Бизнес, насколько я могу судить, процветает.

Это Хайдт и сам видел — «Брайтлинг» гостя тянул тысяч на пять фунтов.

— Я вам выслал фотографию, — добавил Данн.

На экране телефона показался снимок человека, сидящего перед Хайдтом.

— И все же, что бы он там ни предлагал — вы уверены, что хотите сейчас тратить время? — продолжал Данн.

Ревнует? Боится, что у этого парня обнаружится проект, который отвлечет внимание от «Геенны»?

— Показатели продаж куда выше, чем я рассчитывал. Спасибо, — проговорил он в трубку и дал отбой. — Как вы обо мне узнали? — обратился он к Терону.

Несмотря на то что они были одни, Терон понизил голос, глядя на Хайдта в упор:

— Услышал в Камбодже. У меня там были кое-какие дела. И мне о вас шепнули.

Ага. Теперь Хайдт все понял, и у него приятно защекотало под ложечкой. В прошлом году, находясь по делам на Востоке, он посетил захоронения на печально знаменитых Полях смерти, где в семидесятых красными кхмерами было убито несколько миллионов камбоджийцев. Оказавшись рядом с братской могилой для девяти тысяч погибших, Хайдт побеседовал с ветеранами и сделал сотни снимков для своей коллекции. Наверное, кто-то из местных и рассказал о нем Терону.

— Значит, ездили туда в командировку? — по-

интересовался Хайдт, вспоминая услышанное от Данна.

— Да, в те края, — уклончиво ответил Терон.

Хайдта разбирало любопытство, однако интуиция подсказывала, что незачем выдавать чрезмерный интерес.

— И какое же отношение имеют ко мне Изандлвана и Камбоджа?

— Это места массовых людских потерь. Земля, где павшие были захоронены прямо на поле битвы.

В Камбодже, положим, в определенный период никто не сражался, там людей истребляли, но Хайдт не стал поправлять собеседника.

— Эти земли стали священными. Что, по-моему, хорошо. За некоторым исключением… — Африканер помедлил. — Сейчас я вам изложу осознанную мной проблему и пришедшее мне в голову решение. А вы мне скажете, возможно ли оно и хотите ли принять участие.

— Давайте.

— У меня обширные связи с властями и деловыми компаниями в разных частях Африки, — начал Терон. — Дарфур, Конго, Центрально-Африканская Республика, Мозамбик, Зимбабве и еще несколько.

Горячие точки, подумал Хайдт.

— Этих людей крайне заботит проблема, возникающая, скажем, после крупного стихийного бедствия — засухи, голода, тайфунов, — там, где произошла массовая гибель людей и требуется захоронение тел. Как в Камбодже или при Изандлване.

— Да, в таких случаях возникает серьезная угроза для здоровья, — с невинным видом поддержал Хайдт. — Загрязнение питьевой воды, эпидемии…

— Нет, — возразил Терон. — Я о другом. О предрассудках.

— О предрассудках?

— Предположим, из-за нехватки средств или сил погибших хоронят в общей могиле. Прискорбно, однако и такое случается.

— Случается.

— И теперь, если правительство или благотворительная организация захочет построить на этой земле что-то полезное — больницу, жилой квартал или дорогу, — возникнут трудности. Земля отличная, средства имеются, рабочая сила тоже, но люди — из страха перед духами и призраками — не пойдут в эту больницу и не станут жить в этих домах. Для меня это дико, для вас,

полагаю, тоже.

— Да.

— Тем не менее от страха никуда не деться. — Терон пожал плечами. — И очень печально, что подобные дурацкие предрассудки сказываются на заботе о здоровье и безопасности населения.

Хайдт завороженно барабанил ногтями по столу.

— Так вот что я придумал. Хочу предложить правительственным организациям свои услуги по вывозу человеческих останков. Тогда на освободившейся земле можно будет строить фабрики, больницы, дороги, фермы и школы, помогая бедным и обездоленным.

— Да, — кивнул Хайдт. — А тела перезахоронить.

Терон положил обе руки на стол. Золотой перстень с печаткой блеснул в солнечном луче.

— Можно. Только это дорого. И на новой территории возникнет аналогичная проблема.

— Пожалуй. Но есть ли альтернатива? — спросил Хайдт.

— Ваша специальность.

— А именно?

— Что если… переработка? — понизив голос до шепота, предложил Терон.

Хайдт все понял. Джин Терон, наемник, разбогател на поставке бойцов и вооружения различным военным группировкам и полевым командирам по всей Африке — то есть людям, которые втайне истребляли других сотнями и тысячами, скидывая убитых в общие могилы. А теперь они забеспокоились, что законное правительство, миротворческие силы, журналисты или организации по правам человека эти массовые захоронения обнаружат.

Терон делал деньги на поставке средств уничтожения. Теперь он хочет поживиться, избавляясь от свидетельств их использования.

— Мне эта мысль показалась дельной, — продолжал Терон. — Однако я не представляю, с чего начать. Ваша… камбоджийская экскурсия и ваше основное дело — переработка отходов — подсказали мне, что, возможно, вам это тоже приходило в голову. — Его холодные глаза смотрели на Хайдта в упор. — Я думаю либо о цементе, либо о штукатурке.

Превратить останки в полезный материал, ничем не выдающий своего происхождения? Хайдт едва мог усидеть на месте. Гениально! И ведь какие перспективы открываются по всему миру — Сомали, бывшая Югославия, Латинская

Америка… А уж в Африке полей смерти не счесть! Их тысячи… Сердце бешено забилось.

— Вот с этим я и пришел. Равноправное партнерство. С меня — отходы, с вас — переработка. — Кажется, Терона забавляло это предложение.

— Думаю, мы поладим. — Хайдт протянул африканеру руку.

Глава 35

Больше всего, перевоплощаясь в Джина Терона, Джеймс Бонд опасался, что Найл Данн мог рассмотреть его в Сербии, Марче или получить его описание в Дубае — если преследователя в синей куртке действительно подослал Хайдт.

В таком случае, как только он объявится в кейптаунском офисе «Грин уэй» со своей выгодной схемой переработки трупов, покоящихся в безвестных могилах по всей Африке, Данн либо прикончит его на месте, либо переправит на их частное поле смерти, где все будет сделано без шума и пыли.

Теперь, обменявшись рукопожатием с заинтригованным Североном Хайдтом, Бонд убедился, что его не раскрыли. Пока не раскрыли. Сначала Хайдт, конечно, насторожился, но все обошлось. Почему? Потому что Бонд поманил его двумя соблазнами, перед которыми тот устоять не смог. Смертью и тленом.

Утром из штаба Полицейской службы ЮАР Бонд связался со своим новым союзником, Осборн-Смитом, и они вместе прошерстили кредитные счета Хайдта и «Грин уэй». Выяснилось, что Хайдт

побывал не только на камбоджийских полях смерти, но и в польском Кракове, откуда съездил на несколько экскурсий в Освенцим. Среди его тогдашних покупок числились пальчиковые батарейки и дополнительная карта памяти для фотоаппарата.

«Новое слово в порнографии…»

Бонд понял, что эта страсть и поможет ему подобраться к Хайдту. Он предложит мусорщику доступ на поля захоронений по всей Африке и подкинет идею переработки человеческих останков.

Последующие три часа Бонд, под руководством Бхеки Йордан, мучительно втискивался в шкуру африканера из Дурбана. Биография у Джина Терона получалась несколько необычная: поскольку предки его были гугенотами, а не голландцами, в родительском доме предпочитали английский и французский, и языком африкаанс Терон владеет слабо. Британский акцент — следствие учебы в Кении. Однако Йордан все равно заставила Бонда потренироваться в африкаансе — если уж Леонардо ДиКаприо и Мэтт Деймон для недавних съемок освоили легкий акцент (американцы!), то уж он и подавно сможет.

Пока Йордан накачивала его информацией,

которой наверняка должен владеть южноафриканский наемник, сержант Мбалула добыл из камеры хранения вещдоков конфискованный у одного наркоторговца «Брайтлинг» на смену элегантному «Ролексу» Бонда, а заодно и золотой браслет — непременный атрибут успешного наемника. Потом сгонял в ювелирный в торговом центре «Гарденс» на Милл-стрит и купил золотой перстень с печаткой, на котором выгравировали инициалы.

Тем временем уорент-офицер Квалене Нкоси вместе с лондонским отделом «И» ГМП усердно трудились над созданием легенды Джина Терона, загружая в Интернет биографические данные беспринципного наемника вместе с нарисованными в «Фотошопе» картинками и сведениями о вымышленной компании.

Был в Форт-Монктоне один спецкурс, который легко укладывался во вводную фразу лектора: «Если вас нет в Интернете, вы не существуете».

Еще Нкоси напечатал визитки для «ЮДТ-сервисес», а МИ-6 в Претории по своим каналам организовала скоростную регистрацию фирмы задним числом. Йордан осталась крайне недовольна таким вопиющим нарушением закона, однако, поскольку Полицейской службы это ни-

коим образом не касалось, ей пришлось закрыть глаза. Вымышленное расследование в Камбодже по поводу темных дел Терона в Мьянме с косвенным упоминанием махинаций в других странах тоже сфабриковали в отделе «И».

Первый барьер фальшивым африканером был взят. Приближался второй, куда более опасный. Хайдт звонил Найлу Данну, приглашая познакомиться с «бизнесменом из Дурбана».

— Один вопрос, — небрежно проронил Хайдт, повесив трубку. — У вас, случайно, не найдется фотографий этих полей? С могилами?

— Можно устроить, — пообещал Бонд.

— Хорошо. — Хайдт улыбнулся мальчишеской улыбкой и погладил бороду тыльной стороной руки.

Бонд услышал, как открылась дверь за спиной.

— А вот и мой партнер, Найл Данн. Найл, это Джин Терон. Из Дурбана.

Ну что? Готовиться к стрельбе?

Бонд встал и, глядя Ирландцу в глаза, подошел, изображая сдержанную улыбку бизнесмена, знакомящегося с другим бизнесменом. Пожимая руку, Данн полоснул его взглядом холодных голубых глаз.

Не узнал.

Прикрывая за собой дверь, Ирландец вопросительно оглянулся на шефа, протягивающего ему визитку «ЮДТ-сервисес». Все расселись по местам.

— У мистера Терона имеется предложение, — воодушевленно заявил Хайдт и в общих чертах обрисовал план.

Данн, судя по всему, тоже заинтересовался.

— Да. Мысль дельная. Конечно, нужно продумать транспортировку.

— Мистер Терон обещал предоставить нам снимки этих участков. Чтобы нагляднее представить задачу.

Данн бросил на него встревоженный взгляд. Перспектива не вызвала у Ирландца подозрений, скорее, показалась отталкивающей.

— К половине четвертого нам надо быть на заводе, — напомнил он Хайдту. — Собрание. — Он снова обернулся к Бонду: — Ваш офис ведь тут, в двух шагах? — Запомнил адрес с одного взгляда, надо же. — Может, вы их сейчас и принесете?

— Пожалуй, — без особой уверенности ответил Бонд.

Данн смерил его ровным взглядом:

— Хорошо.

Когда Ирландец открывал перед Бондом дверь,

под распахнувшейся полой пиджака показалась «беретта» — возможно, та же, из которой он застрелил сербов.

Что это? Намек? Предупреждение?

Бонд притворился, что не заметил, и кивком попрощался с «новыми знакомыми»:

— Через полчаса вернусь.

* * *

Однако не прошло и пяти минут, как Данн сказал:

— Пойдемте.

— Куда? — нахмурился Хайдт.

— В офис Терона.

Долговязый Ирландец смотрел характерным взглядом — вызывающим, сердитым.

Снова эта непонятная ревность. Господи, что у Данна в голове!..

— Не доверяешь ему?

— Идея-то, кстати, неплоха… — заметил Ирландец отстраненно. — Мы ведь обсуждали избавление от тел. Но для пятницы не пригодится. И еще мне кажется странным, что он вот так вдруг объявился. Как по заказу. Напрягает.

Будто эту ледяную глыбу что-то может напрячь.

Хайдт понимал, что нелишне временами опускать его увлекающуюся натуру с небес на землю, но тут согласился:

— Да, ты, конечно, прав.

Они накинули пиджаки и вышли из офиса. Данн повел Хайдта вверх по улице, по адресу, обозначенному на визитке.

Ирландец действительно мыслил верно, однако Хайдт от всей души желал, чтобы Терон оказался настоящим. Трупы, целые акры костей… Он отчаянно хотел посмотреть на них, вдохнуть пропитанный ими воздух. И получить фотографии.

Они подошли к зданию, где располагался кейптаунский офис Терона. Типичная для делового района постройка, металл и камень. Никакой охраны в вестибюле, что удивительно. Хайдт с Данном поднялись на лифте на четвертый этаж и нашли дверь с табличкой «403».

— Названия фирмы нет, — заметил Хайдт. — Только номер. Странно.

— Так не должно быть. — Данн прислушался. — И не слышно ничего.

— Подергай дверь.

— Заперто.

Хайдт, страшно разочарованный, принялся

вспоминать, не выложил ли он Терону что-нибудь компрометирующее. Вроде бы нет.

— Надо собрать нашу службу безопасности, — продолжил Данн. — Когда Терон вернется — если вернется, — отведем его в подвал. Там я выясню, что ему надо.

Они уже собирались уйти, когда Хайдт, отчаянно желавший, чтобы Терон все же не был подставным, попросил:

— Постучи. Вдруг там кто-то есть.

Данн помедлил, затем отогнул полу пиджака, под которой скрывалась рукоятка «беретты». Крупные костяшки выбили барабанную дробь по деревянной двери.

Тишина.

Они шагнули к лифту.

И тут дверь распахнулась.

— Хайдт? Данн? А вы что здесь делаете? — удивленно заморгал появившийся перед ними Джин Терон.

Глава 36

Африканер пригласил обоих гостей в кабинет. Они вошли. Если снаружи никаких опознавательных знаков не было, то внутри висела скромная табличка на стене: «ЮДТ-сервисес. Дурбан, Кейптаун, Киншаса».

Штат маленького офиса состоял всего из трех сотрудников, их столы загромождали папки и бумаги, как в большинстве подобных фирмочек в любом уголке мира независимо от степени благородства или низменности их продукции и услуг.

— Мы решили избавить вас от лишних хлопот, — сказал Данн.

— И как, получилось? — спросил Терон.

Хайдт не сомневался, что тот понимает: явиться в офис их побудило исключительно недоверие. С другой стороны, Терон сам занимается такими делами, где на доверии можно подорваться, как на мине, поэтому вряд ли сильно обидится. В конце концов, он, прежде чем прийти со своим предложением, тоже наверняка навел о Хайдте справки. Обычный порядок дел.

Обшарпанные стены и вид на мрачный внутренний двор напомнили Хайдту, что нелегальные

махинации не обязательно, вопреки сценариям многочисленных фильмов и сюжетам новостей, приносят золотые горы.

Самый большой и самый дальний кабинет принадлежал Терону, однако даже он выглядел весьма скромно.

Один сотрудник, высокий молодой африканец, просматривал интернет-каталог автоматического оружия. Напротив некоторых товаров красовались яркие звезды, означавшие десятипроцентную скидку. Другой сотрудник что-то старательно выстукивал на клавиатуре двумя пальцами. Оба работали в белых рубашках с узкими галстуками.

Перед кабинетом Терона сидела за столом секретарь — довольно симпатичная, но слишком молодая и поэтому для Хайдта неинтересная.

Терон оглянулся на нее.

— Мой секретарь как раз занимается распечаткой файлов, о которых мы говорили.

Через несколько секунд из цветного принтера поползли фотографии массовых захоронений.

«Да, хороши, — оценил Хайдт, взглянув на изображения. — Очень».

Первые снимки были сделаны почти сразу после убийств. Взрослые и дети, расстрелянные или

зарубленные. У кого-то не хватало кисти или руки до плеча — африканские полевые командиры и диктаторы активно пользовались ампутацией как средством устрашения и подчинения. В яме лежало человек сорок. Судя по пейзажу, захоронение где-то к югу от Сахары, хотя где конкретно — определить сложно. Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Центрально-Африканская Республика… На этом беспокойном континенте возможно все.

Следом показались другие снимки, демонстрирующие разные стадии разложения. Хайдт прилип к ним взглядом.

— ГАС? — поинтересовался Данн, бесстрастно скользнув по снимкам глазами.

— Мистер Терон не работает с «Господней армией сопротивления», — ответил высокий худой сотрудник.

Эта повстанческая группировка, базирующаяся в Уганде, Центрально-Африканской Республике, а также в некоторых районах Конго и Судана, строит свою идеологию, если это можно так назвать, на религиозном и мистическом экстремизме, являясь, по сути, воинствующей христианской кликой. Действует самыми зверскими методами и, помимо всего прочего, печально известна вер-

бовкой детей в боевики.

— И без них работы хватает, — добавил Терон.

Хайдта его моральные принципы позабавили.

Принтер выдал еще полдюжины картинок. На последних было широкое поле, где из земли торчали кости и части тел с иссушенной кожей.

Хайдт показал распечатки Данну:

— Что скажешь? Найл у нас инженер, — пояснил он Терону.

Ирландец внимательно изучил снимки.

— Могилы неглубокие. Вытащить тела будет несложно. Гораздо сложнее убрать следы их пребывания. В зависимости от того, сколько они пролежали в земле, после извлечения возникнет более или менее ощутимая разница почвенных температур. И она сохранится на долгие месяцы. Приборы ее легко обнаружат.

— Месяцы? — нахмурился Терон. — Я и не подозревал. — Он взглянул на Данна, потом повернулся к Хайдту: — Профессионал.

— Я называю его человеком, который предусмотрит все.

— Можно использовать быстрорастущие культуры, — задумчиво протянул Данн. — Или аэрозоли, которые устраняют следы ДНК. Подумать есть над чем, но ничего невозможного не вижу.

Когда технические вопросы отошли на второй план, Хайдт снова уставился на снимки.

— Я их возьму?

— Конечно. Может, цифровые тоже заберете? Они почетче.

— Спасибо, — улыбнулся Хайдт.

Терон скопировал их на флэшку и вручил Хайдту. Тот посмотрел на часы:

— Думаю, мы к этому разговору еще вернемся. У вас найдется время позже?

— Конечно.

Данн нахмурился:

— У вас днем встреча, а вечером благотворительный ужин.

— Да, устраивает одна организация, которую я спонсирую, — недовольно пояснил Хайдт. — Надо быть. Но… если вы свободны, может, там и встретимся?

— Мне обязательно что-то жертвовать? — поинтересовался Терон.

Хайдт не разобрал, серьезно это он или шутит.

— Не обязательно. Надо только выслушать несколько выступлений и выпить вина.

— Хорошо. Куда подъезжать?

Хайдт оглянулся на Данна.

— В «Лодж-клуб», — ответил тот. — В девятна-

дцать ровно.

— Пиджак непременно, можно без галстука, — добавил Хайдт.

— Тогда до встречи. — Терон пожал гостям руки.

Они покинули офис и вышли на улицу.

— Вот, не подставной, — заметил Хайдт, наполовину себе самому.

На полпути в офис «Грин уэй» Данну позвонили.

— Это по поводу Стефана Дламини, — пояснил он через несколько минут, нажав отбой.

— Кого?

— Того рабочего, ремонтника. Который, возможно, видел электронную переписку насчет пятницы.

— Да.

— Наши люди нашли его хибару в Примроуз-Гарденс, к востоку от города.

— И как планируешь все обставить?

— Вроде бы его дочка-подросток настучала на местного наркоторговца. Тот угрожал ее убить. Пусть решат, что он и прикончил Дламини. За ним уже числится пара поджогов.

— Значит, у Дламини есть семья?

— Жена и пятеро детей. Их тоже придется

убрать. Он мог проболтаться жене. А раз он живет в таком районе, то комнат у них в хибаре одна или две, так что остальные наверняка тоже слышали. Перед зажигалками закинем в дом гранаты. Думаю, лучше всего во время ужина, когда все соберутся в одной комнате. — Данн покосился на своего спутника. — Погибнут мгновенно.

— Мне не принципиально, чтобы смерть была без мучений, — ответил Хайдт.

— Мне тоже. Я имел в виду, что проще убить всех разом. Эффективнее.

Когда посетители ушли, уорент-офицер Квалене Нкоси поднялся из-за стола, за которым просматривал прейскуранты на автоматическое оружие, и кивнул на экран:

— Просто поразительно, чего только в Интернете не купишь. Правда, коммандер?

— Да уж.

— Если приобретем девять пулеметов, один получим бесплатно, — подмигнул он сержанту Мбалуле, без устали молотившему двумя пальцами по клавиатуре.

— Спасибо за подсказку насчет ГАС, уорент-офицер, — поблагодарил Бонд. Он сам бы не распознал в этой аббревиатуре «Господню армию сопротивления», известную, разумеется, каждо-

му африканскому наемнику. Чуть не провалил операцию.

«Секретарь» Бонда Бхека Йордан выглянула в окно.

— Они уходят. Никого из охраны не видно.

— Вроде удалось, — высказался сержант Мбалула.

Действительно сработало. Бонд не сомневался, что кому-то из сообщников — скорее всего сообразительному Данну — придет в голову заглянуть в кейптаунский офис Терона. И правильные декорации помогут убедить Хайдта, что перед ним действительно беспринципный африканер, которому нужно избавиться от кучи трупов.

Пока Бонд звонил Хайдту и договаривался о встрече в «Грин уэй», Йордан подыскала небольшое правительственное здание, сдающееся в аренду от Министерства культуры и временно пустующее. Нкоси распечатал визитки с адресом, и еще до того, как Бонд отправился на встречу, полицейские переместились в «офис».

— Вы будете моим партнером, — с улыбкой предложил Бонд Йордан, когда они распределяли роли. — Умный и красивый партнер — отличное прикрытие.

— А секретарь? — ощетинившись, возразила

Йордан. — В такой фирме обязательно должен быть секретарь. Разумеется, женщина.

— Как хотите.

— Не хочу, — огрызнулась она. — Но по-другому нельзя.

Готовясь к визиту, Бонд никак не думал, что Хайдт захочет взглянуть на снимки с полей смерти, — хотя предположение такое у него мелькнуло. Выйдя из офиса Хайдта, он сразу же позвонил Йордан и попросил поискать в военных и полицейских архивах снимки африканских массовых захоронений. Задача оказалась легкой, и когда он добрался до «своего» офиса, Йордан загрузила уже штук десять.

— Можете оставить мне людей на пару дней? — спросил Бонд. — На случай если Данн вернется.

— Одного могу. Сержант Мбалула, вы пока поработаете здесь.

— Слушаюсь, капитан.

— Потом введу в курс дела какого-нибудь патрульного, и он вас сменит. — Она посмотрела на Бонда: — Думаете, Данн вернется?

— Кто знает. Главный у них Хайдт, однако он легко отвлекается. А Данн всегда сосредоточен и подозрителен. Поэтому, на мой взгляд, более опасен.

— Коммандер, — позвал его Нкоси, открывая потрепанный портфель. — Вот, пришло в штаб на ваше имя. — Он вытащил толстый конверт.

Вскрыв конверт, Бонд обнаружил внутри десять тысяч рандов старыми купюрами, фальшивый южноафриканский паспорт, несколько кредитных и дебетовую карту — все на имя Юджина Дж. Терона. Отдел «И» снова сработал как по маслу.

К документам прилагалась записка: «Бессрочная бронь в гостинице „Тейбл-Маунтин“,[21] номер с видом на бухту».

Бонд уложил все в карман.

— Теперь насчет «Лодж-клуба», где мы вечером встречаемся с Хайдтом. Что за место?

— Для меня дороговато, — отозвался Нкоси.

— Ресторан и зал для приемов, — ответила Йордан. — Я туда тоже не ходок. Раньше там был частный охотничий клуб. Только для белых мужчин. Потом, после выборов в девяносто четвертом, когда к власти пришла АНК, владельцы клуба предпочли его расформировать и продать помещение, лишь бы не делать открытый доступ. Против черных и цветных они в принципе ничего не имели, но пустить женщин — ни в

---

[21] Примечания: 21

Название отеля переводится с английского как «Столовая гора».

какую. У вас, Джеймс, наверняка таких клубов нет, правда?

Бонд не стал разбивать ее уверенность.

— В моем любимом лондонском клубе полная демократия. Каждый волен вступить — и спустить за игорным столом какие угодно деньги. Я так и делаю. С поразительной регулярностью, надо сказать.

Нкоси рассмеялся.

— Будете в Лондоне, я вас с удовольствием туда свожу, — пообещал он Йордан.

Судя по гневному взгляду, она восприняла его слова как нахальное заигрывание.

— Давайте я вас отвезу в гостиницу, — с серьезным видом предложил высокий полицейский. — Думаю, пора уходить из полиции ЮАР — если вы мне подыщете работу в Англии, коммандер.

Чтобы работать в ГМП или МИ-6, надо быть гражданином Британии и чтобы хотя бы один из родителей тоже был британцем или имел прочные связи с Британией. Существует и ценз оседлости.

— А что, я ведь в этой секретной операции, — Нкоси обвел комнату рукой, — неплохие актерские данные проявил. Перееду в Лондон, буду работать в Уэст-Энде. Это там все знаменитые

театры, правильно?

— В общем, да. — Бонд уже много лет не заходил в театр по личной инициативе.

— Наверняка меня ждет успех, — продолжал молодой полисмен. — Шекспир — моя слабость. И Дэвид Мамет тоже неплох. Определенно.

Судя по всему, под начальством Бхеки Йордан Нкоси не часто выпадала возможность блеснуть остроумием.

Глава 37

Отель располагался в фешенебельном районе Грин-Пойнт, у самой Столовой бухты. В старом шестиэтажном здании, классическом образчике капско-голландского стиля, и вокруг него — всюду проступали плохо скрытые следы колониальной эпохи: тщательно спланированный парк, за которым теперь прилежно ухаживал целый отряд рабочих; вежливая строгость напоминаний про дресс-код в ресторане; белоснежная униформа незаметной, но вездесущей прислуги; ротанговая мебель просторной веранды с видом на Залив.

Еще один намек: у мистера Терона поинтересовались, нужен ли ему персональный слуга. Он отказался.

Преуспевающий бизнесмен-африканер из Дурбана, будь он добропорядочный торговец компьютерами или злодей с десятком тысяч трупов на переработку, непременно остановился бы в гостинице вроде «Тейбл-Маунтин» — с вычурным вензелем «ТМ» на мраморном полу и дорогих салфетках.

От входа Бонд направился к лифту, как вдруг почувствовал: что-то не так. Он нырнул в мага-

зинчик и купил совершенно ненужную пену для бритья, затем вернулся и налил себе фруктового сока из большого прозрачного сосуда, что стоял на стойке в окружении лиловых цветов джакаранды и белых роз.

Похоже, за ним следят. Бонд резко повернул голову в сторону сосуда с соком — какая-то тень столь же стремительно скрылась.

«Большие перспективы — сплошные детективы…»

Разумеется, любой агент немного параноик, и иногда прохожий — это просто прохожий, а любопытный взгляд — лишь любопытство. Да и вообще, в шпионском ремесле всего не предусмотришь: если вас очень сильно хотят убить, то своего добьются. Бонд выбросил из головы мысли о «хвосте» и поднялся на второй этаж.

Двери номеров выходили на открытую галерею, с которой просматривался холл отеля. Бонд зашел в номер и закрылся на замок и цепочку.

Он бросил чемодан на постель и задернул занавески, после чего сложил все, что хоть как-то связывало его с Джеймсом Бондом, в специальную углепластиковую папку, которую запер на электронный замок. Навалившись плечом, приподнял край комода и сунул папку в обра-

зовавшуюся щель. Разумеется, ее могут украсть, но замок настроен на отпечаток пальца, и при попытке его открыть шифрованное сообщение мгновенно уйдет в подразделение «С» Группы международных программ, а Билл Таннер отправит команду «срочное погружение» — агент раскрыт.

Бонд заказал в номер клубный сандвич с темным элем «Гилрой» и пошел в душ. Когда в дверь позвонили, он, уже переодевшийся в серые брюки и черную рубашку-поло, пригладил влажные волосы, выглянул в глазок и впустил официанта.

Поднос отправился на маленький столик, а на счете Бонд собственноручно вывел «Ю. Дж. Терон» — почерк не подделывался никогда, даже при работе под прикрытием. Официант с явной радостью сунул в карман чаевые. Бонд проводил парня до двери и, прежде чем опять закрыться на цепочку, по привычке осмотрел галерею и холл.

«Проклятие!»

Бонд посмотрел на сандвич с сожалением, а на пиво и вовсе с неприкрытой тоской, обулся и распахнул чемодан. Накрутив на ствол «вальтера» глушитель «Гемтех», слегка оттянул затвор и убедился, что патрон в стволе. Затем положил пистолет на поднос и прикрыл сегодняшним

номером «Кейп таймс».

Бонд вышел из номера, прикрывая подносом лицо, и быстро зашагал направо, опустив глаза, так что даже без униформы официанта на первый взгляд вполне сошел бы за кого-то из гостиничной обслуги.

В конце коридора он нырнул на пожарную лестницу и поставил поднос на ступеньки. Прихватив по-прежнему укрытый газетой «вальтер», Бонд неслышно спустился на первый этаж.

Он выглянул в замочную скважину и быстро обнаружил объект: тот, еле заметный, устроился в самом темном углу. Сейчас мужчина сидел спиной к Бонду, следя поверх газеты за холлом и галереей второго этажа. Похоже, удалось выскользнуть незаметно.

Бонд оценил расстояние, зафиксировал положение всех постояльцев, обслуги и охраны. Подождал, пока носильщик прокатит мимо груженную чемоданами тележку, а официант отнесет серебряный кофейник клиенту в дальнем конце холла. Когда внимание объекта отвлекла ввалившаяся в дверь толпа японских туристов, Бонд мысленно скомандовал себе: «Пора».

Он быстро зашагал к креслу, над спинкой которого торчала макушка объекта, обогнул его

и уселся напротив, улыбаясь, словно встретил старого друга. Палец со спускового крючка Бонд убрал — пройдя через умелые руки капрала Мензиса, он отзывался даже на легчайшее нажатие.

На Джеймса смотрел румяный веснушчатый мужчина, в глазах которого мелькнуло удивление: как же ловко его провели. Нет, это не совпадение, он и правда следил за Бондом.

Именно этого человека он принял утром в аэропорту за капитана Йордан.

— Какая встреча! — радостно воскликнул Бонд, на случай если за ними наблюдают, и чуть приподнял газету — теперь глушитель смотрел точно в широкую грудь собеседника.

Как ни странно, дымчато-зеленые глаза преследователя смотрели весело, без малейшего намека на страх и отчаяние.

— Мистер Терон? Вот как вас нынче кличут, — произнес он с манчестерским акцентом и всплеснул пухлыми ручками.

Бонд чуть наклонил голову.

— Патроны почти дозвуковые плюс глушитель. Вы умрете, я уйду — никто не заметит.

— Вам незачем меня убивать. Только хуже будет.

Держа противника на мушке, Бонд наслушался

всякого. Как правило, цель у подобных монологов одна: выиграть время и отвлечь внимание врага перед отчаянным броском. Он уже привык пропускать такие речи мимо ушей, следя за руками и мимикой.

Впрочем, то, что сорвалось с дряблых губ преследователя дальше, пропустить мимо ушей оказалось непросто.

— А что скажет Эм, если вы застрелите одного из заслуженных агентов ее величества? Да еще в такой роскошной обстановке…

Глава 38

Радужка и отпечаток пальца подтвердили: Грегори Лэмб. Тот самый резидент МИ-6 в Кейптауне, которого Билл Таннер советовал всячески избегать.

Они переместились в номер, но уже без пива и сандвичей — к крайнему разочарованию Бонда, кто-то из расторопной прислуги успел забрать еду и питье, прежде чем они с Лэмбом вернулись на второй этаж.

— Вы рисковали жизнью, — буркнул Бонд.

— Едва ли. В вашей конторе не присваивают два нуля остолопам, которым только дай пострелять… Ну ладно, ладно, приятель, не кипятись. Уж мы-то наслышаны о ваших «международных программах».

— Как вы узнали, что я здесь?

— Сложил два и два, вот как. Пошли слухи, будто что-то затевается, ну я и расспросил дружков в Ламбете.

Когда обращаешься в «Шестерку» или военную разведку, всегда нужно быть готовым, что о тебе узнают те, кому не следует.

— И почему просто не связаться по установлен-

ной процедуре? — разозлился Бонд.

— Я собирался. Только приехал, смотрю — за тобой хвост.

А вот это Бонда заинтересовало.

— Мужчина, худой, синяя куртка? Золотая серьга?

— Серьга? Нет, серьги не разглядел — глаза уже не те, что прежде. А в остальном — похож. Покрутился там немного и вдруг пропал, будто скатерть в лучах солнца. Про скатерть-то знаете? Так называют туман на Столовой горе.

Бонда совсем не тянуло обсуждать местные достопримечательности. Черт! Выходит, о его перемещениях известно тому, кто убил Юсуфа Насада и чуть не прикончил Лейтера! Вот о ком говорила утром Йордан. Он-то, наверное, и проник в страну из Абу-Даби по поддельному британскому паспорту.

— Сфотографировали?

— Да нет, чтоб его! Шустрый, как водомерка.

— Хоть что-нибудь заметили? Модель телефона, оружие, машину?

— Нет. Говорю же — как водомерка… — Широкие плечи неуверенно качнулись, и Бонд подумал, что они у Лэмба наверняка такие же красные и веснушчатые, как и лицо.

— Вы встречали меня в аэропорту. Почему ушли?

— Я заметил капитана Йордан, а она меня почему-то недолюбливает. Наверное, боится, что большой белый бвана вернулся отобрать их земли. Пару месяцев назад так на меня разоралась…

— Меня предупредили, что вы в Эритрее, — сказал Бонд.

— Да, был там на прошлой неделе. И в Судан заглянул. Похоже, у них война на уме, вот и пришлось позаботиться, чтобы от пальбы бизнес не пострадал. Едва закончил, сразу услышал про операцию ГМП. — Его взгляд затуманился. — Странно, что меня не предупредили.

— Предполагалось, что вы задействованы в другом, очень серьезном, мероприятии, — рассудительно заметил Бонд.

— Вот как… — Лэмб, кажется, поверил. — Не важно, я все равно сразу метнулся на помощь. Кейп — место хитрое. Вроде тишь да гладь, кругом туристы, а на самом деле… Знаешь, приятель, не люблю хвастаться, но тебе позарез нужен человек, который способен все разнюхать. Связи — вот что у меня есть. Ты знаешь хоть одного агента «Шестерки», который сумел выбить финансирование своего прикрытия у местных госфондов и

комитетов по поддержке предпринимательства? А от меня за прошлый год королевству — чистая прибыль!

— И что, все деньги ушли в Казначейство?

Лэмб пожал плечами:

— Я же должен играть свою роль, так? Для всех я успешный бизнесмен. Если не работать на прикрытие изо всех сил, чуть что пойдет не так — оглянуться не успеешь, а у тебя на лбу уже написано большими буквами: «Шпион»... Слушай, ты не против, если я маленько пошарю в мини-баре?

— Угощайтесь, — пригласил Бонд, и Лэмб тут же достал крошечную бутылочку джина «Бомбей сапфир», а за ней еще одну и вылил обе в стакан. — Льда нет? Жаль. — Он плеснул немного тоника.

— Так что же у вас за прикрытие?

— В основном организую фрахт грузовых судов. Скажу без ложной скромности, отличная оказалась идея. Могу без проблем водить компанию со всякими темными личностями из доков. Немного занимаюсь добычей золота с алюминием, дорожным строительством, инфраструктурой...

— А на контору работать время остается?

— Отличный вопрос, приятель! — Лэмб вдруг

начал пересказывать Бонду историю своей жизни.

Он оказался гражданином Британии, как и его мать. Отец — из Южной Африки. Переехав из Африки в Британию вместе с родителями, он решил, что дома лучше, чем в метрополии, и, пройдя подготовку в Форт-Монктоне, попросил направить его обратно в ЮАР. Лэмб всю жизнь проработал на отдел «Зет». В основном обретался в Кейптауне и окрестностях, хотя довольно часто путешествовал по всей Африке — как того требовало неофициальное прикрытие.

Лэмб заметил, что Бонд не слушает, отхлебнул из стакана и спросил:

— Так чем именно ты занимаешься? Это как-то связано с этим Североном Хайдтом? Ну и имечко — такое не забудешь. А тут еще «Инцидент-20»... Немного напоминает «ВР-пятьдесят пять» — знаешь таких? Ребята из военной разведки, что НЛО в Средней Англии ищут.

Бонд раздраженно ответил:

— Меня прикомандировывали к военной разведке. «ВР-пятьдесят пять» занимается ракетами и самолетами, нарушающими воздушное пространство, а никакими не НЛО.

— Конечно, конечно... Надо же и для публики

историю заготовить, куда без нее.

Бонд еле сдержался, чтобы не выставить Лэмба за дверь. Впрочем, он может оказаться полезным.

— Значит, вы слышали про «Инцидент-20». Думаете, он связан с Южной Африкой?

— Я особо не интересовался, — махнул рукой Лэмб, — ведь в перехваченном сообщении говорилось, что инцидент произойдет в Великобритании.

Бонд напомнил точную формулировку: упоминалось лишь, что будут ущемлены британские интересы — без всякого указания на конкретное место.

— Выходит, он может быть где угодно. Я и не думал…

Или невнимательно прочел.

— И вот тайфун уже бушует в моих краях. Судьба-то переменчива, вот как.

Особый программный модуль в мобильном телефоне не только подтвердил личность Лэмба, но и указал уровень его допуска, который оказался гораздо выше, чем ожидал Бонд. Значит, «Геенну», Хайдта и Данна можно обсуждать относительно спокойно.

Бонд повторил вопрос:

— Какая может быть связь с Южной Африкой? Под угрозой тысячи жизней, будут затронуты британские интересы, угроза исходит от Севера-на Хайдта.

— И не представляю, что это за угроза, — задумчиво проговорил Лэмб, не отрывая глаз от стакана. — У нас много экспатов и туристов из Англии, хватает и компаний, которые ведут дела с Лондоном. Но чтобы прикончить столько народу одним ударом? Разве что гражданские волнения… Я не верю, что их можно сейчас устроить в Южной Африке. Не спорю, у нас хватает проблем: беженцы из Зимбабве, профсоюзы, коррупция, СПИД… Но все равно мы самое стабильное государство на всем континенте.

Наконец какая-то польза, пусть и небольшая. Бонд утвердился в мысли, что хотя кукловоды в Южной Африке, люди в эту пятницу должны погибнуть где-то в другом месте.

Лэмб почти осушил стакан.

— Не пьешь? — Бонд промолчал, и он добавил: — Скажи, приятель, скучаешь по прежним-то временам?

Бонд понятия не имел, что было в прежние времена, и решил, что по ним вряд ли стоит скучать. Кроме того, обращение «приятель» ему не

особенно понравилось.

— Вы упоминали, что не ладите с Бхекой Йорданом.

Лэмб промычал в знак согласия.

— Что вам о ней известно?

— Работает чертовски здорово — в этом ей не откажешь. Она расследовала дело НРУ — Национального разведывательного управления Южной Африки, которое вело незаконную слежку за политиками. — Лэмб мрачно усмехнулся. — У нас-то такое и представить невозможно, правда?

Бонд вспомнил, что Билл Таннер предпочел работать с южноафриканской полицией, а не с национальной разведкой.

Лэмб между тем продолжал:

— Это дело ей специально поручили, думали, где-то проколется… Так нет! — В его глазах мелькнул какой-то нездоровый огонек. — Расследование быстро продвигалось, и наверху перетрусили. Начальник сказал ей, что все улики против людей из НРУ должны исчезнуть.

— И она его арестовала?

— Вместе с вышестоящим командиром! — расхохотался Лэмб и залпом допил джин. — Йордан представили к почетной награде.

«Золотой крест» за отвагу?

— Она что, пострадала при расследовании?

— В каком смысле пострадала?

Бонд рассказал про шрам на руке.

— Йордан повысили, и кое-кому из мужчин, которых обошли, это не сильно понравилось. Ей стали угрожать: мол, нечего женщине заниматься мужской работой — в таком роде. А потом под патрульную машину швырнули «коктейль Молотова». Сама Йордан была в участке, но на заднем сиденье отсыпался задержанный — просто пьяный был. Нападавшие его не заметили. Она выскочила и сумела его вытащить, но сама сильно обожглась. Кто это сделал, так и не выяснили: эти люди были в масках. Только любой скажет — это дело рук тех, с кем она работала. А может, и работает до сих пор.

— Боже! — Теперь Бонд, кажется, понял, почему Йордан так на него набросилась. Скорее всего поймала недвусмысленный взгляд в аэропорту и решила, что он тоже не принимает ее всерьез.

Бонд объяснил Лэмбу, что следующий шаг — встреча с Хайдтом сегодня вечером.

— «Лодж-клуб»? Недурное местечко. Теперь, правда, пускают всех без разбора… Эй, ты на меня так не смотри! Просто я невысокого мнения о здешней публике. А вообще, я даже дел гораздо

больше веду с черными и цветными, чем с белыми… Вот, опять ты за свое!

— С цветными? — рявкнул Бонд.

— Ну, с мулатами — здесь все так говорят. Никто не обижается.

Опыт подсказывал Бонду, что такие слова редко употребляет тот, кто сам мог бы на них обидеться, однако вступать с Грегори Лэмбом в политическую дискуссию он не собирался.

Бонд бросил взгляд на свой «Брайтлинг».

— Спасибо за помощь, — проговорил он без особого воодушевления. — До встречи с Хайдтом есть еще кое-какие дела.

Йордан прислала ему материалы об африканерах, местной культуре и зонах вооруженных конфликтов, в которых у Джина Терона мог быть свой интерес.

Лэмб встал и неуклюже потоптался на месте.

— Если что, я к твоим услугам. Нет, правда, если хоть что-то понадобится…

— Спасибо. — Бонд вдруг ощутил абсурдное желание сунуть ему двадцать рандов.

Перед уходом Лэмб еще раз подошел к мини-бару и прихватил оттуда пару бутылочек водки.

— Ты не возражаешь?

Бонд проводил его до двери.

«Скатертью дорога», — подумал он. Перси Осборн-Смит по сравнению с этим парнем просто милашка.

Глава 39

Бонд уселся за огромный стол, включил компьютер и после сканирования сетчатки и отпечатка пальца погрузился в файлы, которые прислала Бхека Йордан. В это время по электронной почте пришло шифрованное сообщение:

> Джеймс,
> конфиденциальная информация.
> Получено подтверждение, что «Стальной патрон» — это «активное мероприятие» КГБ и СВР по устранению агентов МИ-6 и ЦРУ, а также их оперативных сотрудников на местах. Цель — скрыть глубину проникновения советской разведки, поддерживая тем самым политику разрядки и улучшения отношений с Западом во время распада Советского Союза.
> Последние убийства в рамках «Стального патрона» были совершены в конце 80-х или начале 90-х. Пока обнаружила единственный инцидент. Жертва — сторонний специалист, работал на МИ-6 под глубоким прикрытием. Подробностей

нет, известно лишь, что исполнитель организовал «несчастный случай». Иногда на месте убийства оставляли стальной патрон, чтобы другие агенты держали язык за зубами.

Продолжаю расследование.

Твой преданный шпион, Филли.

Бонд уставился в потолок. И что теперь с этим делать? Откинувшись на спинку стула, он поймал в зеркале на противоположной стене собственный взгляд — жесткий, застывший взгляд хищника.

Итак, агент КГБ в конце восьмидесятых или в начале девяностых убил человека, работавшего на МИ-6. Именно тогда погиб отец Бонда…

Это случилось в декабре, ему самому только-только исполнилось одиннадцать. Эндрю и Моник Бонд оставили сына у тети Чармиан в Петт-Боттом, пообещав вернуться задолго до Рождества. Они улетели в Швейцарию, а оттуда поехали на Монблан — покататься на лыжах и полазать по горам.

Родители не сдержали обещания. Уже на второй день они погибли: сорвались с крутого склона непередаваемой красоты на Эгюй-Руж, неподале-

ку от Шамони.

Да, скалы там потрясающие, слов нет, но они не особенно опасные, во всяком случае, там, где карабкались отец с матерью. Когда Бонд вырос, он разобрался во всех обстоятельствах трагедии. Никаких особенных альпинистских навыков для подъема на тот склон не требовалось, там и легких-то травм никогда не случалось — не то что происшествий со смертельным исходом. Впрочем, горы крайне коварны, и Бонд принял версию, которую изложил тетке жандарм: гигантский валун не выдержал веса двух человек, а страховочная веревка перетерлась.

«Mademoiselle, je suis desole de vous dire…»[22]

Еще мальчиком Джеймс обожал путешествовать вместе с родителями по дальним странам, в которые отправляла Эндрю Бонда его фирма. Он обожал жить в отелях и наслаждался местной кухней, совсем не похожей на то, что подают в английских и шотландских пабах и ресторанах. Его завораживала экзотическая культура: чужеземная одежда, музыка, язык…

А еще он обожал проводить время с отцом. Мать была независимой фотожурналисткой и,

---

[22] Примечания: 22

«Мадемуазель, с сожалением должен вам сообщить…» *(фр.).*

уезжая на очередную съемку, всегда оставляла Джеймса с друзьями или еще с кем-то; отец же, бывало, брал его с собой на деловую встречу в ресторане или вестибюле отеля. Пока тот беседовал с очередным хмурым мужчиной по имени Сэм, Мика или Хуан, мальчик пристраивался неподалеку с томиком Толкиена или американским детективом.

Джеймс всегда радовался таким поездкам — да и какой мальчишка не любит делать что-то вместе с отцом? Вот только он никак не мог понять, почему Эндрю иногда чуть ли не упрашивал его составить ему компанию, а иногда отказывал наотрез. Потом он выкинул это из головы и вспомнил только проходя подготовку в Форт-Монктоне.

На занятии по тактике секретных операций внимание Бонда привлек рассказ одного из инструкторов. Дородный очкарик из отдела специальной подготовки МИ-6 объяснял группе: «Как правило, для успеха секретной операции предпочтительно, чтобы агенты и информаторы не имели супругов и детей. В ином случае необходимо убедиться, что семья полностью изолирована от оперативной деятельности. Впрочем, порой так называемая обычная жизнь дает преиму-

щество. Существуют агенты, работающие под глубочайшим прикрытием, их задействуют лишь для важнейших заданий, когда нужно получить жизненно важную информацию. Таким агентам необходимо иметь семью, чтобы отвести подозрения противника. Как правило, официальное прикрытие предполагает работу в интересующей неприятельскую разведку сфере. Это может быть глобальная инфраструктура, информационная безопасность, оборонная и аэрокосмическая отрасль, госструктуры. Раз в несколько лет таких людей переводят на новое место работы, и семья переезжает вместе с ними».

Отец Бонда работал в крупной британской компании, которая занималась военными разработками, и разъезжал по мировым столицам вместе с женой и сыном.

«При определенных обстоятельствах, — продолжал инструктор, — оперативнику имеет смысл брать ребенка с собой на самые важные операции: будь то простая передача на ходу или встреча с агентом. Что может выглядеть невиннее? Противник не поверит, что вы — в игре, ведь родители ни за что не подвергнут опасности собственное чадо. — Он окинул взглядом собравшихся в аудитории агентов, на лицах ко-

торых читалась очень разная реакция на столь циничное объяснение. — Когда борешься со злом, общечеловеческие ценности не всегда к месту».

Тогда у Бонда мелькнула мысль: «Отец — шпион? Невозможно. Абсурд».

Покинув Форт-Монктон, он некоторое время копался в биографии отца, однако так и не обнаружил ничего подозрительного. Единственное странное обстоятельство — денежные переводы, поступавшие на банковский счет тетки и предназначавшиеся ей самой и Джеймсу. Они не имели отношения к страховым выплатам и прекратились, когда Джеймсу исполнилось восемнадцать. Деньги перечисляла фирма, как-то связанная с компанией отца, но ему так и не удалось выяснить, где она находится и что за средства переводит. В конце концов Бонд убедил себя, что идея бредовая, и благополучно о ней забыл.

И не вспоминал до тех пор, пока не узнал об операции «Стальной патрон».

В отчете французской жандармерии упоминалось, что рядом с телом отца найден стальной винтовочный патрон калибра 7,62.

Этот патрон Джеймсу передали вместе с остальным имуществом родителей. Поскольку Эндрю

Бонд работал в оборонной компании, предполагалось, что это просто образец, который он демонстрировал клиентам.

Два дня назад, в понедельник, получив отчет отдела России, Бонд сразу залез в онлайн-архивы компании, где работал отец. Она вообще не производила боеприпасы и никогда не продавала оружие калибра 7,62!

Именно этот патрон занимал почетное место на каминной полке в лондонской квартире Бонда.

Быть может, убийца обронил патрон случайно. А может, оставил в качестве предупреждения.

То, что операция «Стальной патрон» проводилась КГБ, лишь укрепило решимость Бонда окончательно выяснить, работал ли отец на секретные службы. Дело не в том, что отец мог ему лгать, — все родители обманывают детей. В большинстве случаев они делают это из-за некомпетентности или по недомыслию; его же отец мог солгать, только если того требовал Закон о государственной тайне.

Не волновала Бонда и другая возможная причина. Какой-нибудь психолог из телешоу наверняка сказал бы, что необходимо узнать правду, чтобы вновь пережить юношескую утрату и глубже ее «отработать». Чушь!

Нет, правда требовалась ему по куда более серьезной причине. Убийца его родителей, возможно, еще жив и здоров. Он нежится на солнышке, наслаждается вкусным ужином — или замышляет новые убийства. Если так, то Бонд позаботится, чтобы этот человек больше не разгуливал на свободе, причем позаботится тщательно и в полном соответствии со своей любимой формулировкой: «Чего бы это ни стоило».

Глава 40

В среду около пяти вечера телефон Бонда издал особый звук: пришло срочное сообщение. Он только-только принял душ и теперь бросился из ванной в комнату. Из ЦПС передавали, что его попытка подслушать разговоры Хайдта оказалась не такой уж и глупостью. Бонд не сообщил Бхеке Йордан, что во флэшку с фотографиями массовых захоронений, которую он отдал Хайдту, встроен миниатюрный микрофон с передатчиком. Низкое качество и малую продолжительность работы компенсировал радиус действия. Сигнал шел на спутник, там усиливался и далее принимался мощной антенной базы Менвит-Хилла на бескрайних просторах Йоркшира.

Устройство передало фрагменты разговора между Хайдтом и Данном, состоявшегося, когда те вышли из офиса несуществующей компании «ЮДТ-сервисес». В Менвит-Хилле запись угодила в очередь на расшифровку, а дальше ее прослушал аналитик и, посчитав крайне важной, переслал агенту.

Бонд прочел сначала полную расшифровку разговора, а потом выводы аналитика. Похоже,

Данн собирается убить некоего Стефана Дламини из фирмы Хайдта, причем вместе с семьей, поскольку тот видел на охраняемой территории «Грин уэй» что-то такое, что видеть не должен был: возможно, нечто связанное с «Геенной». Задача ясна — спасти любой ценой.

Выбор действия диктуется намерениями противника.

Дламини жил в пригороде Кейптауна. Его смерть обставят как нападение бандитов. В дело пойдут гранаты и зажигательная смесь. Все случится за ужином.

Дальше батарейка разрядилась, и передача прервалась.

За ужином. То есть вот-вот, в любой момент.

Он не сумел спасти женщину в Дубае, но уж эту семью прикончить не позволит. Нужно выяснить, что такого узнал Дламини. Вот только рассказывать Бхеке Йордан о результатах нелегальной прослушки нельзя.

Бонд снял трубку и позвонил портье.

— Слушаю, сэр.

— Видите ли, — небрежно начал Бонд, — у меня сегодня сломалась машина, а один здешний парень сильно выручил. Наличных я с собой тогда не захватил и теперь хочу подкинуть ему

деньжат за беспокойство. Как мне выяснить его адрес? Я знаю только имя и место, где он живет.

— Как называется место?

— Примроуз-Гарденс.

Повисла тишина, затем портье произнес:

— Это поселение.

«Поселение сквоттеров», — вспомнил Бонд. О них упоминалось в материалах, что прислала Йордан.

— Я хоть могу поехать туда поспрашивать — вдруг кто-то его знает?

Еще пауза.

— Видите ли, сэр, там не вполне безопасно.

— Ерунда!

— Думаю, это и еще и не имеет смысла.

— Почему?

— В Примроуз-Гарденс живет порядка пятидесяти тысяч человек.

Осенние сумерки сгустились к половине шестого. Найл Данн следил, как Северан Хайдт — солидный и не лишенный некоторой элегантности — шагает от двери кейптаунского офиса «Грин уэй» к лимузину.

Хайдт не косолапил, плечи его не горбились, а руки не раскачивались при ходьбе из стороны в сторону. («Эй, гляньте, что за урод! Найл-то прям

как жираф!») Теперь он поедет домой, переоденется и повезет Джессику на благотворительный ужин в «Лодж-клуб».

Данн стоял в холле здания «Грин уэй» и смотрел в окно, провожая глазами босса, пока тот, сопровождаемый одним из охранников фирмы, не скрылся за углом.

Едет домой, к подруге…

Данну вдруг стало больно от этой мысли.

«Не будь дураком! — велел он себе. — Сосредоточься на деле. В пятницу разразится настоящий ад, и только ты будешь виноват, если из-за какой-то мелочи все пойдет не так».

Данн вышел из здания, сел в машину и выехал из города в направлении Примроуз-Гарденс. Ему предстояло встретиться с сотрудником службы безопасности, а далее действовать по плану, который он как раз прокручивал в голове. Время, подходы, гранаты (сколько?), отход…

Он обдумывал план тщательно и неторопливо. Как всегда.

«Это Найл, мой проектировщик. Он настоящий гений…»

В голову упрямо лезли посторонние мысли; стоило ему представить, как босс явится на сегодняшний торжественный вечер, и сутулые плечи

еще заметнее подались вперед.

Данн понимал: всем любопытно, почему он одинок, почему без подруги. Наверное, они считают, что он ничего не чувствует, что он — машина. Им невдомек, что в классической механике выделяются как простые машины: винт, рычаг или блок, — так и сложные: например двигатель, который, согласно определению, преобразует любую энергию в механическую.

Что ж, калории преобразуются в механическую энергию, необходимую для движения человеческого тела. Выходит, да, он — машина. Но и все вокруг — тоже. Это вовсе не мешает им любить.

Нет, просто объект его интереса не испытывает ни малейшего влечения к нему.

До чего же банально и обычно.

И разумеется, чертовски несправедливо. Боже, как несправедливо! Инженер ни за что не спроектирует машину, в которой две смежные детали не движутся в полной гармонии: одна не заработает без другой, а та, в свою очередь, не шелохнется без первой. Однако сам он угодил именно в такую ситуацию. Они с шефом — как две детали от разных машин.

А еще он с горечью ощутил, что законы привлекательности куда сложнее законов механики.

Человеческие отношения опасны, ненадежны и ужасающе неэффективны. Мотор проработает сотни тысяч часов без остановки, а человеческая любовь дернется пару раз, да и заглохнет.

А еще любовь предаст тебя куда быстрее машины.

«Что за бред! — одернул себя Найл Данн едва ли не раздраженно (он никогда не раздражался). — Прекрати! Надо работать».

Он заехал на парковку торгового центра и заглушил двигатель. Через мгновение рядом остановился потертый фургон. Данн пересел в него и кивнул водителю — здоровенному громиле в военном камуфляже. Не сказав друг другу ни слова, они выехали со стоянки и уже через десять минут катили по безымянным улицам Примроуз-Гарденс. Данн перебрался в кузов. Слишком уж он бросался в глаза: рост, да и цвет волос, но главное, он белый — в негритянском поселении, после захода солнца… Впрочем, вполне возможно, что угрожавший дочке Дламини наркоторговец или кто-то из его подручных тоже белый, и с этой точки зрения было бы неплохо, если бы его запомнили, однако Данн все же решил спрятаться — хотя бы до тех пор, пока не придет время забросать хижину гранатами и поджечь.

Они все кружили по бесконечным проездам между лачугами. Детвора и тощие псы носились мимо, мужчины сидели в дверях собственных хижин.

— Тяжело без «навигатора», — нарушил молчание верзила из службы безопасности. Улыбки на лице не было, и Данн не понял, шутит напарник или нет. Сегодня утром тот два часа потратил на поиски хижины Дламини. — Вот здесь.

Лачуга, как и все прочие в Примроуз-Гарденс, крошечная, одноэтажная. Стены, сколоченные из фанеры и листов рифленого железа, сияли ярко-красным, синим и желтым, словно бросая вызов нищете. Судя по развешенному на веревке во дворике белью, младшему ребенку в этом семействе было пять или шесть.

Место для нападения оказалось весьма удачное: прямо напротив хижины находился пустырь, так что свидетелей не предполагалось. Не то чтобы это так уж важно: машина без номеров, таких фургонов в окрестностях Кейптауна — что чаек на свалках «Грин уэй».

Они просидели в молчании минут десять — еще немного, и фургон начнет привлекать внимание. Наконец водитель сказал:

— Вот он.

По пыльной дороге шел Стефан Дламини — высокий, худой мужчина с сединой в волосах, одетый в потертую куртку, оранжевую футболку и темные джинсы. С ним был сын лет одиннадцати в спортивной майке — без куртки, несмотря на осенний холод. Под мышкой парнишка нес грязный футбольный мяч.

Дламини с сыном еще немного погоняли мяч перед домом, а потом вошли внутрь. Данн кивнул напарнику, и оба натянули лыжные маски. Ирландец окинул взглядом лачугу: побольше остальных. Наверное, там две комнаты. Занавески из дешевой ткани были задернуты, в помещении горел яркий свет.

Его мысли почему-то снова вернулись к боссу и сегодняшнему торжеству. Данн с усилием выбросил их из головы.

Он выждал еще пять минут — пусть Дламини сходит в туалет (если, конечно, в хижине он имеется), а семья рассядется за столом.

— Давай.

Напарник кивнул. Они вышли из фургона, сжимая в руках по мощной гранате со смертоносными медными шариками.

— Начали, — шепнул Данн.

Они вытащили чеки и бросили гранаты внутрь:

по одной в каждое окошко. За пять секунд Данн успел схватить зажигательную бомбу — обычную канистру бензина с маленьким детонатором — и приготовиться. Когда земля задрожала от могучих взрывов, он выбил остатки стекла и швырнул в дом канистру. Оба прыгнули в фургон, водитель завел мотор, и машина рванула с места.

Ровно через семь секунд окна полыхнули огнем, а из печной трубы в небо эффектно ударил столб пламени футов двадцать высотой.

Еще мальчишкой в Белфасте Данн просто обожал фейерверки…

Глава 41

— Хай! Хай! — вопила во тьме женщина, глядя на охваченный огнем дом, и в ее глазах сверкали слезы.

Мать и пятеро детей сбились в кучку позади пылающей лачуги. Сквозь распахнутую заднюю дверь было видно, как ревущие языки пламени пожирают все накопленное добро. Она порывалась броситься внутрь, спасти хоть что-то, но Дламини не пустил ее. Они разговаривали на непонятном языке — кажется, на коса.

Понемногу собиралась толпа, бригада добровольцев-пожарных стала передавать по цепочке ведра в тщетной попытке залить бушующее пламя.

— Нужно уезжать, — сказал Бонд высокому мужчине, который стоял позади, у полицейского фургона.

— Определенно, — отозвался Квалене Нкоси.

Бонд имел в виду, что нужно увезти семью из Примроуз-Гарденс, иначе Данн узнает, что его жертвы живы. Нкоси же беспокоился о другом. Полицейский заметил, что толпа все растет и разглядывает белого человека без всякой симпатии.

— Покажи им значок, — предложил Бонд.

Нкоси захлопал глазами от изумления:

— Нет-нет, коммандер, это плохая идея. Лучше поедем, причем прямо сейчас.

Они усадили Дламини с семьей в фургон. Бонд устроился вместе с ними сзади, а Нкоси сел за руль, завел двигатель и устремился во тьму. Сердитая и озадаченная толпа осталась позади, все еще шумело пламя, однако никто не пострадал.

Узнав, что Данн собирается убить Дламини, который живет в огромном поселении в условиях едва ли не полной анонимности, Бонд оказался в тупике. Как его искать? Мобильных телефонов на это имя не значилось в базах ЦПС и МИ-6, в документах последней переписи и профсоюзных реестрах тоже ничего не нашлось. Тогда Бонд рискнул и позвонил Квалене Нкоси:

— Послушайте, я вам сейчас кое-что расскажу — только это должно остаться между нами. Никаких исключений.

После недолгой паузы молодой полицейский осторожно произнес:

— Слушаю.

Бонд изложил проблему. Когда он упомянул, что прослушка велась незаконно, Нкоси перебил:

— Что-то я не расслышал, коммандер. Связь плохая.

Бонд рассмеялся.

— Нужно срочно выяснить, где живет Стефан Дламини.

— Это будет непросто, — вздохнул Нкоси. — В Примроуз-Гарденс народу много. Хотя есть одна идея…

Операторы маршрутных такси знают о негритянских поселениях и трущобах локаси куда больше, чем официальные власти. Нкоси стал их обзванивать и не прекращал поиски нужной лачуги по мобильному телефону, даже когда они с Бондом встретились и помчались в Примроуз-Гарденс. Около шести вечера, когда они уже колесили по улочкам поселения, наконец нашелся таксист, который знал, где живет семья Дламини.

Подъехав, они заметили напротив дома другой фургон, за окном которого виднелось лицо белого.

— Это Данн, — сказал Нкоси.

Сделав круг, они припарковались за лачугой и вбежали через заднюю дверь. Хозяева сначала перепугались, но Нкоси на их языке объяснил, что им угрожает опасность и нужно немедленно

уходить. Стефан должен был прийти с минуты на минуту.

Вскоре появился глава семьи вместе с сыном. Бонд знал, что нападение вот-вот начнется, и выбора у него нет: пришлось выводить Дламини через заднюю дверь под дулом пистолета. Едва Нкоси закончил объяснять, кто такой Бонд и что им всем угрожает, как внутри ухнули гранаты, а после рванула канистра с зажигательной смесью.

Сейчас они ехали на запад по шоссе № 1. Дламини крепко-крепко сжал руку Бонда, затем наклонился и обнял его. В глазах мужчины стояли слезы. Его жена забилась вместе с детьми в дальний угол и с подозрением рассматривала агента, который как раз объяснял Стефану, кто стоит за нападением.

— Мистер Хайдт? — недоверчиво переспросил тот. — Не может быть. Он прекрасный начальник и обращается с нами хорошо. Просто отлично. Не понимаю…

Бонд объяснил, что Дламини, по всей видимости, узнал что-то о противозаконных делишках Хайдта и Данна.

Глаза африканца сверкнули.

— Я понял.

Он несколько раз кивнул и рассказал Бонду, что трудится подсобным рабочим на предприятии «Грин уэй» к северу от города. Тем утром дверь в помещение отдела разработок оказалась открытой — доставили какой-то груз, — а двое сотрудников находились в дальнем конце комнаты. Дламини заметил переполненную мусорную корзину и решил ее вынести, хотя обычно этим занимались другие.

— Хотел как лучше, вот и все, — покачал он головой. — Я вошел, стал вынимать из корзины мешок, а один из тех двоих заметил меня и раскричался: «Что ты видел?» «Ничего», — сказал я. А он меня прогнал.

— А вы все же видели что-то, из-за чего он так разозлился?

— Да нет. Возле корзины был компьютер, а на нем какое-то сообщение. По-моему, письмо. Там было слово «Сербия» по-английски, но я не присматривался.

— А еще что?

— Больше ничего, сэр.

Сербия…

Выходит, часть секретов «Геенны» скрыта за дверью отдела разработок.

— Семью нужно где-то спрятать, — сказал Бонд

Нкоси. — Если я дам денег, тут найдется гостиница, где они смогут пожить до выходных?

— Что-нибудь подыщу.

Бонд дал полторы тысячи рандов. Дламини аж захлопал глазами при виде такой колоссальной суммы. Нкоси объяснил, что им придется какое-то время скрываться.

— И пусть позвонит близким друзьям и родственникам: мол, все живы, но на несколько дней надо залечь на дно. Сможете устроить так, чтобы газеты написали об их гибели?

— Полагаю, да, — неуверенно произнес полицейский.

— Все строго между нами. Капитану Йордан сообщать не стоит.

Впереди раскинулась роскошная панорама Кейптауна. Бонд взглянул на часы. Пришло время второй операции — и она, кажется, потребует совершенно иных навыков. Пускай гранат и напалма больше не ожидается, вечер все равно предстоит непростой — в этом он не сомневался.

Глава 42

«Лодж-клуб» не впечатлил.

Наверное, в те дни, когда здесь собирались охотники в бриджах и куртках с кармашками под ружейные патроны на дичь «большой пятерки»,[23] место считалось шикарным, теперь же атмосфера была скорее как в банкетном зале, где празднуют несколько свадеб одновременно. Бонд даже не смог понять, настоящая ли голова буйвола висит над входной дверью или китайская подделка.

Симпатичной девушке у входа он представился как Джин Терон. Роскошную фигуру блондинки плотно облегало алое платье с глубоким вырезом. Ее напарница была то ли зулу, то ли коса и сложением и нарядом ни капли не уступала той. Похоже, в этой благотворительной организации отлично понимают, на что клюет основной источник пожертвований — мужчина — вне зависимости от расы.

---

[23] Примечания: 23

В «большую пятерку» входят пять видов африканских млекопитающих: слон, носорог, буйвол, лев и леопард, которые считаются наиболее почетными охотничьими трофеями.

— По приглашению мистера Хайдта, — добавил Бонд.

— Конечно-конечно, — отозвалась блондинка и пропустила его в полутемный зал, где уже слонялось с полсотни гостей. Разносили соки, вино и шампанское — его-то Бонд и предпочел.

На мнимом авантюристе из Дурбана были светло-серые брюки и черный пиджак с голубой рубашкой — по совету Хайдта, без галстука.

С бокалом в руке, Бонд осмотрел пышно украшенный зал. Фуршет устраивала кейптаунская «Интернациональная организация „Единая миссия“». С переносных стоек на гостей смотрели плакаты: добровольцы протягивают счастливым жителям (в основном женщинам) туго набитые пакеты; мешки с рисом и пшеницей выгружают из транспортных «геркулесов» и укладывают в лодки. Ни одного снимка полумертвых голодающих детей. Изящный компромисс. Публика должна чувствовать себя чуточку неловко — но нельзя перегибать палку. Бонд отметил, что благотворительность, как и политика Уайтхолла, строится на точнейшем расчете.

Вечер сопровождался приятной музыкой: из подвешенных под потолком динамиков лились мелодичные напевы «Ледисмит блэк мамбазо»

и вдохновенные композиции кейптаунской певицы Верити.

Сбор средств проходил в форме «тихого» аукциона. На столах разложены подаренные устроителям лоты: футбольный мяч с автографами игроков «Бафана-бафана» — так южноафриканцы называют свою футбольную сборную; путевка в морской круиз, в котором можно полюбоваться китами; зулусская статуэтка; серьги с бриллиантами и все в таком роде. Гости подходят к столикам и пишут ставки на бумажных листках, а когда аукцион заканчивается, предмет уходит предложившему самую высокую цену. Северан Хайдт пожертвовал для аукциона оплаченный ужин на четверых в первоклассном ресторане, что стоило ему восемь тысяч рандов — около семисот фунтов, как тут же подсчитал Бонд.

Вино текло рекой, кругом сновали официанты с хитроумными канапе на серебряных подносах.

Хайдт со своей подругой появился через десять минут после Бонда. Данна нигде не было видно; не исключено, что у того еще остались дела, связанные с убийством Дламини. Бонд кивнул Хайдту, на котором красовался превосходный темно-синий костюм, судя по покатой линии плеча — американский. Его компаньонка

— Джессика Барнс — была в простом черном платье, зато сплошь в бриллиантах и платине. Ни следа макияжа на лице, даже губы не тронуты помадой. Красивые черты и фигура не отменяли замеченного в прошлый раз: Джессика выглядела изможденной, а отказ от косметики лишь старил ее, делая похожей на призрак. Бонду стало любопытно, в чем тут дело: все собравшиеся здесь женщины ее возраста явно не один час прихорашивались перед банкетом.

— Терон! — пророкотал Хайдт и бросился к нему. Мужчины обменялись рукопожатием, подошедшая следом Джессика дежурно улыбнулась.

Бонд повернулся к даме. Агент ни на мгновение не должен терять бдительность. При встрече с человеком, за которым велось скрытое наблюдение, необходимо изображать лишь легкую заинтересованность. Сколько жизней унесло обычное приветствие «Какая приятная встреча!» — обращенное к человеку, с которым видишься первый раз!

Хайдт представил спутницу:

— Это Джессика, — и, обернувшись к Джессике, пояснил: — Джин Терон, мой деловой партнер.

Она кивнула и не отвела глаз, однако руку

его пожала очень робко. Бонд расценил это как признак уязвимости, неуверенности. На то же указывала и сумочка на плече — Джессика нервно сжимала ее под мышкой.

Началась ни к чему не обязывающая беседа. Бонд осторожно вставлял в разговор детали, почерпнутые из информационного курса Бхеки Йордан. Понизив голос, он заявил, что правительству стоило бы заняться вещами посерьезнее, чем переименовывать Преторию в Тсване. Хорошо, что ситуация с профсоюзами понемногу успокаивается. Да, ему нравится на восточном побережье. У его дома в Дурбане отличные пляжи, тем более наконец-то установили защитные сети — раньше белые акулы изредка нападали на людей, хотя лично он с ними ни разу не сталкивался. Потом заговорили о природе. Джессика, недавно еще раз ездившая в Национальный парк Крюгера, видела двух молодых слонов, вырывающих из земли кусты и деревья. Ей сразу вспомнилось, как банды подростков громили общественный парк в ее родном Соммервилле, штат Массачусетс, — это чуть к северу от Бостона. То-то ему показалось, что акцент у нее американский.

— А вы бывали в Америке, мистер Терон?

— Зовите меня просто Джин, — попросил Бонд,

прокручивая в уме биографию, сочиненную Бхекой Йордан и отделом «И». — Нет. Надеюсь когда-нибудь выбраться.

Хайдт между тем выказывал признаки нетерпения. Судя по брошенному на спутницу взгляду, ей следовало оставить мужчин наедине. Бонд вспомнил, чего натерпелась от собственных коллег Бхека Йордан, — здесь явно то же самое, просто в ином проявлении. Джессика сразу извинилась и сказала, что ей нужно «припудрить носик». Бонд вообще ни разу не слышал, чтобы так говорили в реальной жизни, и уж особенно неуместно это выражение звучало в устах Джессики, которая совершенно точно не будет ничего пудрить.

Как только они остались одни, Хайдт сказал:

— Я подумал над вашим предложением, и оно мне нравится. Давайте работать.

— Отлично.

Они взяли у симпатичной официантки еще по бокалу шампанского.

— Данкье, — поблагодарил Бонд девушку на ее родном африкаансе и тут же напомнил себе, что переигрывать ни в коем случае нельзя.

Они перебрались в тихий угол, причем Хайдту пришлось по пути поздороваться с другими гостями и пожать немало рук. Наконец они устро-

ились под головой не то газели, не то антилопы, и собеседник тут же засыпал Бонда вопросами о числе могил, общей площади объектов, в каких они странах и насколько вероятно, что местные власти обнаружат часть захоронений. Бонд импровизировал, мысленно отдавая должное методичности партнера. Он тщательно запоминал, что говорит, и решил обязательно все записать потом, чтобы не противоречить самому себе в дальнейшем.

Через четверть часа Бонд заявил:

— У меня тоже есть вопросы. Во-первых, хотелось бы взглянуть на ваше предприятие.

Хайдт не возражал, но и дату визита не обозначил, поэтому Бонд предложил:

— Быть может, завтра?

— Завтра не очень удобно. В пятницу мы запускаем большой проект.

Бонд кивнул:

— Мои клиенты ждать не хотят. Я очень рассчитываю на вас, но если будут задержки…

— Нет-нет, что вы. Давайте завтра.

Тут свет погас, и на платформе, возле которой стояли Бонд с Хайдтом, появилась девушка.

— Добрый вечер. — Голос у нее был низкий, с певучим южноафриканским акцентом. — Добро

пожаловать, и спасибо, что пришли.

Девушка оказалась главой благотворительной организации, звали ее Фелисити Уиллинг. Бонд усмехнулся: «Безмятежное счастье».

Она не сверкала безупречной красотой модели с глянцевой обложки, как Филли Мейденстоун. Лицо скорее яркое, необычное — черты словно у дикой кошки, да еще и подчеркнутые профессиональным макияжем. Темно-зеленые глаза, как летние листья в лучах солнца, пшеничного цвета волосы зачесаны назад и собраны на затылке, подчеркивая решительные линии носа и подбородка. Серебристые туфли на тоненьких ремешках и убийственном каблуке. Темно-синее вечернее платье с глубоким вырезом спереди и еще более смелым — сзади. На шее поблескивала нитка светло-розового жемчуга, а на указательном пальце правой руки — одинокое колечко, тоже украшенное жемчужиной. Никакого лака на коротко остриженных ногтях.

Девушка окинула собравшихся пронизывающим, чуть ли не враждебным взглядом и заявила:

— Должна вас предупредить. Однокурсницы прозвали меня Фелисити Уилфул — «Непреклонное счастье», и, когда я пойду собирать

пожертвования, вы быстро поймете, как они были правы. Ради вашей же безопасности держите чековые книжки наготове.

Публика отсмеялась, и Фелисити заговорила о проблеме голода:

— Четверть всего продовольствия Африка вынуждена импортировать. Население выросло, а урожаи остались на уровне восьмидесятого года. В Центрально-Африканской Республике и ряде других стран дефицит продовольствия испытывает чуть ли не треть домохозяйств… Недостаток йода занимает первое место среди факторов развития церебральных нарушений, а дефицит витамина А — основная причина слепоты… В Африке голодает почти триста миллионов человек — столько же, сколько живет в Соединенных Штатах…

Разумеется, продолжала она, продовольственная проблема остро стоит не только в Африке, и ее организация борется с этой напастью в общемировом масштабе. Благодаря щедрости многих здесь присутствующих им удалось открыть отделения в Джакарте, Порт-о-Пренсе и Мумбае. Планируется дальнейшее расширение.

Далее она сообщила, что крупнейшая в истории Африки партия маиса, сорго, сухого молока

и других высокопитательных продуктов скоро прибудет в Кейптаун и разойдется по всему континенту.

Когда аплодисменты стихли, Фелисити вежливо улыбнулась, а потом вдруг бросила на толпу все тот же пронзительный взгляд и чуть ли не угрожающим шепотом заговорила о необходимости освободить бедные страны от власти западных «агрархий». Она порицала доминирующий в Европе и Америке подход к проблеме голода, при котором иностранные сельхозкорпорации проникают в страны «третьего мира», вытесняя с рынка местных фермеров, хотя те получают с земли гораздо большие урожаи. Африка для корпораций — колоссальная лаборатория, где они проверяют еще не испытанные продукты и технологии, к примеру искусственные удобрения и ГМО.

— Транснациональный агробизнес интересуют только доходы, а не страдания людей!

Наконец Фелисити представила дарителей, и среди них Хайдта. Тот помахал рукой в ответ на аплодисменты и шепнул Бонду, не переставая улыбаться:

— Хочешь, чтобы тебя восхваляли, — просто дай денег. Чем хуже дела, тем больше тебя любят.

Фелисити сошла с платформы и присоединилась к гостям, которые продолжали писать на бумажках ставки.

— Если у вас нет никаких планов на вечер, — предложил Бонд, — то, может, поужинаем где-нибудь? Плачу я.

— Простите, Джин, но мне нужно встретиться с деловым партнером. Он только что прилетел. Помните, я упоминал о крупном проекте?

План «Геенна». Бонду очень хотелось повидаться с этим «деловым партнером».

— Давайте пригласим и его. Буду только рад.

— Нет, боюсь, сегодня не выйдет, — рассеянно ответил Хайдт, вытащил айфон и стал просматривать не то сообщения, не то пропущенные звонки. Он огляделся и заметил, что Джессика в одиночестве застыла у стола с аукционными лотами. Поймав взгляд спутницы, Хайдт нетерпеливым жестом подозвал ее.

Бонд прикидывал, как бы вытянуть из партнера приглашение на сегодняшнюю встречу, но в конце концов решил не рисковать. В его ремесле как в любви: главное — разжечь влечение. Нетерпеливые домогательства лишь портят все дело.

— Тогда увидимся завтра, — кивнул Бонд, делая вид, что поглощен чем-то важным на экране

собственного телефона.

— Договорились. — Хайдт оглянулся. — Фелисити!

Глава благотворительной организации распрощалась с лысеющим толстяком, который сжимал ее ладонь в своей куда дольше, чем диктуют правила хорошего тона, после чего подошла к Бонду и Хайдту с Джессикой.

— Северан. Джессика. — Они обнялись, чуть касаясь щеками.

— Мой партнер, Джин Терон, приехал на пару дней из Дурбана.

Бонд задал несколько стандартных вопросов о ближайших продуктовых поставках, все еще надеясь, что Хайдт передумает насчет ужина. Однако тот, бросив быстрый взгляд на экран айфона, сказал:

— Увы, нам пора.

— Северан, — обратилась Фелисити, — нашу признательность не выразить никакими словами. Люди, с которыми вы нас познакомили, сделали несколько очень крупных пожертвований.

Бонд заинтересовался. Выходит, Фелисити знает имена некоторых партнеров Хайдта. Интересно, как это можно использовать.

— Рад помочь, — ответил Хайдт. — В жизни мне повезло, и я не прочь поделиться удачей с другими. — Он повернулся к Бонду: — Увидимся завтра, Джин. Часов в двенадцать, вы не против? Наденьте что-нибудь, что не жалко. — Он погладил курчавую бороду указательным пальцем, и ноготь блеснул нездоровым желтым цветом. — Вас ожидает самый настоящий ад.

Хайдт с Джессикой удалились, и Бонд заговорил с Фелисити:

— Ваша статистика звучит жутковато. Может, и я мог бы внести свой вклад.

Он придвинулся ближе и ощутил мускусный аромат ее духов.

— «Мог бы внести свой вклад»? — переспросила девушка.

Бонд кивнул.

Фелисити все еще улыбалась, но ее глаза оставались совершенно серьезными.

— Понимаете, мистер Терон, на каждого, кто выписывает чек, приходится двое тех, кто «мог бы внести вклад», но так и не дал ни ранда. Уж лучше бы говорили в лицо, что не собираются жертвовать, — тогда я занялась бы другими делами. Простите мою прямоту: на войне как на войне.

— И пленных вы не берете.

— Нет, — отозвалась она с улыбкой — на этот раз искренней. — Не беру.

«Непреклонное счастье…»

— Тогда я непременно внесу вклад, — заявил Бонд, размышляя, что скажут в отделе «Б», когда увидят в графе текущих расходов благотворительное пожертвование. — Правда, Северана мне щедростью не перещеголять.

— Каждый ранд — это шаг на пути к победе.

Желая соблюсти приличия, он выдержал паузу и предложил:

— Северан и Джессика уехали, а я тут никого не знаю… Может быть, поужинаем вместе после аукциона?

Фелисити немного подумала.

— Почему бы и нет. Вы вроде не слабак.

С этими словами она резко повернулась к другим гостям — как лев, приметивший стадо газелей.

Глава 43

Всего удалось собрать тридцать тысяч фунтов — считая скромную сумму, перечисленную с кредитки Джина Терона. После банкета Бонд с Фелисити Уиллинг направились к автостоянке позади клуба.

Подойдя к вместительному фургону, рядом с которым возвышались штабеля больших картонных коробок, Фелисити поддернула платье, наклонилась и, как настоящий портовый грузчик, швырнула тяжелую коробку в открытую боковую дверь.

Теперь-то он понял, при чем тут «не слабак».

— Позвольте мне.

— Давайте вдвоем.

Они стали вместе грузить пахнущие едой коробки.

— Осталось от банкета, — догадался Бонд.

— Вам не кажется забавным, что на банкете по сбору средств для голодающих подают такие деликатесы?

— Да, кажется.

— Если выставить простое печенье с плавленым сыром, то съедят много. А когда закажешь

что-нибудь этакое — я попросила в паре трехзвездочных ресторанов, и они приготовили бесплатно, — помногу брать стесняются.

— И куда мы это все повезем?

— Тут недалеко есть продуктовый банк, с которым мы сотрудничаем.

Фелисити села за руль и скинула туфли. Автомобиль рванулся в темноту, мягко покачиваясь на выбоинах в асфальте.

Через четверть часа фургон подъехал к Кейптаунскому межконфессиональному продуктовому банку. Фелисити — снова в туфлях — открыла дверь, и они вдвоем стали выгружать креветки, крабовые котлеты и окорочка по-ямайски. Коробки мгновенно уносили куда-то в здание.

Фургон опустел, и она жестом подозвала здоровяка в штанах и футболке защитного цвета. Тот нерешительно подошел, с любопытством разглядывая Бонда, и заговорил:

— Да, мисс Уиллинг. Спасибо вам большое. Сегодня много еды для всех. Вы заглядывали внутрь? Там целая толпа.

Фелисити пропустила мимо ушей вопрос, причем Бонду показалось, что верзила просто заговаривает ей зубы.

— Джосо, на прошлой неделе пропал груз. Пять-

десят килограммов. Кто взял?

— Я ничего не слышал…

— А я не спрашиваю, что ты слышал. Кто взял?

Его лицо — прежде бесстрастное — вдруг дрогнуло.

— Почему вы спрашиваете меня, мисс Уиллинг? Я ничего не делал.

— Джосо, ты знаешь, сколько людей можно накормить пятьюдесятью килограммами риса?

— Я…

— Говори. Сколько?

Джосо возвышался над девушкой словно башня, но она не отступила ни на шаг. Бонд подумал: может, говоря «не слабак», она рассчитывала на физическую поддержку? Однако, судя по взгляду, Фелисити совершенно забыла о существовании своего спутника. Осталась только она — и вор, укравший еду у тех, кого она поклялась защищать.

— Сколько? — повторила девушка.

Несчастный Джосо, отвечая, сбился на зулу или коса.

— Нет, — возразила она, — больше. Гораздо больше.

— Это вышло случайно, — запротестовал он. — Я забыл запереть дверь. Было поздно, я работал…

— Нет, не случайно. Люди видели, как ты отпер дверь и ушел. У кого рис?

— Я не обманываю!

— У кого? — спокойно повторила она.

Джосо сдался.

— Он из Кейп-Флэтс. Из банды. Прошу вас, мисс Уиллинг, только не сообщайте в полицию — тогда сразу станет ясно, что я вам все рассказал. Прикончат меня и мою семью.

Ее челюсти сжались, и Бонд сразу вспомнил первое впечатление: дикая кошка. На этот раз она изготовилась к прыжку. Без тени сочувствия в голосе Фелисити проговорила:

— В полицию я пока не пойду. Но ты сам расскажешь директору, что натворил, а уж он пусть решает, выгонять тебя или нет.

— У меня нет другой работы, — взмолился здоровяк.

— Ты же не побоялся ее лишиться. Теперь ступай к преподобному ван Грооту. Если он тебя оставит, а потом пропадет что-то еще, я пойду прямиком в полицию.

— Такое не повторится, мисс Уиллинг.

Джосо метнулся внутрь.

Взгляд Фелисити скользнул по лицу Бонда и чуть смягчился.

— На войне как на войне! Вот только не всегда знаешь, кто враг. Бывает, что он — из своих.

«Уж мне ли не знать?» — подумал Бонд.

Они вернулись к фургону. Фелисити наклонилась, чтобы снять туфли, но Бонд опередил ее:

— Я поведу. Сэкономим время на обуви.

Она рассмеялась, села рядом и спросила:

— Как насчет ужина?

После всех историй о голодающих в Африке ему было чуть ли не стыдно.

— Если вы не передумали.

— Ну уж нет.

По пути Бонд поинтересовался:

— А его правда убили бы, если бы вы пошли в полицию?

— В полиции только расхохотались бы, предложи я расследовать кражу пятидесяти килограммов риса. Хотя Кейп-Флэтс действительно опасный район. Если бы там кто-то решил, что Джосо — предатель, то скорее всего убили бы. Надеюсь, урок он усвоит. — В голосе девушки вновь зазвенел металл. — Доброта приносит друзей, но она и опасна, как кобра.

Фелисити показала ему дорогу обратно в Грин-Пойнт. Выбранный ею ресторан оказался неподалеку от «Тейбл-Маунтин», поэтому они

решили бросить машину на стоянке гостиницы и немного пройтись. Бонд отметил, что девушка время от времени тревожно оглядывается. Плечи ее были напряжены. Чего опасаться на пустынной улице?

Фелисити расслабилась, лишь войдя в холл ресторана. Интерьер из темного дерева с медными вставками разнообразили расшитые ткани. Большие окна смотрели на искрящуюся огоньками водную гладь, а зал освещали сотни свечей кремового цвета. По пути к столику Бонд заметил, что облегающее платье его спутницы при каждом шаге переливается: темно-синий цвет сменялся то лазурным, то небесно-голубым. Даже кожа ее будто сияла.

Официант поздоровался с Фелисити как со старой знакомой и улыбнулся ее спутнику. Она заказала «Космополитен». Бонд попросил коктейль по тому же рецепту, что пил с Филли:

— Двойной виски «Краун роял» со льдом, половину мерки «Трипл-сек», пару капель горькой настойки и завиток апельсиновой цедры — спиралью!

Когда официант отошел, Фелисити удивилась:

— Никогда о таком не слышала.

— Мое изобретение.

— И как называется?

Бонд сдержал улыбку, вспомнив, что тот же вопрос задал ему официант в ресторане «Антуан».

— Еще не придумал. — Недавний разговор с Эм вдруг натолкнул его на мысль. — Хотя нет, придумал. Я назову его «Карт-бланш». В вашу честь.

— Почему? — Она недоуменно наморщила лоб.

— Потому что когда дарители его распробуют, они предоставят вам полный доступ к своим счетам.

Расхохотавшись, Фелисити сжала его плечо.

Они сидели совсем близко, и Бонд убедился, что ее макияж и впрямь превосходен. Косметика лишь подчеркивала кошачьи глаза, решительные линии щек и подбородка. Филли Мейденстоун, пожалуй, красивее — если говорить о красоте, которой любуются со стороны. Фелисити же куда ярче, напористей.

Бонд мысленно выругал себя за подобные сравнения и погрузился в обширное меню, из которого выяснил, что ресторан «Цельсий» славится особым грилем, который разогревается до девятисот пятидесяти градусов.

— Выбирай сам. Закуски любые, но потом я буду стейк. В «Цельсии» потрясающе жарят мясо. Джин, умоляю, только не говори, что ты веган!

— Боже упаси.

Бонд заказал сардины на гриле и большой стейк на двоих, причем попросил зажарить его прямо на ребрышке — в Америке это называют «по-ковбойски».

Официант предложил подать к стейку какой-нибудь экзотический соус: аргентинский чимичурри, индонезийский кофейный, мадагаскарский перечный, испанский «Мадейра» или перуанский «Антикучо», однако Бонд отказался. Он считал, что вкус стейка великолепен сам по себе и есть его полагается только с солью и перцем. Фелисити согласно кивнула.

Далее Бонд перешел к вину и остановился на южноафриканском каберне «Рустенберг Петер Барлоу» две тысячи пятого года. Вкус оправдал лучшие ожидания. Они чокнулись, пригубили из бокалов, и тут подали первое блюдо. Из-за Лэмба Бонд лишился обеда и теперь набросился на еду.

— А чем ты занимаешься, Джин? Северан мне не говорил.

— Безопасность.

— Понятно, — отозвалась Фелисити с легкой прохладцей. Разумеется, этот эвфемизм знаком столь искушенной деловой леди. Она решила, что ее собеседник скорее всего замешан во многих

вооруженных конфликтах, а ведь именно войны, как подчеркнула Фелисити в своей речи, порождают чуму африканского континента — голод.

— Установка охранных систем, персонал.

Кажется, она поверила. Как минимум частично.

— А я родилась в Южной Африке. Вижу, как все меняется. С преступностью стало полегче, но без охраны все равно не обойтись, у нас она тоже есть. Иначе никак. — И она мрачно добавила: — Хорошо, что хоть еду отдала. Теперь у меня ее не украдут.

Бонд решил уйти от дальнейших расспросов и попросил Фелисити побольше рассказать о себе.

Она выросла здесь, в Западно-Капской провинции, в буше. Родители — англичане, она — единственная дочь. Отец работал в горнодобывающей компании, но когда Фелисити было тринадцать, семья вернулась в Лондон. В частной школе-пансионе отношения с другими девочками у нее не клеились.

— Мне бы поменьше распространяться о том, как потрошат газелей, — вспомнила Фелисити. — Особенно за столом.

Потом Лондонская школа бизнеса, крупный инвестиционный банк в Сити, где, по ее сло-

вам, «дела шли нормально». Судя по небрежной скромности, с которой это было сказано, дела шли просто блестяще.

Однако работа ей совершенно не нравилась.

— Слишком просто, Джин. Никакого интереса. Мне бы гору покруче. Тогда я и решила пересмотреть подход к жизни. Взяла месячный отпуск, приехала сюда и поняла, что голод вездесущ, нужно что-то делать. Все советовали не ввязываться, говорили, что ничего не изменишь, — а для меня это как красная тряпка для быка.

— «Непреклонное счастье…»

Она улыбнулась:

— И вот я выпрашиваю пожертвования и нападаю на американские и европейские сельхозкорпорации.

— Интересное слово — «агрархия».

— Сама придумала, — сказала Фелисити и вдруг завелась: — Они просто уничтожают Африку! Я этого не допущу!

Дискуссию прервал официант с шипящим стейком на металлическом блюде. Мясо чуть почернело, но внутри осталось сочным. Какое-то время оба молча жевали. Бонд отрезал себе очередной кусочек и, готовясь отправить его в рот, отпил немного вина. За этот короткий миг его

тарелка опустела.

— Прости, — озорно улыбнулась Фелисити. — Когда мне что-то нравится, я беру и все.

Бонд рассмеялся:

— Замечательно, специалиста по безопасности обокрали!

Он махнул сомелье, и на столе тут же появилась вторая бутылка. Бонд перевел разговор на Хайдта.

К его разочарованию, Фелисити мало что было известно. Она упомянула нескольких партнеров Северана, вносивших пожертвования в фонд, и Бонд запомнил их имена. С Данном она не встречалась, хотя слышала, что у Хайдта есть какой-то гениальный помощник, который творит чудеса со всякой техникой. Вдруг она пораженно воскликнула:

— Как же я сразу не догадалась! Это ведь твоя работа.

— Что-что?

— Система безопасности на объекте «Грин уэй» к северу от города. Сама я там не была, а один мой помощник как-то ездил забрать чек. Там всякие металлодетекторы, сканеры: скрепку не пронесешь, не то что мобильный. Все приходится сдавать. Прямо как в старых вестернах: при входе

в салун сдай пистолет.

— Нет, эту систему кто-то другой делал. У меня масштаб помельче. — Новости Бонда не порадовали. Он-то рассчитывал захватить с собой кое-что посерьезнее скрепки с мобильным, пусть Бхека Йордан и не одобряет незаконные методы добычи информации. Придется считаться с неожиданно возникшими обстоятельствами.

С едой и вином было покончено. В ресторане никого больше не осталось. Бонд попросил счет и заплатил со словами:

— А вот и мое второе пожертвование.

При выходе он набросил на плечи Фелисити ее черное кашемировое пальто, и они двинулись в обратный путь. Высокие каблучки девушки цокали по асфальту. Она вновь стала тревожно озираться по сторонам, потом расслабилась и крепко ухватила его под руку. Аромат духов щекотал ноздри, а ее грудь пару раз случайно прижалась к его плечу.

Впереди показался отель, и Бонд выудил из кармана ключи от фургона.

— Чудесный был вечер, — вздохнула Фелисити. — Спасибо, что помог с коробками. Ты даже крепче, чем кажешься.

— Может, еще по бокалу? — вырвалось у Бон-

да.

Зеленые глаза поймали его взгляд.

— Ты этого хочешь?

— Да, — твердо сказал он.

Через десять минут они, поднявшись в номер, передвинули диван вплотную к окну и уселись на него с бокалами. На водной глади залива перемигивались белые и бледно-желтые огоньки, словно безобидные светлячки, что вьются в безмолвном ожидании…

Фелисити повернулась к Бонду — быть может, собираясь что-то сказать, но он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. Чуть отстранившись, попытался оценить ее реакцию, а затем подался вперед и снова поцеловал — уже смелее. Вкус ее губ, тепло кожи… Теряя контроль, он почувствовал на щеке легкое дыхание. Фелисити обвила руками его плечи и приникла к губам, потом поцеловала в шею и нежно, дразня, куснула. Ее язык скользнул вдоль шрама, змеящегося по мускулистому плечу…

Бонд привлек ее к себе, растворяясь в едком мускусном аромате.

Тут как в горных лыжах. Стоя на гребне, ты видишь перед собой красивейший, но очень крутой спуск, и у тебя еще есть выбор. Можно отстегнуть

лыжи и спуститься пешком. Хотя в действительности перед Бондом такой выбор никогда не стоял: как можно, взобравшись наверх, не отдаться на волю скорости и земного притяжения?

Невесомая темная ткань платья полетела на пол. Фелисити откинулась назад, на спину, увлекая Бонда за собой. Ее зубы чуть прикусили его нижнюю губу. Потом она вдруг задрожала и хрипло втянула ртом воздух — по какой-то причине ей нравилось так делать. А еще он понял: ей нравится, когда сильные руки смыкаются за ее спиной. У любовников свой молчаливый язык, и Бонд накрепко запомнил, в каком именно месте его пальцы гладили нежные позвонки девушки.

Ее тело сводило с ума: жадные губы, сильные упругие бедра, затянутая в черный шелк грудь, мягкие пряди густых волос, нежная шея и рот, из которого вырывались глухие стоны…

Они слились в бесконечном поцелуе, потом Бонд играючи поднял ее, их губы встретились снова — всего на миг, — и он перенес ее на постель.

Четверг
«Улица забвения»

Глава 44

Бонд проснулся в холодном поту от кошмара, который так и не сумел вспомнить. Как ни странно, сначала пришла мысль о Филли Мейденстоун. Он чувствовал, что изменил ей. Полная чушь, особенно если учесть, что ничего интимнее мимолетного объятия у них не было.

Кровать была пуста. Часы на мобильном телефоне показывали половину восьмого. Подушки и простыни еще хранили аромат Фелисити.

Прошедший вечер начинался как попытка побольше разузнать о враге и его планах, а закончился весьма неожиданно. Бонд понял, что ему неимоверно симпатична Фелисити Уиллинг — сильная женщина, которая покорила Сити, а потом обратилась к куда более благородной цели. Ему подумалось, что они оба — своего рода рыцари без страха и упрека.

А еще ему хотелось увидеться с ней снова.

Но дело прежде всего. Он выбрался из постели, облачился в махровый халат и на мгновение замер, сомневаясь, однако тут же сказал себе: «Надо».

Бонд перешел в гостиную, к ноутбуку, в ко-

торый была встроена инфракрасная камера с датчиком движения, загрузился и просмотрел запись. В кадр попали только входная дверь и стул, на котором он пристроил пиджак и брюки с бумажником, паспортом и мобильным телефоном. Примерно в половине шестого появилась Фелисити — уже одетая. Ни малейшего интереса к его одежде, карманам и компьютеру она не проявила. У двери она помедлила, обернулась к постели и… Улыбнулась? Ему хотелось в это верить. Что-то оставив на столике, она вышла из номера.

Он шагнул к столику. Рядом с лампой лежала визитка Фелисити, а под телефоном фонда она приписала от руки номер своего мобильного. Бонд сунул карточку в бумажник.

Он почистил зубы, принял душ и побрился, затем натянул голубые джинсы и черную рубашку «Изод» свободного покроя, под которой очень удобно прятать «вальтер». Усмехнувшись, надел безвкусный браслет и часы, а на указательный палец — перстень с инициалами.

Среди сообщений обнаружилось послание от Перси Осборн-Смита. Тот твердо встал на путь перевоспитания и теперь сообщал о ходе расследования, хотя прогресс пока был минимальный.

В заключение Перси писал:

> Наши друзья в Уайтхолле с головой поглощены Афганистаном. По-моему, Джеймс, для нас так даже лучше. Жду не дождусь, когда Хайдта запрут, а мы с тобой получим по кресту Георга.

За завтраком в номере Бонд обдумывал предстоящую поездку в «Грин уэй», перебирая в памяти все, что удалось выяснить вчера вечером, в особенности про жесточайшие охранные меры. Потом позвонил в отдел «Кью» и попросил соединить с Сану Хирани. На заднем плане слышались детские голоса: вероятно, вызов перевели на мобильный, а Хирани оказался дома. У него было шестеро детей, причем все играли в крикет, а старшая дочь вообще считалась звездой.

Бонд перечислил оружие и средства связи, которые ему потребуются. Хирани сказал, что пара идей у него есть, но решить задачу быстро вряд ли получится.

— Что со сроками, Джеймс?

— Два часа.

С расстояния в семь тысяч миль донесся задумчивый вздох:

— Понадобится посредник в Кейптауне. Должен

хорошо знать местность и иметь самый высокий уровень доступа. Да, и еще надежное прикрытие. Есть кто-нибудь на примете?

— Увы, да.

В десять тридцать утра Бонд в серой ветровке вошел в центральный полицейский участок, и его сразу провели в Отдел по борьбе с преступностью.

— Доброе утро, коммандер, — улыбнулся Квалене Нкоси.

— Доброе утро, — кивнул Бонд, и они заговорщицки переглянулись.

— Читали новости? — Нкоси похлопал по «Кейп таймс». — Трагическое происшествие. Семья из Примроуз-Гарденс погибла ночью в результате нападения с применением взрывчатых веществ. — Он нарочито нахмурился.

— Какой кошмар! — Бонд отметил, что, несмотря на уэст-эндские амбиции, актер из Нкоси никудышный.

— Определенно.

Из кабинета выглянула Бхека Йордан, рукой приглашая зайти.

— Доброе утро. — В углу Бонд заметил пару поношенных кроссовок, которых вчера не было. — Бегаете?

— Периодически. Такая работа, что нужно быть в форме.

В Лондоне Бонд ежедневно посвящал упражнениям и пробежке не меньше часа. Занимался он в спортзале ГМП, а бегал прямо по дорожкам Риджентс-парка.

— Я тоже люблю пробежаться. Если найдется время, покажете мне пару маршрутов? Наверняка в вашем городе красивых мест хватает.

— В отеле вам дадут карту, — равнодушно бросила Йордан. — Как прошло мероприятие в «Лодж-клубе»?

Бонд кратко изложил события прошедшего вечера.

— А что было потом? — спросила Йордан. — Мисс Уиллинг оказалась… — она помедлила, — полезной?

Бонд удивленно приподнял бровь.

— Вы вроде не одобряете незаконные методы.

— Обеспечивать безопасность на улицах вряд ли незаконно. Нкоси рассказывал вам о видеонаблюдении в центре города.

— Возвращаясь к вашему вопросу: да, она оказалась полезной и рассказала кое-что об усиленных мерах безопасности в «Грин уэй». Мне сильно повезло, — сухо добавил он. — Об этом никто не

сообщал. Если бы не мисс Уиллинг, сегодняшняя поездка обернулась бы полным провалом.

— Что ж, отлично.

Бонд назвал имена трех дарителей, которых Хайдт рекомендовал Фелисити. Двоих Йордан знала как вполне респектабельных бизнесменов. Нкоси поискал в базе данных: ни за ними, ни за третьим не числилось ничего незаконного.

— Вам не нравится Фелисити Уиллинг?

— Думаете, ревную? — «Мужчина — что с него взять», — говорило ее лицо.

Бонд повернулся за поддержкой к Нкоси, но в этом международном конфликте уорент-офицер не решился выступить на стороне Британии.

— Да нет, просто прочел по вашим глазам, что вы ее не любите. Почему?

— Мы никогда не встречались. Мисс Уиллинг наверняка замечательная женщина, просто мне не по душе то, что она олицетворяет.

— Что же?

— Иностранка: явилась сюда гладить нас по головке и раздавать подачки. Империализм двадцать первого века. Раньше в Африке им были нужны алмазы и рабы, теперь — лекарство от больной совести для богатеев.

— По-моему, — бесстрастно вставил Бонд, —

голодному не до прогресса. Разве важно, откуда берется продовольствие?

— Благотворительность унижает. С угнетением и нищетой нужно бороться самим, и нам это по силам. Мы справимся. Может, чуть медленнее — но справимся.

— Вы ведь не возражаете, когда Англия и Америка накладывают эмбарго на поставки оружия боевикам. Голод опасен не менее, чем реактивный гранатомет или противопехотная мина. Почему бы не принять помощь и здесь?

— Совершенно разные вещи.

— Честно говоря, разницы не вижу, — холодно заявил Бонд. — Кстати, Фелисити скорее на вашей стороне. Она воюет с крупными европейскими, американскими и азиатскими корпорациями, поскольку они вмешиваются во внутренние дела африканских стран и не дают им самим справляться с проблемами. — Вспомнилась ее тревога по пути к ресторану. — По-моему, она подвергает себя немалому риску.

Йордан осталась невозмутима. Совершенно невыносимая женщина.

Бонд взглянул на свой «Брайтлинг»:

— Мне скоро ехать в «Грин уэй». Нужна машина. Нельзя ли взять что-нибудь напрокат на имя

Терона?

Нкоси кивнул:

— Конечно-конечно. Вам ведь нравится водить машину, коммандер?

— Да, нравится. А как вы узнали?

— Вчера по дороге из аэропорта ваше внимание привлекли «мазератти», «мотто-гуцци» и леворульный американский «мустанг».

— В наблюдательности вам не откажешь.

— Стараюсь. Тот «мустанг» — отличная машина. А я когда-нибудь куплю себе «ягуар». Это моя цель в жизни.

Тут из коридора донеслись громкие приветствия. Бонд без особого удивления узнал голос Грегори Лэмба. Агент МИ-6 вошел в комнату и поздоровался с собравшимися. Вчерашние жалобы Лэмба оказались правдой: Бхека Йордан действительно в упор его не замечала, однако Нкоси относился к нему вполне дружески и перебросился с ним парой фраз о прошедшем футбольном матче.

Румяный здоровяк бросил осторожный взгляд на Йордан и повернулся к Бонду:

— Это тебе, приятель. С Воксхолл-Кросс[24] сооб-

---

[24] Примечания: 24

Лондонская штаб-квартира МИ-6 находится неподалеку от площади Воксхолл-Кросс.

щили, что нужна помощь.

Именно Лэмб был тем посредником, о котором Бонд весьма неохотно упомянул в утреннем разговоре с Хирани. Другой кандидатуры за столь короткий срок все равно было не отыскать, а Лэмб хотя бы все проверки прошел.

— С утра сразу в бой, приятель. Я даже, знаешь ли, без завтрака остался. Говорил с парнишкой из вашего отдела «Кью». Он всегда такой веселый в такую жуткую рань?

— Вообще-то да.

— Хотел с ним посоветоваться, а то у меня на рейсах проблемы с навигацией. Пираты глушат сигналы. Нет бы по-старому: деревянная нога, черная повязка на глазу… В общем, этот ваш Хирани говорит, что есть такой приборчик, который глушит глушилки. Правда, мне его прислать отказался. Может, замолвишь словечко?

— Вы ведь знаете, Лэмб, что все наше снаряжение вообще официально не существует.

— Мы же в одной лодке, — обиженно отозвался агент. — А у меня через день-другой большой груз намечается. Ого-го какой груз!

Прибыльность операций, служивших Лэмбу прикрытием, Бонда сейчас интересовала мало.

— Что с сегодняшним заданием? — мрачно

поинтересовался он.

— Ах да! — Лэмб протянул ему черную сумку так осторожно, словно там покоились драгоценности британской Короны. — Скажу без ложной скромности: утренняя суета обернулась колоссальным успехом. Все прошло блестяще. Хотя я малость поиздержался… Ты компенсируешь расходы?

— Решим вопрос. — Бонд стал изучать содержимое сумки, в частности небольшой пластиковый цилиндр с надписью «Ре-лиф. Применять при астматической обструкции дыхательных путей».

Хирани — гений.

— Ингалятор? У вас проблемы с дыханием? — спросил Нкоси. — Прямо как у моего брата. Он на золотой шахте работает.

— Ерунда. — Бонд убрал доставленные Лэмбом предметы.

У Нкоси зазвонил телефон. Закончив разговор, он объявил:

— Нашел вам отличную машину, коммандер. «Субару». Полноприводная.

«Субару»… Бонд относился к ним скептически, однако Нкоси весь сиял, так что пришлось поблагодарить:

— Спасибо. Жду не дождусь, когда сяду за руль.

— Очень экономичная, — с энтузиазмом прибавил Нкоси.

— Не сомневаюсь.

Бонд направился к двери, но тут вмешался Лэмб.

— Слушай, Джеймс, — тихо сказал он, — порой мне кажется, что там, в Лондоне, власти предержащие не принимают мои слова всерьез. Вчера я маленько преувеличил по поводу Кейптауна и окрестностей — не так уж тут и опасно. Бывает, завернет расслабиться какой-нибудь полевой командир из Конго или кто-то из «Хамас» летит с пересадкой в нашем аэропорту. Спасибо, что вспомнил обо мне, приятель…

— Вот что, Лэмб, — перебил его Бонд, — давайте договоримся раз и навсегда: да, я ваш приятель, но не нужно это постоянно повторять. Идет?

— Идет, при… Идет. — Он широко улыбнулся.

А Бонд уже шагал по коридору с мыслью: «Следующая остановка — „Ад“».

Глава 45

Шуточка Нкоси Бонду понравилась.

Тот и правда раздобыл миниатюрную «японку» — но не благопристойный семейный седан, а «Субару-импреза-WRX» цвета «голубой металлик», да еще и в модификации STI, с движком на триста пять лошадиных сил, шестиступенчатой коробкой и высоченным спойлером. Эта веселая машинка куда уместнее смотрелась бы на раллийной трассе, чем на парковке у супермаркета, и, сев за руль, Бонд не сдержался — стартовал с пробуксовкой и понесся по Бейтенкант-стрит в сторону шоссе.

Следующие полчаса он двигался на север, прокладывая маршрут по улицам Кейптауна с помощью спутникового навигатора. Наконец резвая малышка «субару» свернула с шоссе № 7 и направилась на восток по все более и более пустынной дороге, мимо бездонного карьера и дальше, между грязноватых взгорков — где-то еще зеленых, а где-то уже по-осеннему бурых. Пейзаж разнообразили редкие рощицы.

Майское небо затянули облака, в воздухе ощущалась влага и пыль, которую поднимали над

дорогой грузовики «Грин уэй», спешащие с грузом отходов в ту же сторону, что и Бонд. Кроме обычных мусоровозов, попадались огромные махины, раскрашенные в корпоративные цвета с непременным знаком в виде зеленого листа — или кинжала. Судя по надписям на бортах, они принадлежали другим южноафриканским подразделениям компании. Бонд с удивлением отметил грузовик из самой столицы — Претории, расположенной на другом конце страны. Зачем Хайдту стаскивать мусор в Кейптаун, ведь куда выгоднее открыть перерабатывающий завод в нужном месте?

Бонд на пониженной передаче пронесся мимо целой колонны мусоровозов. Бойкий автомобильчик ему определенно нравился. Надо будет рассказать Филли.

Мимо промелькнул огромный черно-белый щит:

GEVAARH!
ВНИМАНИЕ!!!

PRIVAAT-EIENSKAP
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В нескольких милях от шоссе дорога раздвои-

лась. Грузовики уходили налево, Бонд же поехал направо, куда указывала табличка со стрелкой:

KORPORATIEWE KANTOOR
ГЛАВНЫЙ ОФИС

Он миновал густую рощу высоких, но явно только-только посаженных деревьев, рванул вверх по подъему, не обращая внимания на ограничение в сорок километров в час, и ударил по тормозам, едва впереди показалась «Грин уэй энтерпрайзис». Сбросить скорость агента побудила не какая-то помеха и не крутой поворот, а открывшаяся взгляду гнетущая картина.

Фабрика по переработке отходов раскинулась перед ним во всей красе. Ее территория терялась в пыльном и дымном мареве. Оранжевые огни мусоросжигательных печей были видны на расстоянии в милю, а то и больше.

И правда ад.

За переполненной автостоянкой виднелся офис компании — тоже по-своему жутковатый. Одноэтажный бетонный бункер, всего несколько крошечных окон, да и те, кажется, заделаны. Территорию опоясывало двойное металлическое ограждение футов десять высотой; колючая проволока наверху хищно поблескивала даже в этот

пасмурный день. Между заборами было футов тридцать; сразу вспомнилось, что точно такая же зона стрельбы на поражение была в северокорейской тюрьме, из которой Бонду в прошлом году удалось вытащить местного агента МИ-6.

Он хмуро осмотрел периметр. Один из планов пошел прахом. Из рассказа Фелисити следовало, что его ожидают металлодетекторы, сканеры и скорее всего внушительная ограда, однако предполагалось, что забор будет один. Он рассчитывал, что просунет сквозь ячейки полученный от Хирани миниатюрный радиопередатчик вместе с оружием, а потом, попав внутрь, подберет их. С двумя линиями ограждения на большом расстоянии одна от другой этот номер не пройдет.

Снова двинувшись вперед, он уткнулся в прочные металлические ворота с вывеской наверху:

REDUCE, REUSE, RECYCLE[25]

От этого девиза кровь у Бонда застыла в жилах. Дело даже не в словах, а в самой надписи, в застывшем полумесяце черных металлических букв. Он вспомнил другую надпись — ту, что висела над воротами лагеря смерти Аушвиц,

---

[25] Примечания: 25

Букв.: снижение, повторное использование, переработка *(англ.).*

обещая заключенным освобождение через труд: «Arbeit macht frei».

Бонд припарковал машину и вышел, захватив «вальтер» и телефон — нужно же проверить, как работает система безопасности. В кармане лежал обеспеченный Хирани ингалятор, остальные полученные от Лэмба предметы он спрятал под сиденьем.

Проход в первом заборе шел через караульное помещение, где Бонда сдержанным кивком приветствовал высоченный охранник в форме. Агент представился. Охранник куда-то позвонил, и через мгновение явился еще один такой же огромный и угрюмый парень в темном костюме.

— Мистер Терон. Сюда, пожалуйста.

Вслед за ним Бонд пересек «нейтральную полосу» между двумя оградами и вошел в комнату, где еще трое охранников смотрели футбол, но тут же вскочили.

Провожатый повернулся к Бонду:

— Мистер Терон, у нас очень строгие правила. Большая часть исследовательской работы всего концерна ведется по указанию мистера Хайдта и его партнеров именно в этом здании, а коммерческие тайны надо тщательно охранять. Мобильные телефоны и любые устройства радио-

связи на территорию проносить не разрешается. Видеокамеры и пейджеры — тоже. Все это придется сдать.

Бонд посмотрел на большую стойку — такие бывают в старомодных отелях, там хранятся ключи от номеров. В стойке были сотни ячеек, и почти в каждой лежал мобильный телефон. Охранник проследил за его взглядом.

— Правила распространяются и на наших сотрудников.

Помнится, Рене Матис говорил, что радиоэлектронная разведка не регистрирует на лондонском предприятии «Грин уэй» вообще никаких сигналов: ни входящих, ни исходящих.

— Ладно, у вас ведь есть стационарные телефоны. Я смогу хотя бы прослушать голосовую почту.

— Да, телефоны есть, однако все линии идут через диспетчерскую отдела безопасности. Охранник поможет вам позвонить, но разговор не будет конфиденциальным, поэтому наши гости обычно звонят сами, когда покинут здание. Для электронной почты и Интернета процедура та же. Если у вас имеются металлические предметы, мы проверим их рентгеном.

— Должен предупредить, что я вооружен.

— Разумеется. — Такое впечатление, что для посетителей «Грин уэй» это чуть ли не правило. — Никаких проблем.

— Наверное, оружие придется сдать?

— Конечно.

Бонд мысленно поблагодарил Фелисити Уиллинг за информацию о системе безопасности. Если бы не она, его непременно поймали бы со стандартной фото- или видеокамерой в ручке или пуговице, что подорвало бы всякое доверие к Джину Терону, да и вообще наверняка привело бы к полномасштабной перестрелке.

Бонд усмехнулся, как и положено крутому парню, однако отдал и пистолет, и телефон, запрограммированный так, чтобы при попытке взлома выдать только информацию, относящуюся к Джину Терону. Ремень, часы и ключи он положил в специальный лоток, который отправился в интроскоп.

Быстро пройдя через рамку, он получил свои вещи обратно, однако прежде охранник убедился, что в часах, ключах и ремне нет камер, оружия и записывающих устройств.

— Подождите, пожалуйста, здесь, сэр, — попросил охранник.

Бонд сел, где ему указали, и стал озираться в

поисках отдела разработок, в котором, по словам Стефана Дламини, имелась какая-то информация о «Геенне». Таблички с таким названием нигде видно не было.

Ингалятор так и остался в кармане. Если бы Бонда обыскали, нашли пластиковый цилиндрик и разобрали его, то выяснилось бы, что внутри скрывается миниатюрный фотоаппарат, в механизме которого нет ни единой металлической детали. Человек Хирани в Кейптауне умудрился где-то найти — а то и самостоятельно собрать — это устройство всего за одно утро. Затвор у аппарата был углепластиковый, пружины — тоже.

А вот носитель информации придумали очень интересный — сейчас такого и не встретишь. Старая добрая микропленка, на которую снимали еще шпионы времен «холодной войны». Фокус у аппарата не регулировался. Чтобы сделать снимок, следовало нажать на донышко цилиндра, а потом повернуть его, чтобы перемотать пленку. Запас — тридцать кадров. Бывает, что замшелое прошлое приходит на выручку и в наш цифровой век.

Пять минут спустя появился Хайдт. На фоне открытой двери виднелся лишь силуэт, но все равно его сложно было с кем-то спутать: высокий,

большая голова, курчавая шевелюра и борода, дорогой костюм.

— Джин! — окликнул Хайдт прямо с порога.

Они обменялись рукопожатием, и Бонд долго не мог отделаться от странного ощущения — когда длинные ногти скользят по ладони и запястью.

— Идите за мной. — Хайдт повел его в главное здание, оказавшееся внутри куда приветливее, чем снаружи. Оно было весьма мило обставлено: дорогая мебель, картины, какие-то древности, удобные рабочие места. Типичный интерьер офиса некрупной компании. В холле непременный диван, кресла и столик — на нем журналы и номер местной кейптаунской газеты. На стенах картины: леса, бескрайние нивы и цветочные поля, реки и океаны.

И везде жутковатый символ — лист, напоминающий кинжал.

Во время марша по коридорам Бонд высматривал отдел разработок и, уже в самом конце, заметил-таки нужную табличку, однако Хайдт свернул в другую сторону.

— Пойдем, свожу тебя на экскурсию.

Бонду выдали темно-зеленую каску. Точно такую надел и Хайдт. Они подошли к задней двери, где обнаружился еще один пост охраны. Что инте-

ресно, там проверяли рабочих, возвращавшихся в здание со свалки. Дверь вела на террасу с видом на бесконечную череду невысоких построек, между которыми сновали мусоровозы и автопогрузчики. Всюду суетились рабочие в касках и одинаковых комбинезонах.

Здания стояли аккуратными рядами, словно бараки, и пейзаж снова напомнил Бонду не то тюрьму, не то концлагерь.

«Arbeit macht frei…»

— Сюда, — позвал Хайдт и зашагал между бесконечными контейнерами, землеройными машинами, бочками и поддонами, на которых громоздились кипы бумаги и картона, В воздухе стоял глухой рокот, а земля под ногами мелко подрагивала, словно где-то в глубине работали огромные печи. Через ворота в четверти мили к востоку въезжали грузовики, и резкие крики чаек, пикирующих им вслед в поисках объедков, звучали своеобразным контрапунктом.

— Если не возражаете, я прочту вам коротенькую лекцию о своем бизнесе, — предложил Хайдт.

Бонд не стал отказываться.

— Есть четыре способа избавиться от отходов. Просто вывалить их где-нибудь в сторонке: как

правило, на свалку или специальный полигон, хотя океан тоже неплохое место. Вы знаете, что в Тихом океане пластмассы в четыре раза больше, чем зоопланктона? Большое тихоокеанское мусорное пятно, что дрейфует между Японией и Северной Америкой, — величайшая мусорная свалка в мире. По площади оно в два раза больше Техаса, а может, и вообще размером со все Штаты — точно никто не знает. Впрочем, один факт неоспорим: оно растет. Второй способ — сжигать, но это дорого, да еще остается опасный пепел. Третий вариант — переработка; ею-то и занимается «Грин уэй». И наконец, минимизация: это когда стараются производить и продавать поменьше одноразовых товаров. Воду продают в пластиковых бутылках, знаете?

— Разумеется.

— Так вот, сейчас их стенки гораздо тоньше, чем раньше.

Бонд решил поверить на слово.

— Это называется «облегчение». Куда лучше прессуется. Сами продукты с точки зрения борьбы с отходами — не такая уж проблема, основной объем — упаковка. Мир отлично справлялся с мусором, пока не перешел к экономике потребления, пока не началось массовое производство.

Как доставить продукт покупателю? Упакуем его сначала в полистирол, потом в картонную коробку, а ее — Господи прости — в полиэтиленовый пакет, чтобы легче нести до дома! Ах да, подарки — их еще завернем в цветную бумагу, да непременно с ленточкой! Рождество — это самый что ни на есть мусорный ураган.

Хайдт продолжил, обозревая собственную империю:

— Обычно мусороперерабатывающий завод занимает от пятидесяти до семидесяти пяти акров. У нас здесь сотня. В Южной Африке у меня еще три завода и десятки перевалочных станций, куда мусорщики — на тех самых грузовиках, что ездят по улицам, — свозят отходы. Там их прессуют и доставляют на переработку. Я сам придумал строить перевалочные станции в поселениях сквоттеров. Через полгода замусоренность снизилась на шестьдесят-семьдесят процентов. Раньше полиэтиленовый пакет здесь называли «национальным цветком». Теперь такого нет. Проблема решена.

— Я видел тут мусоровозы из Претории и Порт-Элизабета. Зачем ехать в такую даль?

— Особые грузы, — уклончиво пояснил Хайдт.

«Какие-то опасные вещества?» — подумал

Бонд.

А лекция между тем продолжалась:

— Следует усвоить правильную терминологию. Жидкие отбросы, например остатки пищи, называются «помоями». «Мусор» — это сухие отходы: картонные коробки, пыль, жестяные банки. То, что скапливается в контейнерах жилых домов и офисов, — «твердые бытовые отходы», или «ТБО». «СМ» — строительный мусор. Промышленные отходы — «ПО». «Отходы» — самый общий термин, хотя мне больше нравится слово «отбросы». Все, что не подлежит переработке, отправляется вот туда, — он указал на восток, — и укладывается слоями, которые разделены пленкой, чтобы бактерии и фильтрат не просачивались в почву. Полигон найти легко — там всегда чайки.

Взгляд Бонда скользнул по мельтешащим в воздухе птицам.

— Мы называем его «Улицей забвения».

Хайдт подвел гостя к длинному корпусу. В отличие от остальных построек здесь имелись мощные ворота, запертые. Бонд заглянул в окно. Рабочие разбирали компьютеры, телевизоры, радиоприемники, пейджеры, мобильные телефоны и принтеры. Кругом стояли переполненные корзины с батарейками, лампами, компьютерными

винчестерами, печатными платами, проводами и микросхемами. Все люди были в полной защитной экипировке: респираторы, перчатки и защитные очки или маски.

— Департамент электронных отходов, по-нашему — «Кремниевая улица». В электронных отходах содержится более десяти процентов всех вредных веществ на планете. Тяжелые металлы, литий из батареек. Взять те же компьютеры и мобильники. Срок службы — два, максимум три года, потом их просто выбрасывают. А вот вы читали в руководстве на ваш компьютер или телефон раздел «Указания по утилизации»?

— Не доводилось.

— Еще бы. Никто не читает. Между тем в пересчете на единицу веса старые компьютеры и телефоны — смертоносный мусор. В Китае их закапывают или сжигают, убивая собственный народ. Я запустил специальный проект: теперь мы разбираем компьютеры наших клиентов и правильно их утилизируем.

Бонд вспомнил, как аль-Фулан демонстрировал свою машину — ту самую, унесшую жизнь Юсуфа Насада.

— В задней части здания, — указал Хайдт длинным желтоватым ногтем, — находится отдел

утилизации вредных веществ. Крайне прибыльное дело. Мы занимаемся всем: от краски и моторных масел до мышьяка и полония.

— Полония? — хмыкнул Бонд. Этим радиоактивным веществом пару лет назад был отравлен проживавший в Лондоне русский шпион Александр Литвиненко. Едва ли не самая смертоносная субстанция в мире… — Его что, просто выбрасывают? Это же незаконно!

— Так всегда и бывает. Выбрасывают какой-нибудь безобидный антистатический инструмент, а он содержит полоний — но никто об этом не знает.

Хайдт провел гостя мимо парковки, где стояли несколько двадцатифутовых грузовиков. На борту каждого красовалось название компании и фирменный знак, а также надпись: «Служба профессионального уничтожения документов». Перехватив взгляд Бонда, он пояснил:

— Еще одно направление. Крупным компаниям и правительственным организациям мы даем шреддеры в лизинг, а предприятиям помельче выгоднее заплатить нам. Кстати, знаете, что когда в семидесятые годы иранские студенты захватили посольство США, им удалось восстановить секретные документы ЦРУ, пропущенные

через шреддер? Местные ткачихи тогда легко раскрыли чуть ли не всех тайных агентов.

Бонд разыграл искреннее изумление, хотя эту историю знал всякий, кто хоть как-то связан с разведкой.

— В «Грин уэй» измельчение документов происходит в соответствии с шестым уровнем секретности по общепринятому стандарту DIN. Говоря по-простому, бумага превращается в пыль. Нашими услугами пользуются самые засекреченные государственные службы.

Он провел Бонда к большому трехэтажному строению длиной в двести ярдов. Бесконечная череда грузовиков въезжала через одни ворота и выезжала через другие.

— Главный мусороперерабатывающий комплекс. Его мы называем «Улицей воскрешения».

Они прошли внутрь. Бесконечный поток бумаги, картона, пластиковых бутылок и банок, металлолома, древесных отходов и тому подобного мусора исчезал в трех гигантских установках.

— Сортировочные линии! — проорал Хайдт, перекрывая оглушительный шум. На дальнем конце в грузовики укладывали уже рассортированные отходы: алюминий, стекло, полиэтилен, бумагу… — Занятное дело: до бесконечности

можно перерабатывать разве что металлы и стекло, остальное быстро приходит в негодность и отправляется на свалку либо в печи. Устойчивый доход при утилизации дает только алюминий. Все прочее дешевле и легче производить по новой, чем из вторсырья. Кстати, это и для окружающей среды полезнее: для перевозки нужны грузовики, для переработки — специальные машины, а они жгут углеводороды, загрязняют атмосферу. Вдобавок на производство из вторичного сырья уходит больше энергии — это неэкономично. — Он хохотнул. — Зато утилизировать выгодно с политической точки зрения, вот все ко мне и идут.

Бонд вышел наружу вслед за своим провожатым и тут же заметил Данна — тот неуклюжей походкой направлялся к ним. Бонд велел себе на время забыть, как безжалостно Данн действовал в Сербии, забыть об убийстве помощницы аль-Фулана в Дубае. Он приветливо улыбнулся и пожал огромную пятерню Ирландца.

— Здравствуйте, — равнодушно кивнул Данн и обратился к боссу: — Нам пора.

Хайдт жестом пригласил пройти к стоящему неподалеку «рейндж-роверу». Бонд сел рядом с водителем. Он чувствовал, что у этой парочки на уме какой-то тайный план, который вот-вот будет

приведен в исполнение. «Что-то не так», — сигналило шестое чувство. Неужели его раскрыли? Чем он себя выдал?

Мрачный Данн уселся за руль, и Бонду подумалось, что если нужно по-тихому избавиться от тела, то лучше места не найти.

«Улица забвения…»

Глава 46

Тряский «рейндж-ровер» двинулся на восток по широкой грунтовке, обгоняя грузовики на могучих колесах, груженные кипами бумаги и мусорными контейнерами. Сбоку от дороги разверзлась пропасть глубиной футов восемьдесят, не меньше. Туда выгружали отходы, а бульдозеры плотно их утрамбовывали. Дно гигантского котлована устилала черная пленка. Хайдт не соврал насчет чаек: их тут были тысячи. В воздухе стоял яростный гвалт.

Потом Хайдт указал на огни, которые Бонд приметил еще раньше. Здесь, вблизи, от гигантских сгустков пламени ощутимо тянуло жаром.

— При разложении захороненных отходов выделяется метан, — объяснил он. — Мы бурим скважины и подаем его в газогенераторы, но обычно газа слишком много. Часть приходится сжигать, иначе весь полигон взлетит на воздух. Недавно такое случилось в Америке — пострадали сотни людей.

Через пятнадцать минут они миновали деревья с густыми кронами и выехали из ворот. Мусорная пустыня осталась позади. Кругом простирался

неописуемой красоты пейзаж: цветы, деревья, скалистые уступы, пруды, дорожки и даже лес. Тщательно ухоженный парк тянулся на несколько миль.

— Наш Эдемский сад. Рай, куда попадают прямо из ада. А ведь мы все еще на свалке. Под ногами захоронения отбросов глубиной сто футов. Мы вернули эту землю людям, и через годик я открою парк для посетителей. Мой дар. Разложение обращается в красоту.

Бонд не особенно интересовался ботаникой, а ежегодный фестиваль цветов в Челси вообще терпеть не мог, однако следовало признать, что этот сад просто великолепен. Тут его внимание привлекли корни одного из деревьев.

— Странноватые, да? — кивнул Хайдт.

Бонд понял, что это выкрашенные в цвет корней металлические трубы.

— Так метан отводится к генераторам и факельным установкам.

Наверняка идею подсказал Хайдту его гениальный суперинженер.

Машина остановилась в небольшой рощице. В пруду по соседству стоял райский журавль — символ Южной Африки; царственная птица уверенно балансировала на одной ноге.

— Пойдемте, Джин, поговорим о деле.

«Зачем здесь?» — размышлял Бонд, следуя за Хайдтом по тропинке мимо табличек с названиями растений. Он никак не мог понять, что́ эти двое для него приготовили, и тщетно озирался в поисках оружия и путей отхода.

Хайдт резко обернулся. Бонд тоже посмотрел назад, и в его голове зазвучал сигнал тревоги. Данн догонял их с ружьем в руках.

— Стрелять умеете? — Ирландец протянул ему охотничье ружье с черным не то пластиковым, не то карбоновым прикладом.

— Умею. — Еще в колледже Бонд брал призы по стрельбе из винтовки, а числясь в резерве ВМС, был удостоен королевской медали «За отличную стрельбу» — единственной стрелковой награды, которую разрешено носить на мундире. — У вас, я смотрю, «винчестер» двести семидесятого калибра…

— Недурное ружье, да?

— На мой вкус, удачнее, чем «тридцать ноль шесть». Настильность получше.

— А по живым мишеням стреляли?

— Не доводилось.

— Я тоже охотой не увлекаюсь, — усмехнулся Хайдт, — если не считать одного-единственного

зверя. — Он больше не улыбался. — Мы с Найлом много о вас говорили…

— В самом деле? — бесстрастно отозвался Бонд.

— И пришли к выводу, что вы могли бы принести немалую пользу в ряде проектов, над которыми мы сейчас работаем. Это особые проекты… Но я хочу убедиться, что вам можно доверять.

— Нужны деньги? — Бонд лихорадочно соображал. Он, кажется, понял, что задумал противник.

— Нет, не деньги.

Данн шагнул вперед, держа «винчестер» у бедра, дулом вверх.

— Ладно, давайте.

Двое рабочих в форме охранников вывели из густых зарослей джакаранды худого мужчину в футболке и драных штанах цвета хаки. Его лицо искажала гримаса ужаса.

Хайдт бросил на пленника презрительный взгляд и объяснил:

— Этот человек пробрался на территорию и пытался вынести мобильные телефоны из корпуса переработки электронных отходов. Когда его окликнули, он выстрелил в охранника, но промахнулся и был пойман. Я навел справки: оказалось, он сбежал из тюрьмы, где отбывал срок за изнасилование и убийство. Можно было бы сдать

его властям, но ведь это отличная возможность — и для меня, и для вас.

— О чем вы?

— Для вас это будет первый охотничий трофей. Застрелите его.

— Нет! — завопил пленник.

— Убьете его — и никаких финансовых гарантий мне не надо. Мы начнем работы по вашему проекту, а кроме того, я поручу вам еще ряд задач. Откажетесь — я с уважением отнесусь к такому выбору: Найл отвезет вас к выходу, и наши пути разойдутся. Ваше предложение по массовым захоронениям крайне заманчиво, но мне придется сказать «нет».

— Я должен хладнокровно пристрелить человека?

— Решать вам. Вы вправе воздержаться. Тогда уезжайте. — В словах Данна вдруг проступил резкий ирландский акцент.

Но ведь это отличная возможность проникнуть в святая святых Хайдта, выяснить все о «Геенне»! Одна жизнь против тысяч… А может, и не тысяч, если в пятницу запускают лишь первый из череды схожих «проектов».

Руки преступника мелко дрожали, на черном лице блестели выпученные от страха глаза.

Бонд посмотрел на Данна, шагнул к нему и взял ружье.

— Прошу вас, не надо!

Охранники бросили его на колени и отступили в стороны. Мужчина смотрел на Бонда, и тот вдруг понял, что глаза перед расстрелом завязывают из жалости вовсе не к осужденному.

— Нет, сэр! Прошу, не стреляйте! — не умолкал тот.

— Патрон я дослал. Ружье на предохранителе, — сообщил Хайдт.

Быть может, его проверяют и там холостой? Или Данн вообще не зарядил ружье? Никакого бронежилета под тоненькой футболкой у вора явно нет.

Бонд вскинул оружие и прицелился в пленника, до которого было примерно сорок футов. Тот закрыл лицо руками и закричал:

— Пожалуйста! Не надо!

— Может, подойдете ближе? — предложил Хайдт.

— Нет необходимости. Только я не хочу, чтобы он мучился, — сухо сказал Бонд. — Какую поправку делать на этой дистанции? Выше или ниже?

— Не знаю, — пожал плечами Данн.

Бонд перевел ствол вправо, где примерно на

том же расстоянии, что и пленник, стояло дерево. Раздался резкий хлопок, и точно по центру выбранного им листа появилось отверстие. Бонд передернул затвор, досылая новый патрон. Пустая гильза вылетела наружу.

— Ну что, Джин? — прошептал Хайдт.

Бонд вновь вскинул ружье и уверенно взял жертву на мушку.

Секундная пауза, и он нажал на спусковой крючок. Вновь раздался хлопок, посреди футболки появилась красная точка, а пленник завалился на спину…

Глава 47

— Ну что, довольны?

Бонд открыл затвор и швырнул «винчестер» Данну.

Ирландец огромной ручищей легко подхватил ружье, храня молчание с тем же флегматичным видом, зато Хайдт улыбнулся:

— Прекрасно! Теперь мы поедем в офис и выпьем за успешное сотрудничество. К тому же мне надо извиниться.

— Да. Из-за вас мне пришлось убить человека.

— Нет-нет. Из-за меня вам пришлось поверить, что вы убили человека.

— То есть?

— Уильям!

Застреленный Бондом мужчина вскочил на ноги.

— Восковые пули, — пояснил Данн. — Такими пользуются полицейские во время учений и киношники, когда снимают перестрелки.

— Так это что, черт побери, просто проверка?

— Да, проверка, причем нешуточная, и вы ее прошли. Это все Найл придумал.

— Я вам не мальчик! Катитесь к черту! — Бонд

в негодовании устремился к выходу из сада.

— Постойте! — Хайдт не отставал. — Мы же деловые люди. Что такого? Нам нужно было убедиться…

Бонд непристойно выругался и решительно зашагал дальше, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Поймите, Джин, вы бежите не от меня, а от миллиона долларов, который мог бы стать вашим уже завтра. И это только начало.

Бонд замер.

— Давайте поедем в офис и все обсудим — по-деловому.

Бонд посмотрел на «преступника». Тот широко улыбался.

— Миллион?

Хайдт кивнул:

— Завтра он будет ваш.

Бонд постоял немного, окинул взглядом великолепный сад, а потом вернулся к Хайдту. Он зло посмотрел на Данна — тот разрядил ружье и теперь тщательно чистил его, уделяя особое внимание металлическим деталям.

Вид у Бонда был все еще негодующий — он продолжал играть роль обиженного.

Про восковые пули он догадался сразу. Любой, кто хоть раз стрелял настоящим боевым патро-

ном со свинцовой пулей, сразу заподозрил бы обман, ведь отдача при нормальном выстреле куда сильнее. Именно поэтому глупо давать кому-то из расстрельной команды холостые патроны — опытный человек все поймет в момент выстрела. Окончательно же Бонд уверился в своей правоте, когда «жертва» перед выстрелом закрыла лицо руками. Значит, рассудил Бонд, человек боялся ослепнуть, а не умереть, то есть либо ружье заряжено холостыми, либо пули из воска.

Он выстрелил в дерево, чтобы проверить отдачу. Приклад еле дернулся, следовательно, жизни «преступника» ничто не угрожало. Наверное, за такой спектакль парню прилично заплатят. Кто бы что ни говорил, а с подчиненными Хайдт обращается хорошо.

Догадка подтвердилась: Хайдт отсчитал бывшему «пленнику» несколько купюр, и тот похлопал Бонда по плечу:

— Спасибо, мистер. Ты хорошо стрелять. Точно куда нужно. Вот, смотри, прямо здесь! — Он стукнул себя в грудь. — Один человек стрелять сильно ниже — ты понимай куда. Ублюдок. Ой, больно, больно много дней. Жена тоже сильно сердиться.

На обратном пути все трое молчали, а за окном

автомобиля сказочный сад сменила устрашающая «Улица забвения».

Данн остановился у главного здания, кивнул Бонду, затем обратился к шефу:

— Я поеду, встречу наших партнеров? Они прибывают в районе девятнадцати часов. Отвезу их и вернусь.

Значит, Данн с Хайдтом намерены работать до глубокой ночи. Облегчает ли это задачу разузнать о «Грин уэй» как можно больше? Ясно одно: в отдел разработок нужно пробраться прямо сейчас.

Данн свернул в сторону, Хайдт с Бондом вернулись в здание.

— Как насчет экскурсии по офису? Здесь потеплее, и чаек не так много.

Хайдт засмеялся:

— Тут нечего смотреть. Пойдем прямо в мой кабинет.

Даже присутствие владельца компании не избавило гостя от повторной проверки при входе. Впрочем, ингалятор снова не нашли.

В центральном коридоре на глаза Бонду вновь попалась табличка «Отдел разработок», и он шепнул:

— Не отказался бы от экскурсии в туалет.

— Туда, — махнул рукой Хайдт и достал теле-

фон, собираясь кому-то звонить.

Бонд быстро зашагал по коридору. В пустом туалете он схватил большой ком бумажных полотенец и бросил его в унитаз, потом спустил воду — бумага прочно закупорила слив. Тогда он вернулся к двери и выглянул: поглощенный разговором Хайдт отвернулся. Камер Бонд в коридоре не заметил, поэтому пошел в другую сторону, на ходу продумывая оправдание. «Одна кабинка была занята, а во второй забился слив, вот я и пошел поискать другой туалет. Не хотел отрывать вас от разговора…»

Вполне правдоподобно.

Бонд припомнил, где видел нужную табличку, и прибавил шагу.

Отдел разработок
Вход воспрещен

Металлическая дверь закрывалась на кодовый замок, рядом с которым висел считыватель электронных карт. Бонд вытащил ингалятор и сделал несколько снимков, в том числе пару крупных планов панели кодового замка.

«Ну давайте же!» — мысленно обратился он к невидимым разработчикам. Не может быть, чтобы никто не собирался в туалет или за кофе

в столовую.

Дверь так и не отворилась, и Бонд решил, что пора возвращаться к Хайдту. Резко повернувшись, он зашагал обратно по коридору. К счастью, владелец «Грин уэй» еще говорил по телефону и поднял глаза, когда Бонд уже миновал дверь туалета, как будто только что оттуда вышел.

Хайдт закончил разговор.

— Пойдемте, Джин.

Он провел гостя в большое помещение, где, по-видимому, не только работали, но и жили. Огромный стол был придвинут к панорамному окну, из которого открывался вид на всю мусорную империю. Сбоку виднелась спальня, и Бонд отметил, что постель в ней не убрана, однако Хайдт быстро закрыл дверь и жестом пригласил его в другой угол, к дивану с кофейным столиком.

— Выпьете?

— Скотч. Односолодовый.

— «Окентошен» подойдет?

Бонд знал эту винокурню, расположенную неподалеку от Глазго.

— Вполне. Воды чуть-чуть.

Хайдт щедрой рукой плеснул виски, добавил воды и протянул партнеру. Себе он налил

«Констанции» — медвяно-сладкого южноафриканского вина, которое обожал Наполеон. Свергнутый император провел последние годы жизни в изгнании на острове Святой Елены, и это вино везли туда бочками. Именно его Наполеон пригубил перед смертью.

Мрачная комната изобиловала всякими древностями. Мэри Гуднайт обожала хвастаться удачными покупками на Портобелло-роуд, однако за экспонаты из этого кабинета там вряд ли дали бы хорошую цену: все они были какие-то потрепанные, поломанные и скособоченные. На стенах висели старые фотографии, картины и барельефы. На каменных плитах виднелись потускневшие изображения незнакомых Бонду античных богов и богинь.

Они отсалютовали друг другу бокалами. Хайдт с любовью обвел взглядом стены.

— Почти все предметы — из зданий, которые мы снесли. Для меня это как реликвии, как святые мощи. Мощами я, кстати, тоже интересуюсь. Мне нравится все старое, ненужное. Даже не знаю почему. Впрочем, мне плевать. По-моему, Джин, зря люди тратят время, выясняя, почему они такие, какие есть. Надо просто понять свою природу — и принять ее. Мне нравится разложение,

распад — все то, что вгоняет других в ужас. — Он помолчал. — Хотите, расскажу, как я попал в этот бизнес? Весьма поучительная история.

— Конечно.

— Юность у меня была тяжелая. Впрочем, разве я один такой? В общем, за работу мне пришлось взяться смолоду, и так получилось, что попал я в фирму, занимавшуюся вывозом бытовых отходов. Словом, работал лондонским мусорщиком. И вот однажды сделали мы перекур чаю попить, а наш водитель и говорит: «Видите вон ту квартиру? Ее хозяин — из банды, что орудует в Клеркенвелле»…

Клеркенвелл… Пожалуй, главный очаг организованной преступности и самый успешный криминальный синдикат за всю историю Британии. Сейчас эту банду почти полностью разгромили, но прежде она двадцать лет хозяйничала в Айлингтоне и окрестностях. Ее членам приписывалось двадцать пять убийств.

Глаза Хайдта сверкали.

— Мне стало интересно. Мы допили чай и двинулись дальше, но мусор из этой квартиры я припрятал поблизости, а ночью вернулся, забрал его домой и там внимательно просмотрел. И так делал неделя за неделей. Я изучал каждое письмо,

каждую жестянку, каждый счет и упаковку от презервативов. По большей части — впустую. Однажды мне попалась интересная записка: адрес в Ист-Энде и всего одно слово: «Здесь». Неспроста… Я тогда подрабатывал «кладоискателем». Выходишь вечером на пляж в Брайтоне или Истборне и ищешь в песке потерянные кольца и монеты. В ближайшие выходные, прихватив металлоискатель, я отправился по указанному в записке адресу. — Хайдт оживился, он наслаждался собственным рассказом. — Пистолет я отыскал за десять минут. Потом купил набор для снятия отпечатков. Я, конечно, не специалист, но вроде бы «пальчики» на записке и пистолете совпадали. Не знаю уж, что там было с этим пистолетом…

— Обычно оружие выбрасывают, если из него кого-то застрелили, не так ли?

— Именно. Я отправился к тому бандиту из Клеркенвелла и заявил, что пистолет вместе с запиской — у моего поверенного. Разумеется, никакого поверенного не существовало, но это сработало. Мол, если я не позвоню ему в течение часа, то все отправится в Скотленд-Ярд. Риск? Безусловно. Но тщательно рассчитанный. Бандит побледнел и спросил, чего я хочу. Я назвал цифру. Он заплатил наличными. Вскоре я основал

собственную фирмочку по вывозу мусора — со временем из нее вырос «Грин уэй».

— Оригинальная «утилизация вторсырья».

— Вот именно. — Хайдт улыбнулся шутке, отхлебнул из бокала и бросил взгляд за окно. Вдали сияли огненные шары газовых факелов. — Знаете, какие три творения человеческих рук видно из космоса невооруженным взглядом? Великую китайскую стену, египетские пирамиды и старую свалку Фреш-Киллз в Нью-Джерси.

Этого Бонд не знал.

— Для меня отбросы не просто бизнес, а окно в наше общество. В наши души… — Хайдт подался вперед. — Понимаете, в жизни можно что-то получить просто так: в подарок или в наследство, по чьему-то небрежению, ошибке или лени, из жадности или по счастливой случайности — а вот выбросить просто так нельзя. Выбрасывают всегда с холодным расчетом.

Он отпил еще немного вина.

— Слышали про энтропию, Джин?

— Нет.

— В энтропии, — длинные желтоватые ногти Хайдта щелкнули, — суть мироустройства. Это стремление к хаосу и разложению: в физике, в обществе, в искусстве, в живых организмах — везде.

Это путь к анархии. — Он улыбнулся. — Звучит пугающе? Вовсе нет. Энтропия — самое восхитительное, что есть в мире. Постигая истину — не ошибешься. А энтропия и есть истина.

Его взгляд скользнул по барельефу на стене.

— Вы знаете, что раньше меня звали по-другому?

— Нет, — отозвался Бонд и подумал: «Мартин Холт».

— Я сменил фамилию, которая досталась от отца, и имя — ведь его тоже выбрал отец, а я не желал иметь с этим человеком ничего общего. — Он сухо улыбнулся. — Я стал Хайдтом, потому что эта фамилия перекликается с темной ипостасью героя в «Докторе Джекиле и мистере Хайде». В школьные годы я обожал эту книгу. Видите ли, мне кажется, что у каждого есть светлая сторона и темная.

— А «Северан»? Необычное имя.

— Живи вы в Риме второго-третьего века нашей эры, оно не показалось бы вам необычным.

— Вот как?

— В университете я изучал историю и археологию. Что приходит в голову человеку, когда он слышит «Древний Рим»? Август, Тиберий, Калигула, Клавдий да Нерон. Тем более если этот

человек читал «Я, Клавдий» или видел на Би-би-си сериал с блистательным Дереком Джейкоби. Но ведь эта династия правила всего ничего: чуть больше ста лет. Да-да, понимаю, mare nostrum,[26] преторианцы, фильмы с Расселом Кроу — такой драматичный декаданс. «О Боже, Калигула, она же твоя сестра!» Для меня истинный Рим открылся в деяниях более поздней династии Северов, основанной Септимием Севером через много лет после самоубийства Нерона. Это годы распада, разложения Империи, а произошедший кризис историки иногда называют «Период анархии».

— Энтропия…

— Именно. — Хайдт так и сиял. — Я видел статую Септимия Севера, и, по-моему, мы немного похожи, вот я и взял схожее имя. — Он вдруг забеспокоился. — Вас это смущает, Джин? Боитесь, что связались с безумцем, подобным Ахаву? Нет-нет, я не сумасшедший.

Бонд рассмеялся:

— И в мыслях не было! Честное слово. Но вы упоминали про миллион долларов…

— Да. — Он внимательно посмотрел на Бонда. — Я задумал серию проектов, и завтра первый

---

[26] Примечания: 26
Наше море *(лат.)*. Название Средиземного моря у древних римлян.

из них осуществится. Здесь будут мои партнеры, вы тоже приезжайте. Посмотрите, чем мы занимаемся.

— Что же за работа стоит целого миллиона? — нахмурился Бонд. — Надо подстрелить кого-нибудь уже на самом деле?

Хайдт снова пригладил бороду. Он действительно напоминал римского императора.

— Ничего уже не надо, проект завершен. Завтра мы увидим результаты и отпразднуем. Считайте, что миллион — это бонус при подписании контракта. А вот дальше работы у вас будет по горло.

Бонд изобразил улыбку:

— Рад, что я в деле.

В этот момент зазвонил телефон Хайдта. Тот взглянул на экран, встал и отвернулся. Бонд понял, что возникли какие-то трудности. Судя по напряженной позе, что-то пошло не так.

— Прошу прощения, проблемы в Париже. Инспектора, профсоюзы… С завтрашним проектом это не связано.

Бонд не хотел вызывать подозрений и потому решил откланяться:

— Ну что ж, во сколько мне быть завтра?

— В десять утра.

Припомнив, что известно о времени начала акции из перехваченной ЦПС шифровки и изысканий в Марче, Бонд понял: у него лишь чуть больше двенадцати часов, чтобы разобраться с «Геенной».

В дверях появилась Джессика Барнс. Бонду никогда не нравились сильно накрашенные женщины, но он никак не мог понять, почему она вообще не пользуется косметикой.

— Джессика, это Джин Терон, — рассеянно сказал Хайдт, забыв, что они уже познакомились вчера вечером. Женщина промолчала.

Бонд пожал Джессике руку, и та робко кивнула в ответ, а потом сказала Хайдту:

— Цветопробы еще не пришли. Будут только завтра.

— Тогда завтра их и посмотришь.

— Мне тут больше делать нечего. Я бы лучше поехала в Кейптаун.

— У меня возникли дела: на пару часов, а может, и больше. Ты подождешь?.. — Он указал глазами на дверь, за которой Бонд видел разобранную постель.

Женщина замялась, потом со вздохом кивнула:

— Конечно.

— Я еду в город и с удовольствием вас подбро-

шу, — вступил в разговор Бонд.

— Правда? Вас это не затруднит?

На самом деле вопрос был обращен к Хайдту. Тот отвлекся от своего телефона.

— Спасибо, Джин. До завтра.

Он обменялись рукопожатием.

— Totsiens, — попрощался Бонд на африкаансе, который изучал на языковых курсах капитана Йордан.

— Когда ты будешь дома, Северан? — спросила Джессика.

— Когда тут разделаюсь, — механически ответил Хайдт, набирая какой-то номер.

Через пять минут они с Джессикой подошли к посту охраны. Бонд миновал рамку металлоискателя и рассчитывал получить свой пистолет с телефоном, однако подошедший охранник вдруг спросил:

— Сэр, а что у вас в кармане?

Ингалятор. Как же этот дьявол ухитрился разглядеть крохотную выпуклость?

— Так, ерунда.

— Покажите, пожалуйста.

— Да не крал я ничего с вашей свалки! — рявкнул Бонд. — Вы ведь на это намекаете?

Охранник терпеливо разъяснил:

— Сэр, у нас очень строгие правила. Покажите, пожалуйста, что в кармане, или мне придется звонить мистеру Данну или мистеру Хайдту.

«Агент уносит тайны с собой в могилу…»

Бонд спокойно протянул стражу пластмассовый цилиндрик:

— Лекарство.

— Вот как?

Тот стал внимательно осматривать устройство. Линза фотоаппарата была утоплена достаточно глубоко, но, на взгляд Бонда, не заметить ее трудно. Охранник уже собирался вернуть подозрительный предмет хозяину, однако передумал, снял колпачок и положил палец на кнопку распылителя.

«Вальтер» лежал в ячейке, до него было десять футов — и еще двое вооруженных людей на пути.

Охранник нажал на кнопку и… выпустил прямо себе в лицо облачко спиртового раствора.

Хирани, как всегда, продумал изделие до мелочей. Распылитель был самый настоящий, а лекарство — нет, камера же пряталась в донышке.

Сильно запахло спиртом. Охранник, морщась, протянул ингалятор Бонду. Глаза у него слези-

лись.

— Спасибо, сэр. Надеюсь, вам не часто приходится его использовать. Уж больно противно…

Бонд молча спрятал устройство в карман и забрал пистолет с телефоном.

Он направился к выходу и уже шагнул было на «нейтральную полосу», как вдруг взревела сирена и замигали огни сигнализации.

Глава 48

Бонд был готов, развернувшись в прыжке, принять боевую стойку и прицелиться в противника, представляющего наибольшую опасность. Однако инстинкт подсказал ему не спешить.

И очень своевременно подсказал. Охранники на него вообще не смотрели — они вернулись к телевизору.

Бонд бросил мимолетный взгляд через плечо. Сигнализация сработала потому, что Джессика, на которую меры безопасности не распространялись, прошла через рамку металлодетектора с сумочкой и не снимая украшений. Один из охранников лениво щелкнул выключателем сброса тревоги.

Пульс постепенно вернулся в норму.

Бонд с Джессикой вышли наружу, миновали второй пост охраны и оказались на стоянке, где легкий ветерок играл сухими бурыми листьями. Бонд открыл даме пассажирскую дверь, сел за руль и повел машину к шоссе по пыльной дороге, лавируя между вездесущими мусоровозами.

Он начал с безобидных вопросов, призванных завязать разговор. Нравится ли ей путешество-

вать? В какие рестораны она любит ходить? Чем занимается в «Грин уэй»?

Наконец он поинтересовался:

— Скажите, а как вы познакомились?

— Вам правда интересно?

— Да.

— Когда-то я участвовала в конкурсах красоты. И неплохо получалось. Однажды я даже попала на «Мисс Америку». Вот только… — Она покраснела. — Да нет, чепуха.

— Прошу, расскажите.

— В общем, один конкурс проходил в нью-йоркской «Уолдорф-Астории», и перед началом все девчонки собрались в холле. Ко мне подошла Джеки Кеннеди и сказала, что я ужасно красивая. — Джессика прямо сияла от гордости. Такой он ее никогда прежде не видел. — Это один из ярчайших моментов моей жизни. Джеки была моим кумиром. — Ее улыбка угасла. — Вам вовсе не интересно…

— Я же сам спросил.

— В мире красоты, как известно, каждому отмерен срок. Я покинула подиум, снималась в рекламе, потом в «телемагазинах», потом и этой работы не стало. Еще через пару лет умерла мать, с которой мы были очень близки. Я устроилась

официанткой в нью-йоркском ресторане, а контора Северана была по соседству, и он водил к нам своих клиентов. Как-то мы разговорились. Он удивительный человек: обожает историю, везде побывал… Мы болтали обо всем понемногу и, можно сказать, породнились. Это было как… как глоток свежего воздуха. Говорят, глубина наших знаний о жизни равна толщине человеческой кожи, а я со сцены шутила: не кожи, а макияжа. Одежда и косметика — больше мы ничего не видим. Северан понял меня лучше других. Мы сблизились. Он попросил мой номер и стал звонить. Ну, я-то была не дура: пятьдесят семь, семьи нет, денег в обрез. А тут мужчина, такой симпатичный, полный жизни…

Навигатор предупредил Бонда, что пора съезжать с шоссе. Он осторожно вел машину по запруженной транспортом улице. Кругом сновали маршрутные такси, эвакуаторы толпились у перекрестков, словно готовясь первыми рвануть к месту аварии. У дороги лоточники торговали напитками прямо из грузовиков и фургонов. Особенно хорошо дела шли у тех, кто ремонтировал генераторы и продавал аккумуляторы. Отчего-то именно электрика в южноафриканских автомобилях страдала больше всего.

Чуточку растопив лед, Бонд небрежно заговорил о завтрашней встрече, но Джессика сказала, что ничего о ней не знает. Хайдт, похоже, держал ее в неведении о «Геенне» и прочих незаконных делах, которыми занимался он сам, Данн и компания «Грин уэй».

Навигатор сообщил, что до конечного пункта осталось пять минут пути.

— Должен признаться, выглядит это странно…

— Что именно?

— Всё, чем он себя окружает.

— Что «всё»? — спросила Джессика, пристально глядя на Бонда.

— Ну, разрушение, распад…

— Это его работа.

— Нет, я не про «Грин уэй» — тут все понятно. Я о том, что он сам любит все старое, потрепанное… Отбросы.

Джессика указала на большой дом за внушительной каменной стеной:

— Вот, приехали. Здесь…

Она вдруг сдавленно охнула и зарыдала. Бонд прижался к обочине.

— Джессика, что с вами?

— Я… — Она тяжело дышала.

— Как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, не беспокойтесь. Ну что я за недоразумение ходячее!

Бонд порылся в ее сумочке и протянул бумажный платок.

— Спасибо. — Она попыталась что-то сказать, но снова ударилась в слезы.

Наконец Джессика успокоилась и повернула к себе зеркало.

— Он не разрешает мне краситься, так что хоть тушь не потекла. Была бы сейчас вообще как пугало.

— Не позволяет?..

— Пустяки.

— Простите, я совершенно не хотел вас расстроить. Думал просто поддержать разговор.

— Нет-нет, Джин, вы не виноваты.

— Объясните, в чем дело.

Их глаза встретились. Джессика чуть помедлила.

— Я была с вами не до конца откровенна. Разыграла целое шоу… Нет никакого понимания, и никогда не было! — Она махнула рукой. — Вам незачем об этом знать.

Бонд погладил ее по плечу:

— Я сам виноват. Задавал бестактные вопросы и теперь чувствую себя настоящим ослом. Рас-

скажите.

— Да. Он любит все старое, все потрепанное. Отбросы… Он любит меня!

— Господи, я говорил совсем о другом…

— Знаю. Но Северану я нужна именно потому, что тоже качусь по наклонной плоскости. Лабораторная крыса. Тускнею, старею, разлагаюсь у него на глазах. Больше я ничего для него не значу. Он почти не разговаривает со мной, я понятия не имею, что у него в голове, а ему совсем не интересно, кто я. Он дает мне кредитные карточки, возит по свету, всем обеспечивает, а взамен… взамен наблюдает, как я старею. Я вижу, как жадно он подмечает: тут новая морщинка, там пятнышко. Поэтому мне нельзя краситься. И он не выключает свет, когда… Представляете, как унизительно? И он это понимает. Ведь унижение — еще одна форма распада.

Она горько рассмеялась и промокнула глаза платком.

— Знаете, что самое смешное, Джин? Самое, черт побери, смешное? В молодости я жила ради конкурсов красоты. Всем было наплевать на то, что́ у меня в душе: судьям, подружкам-соперницам, даже матери. И вот я старая, и Северану тоже наплевать, что у меня в душе. Временами

с ним становится невыносимо. Но что делать? Я совершенно беспомощна.

Бонд сжал плечо Джессики чуть сильнее.

— Неправда. Вы вовсе не беспомощны. Возраст — это сила. Это опыт, это мудрость, это проницательность. Юность — это ошибки и порывы. Поверьте, уж я-то знаю.

— Как мне без него жить? Куда податься?

— Куда угодно. Вы, несомненно, женщина умная и скопили немного денег.

— Немного скопила, но дело не в деньгах. Кого я себе найду в таком возрасте?

— А зачем кого-то искать?

— Вы говорите так, потому что молоды.

— А вы — потому что верите в то, что вам внушили, а не думаете самостоятельно.

Джессика вяло улыбнулась:

— Туше́. — Она похлопала его по руке. — Вы вели себя очень благородно, Джин. Поверить не могу, что я так расклеилась перед человеком, которого едва знаю… Простите, мне пора. — Она махнула рукой в сторону дома. — Он будет звонить. Захочет убедиться, что я на месте.

Бонд включил первую передачу и отъехал, все свое внимание сосредоточив на следующей точке маршрута. Кто ждет его там? Друг или враг?

Впрочем, Бонд отлично знал, что в их ремесле одно не исключает другого.

Глава 49

В четверг с утра и весь день говорили об угрозах.

Северокорейская угроза, «Талибан», угроза «Аль-Каиды», чеченцы, «Исламский джихад», Восточная Малайзия, Судан, Индонезия… Немного порассуждали об иранцах, которых, несмотря на льющуюся из президентского дворца сумасшедшую риторику, никто не принимал всерьез. Эм даже немного жалел непутевый тегеранский режим. А ведь когда-то у персов была великая империя…

Угрозы.

Между прочим, нападение, сухо подумал он, начнется прямо сейчас, пока на конференции по безопасности пьют чай. Эм закончил разговор с Манипенни, убрал трубку и откинулся на спинку потертого дивана в гостиной здания на Ричмонд-Террас, между улицей Уайтхолл и набережной. Именно в таких малоприметных постройках и вершатся государственные дела.

В нападении участвовали два министра из Объединенного комитета разведслужб. Их головы торчали из двери друг подле друга, а очкастые гла-

за обшаривали помещение, пока не обнаружили цель. Ему сразу вспомнились «Два Ронни»,[27] и картинка ни в какую не шла из головы. Впрочем, в выражениях лиц надвигающейся парочки не было ничего комичного.

— Майлз, — заговорил старший из двух. Звали его сэр Эндрю, и это обращение идеально подходило к тонким чертам лица и гриве серебристых волос.

Второй, Брикстон, наклонил голову, и на безупречной лысине заиграли блики от запылившейся лампы. Он тяжело дышал, как, впрочем, и его спутник. Эм не приглашал гостей садиться, однако оба опустились на диван времен короля Эдуарда по другую сторону чайного столика. Страсть как хотелось достать из портфеля сигару и закурить.

— Перейдем сразу к делу, — предложил сэр Эндрю.

— Мы в курсе, что вам нужно вернуться на конференцию, — сказал Брикстон.

— Мы только что говорили с министром иностранных дел. Он сейчас в парламенте.

---

[27] Примечания: 27

Юмористическое шоу, шедшее на канале «Би-би-си-1» с 1971 по 1978 г. Авторы и ведущие шоу Ронни Баркер и Ронни Корбетт появлялись в кадре в карикатурных очках.

Теперь ясно, почему они запыхались. Из Вестминстерского дворца сюда не проехать, поскольку Уайтхолл от Хорс-Гардс-авеню до Кинг-Чарлз-стрит перекрыли и буквально закупорили, как подлодку перед погружением, — лишь бы конференция по безопасности была, так сказать, в безопасности.

— «Инцидент-20»? — поинтересовался Эм.

— Именно, — подтвердил Брикстон. — Мы ищем и шефа «Шестерки», но треклятая конференция… — В Объединенный комитет он попал недавно и только сейчас вдруг понял, что не стоит очень уж активно ругать работодателей.

— …чертовски не к месту, — ворчливо подхватил Эм, никогда не стеснявшийся обрушиться на виновного.

В разговор вступил сэр Эндрю:

— Военная разведка и ЦПС сообщают, что в последние шесть часов в Афганистане замечен резкий всплеск радиоэлектронных сигналов. По общему мнению, это как-то связано с «Инцидентом-20».

Эм поинтересовался:

— Есть что-то по Хайдту, Ною, по тысячам смертей? Найл Данн упоминается? А военные базы в Марче? Самодельные взрывные устройства?

Инженеры из Дубая? Кейптаунский завод по переработке отходов?

Он прочитывал каждое сообщение, попадавшее на стол или в мобильный телефон.

— А что мы сейчас выясним? — ответил Брикстон. — В «Бублике» код еще не взломали. — Штаб-квартира ЦПС в Челтнеме напоминала кольцо с дыркой посередине. — Алгоритмы шифрования — новее не бывает. Все в тупике.

— Всплески радиоэлектронной активности в Афганистане циклические, — небрежно пробормотал Эм. Когда-то он занимал очень высокий пост в МИ-6 и прославился непревзойденным мастерством в области добычи информации и, главное, построения на ее основе осмысленных выводов.

— Согласен, — кивнул сэр Эндрю, — но странное совпадение: звонки и сообщения посыпались именно сейчас, за день до «Инцидента-20».

Это еще ничего не значит.

Сэр Эндрю продолжил:

— Тем более никто пока не обнаружил конкретной связи между Хайдтом и «Инцидентом-20».

«Никто» — это 007.

Эм взглянул на часы, когда-то принадлежавшие его сыну, солдату Полка королевских фузилеров.

Заседание возобновится через полчаса. Он смертельно устал, а завтра, в пятницу, предстоит еще одна длиннющая сессия, потом тоскливый ужин и речь министра внутренних дел.

Сэр Эндрю заметил красноречивый взгляд, брошенный собеседником на видавший виды хронометр.

— Короче говоря, Майлз, в ОКР пришли к выводу, что Северан Хайдт и вся история с Южной Африкой — просто ложный след. Возможно, он как-то и связан с «Инцидентом-20», но ключевой роли не играет. В «Пятерке» и «Шестерке» полагают, что настоящая игра ведется в Афганистане и именно там последует нападение на военную базу, какую-то из гуманитарных миссий или гражданский объект.

Еще бы. Кабульская авантюра унесла слишком много жизней, ее стоимость исчисляется уже миллиардами фунтов. Чем больше жути удастся раскопать, тем легче оправдать войну. Эм отдавал себе в этом отчет с самого начала расследования по «Инциденту-20».

— Итак, Бонд…

— Да, Бонд великолепен, — перебил Брикстон, разглядывая шоколадное печенье, которое Эм безрезультатно просил не приносить к чаю.

Сэр Эндрю нахмурился.

— Но он, в сущности, ничего не добился, — продолжал Брикстон. — Разумеется, если не появилось новых, ранее неизвестных фактов…

Эм молчал, не сводя с собеседников холодного взгляда.

— Бонд — непревзойденный мастер, не спорю, — вступил сэр Эндрю. — Поэтому есть мысль перебросить его в Кабул. Срочно. Направить в горячую зону и выделить с полдюжины лучших ребят из «Шестерки». С ЦРУ тоже поделимся информацией. Нам одним все лавры и не нужны.

«И отвечать одним, если что, тоже не хочется», — подумал Эм.

— Это логично. Бонд ведь бывал в Афганистане, — добавил Брикстон.

Эм возразил:

— «Инцидент-20» ожидается завтра. Перелет в Афганистан займет всю ночь. Как он успеет там что-то предотвратить?

— Есть мысль… — Сэр Эндрю осекся — видимо, понял, что употребляет эту бессмысленную словесную конструкцию второй раз подряд. — Мы не уверены, что нападение вообще можно предотвратить.

Повисла неприятная пауза.

— Мы предлагаем вашему агенту возглавить команду, которая займется анализом последствий. Пусть точно установят, кто за этим стоит. Предложат ответные меры. Бонд может даже возглавить оперативную группу.

Эм, разумеется, понимал, что происходит: «Два Ронни» предлагают ГМП «сохранить лицо». Пусть ты безупречен в девяноста пяти процентах случаев — стоит один раз крупно проколоться, и в понедельник с утра объявят, что твою организацию распустили или, того хуже, перепрофилировали в отдел проверки данных.

ГМП и так балансировала над пропастью, поскольку очень многие возражали против существования «Группы 00». Неудача с «Инцидентом-20» поставит под вопрос само ее существование. Незамедлительно перебросив Бонда в Афганистан, ГМП хотя бы получит своего представителя в центре событий, даже если тот прибудет слишком поздно.

— Ваша позиция ясна, джентльмены, — спокойно произнес Эм. — Мне надо сделать несколько звонков.

Брикстон просиял улыбкой, однако его спутник еще не закончил. Очевидно, следующий разговор

состоится уже на Даунинг-стрит, 10,[28] — на это, среди прочего, указывала и необыкновенная настойчивость сэра Эндрю.

— Бонд будет работать в команде?

Скрытый смысл вопроса был очевиден: если агент 007, в нарушение приказа Эм, останется в Южной Африке, то на покровительство сэра Эндрю сам Бонд, Эм и ГМП могут больше не рассчитывать.

Хитрость в том, что когда агенту вроде 007 дается карт-бланш, он обязан действовать независимо, а значит, в определенных случаях, не работать ни в какой команде. Тут уж одно из двух, подумал Эм.

— Повторяю, мне нужно позвонить.

— Хорошо. Тогда нам пора.

Оба вышли, а Эм поднялся на балкон, где стоял вооруженный автоматом боец из подразделения охраны полиции Лондона. Разглядев проникшего на вверенную ему территорию, полицейский кивнул и продолжил изучать улицу.

— Все спокойно?

— Да, сэр.

Эм отошел на другой край балкона, раскурил

---

[28] Примечания: 28

На Даунинг-стрит, 10, находится резиденция премьер-министра Великобритании.

сигару и глубоко затянулся. В тридцати футах под его ногами царило зловещее спокойствие. Улицу перекрыли не обычными металлическими барьерами вроде тех, что у здания парламента, а четырехфутовыми бетонными блоками — через такие и машина на полном ходу не прорвется. По тротуарам прохаживались вооруженные патрули, а кое-где на крышах соседних домов виднелись снайперы.

Эм бросил рассеянный взгляд на Ричмонд-Террас в сторону набережной, затем достал телефон и вызвал Манипенни. Та ответила после первого гудка:

— Да, сэр?

— Мне нужно поговорить с начальником штаба.

— Он спустился в столовую. Сейчас соединю.

Приглядевшись, Эм хрипло усмехнулся. На перекрестке, у заграждения, стоял большой грузовик, и несколько человек в комбинезонах «Грин уэй энтерпрайзис» таскали туда-сюда контейнеры. Он вдруг понял, что уже несколько минут смотрит прямо на мусорщиков, не замечая их. Настоящие невидимки.

— Таннер на связи, сэр.

Эм тут же забыл о мусорщиках, вынул изо рта

сигару и спокойно произнес:

— Билл, поговорим об агенте ноль-ноль-семь.

Глава 50

Повинуясь указаниям навигатора, Бонд миновал деловые и жилые кварталы в центре Кейптауна и оказался у подножия Сигнальной горы, где на узких булыжных улочках теснились ярко-синие, розовые, красные и желтые домики. Район немного напоминал карибские деревушки, правда, здесь часто можно было заметить аккуратные арабские орнаменты. Мимо проплыла уютная мечеть.

На часах было шесть тридцать, за окном — прохладный вечер четверга. Бонд ехал домой к Бхеке Йордан.

«Друг или враг…»

Он еще попетлял по горбатым переулкам и остановился у нужного дома. Йордан ждала в дверях и приветствовала его сухим кивком. Вместо формы на ней были синие джинсы и обтягивающий бордовый кардиган. От свежевымытых смоляных волос шел густой аромат сирени.

— Какой интересный район, — заговорил Бонд. — Здесь очень мило.

— Называется Бо-Каап. Раньше тут селились нищие эмигранты из Малайзии — в основном

мусульмане. Мы… ну, я и еще кое-кто переехали сюда довольно давно. Тогда здесь жили бедно, а теперь — престижный район. Раньше везде стояли велосипеды, теперь — «тойоты», а скоро появятся «мерседесы»… Уж лучше бы было по-старому. Впрочем, здесь мой дом. К тому же сестры неподалеку — ведь угого живет у нас по очереди.

— Угого?

— Бабушка. Мама нашей мамы. Мои родители живут на востоке — в Питермарицбурге, в провинции Квазулу-Наталь.

Бонд вспомнил старую карту на стене ее кабинета.

— Мы ухаживаем за угого. Такой у зулусов обычай.

В дом она Бонда не пригласила, так что он рассказал о поездке на завод «Грин уэй» прямо на крыльце. Он протянул Йордан ингалятор:

— Эту пленку нужно проявить. Восьмимиллиметровая, светочувствительность тысяча двести. Справитесь?

— Почему вы не попросите своего дружка из МИ-6? — язвительно поинтересовалась она.

Бонд не собирался защищать Лэмба.

— Он опустошил мой мини-бар на две сотни рандов, а тут нужен человек с ясной головой.

Проявка пленки — хитрое дело.

— Хорошо, займусь.

— Сегодня вечером прилетают какие-то партнеры Хайдта. Завтра утром они встречаются в офисе «Грин уэй». — Бонд припомнил точные слова Данна. — Прибывают около семи. Сможете выяснить, кто такие?

— Вы знаете рейсы?

— Нет, но их будет встречать Данн.

— Организуем наблюдение. Квалене справится. Он хоть и шутник, но отличный полицейский.

Да, отличный полицейский. Умеет держать язык за зубами.

Из дома донесся женский голос.

— Ize balulekile, — ответила Йордан.

Последовал короткий обмен репликами на зулу. На лице капитана не дрогнул ни один мускул.

— Вы не откажетесь зайти? Угого хочет убедиться, что вы не бандит. Я уже объяснила, но она все равно беспокоится.

Бонд проследовал за ней в чистенькую, мило обставленную квартирку с плакатами, коврами и фотографиями на стенах. Пожилая женщина, к которой обращалась Йордан, сидела за большим столом, накрытым на двоих, — Бонд оторвал

их от ужина. Старушка выглядела очень хрупкой, и Бонд сразу узнал это лицо: оно смотрело с фотографий в кабинете Йордан. На угого было просторное оранжево-коричневое платье, седые волосы коротко пострижены. Она попыталась встать.

— Нет-нет, не нужно, — торопливо сказал Бонд.

Она все равно поднялась и, горбясь, прошаркала вперед, чтобы пожать гостю руку. Ладонь у нее оказалась крепкая и сухая.

— А, англичанин, про которого рассказывала Бхека… Не такой уж вы и ужасный.

Йордан бросила на бабушку испепеляющий взгляд.

— Меня зовут Мбали, — представилась старушка.

— Джеймс.

— Пойду прилягу. Бхека, покорми гостя. Он такой тощий.

— Нет-нет, мне пора.

— Ты голодный. Я видела, как ты смотрел на боботи.

Бонд улыбнулся. Он и правда разглядывал стоящий на печи горшок.

— Моя внучка прекрасно готовит. Тебе по-

нравится. А еще выпьешь зулусского пива. Не пробовал?

— Только «Биркенхед» и «Гилрой».

— Зулусское лучше. — Мбали повернулась к внучке. — Дай ему пива и собери поесть. Принеси боботи и соус самбал. — Она с сомнением посмотрела на Бонда. — Острое любишь?

— Люблю.

— Это хорошо.

— Угого, он же сказал, что ему пора, — возразила Йордан.

— Сказал только из-за тебя. Дай ему пива и поесть. Смотри, какой тощий!

— Угого, послушай…

— Что за внучка! Вечно мне перечит.

Старушка проследовала в спальню, прихватив керамический горшочек с пивом. Дверь за ней закрылась.

— Как она себя чувствует? — спросил Бонд.

— Рак.

— Соболезную.

— Все не так плохо. Ей девяносто семь лет.

— А я думал, за семьдесят, — поразился Бонд.

Словно опасаясь, что повисшая тишина вынудит поддерживать беседу, Йордан шагнула к старенькому плейеру и запустила какой-то диск.

Из колонок хлынул низкий женский голос с ритмами хип-хопа на заднем плане. Бонд взглянул на обложку: Тандисва Мазваи.

— Садитесь, — пригласила Бонда к столу Йордан.

— Не стоит.

— О чем вы?

— Не надо меня кормить.

— Если угого узнает, что я отпустила вас без пива и боботи, то очень расстроится.

Она выставила на стол глиняный горшок с ротанговой крышкой и наполнила стакан пенистой розоватой жидкостью.

— Это и есть зулусское пиво?

— Да.

— Домашнее?

— Другого не бывает. Бродит три дня. Его пьют еще в процессе ферментации.

Бонд отхлебнул из стакана. Пиво оказалось кисловато-сладким, почти безалкогольным.

Йордан поставила перед ним тарелку боботи и зачерпнула красноватого соуса. Блюдо напоминало английский «пастуший пирог», только сверху не картошка, а яйцо; такой вкуснятины ему еще пробовать не доводилось. Ароматный густой соус был довольно острым.

— Не составите мне компанию? — Бонд кивнул на пустой стул.

Йордан стояла, облокотившись о раковину и скрестив руки на роскошной груди.

— Я уже поужинала, — бросила она, не двигаясь с места.

«Друг или враг…»

Бонд доел.

— А вы незаурядный человек. Прекрасный полицейский, великолепно готовите пиво и, — он кивнул на горшок, — боботи. Если я, конечно, ничего не напутал в произношении…

Нет ответа. Сколько можно злиться?

Подавив раздражение, Бонд перевел разговор на семейные фотографии, что висели по стенам и красовались на каминной полке.

— Похоже, вся история творилась на глазах вашей бабушки.

Йордан бросила нежный взгляд на дверь спальни.

— Угого и есть Южная Африка. Ее дядю ранили англичане в битве при Камбуле, через несколько месяцев после сражения при Исандлване, — я вам о нем рассказывала. Она родилась всего через пару лет после того, как Капская область и Наталь объединились в Южноафриканский союз.

В пятидесятые годы ее переселили по принятому при апартеиде Закону о регионах группового проживания, а в пятьдесят восьмом ранили во время акции протеста.

— Что случилось?

— Шарпевильский расстрел. Протестовали против «дампасов» — по-английски их называли «дамб-пассы» — «пропуска для дебилов». При апартеиде людей вполне официально делили на белых, черных и цветных.

Бонду вспомнились разглагольствования Лэмба.

— Черным нельзя было появляться в белых районах без пропуска, подписанного работодателем. Унизительно — просто кошмар. Люди вышли на мирную демонстрацию протеста, а полиция открыла огонь. Почти семьдесят человек погибли, угого ранили в ногу. Теперь она хромает. — Йордан налила себе немного пива и отхлебнула. — Имя мне выбирала угого. Просто сказала родителям, как меня назвать, и те послушались. Обычно с угого не спорят.

— Бхека…

— На зулу это означает «тот, кто следит за людьми».

— Защитник. Выходит, вам на роду написано

идти в полицию.

Бонду определенно нравилась музыка.

— Угого — это старая Южная Африка. А я — новая. Дочь зулусов и африканеров. Да, нас называют «страной радуги», но посмотрите на радугу: там ведь разные цвета, и каждый по отдельности. Нам нужно смешивать гены — и я тому пример. Пройдет много времени, но рано или поздно мы своего добьемся. — Йордан холодно посмотрела на гостя. — Вот тогда мы сможем ненавидеть других за дело, а не за цвет кожи.

Бонд невозмутимо выдержал ее взгляд и сказал:

— Спасибо за ужин и за пиво. Мне надо идти.

Йордан проводила его до двери. Бонд шагнул на крыльцо.

И тут увидел человека, который преследовал его с самого Дубая. Синяя куртка, золотая сережка — именно он убил Юсуфа Насада и чуть не прикончил Феликса Лейтера.

Человек стоял на другой стороне дороги, в тени старого здания, украшенного арабской мозаикой со свитками.

— Что случилось?

— Враг.

Мужчина держал в руке мобильный телефон,

но не звонил — фотографировал их с Йордан, чтобы доказать: Бонд работает на полицию.

— Хватайте оружие и не выходите из дома. Охраняйте бабушку.

Он метнулся через дорогу. Преследователь бросился вверх по склону Сигнальной горы. На узкой улочке быстро сгущались сумерки.

Глава 51

У беглеца было десять ярдов форы, но Бонд понемногу нагонял. Разгневанные кошки и тощие псы бросались в стороны. Прямо перед Бондом на улицу шагнул малыш с круглым малайским личиком; отцовская рука тут же втащила его обратно.

Он уже сократил дистанцию вдвое, когда сработал инстинкт бойца. Противник вполне мог установить на пути отхода ловушку. Быстрый взгляд под ноги — так и есть! Поперек улочки над самой землей тянулся едва заметный в темноте провод. Убийца легко переступил его — он заранее отметил нужное место черепком от горшка.

Бонд уже не успевал остановиться, оставалось лишь грамотно упасть.

Он выставил плечо и, как только ноги резко ушли назад, покатился кувырком. Больно ударившись, он на мгновение замер, проклиная себя за то, что упустил врага.

Однако тот вовсе не собирался убегать.

Убийца хотел не оторваться, а вывести преследователя из строя. Всего мгновение — и он навалился сверху и вырвал из кобуры «вальтер»,

попутно обдав затхлым сигаретно-пивным духом вперемешку с вонью немытого тела. Бонд ухватил запястье противника и стал выкручивать. Пистолет упал на землю. Бонд, задыхаясь, не выпускал правую руку нападавшего, одновременно уворачиваясь от смертельных ударов ножа, зажатого в его левой.

Улочка была пуста: Бхека Йордан не бросилась с пистолетом в погоню.

Противник задумал удар головой и подался назад. Бонд дернулся в сторону, но тот вдруг перекатился, словно настоящий гимнаст. Ловкий трюк.

Бонд вскочил на ноги. Противник замер в боевой стойке: левая рука с ножом описывала плавные окружности.

Бонд был знаком со многими видами единоборств, однако агентов ГМП учили довольно редкому виду рукопашного боя, позаимствованному у бывшего (а может, и не совсем бывшего) врага — у русских. Это старинное боевое искусство казаков называлось «система». В спецназе — войсках специального назначения военной разведки ГРУ — ее довели до совершенства.

В «системе» редко бьют кулаком. Основное оружие — ладонь, локоть, колено. Задача бойца

— наносить как можно меньше ударов. Нужно измотать противника и поймать его на встречном движении или на болевой прием. Лучшие мастера «системы» вообще не касаются противника — до того решающего момента, когда он устал и почти беззащитен. Дальше победитель валит врага на землю, ставит колено на грудь или горло и, если требуется, наносит последний удар. При необходимости — смертельный.

Бонд рефлекторно перешел на танцующие движения «системы».

Ушел, ушел, ушел… Обратить энергию врага против него.

Пока Бонд не ошибался, хотя дважды клинок просвистел у самого его лица.

Противник атаковал быстро, мощными ударами — проверял, на что Бонд способен. Тот уворачивался и прикидывал сильные (мощный, опытный боец, психологически готов убить) и слабые (кажется, алкоголь и курение дают о себе знать) стороны оппонента.

Оборонительные действия Бонда вывели убийцу из себя. Он перехватил нож клинком вверх и с дьявольской усмешкой отчаянно двинулся вперед. Несмотря на прохладный вечер, по его лицу катились капельки пота.

Бонд шагнул к «вальтеру», подставляя противнику спину. Движение, разумеется, было обманным; едва тот бросился вперед, Бонд отскочил, отвел лезвие предплечьем и что есть силы врезал ему ладонью по левому уху. В момент удара он сложил пальцы чашечкой — воздух если не разорвет, то серьезно повредит барабанную перепонку. Враг застонал от боли и бешенства, а затем бросился в отчаянную атаку. Бонд легко отбил руку с ножом вверх и в сторону, шагнув навстречу, поймал запястье противника в железный захват и резко прогнулся — нож покатился по земле. Затем, оценив силу и безумную ярость нападавшего, подался еще чуть назад. Запястье хрустнуло.

Убийца с криком упал на колени, а потом, побледнев, рухнул на землю. Бонд пинком отшвырнул нож подальше, тщательно обыскал противника и обнаружил в кармане небольшой пистолет и рулон водопроводного скотча.

«Интересно, почему он меня просто не застрелил?»

Бонд сунул пистолет в карман, подобрал свой «вальтер» и схватил телефон преследователя. Кому он отправил фото? Если только Данну, то получится ли перехватить его и обезвредить,

прежде чем Ирландец расскажет Хайдту?

Бонд пробежал списки звонков и сообщений. Слава Богу, ничего не отправлено. Противник снимал Бонда на видео.

Зачем?

Ответ прозвучал моментально.

— Yebie se!

Эта балканская непристойность разом сняла все вопросы.

Бонд проверил документы нападавшего и выяснил, что того зовут Николас Ратко и он работает на ПСО — сербский спецназ.

Теперь тот стонал, прижимая к груди сломанную руку.

— Ты оставил моего брата умирать! Ты бросил его! Он отправился на задание вместе с тобой!

Выходит, младший из двух агентов БИА, что помогали Бонду тем воскресным вечером неподалеку от Нови-Сада, был братом Ратко.

«Мой брат всегда курит на заданиях. В Сербии куда подозрительнее не курить».

Теперь ясно, как его отыскали в Дубае. Желая обеспечить сотрудничество с БИА, ГМП и «Шестерка» сообщили настоящее имя Бонда высшему руководству госбезопасности в Белграде. После гибели брата Ратко и его коллеги развернули

полномасштабную операцию по поимке Бонда, задействовав свои контакты в НАТО. Они установили, что объект направляется в Дубай. Очевидно, именно Ратко, а не Осборн-Смит пытался осторожно выведать ближайшие планы Бонда через МИ-6. В бумагах серба нашлось и разрешение на вылет военным бортом из Белграда в Дубай — вот как ему удалось попасть туда первым. Кто-то из местных приготовил для Ратко черную «тойоту», не засвеченную ни в каких базах данных.

А цель? Вряд ли просто захват. Ратко хотел заснять, как Бонд созна́ется и принесет извинения. Не исключено, что его собирались пытать, а потом убить.

— Как тебя звать: Ник или Николас?

Бонд опустился на корточки.

— Yebie se!

— Послушай, мне жаль, что твой брат погиб, но ему нечего было делать в БИА. Он работал небрежно и не выполнял приказы. Из-за него мы упустили объект.

— Он был еще молод…

— Это его не оправдывает. И меня не оправдало бы. И не оправдывает твоей связи с «Тиграми Аркана».

— Он был просто мальчишка. — В глазах серба стояли слезы — не то от боли, не то от тоски по погибшему брату.

Бонд заметил, что вверх по улочке уже мчится Бхека Йордан в сопровождении полицейских. Он подобрал нож и перерезал натянутый через дорогу провод, затем присел над распростертым сербом.

— Доктора сейчас вызовут.

Внезапно он услышал решительный приказ:

— Стоять!

— Все нормально, он обезоружен.

Бонд вдруг понял, что капитан целится именно в него.

— Отойди! — рявкнула Йордан.

Двое полицейских загородили Ратко; один из них, помедлив, осторожно забрал у Бонда нож.

— Он агент сербской разведки и пытался меня убить. Он же позавчера убил в Дубае человека из ЦРУ.

— Это не значит, что ему можно просто так перерезать глотку. — Глаза Йордан от злости превратились в узкие щелочки.

— О чем вы?

— Вы в моей стране. Извольте соблюдать закон!

Бонд заметил, что кое-кто из полицейских смотрит на него с откровенной враждебностью, и жестом пригласил Йордан побеседовать в стороне. Та не стала спорить, однако, едва они отошли подальше, продолжила:

— Вы победили. Он лежал совершенно беззащитный. Почему вы собирались его убить?

— Я не собирался.

— Не верю! Вы велели мне оставаться дома с бабушкой и не просили вызвать полицию. Вы хотели пытать его и прикончить без свидетелей!

— Я был уверен, что вы вызовете подмогу и без моей просьбы, а с бабушкой велел остаться потому, что он мог быть не один.

Однако Йордан не слушала. Она так и кипела:

— Явились в мою страну с этими вашими «ноль-ноль»!.. Уж я-то все о вас знаю!

Бонд наконец понял, почему она постоянно на него злилась. Дело вовсе не в легкой попытке пофлиртовать и не в том, что он отъявленный самец. Просто она всей душой восставала против тех редких «особых» заданий, что Бонд выполнял в ГМП.

Он шагнул к ней и зашептал, понемногу раздражаясь:

— Да, мне действительно доводилось убивать

— несколько раз, когда не было иной возможности защитить мою страну. Мне это не нравится, но я делаю это, чтобы спасти людей, которые того заслуживают. Назовите меня грешником — но я грешу по необходимости.

— Убивать его не было необходимости, — прорычала Йордан.

— Я не собирался его убивать.

— Я видела… видела нож.

— Он натянул поперек дороги провод, — Бонд повел рукой, — а я его перерезал. А ему, — он мотнул головой в сторону серба, — я просто сказал, что сейчас вызовут доктора. Спросите, он подтвердит. Для убийства человека не надо везти в больницу. — Бонд оттолкнул с дороги полицейских и обжег их яростным взглядом. Не оборачиваясь, он бросил через плечо: — Пленку нужно проявить как можно быстрее. Выяснить, кто приехал к Хайдту, — тоже. — И зашагал вниз по склону.

Вскоре «субару» уже несся по живописным кривым улочкам между ярко раскрашенных домишек района Бо-Каап гораздо быстрее, чем разрешают правила дорожного движения.

Глава 52

В поле зрения показался ресторан южноафриканской кухни, и Бонд, все еще злой после стычки с Бхекой Йордан, решил, что не повредит немного выпить.

Запеканка, которой угощала Йордан, ему очень понравилась, однако порция была крошечная, словно хозяйка намекала: «Ешь скорее и проваливай». Теперь же Бонд заказал большую тарелку сосатис — местных шашлыков — с желтым рисом и шпинатом «Марог». От предложения попробовать фирменное блюдо — гусениц мопане — он вежливо отказался.

После ужина Бонд вернулся в гостиницу «Тейбл-Маунтин», принял душ и переоделся. В дверь постучали, посыльный доставил большой конверт. Пусть Йордан считала его хладнокровным серийным убийцей, на работе ее личная неприязнь не сказывалась. В конверте оказались черно-белые фотографии, отпечатанные с пленки из ингалятора. Часть была не в фокусе, кое-где нужное не попало в кадр, но самое важное — дверь в отдел разработок «Грин уэй» и замок на ней — удалось снять четко. Йордан хватило сообрази-

тельности приложить флэшку с электронными копиями фотографий, и гнев Бонда пошел на убыль. Он скопировал файлы на компьютер и отправил их в зашифрованном виде Сану Хирани вместе с инструкциями.

Ответ, вызвавший улыбку, пришел через тридцать секунд.

Мы вообще не спим.

Через пару минут позвонил Билл Таннер.

— Я как раз собирался с тобой связаться, — начал Бонд.

— Джеймс… — Голос у Таннера был мрачный. Явно возникли какие-то проблемы.

— Слушаю.

— У нас поднялась суматоха. В правительстве считают, что «Инцидент-20» не связан с Южной Африкой.

— Вот как?

— Они решили, что возня Хайдта — отвлекающий маневр, а люди погибнут в Афганистане: произойдет захват какой-нибудь благотворительной миссии или нефтепромысла. Комитет разведслужб проголосовал за то, чтобы переправить тебя в Кабул, поскольку, надо признать, ничего конкретного ты пока не раскопал.

У Бонда перехватило дыхание.

— Билл, я уверен, что ключевой…

— Постой, — перебил его Таннер. — Мало ли чего они хотят. Эм уперся и заявил, что никуда тебя не отпустит. Вышел настоящий Трафальгар — с пушками и дымом. Дошло до министра иностранных дел. По слухам, даже премьер-министру докладывали, хотя я точно не знаю. В общем, Эм победил, ты остаешься. Кстати, хочешь знать, кто еще выступил в твою защиту?

— Кто?

— Твой новый друг Перси.

— Осборн-Смит? — Бонд едва не расхохотался.

— Говорил, что ты идешь по следу и не надо тебя отрывать.

— Вот как? Куплю ему пива, когда все закончится. И тебе.

— Все не так уж радужно, — мрачно добавил Таннер. — Старик поставил на карту репутацию ГМП. И кстати, твою тоже. Если выяснится, что «Грин уэй» и правда ложный след, то последствия будут серьезные. Очень.

Неужели от его успеха зависит будущее ГМП?

«Политика», — цинично подумал Бонд, а вслух сказал:

— Я уверен, это Хайдт.

— Эм с тобой согласен.

Таннер спросил, что Бонд собирается делать дальше.

— Завтра утром я еду в «Грин уэй». Дальше по обстановке. Придется пошевеливаться, к тому же будут проблемы со связью. Если к концу дня ничего не выясню, вызову Бхеку Йордан, возьмем Хайдта с Данном и вытрясем из них все планы на вечер.

— Ладно, Джеймс, держи меня в курсе. Я проинформирую Эм. Он завтра весь день торчит на конференции.

— Спокойной ночи, Билл. Передай ему от меня спасибо.

Повесив трубку, Бонд плеснул в хрустальный бокал щедрую порцию «Краун роял», бросил два кубика льда, распахнул шторы, сел на диван и окинул взглядом снежно-белые огни гавани.

Зазвонил телефон. Он посмотрел на экран.

— Привет, Филли.

— Ужинаешь?

— У нас тут время ночного коктейля.

— Так я и думала.

Глаза Бонда скользнули по постели, на которой он провел прошлую ночь с Фелисити Уиллинг. Филли тем временем продолжала:

— Тебя еще интересуют подробности операции «Стальной патрон»?

— Конечно. Рассказывай, что удалось выяснить.

— По-моему, информация интересная. Похоже, целью операции были не просто агенты и сторонние специалисты. Русские ликвидировали своих «кротов» в МИ-6 и ЦРУ.

У Бонда что-то дрогнуло внутри. Он поставил бокал.

— После распада Советского Союза в Кремле пытались укреплять связи с Западом. С политической точки зрения было очень нежелательно, чтобы их агентов раскрыли. Поэтому агенты КГБ устраняли наиболее успешных «кротов» в «Шестерке» и ЦРУ, а убийства маскировали под несчастный случай. Стальной патрон оставляли, чтобы другие не высовывались.

О Господи! Отец… Отец — двойной агент? Предатель?

— Ты слушаешь?

— Да, просто отвлекся немного. Молодец, Филли. Завтра я большую часть дня буду без связи. Если что-то выяснишь, шли эсэмэски или пиши по электронной почте.

— Обязательно. Будь осторожен, Джеймс. Я

волнуюсь.

Бонд попрощался и повесил трубку, затем прижал ко лбу холодный, чуть влажный бокал. Он стал прокручивать в голове картины своего детства, пытался вспомнить хоть какие-то обстоятельства, которые могли бы подтвердить или опровергнуть жуткие подозрения. Бонд обожал отца. Тот коллекционировал марки и карточки с автомобилями. У Эндрю Бонда было несколько машин, но он больше любил их мыть да возиться в гараже, чем кататься. Когда Джеймс подрос, он спросил об отце тетю Чармиан, и та, подумав, сказала: «Конечно, он был хороший человек. Сильный, надежный как скала. Но тихий. Эндрю никогда не высовывался».

Характеристика идеального агента разведки. Неужели он был русским «кротом»?

Еще одна болезненная мысль: если отец и правда вел двойную игру, то именно он погубил мать.

Не русские сделали Джеймса сиротой. Дело в предательстве отца.

Зажужжал телефон, и Бонд недоуменно уставился на экран.

Разбирались с продовольственными

поставками. Только закончила.

Хочешь, составлю тебе компанию?

Фелисити.

Бонд чуть помедлил и ответил согласием.

Он завернул «вальтер» в полотенце и убрал под кровать. Через десять минут в дверь тихо постучали, и в номер вошла Фелисити. Все сомнения по поводу прошлой ночи разом улетучились, когда она обвила руками его шею и страстно поцеловала. Из-за ушка пахнуло духами, на губах остался аромат свежей мяты.

— Я такая растрепанная, — засмеялась Фелисити. На ней была голубая рубашка, заправленная в мятые и грязные дизайнерские джинсы.

— Чепуха, — отозвался Бонд и снова поцеловал ее.

— Сидишь в темноте, Джин, — заметила она, и впервые за все время операции это имя неприятно резануло по уху.

— Любуюсь.

Они разомкнули объятия. В тусклом свете ее лицо — воплощенная чувственность, как и вчера, — выглядело очень усталым. Очевидно, распределять крупную партию продовольствия по всему континенту — изнуряющий труд.

— Вот.

Она вытащила из сумочки дорогую бутылку «Трех капских леди» — под этой маркой продавались красные вина отлично известной Бонду винодельни «Мюльдерсфляй». Он откупорил бутылку и, разлив вино по бокалам, устроился на диване рядом с Фелисити.

— Восхитительно, — проговорила она, отпив из бокала.

Она разулась. Бонд приобнял ее и попытался выбросить из головы мысли об отце.

Фелисити положила голову ему на плечо. В бухте, как и вчера, сновали корабли — их, кажется, стало еще больше.

— Посмотри, — заговорила Фелисити. — О здешнем народе говорят так много плохого — но это неправда. Тут много хороших людей. На них не всегда можно положиться, им трудно полностью доверять, но все же…

— …но все же их ждет безмятежное счастье, — пошутил Бонд.

Она рассмеялась:

— Джин, я чуть вино не расплескала! Рубашку потом не отстираешь.

— Эту проблему легко решить.

— Что, больше не пьем? — Она шутливо надула

губы. — Вино такое вкусное.

— Есть вариант получше.

Он поцеловал ее и стал медленно расстегивать пуговицы рубашки.

Прошел час. Они лежали в постели; Бонд прижался грудью к спине Фелисити, его рука покоилась на ее груди, их пальцы переплелись.

В отличие от прошлой ночи он не уснул. Мысли стремительно сменяли одна другую. Действительно ли от него зависит судьба ГМП? Что за секреты таятся за дверью с табличкой «Отдел разработок»? Чего хочет добиться Хайдт со своей «Геенной», и что ему можно противопоставить?

И как все-таки разгадать тайну отца?

— Ты думаешь о чем-то серьезном, — сонно пробормотала Фелисити.

— Откуда ты знаешь?

— Женская интуиция.

— Просто любуюсь твоей красотой.

Она нежно укусила его за палец.

— Вот ты и соврал мне первый раз.

— Вообще-то я думаю о работе.

— Тогда прощаю. Я такая же. Нужно скоординировать грузы в доках, заплатить капитанам, разобраться с фрахтом судов и арендой грузовиков, с профсоюзами… — Ее голос окреп. — Да

и по твоей специальности есть работа. В доках было две попытки взлома — а ведь продукты еще даже не доставили. — Она немного помолчала и продолжила: — Джин?

Бонд почувствовал, что сейчас прозвучит нечто важное.

— Да?

— Мне кажется, с твоей работой все не так просто. Нет-нет, ничего не объясняй. Не знаю, что я для тебя значу, но если мы продолжим встречаться, если… — Она оборвала фразу.

— Не молчи.

— Если мы продолжим встречаться, может… может, стоит хоть чуточку все изменить? Я понимаю, тебе приходится участвовать во всяких темных делах, но ведь ты мог бы держаться подальше от совсем уж грязных? — Она вздрогнула от напряжения. — Боже, что я несу! Не обращай внимания.

Слова Фелисити, обращенные к солдату удачи (он же эксперт по безопасности) из Дурбана, в каком-то смысле относились и к самому Джеймсу Бонду, агенту «Группы 00». Ему подумалось, что раз она может смириться с темными делами Джина Терона, то, как ни смешно это звучит, могла бы принять и Джеймса Бонда.

— Наверное, — прошептал он.

Она поцеловала его ладонь.

— Все, молчи. Послушай лучше, есть идея. Не знаю, какие у тебя планы на выходные…

«Самому бы знать», — горько подумал Бонд.

— …но к завтрашнему вечеру суматоха с поставками закончится. Есть одна очаровательная гостиница во Франшхоке — ты ведь там не бывал?

— Нет.

— На всем западе красивее места не найдешь. Винодельческий район. Там есть ресторан с мишленовской звездой, с его веранды открывается потрясающий вид на холмы. Поедем вместе в субботу?

— Было бы здорово. — Он поцеловал ее в затылок.

Через пять минут она крепко спала.

Бонд смотрел на огни гавани. Он больше не думал ни о возможном предательстве отца, ни о данном Фелисити обещании держаться подальше от грязных дел, ни о том, как они проведут выходные. Нет, сейчас Джеймса Бонда занимало одно: расплывчатые, туманные лица никому не известных людей, жизни которых спасти под силу лишь ему одному — что бы там ни полагали

в правительстве.

Пятница
Спуск в Геенну

Глава 53

В восемь сорок утра заляпанный грязью «субару» въехал на стоянку перед центральным полицейским участком, и Бонд выключил двигатель. Кроме Бхеки Йордан в кабинете его поджидали Лэмб и Нкоси.

Лэмб состроил таинственную гримасу, Нкоси решительно улыбнулся.

Первой заговорила Йордан:

— Мы установили личности партнеров Хайдта. — Она развернула ноутбук к собравшимся и включила режим «слайд-шоу». На первой фотографии красовался круглолицый чернокожий гигант в расшитой серебром и золотом рубахе, темных дизайнерских очках и широких коричневых брюках. — Чарльз Матебула. Черный бриллиант из Йоханнесбурга.

Лэмб пояснил:

— Так называют южноафриканских нуворишей. Многие разбогатели буквально за одну ночь и, если можно так выразиться, не вполне безупречным путем.

— А многие, — ледяным тоном добавила Йордан, — усердно трудились. Бизнес Матебулы

— грузовые и пассажирские перевозки, в противозаконной деятельности не замечен. Пару лет назад он и правда ходил по краю — возил оружие, однако никаких нарушений мы не нашли. — Щелчок клавиши, и картинка на экране сменилась. — Дэвид Хуан. — В кадре улыбался стройный мужчина. — Фото со страницы его дочки в социальной сети. Вот дура… Хотя нам грех жаловаться.

— Бандит?

— Предположительно, — пояснил Нкоси. — Он из Сингапура. Отмывание денег, торговля людьми.

Компьютер показал еще одно лицо, и Йордан ткнула пальцем в экран:

— Ганс Эберхард, немец. Прилетел в среду. Занимается горной промышленностью, в основном алмазами — большей частью промышленными, но работает и на ювелирном рынке. — На снимке симпатичный блондин в дорогом светлом костюме и рубашке без галстука выходил из здания аэропорта. — Эберхарда подозревали во всевозможных преступлениях, но формально он чист.

Бонд еще раз просмотрел фотографии.

Эберхард.

Хуан.

Матебула.

Имена он запомнил.

Йордан мрачно заметила:

— Вообще-то я не понимаю, зачем Хайдту партнеры. По-моему, на «Геенну» у него и своих денег хватит.

Бонд об этом уже размышлял.

— Скорее всего тут две причины. «Геенна» стоит дорого, и ему хочется привлечь финансирование со стороны, чтобы не объяснять огромные расходы, если вдруг явятся аудиторы. Однако важнее другое: у Хайдта нет связей в криминальном мире. Что бы ни представляла собой «Геенна», там потребуются именно такие люди, как эта троица.

— Разумно, — признала Йордан.

Бонд обратился к Лэмбу:

— Сану Хирани из отдела «Кью» сообщил сегодня утром, что у вас кое-что для меня есть.

— Ах да, прошу прощения. — Он достал конверт.

Заглянув внутрь, Бонд убрал его в карман.

— Я еду в «Грин уэй». Постараюсь выяснить, что такое «Инцидент-20», а также кому и где грозит опасность. Попытаюсь выйти на связь. Но нужен и запасной план. — Предполагалось, что если к четырем часам вечера от Бонда не поступит ника-

ких известий, то оперативная группа по приказу Йордан войдет на территорию завода, задержит Хайдта и Данна с сообщниками и конфискует все материалы отдела разработок. — Тогда у нас — а если я выйду из игры, то уже у вас — будет пять или шесть часов на то, чтобы допросить их и вытрясти правду.

— Штурм? — нахмурилась Йордан. — Я не согласна.

— Почему?

— Сколько можно объяснять? У меня нет оснований предполагать, что на территории «Грин уэй» нарушается закон, а значит, без судебного ордера я не могу ничего поделать.

Упрямая чертовка.

— Мы же не о процессуальных гарантиях говорим! На кону жизни тысяч людей — возможно, южноафриканцев.

— Без ордера я бессильна.

— Если я не дам о себе знать к четырем, считайте, что меня убили.

— Искренне надеюсь, что этого не случится, коммандер, но сам факт вашего отсутствия не является веской причиной.

— Я же объяснял: он намерен раскапывать массовые захоронения и делать из трупов строй-

материалы. Что вам еще нужно?

— Доказательства того, что на территории завода «Грин уэй» нарушается закон. — Йордан непреклонно выпятила подбородок.

— Тогда вся надежда тысяч ни в чем не повинных людей — на Бога и на то, что я найду ответ, — зло бросил Бонд. Он кивнул мужчинам и, демонстративно игнорируя Йордан, вышел из кабинета.

— Джеймс, подождите! — Бхека Йордан нагнала его на стоянке, когда он уже сидел за рулем. — Пожалуйста, не уезжайте.

Бонд поборол искушение нажать на газ.

— Помните вчерашнего серба? — спросила она, нагнувшись совсем близко.

— Да.

— Я с ним поговорила. Он подтвердил: вы и правда хотели вызвать врача.

Бонд кивнул.

Она перевела дыхание и добавила:

— Я была к вам несправедлива. Со мной… со мной такое случается. Бывает, я с порога кого-то осуждаю. Понимаю, что так нельзя, но побороть привычку тяжело. Простите меня.

— Прощаю.

— Насчет «Грин уэй». Постарайтесь понять.

При апартеиде полиция и входящий в нее отдел по борьбе с преступностью творили страшные вещи. Мы — новая полиция, и за нами следят во все глаза. Незаконные рейды, аресты, допросы по заказу — так было при старом режиме. Мы обязаны быть лучше предшественников. Я встану с вами плечом к плечу, если позволит закон. А без причины, без ордера я ничего не могу поделать, — добавила Йордан с выражением суровой обреченности на лице. — Простите.

Немалая часть подготовки агентов «Группы 00» была посвящена психологии. В ходе напряженных тренировок им внушали, что они особенные, что у них есть право — даже не право, а долг — действовать вне рамок закона. Приказ, разрешающий совершить убийство, мог прийти с таким же успехом, как приказ сфотографировать какую-нибудь секретную установку или запустить дезинформацию в прессе.

По словам Эм, Бонд получал карт-бланш на любые действия, которые потребуются, чтобы выполнить задание.

«Мы защищаем Родину — чего бы это ни стоило».

— Я понимаю, капитан Йордан. Чем бы дело ни кончилось, мне было очень интересно работать

с вами.

Ее прекрасные черты осветила мимолетная улыбка — первая за все время их знакомства и, как показалось Бонду, искренняя…

Глава 54

Бонд свернул на стоянку у крепостной стены «Грин уэй энтерпрайзис» и остановился.

У ворот выстроились несколько лимузинов.

REDUCE, REUSE, RECYCLE

Рядом с машинами прогуливались несколько человек. Бонд узнал Ганса Эберхарда: на немецком бизнесмене были бежевый костюм и белые туфли. Он разговаривал с Данном. Ирландец замер и не шевелился, словно бойцовая рыбка-петушок, лишь ветер трепал его светлую челку. Эберхард докуривал сигарету. Вероятно, курить на территории завода Хайдт не разрешал, хотя выглядело это смешно: в воздухе висела пыль и вонь от газовых генераторов и факелов.

Бонд помахал Данну, тот ответил коротким кивком и продолжил беседовать с Эберхардом. Затем Ирландец достал из поясного чехла телефон, прочел какое-то сообщение и, шепнув что-то собеседнику, отошел в сторону позвонить. Бонд тоже занялся своим телефоном: он загрузил программу для подслушивания, опустил стекло

и приложил аппарат к уху так, чтобы микрофон смотрел на Данна. Агент беззвучно шевелил губами, иначе Ирландец мог догадаться, что его подслушивают.

Бонд не слышал второго собеседника и сначала разобрал только:

— …у входа с Гансом. Он хотел покурить… Знаю.

Вероятно, на том конце Хайдт.

Данн продолжал:

— Все по графику. Только что получил письмо: грузовик выехал из Марча в Йорк. С минуты на минуту будет на месте. Заряд уже подготовлен.

«Инцидент-20» произойдет в Йорке.

— Цель подтверждена. Взрыв запланирован на десять тридцать по местному времени.

Бонд с ужасом понял: они ждали теракта в десять тридцать вечера, Данн же называл время по двадцатичетырехчасовой шкале. Планируй он атаку на вечер, сказал бы «двадцать два тридцать».

Данн посмотрел на машину Бонда и произнес в трубку:

— Приехал Терон.

Он прервал разговор, крикнул Эберхарду, что встреча скоро начнется, и с нетерпеливым видом

повернулся к Бонду.

Тот набрал номер. «Прошу тебя, только ответь».

— Осборн-Смит, — раздалось в трубке.

«Слава Богу».

— Перси, слушай внимательно. У меня шестьдесят секунд. Я разобрался с «Инцидентом-20». Придется пошевеливаться. Мобилизуй всех: SOCA, «Пятерку», местную полицию. Бомба в Йорке.

— В Йорке?

— Люди Хайдта везут ее туда из Марча на грузовике. Взрыв сегодня утром. Что за цель, не знаю. В сообщениях упоминался «курс», так что проверьте причалы и другие места, где ожидается наплыв народа. Просмотрите все камеры наблюдения в окрестностях Марча, фиксируйте номера грузовиков, потом сравните их с номерами на въезде в Йорк. Вам понадобится…

— Слушай, Бонд, — хладнокровно заявил Перси, — Марч и Йоркшир тут ни при чем.

Бонд отметил, что тот назвал его по фамилии и вообще говорит крайне самоуверенным тоном.

— Что-что?

— Компании Хайдта занимаются утилизацией вредных отходов, так?

— Да, но…

— Помнишь, я говорил тебе, что он роет тоннели для какой-то новейшей системы транспортировки мусора по всему Лондону, в том числе в районе Уайтхолла? — Осборн-Смит словно опрашивал свидетеля в суде.

Бонда прошиб холодный пот.

— Один из тоннелей проходит неподалеку от места проведения конференции на Ричмонд-Террас, — театрально заявил Осборн-Смит. — Там будет твой шеф, мой, верхушка ЦРУ, «Шестерки», весь Объединенный комитет разведслужб — словом, полный справочник «Кто есть кто в мире безопасности». Хайдт раздобыл какую-то отравляющую дрянь и намерен всех прикончить. Последние несколько дней его люди постоянно таскают мусорные баки по тоннелям и зданиям возле Уайтхолла. Их никто не догадался проверить.

— Вряд ли, — спокойно проговорил Бонд. — Он не будет привлекать к нападению персонал «Грин уэй». Слишком очевидно. Это его изобличает.

— А знаешь, что мы обнаружили в тоннелях? Радиацию!

— Сколько? — бросил Бонд.

Тишина, а за ней нагловатый голос Осборн-

Смита:

— Около четырех миллибэров.

— Перси, это вообще смех. — Оперативники ГМП отлично знали всю статистику, связанную с радиацией. — Каждый человек на Земле получает шестьдесят миллибэров в год только от космических лучей.

Осборн-Смит пропустил его реплику мимо ушей и жизнерадостно продолжил:

— Про Йорк ты просто ослышался. Наверное, говорили про лондонский паб или театр «Дьюк оф Йорк». Возможно, там точка сбора. Проверим. На всякий случай я отменил сегодняшнюю сессию и распорядился переправить всех делегатов в безопасное место. Знаешь, Бонд, с тех самых пор, как я узнал, что Хайдт одержим тысячелетними трупами, я все думаю: что же его заводит? Обожает разруху, мечтает стирать с лица земли города…

Данн не спеша зашагал к «субару».

— Перси, я…

— Что же приведет к большей разрухе, чем гибель руководства органов безопасности половины стран Запада?

— Ладно, черт с тобой. В Лондоне твори что хочешь, только отправь SOCA или кого-то из МИ-5 по следу в Йорке.

— Людей не хватает. Отослать никого не могу. Разве что после обеда… В любом случае до вечера ничего не произойдет.

Бонд объяснил, что операция начнется гораздо раньше.

Смешок.

— Что, у Ирландца двадцать четыре часа в сутках? Это слегка меняет дело… Но все равно действуем по моему плану.

Вот почему Осборн-Смит поддержал Эм, когда Бонда хотели перевести из Южной Африки. Он просто не верил, что тот решит загадку, и решил присвоить себе все лавры.

Бонд отключился и стал набирать номер Билла Таннера, но Данн уже распахнул дверь:

— Пойдем, Терон. Твой новый босс ждет. Правила знаешь. Телефон с пистолетом оставь в машине.

— Лучше сдам их вашему милому консьержу. — Если дойдет до драки, будет шанс добраться до оружия и связи с внешним миром.

— Сегодня — в машине, — отчеканил Данн.

Бонд не стал спорить, убрал телефон с «вальтером» в перчаточный ящик и запер машину кнопкой брелока.

Проходя все положенные ритуалы на посту

охраны, он исхитрился бросить взгляд на часы. В Йорке восемь утра. Выяснить, где заложена бомба, надо за два с половиной часа.

Глава 55

В холле было пусто. Видимо, Хайдт или, что более вероятно, Данн дал всем сотрудникам выходной, чтобы торжественный запуск проекта «Геенна» прошел без помех.

Подошедший Хайдт тепло поприветствовал Бонда. Он был в отличном настроении, даже немного взволнован. Его глаза сияли.

— Джин!

Мужчины пожали друг другу руки.

— Пожалуйста, подготовь для моих партнеров презентацию по массовым захоронениям. Они тоже участвуют в финансировании проекта. Никаких формальностей: просто укажи на карте зоны основных полей, сколько там приблизительно тел, как долго они лежат в земле и сколько готовы заплатить твои клиенты. Кстати, мои гости работают в той же области; возможно, вы даже знакомы.

Бонд встревожился: как бы партнеры Хайдта не задумались, отчего это они ничего не слышали о беспощадном Джине Тероне из Дурбана, усеявшем половину Африки мертвыми телами.

По дороге он спросил, где его рабочее место,

втайне надеясь, что теперь-то ему доверяют и пустят в отдел разработок.

— Мы подготовили тебе кабинет.

Увы, Хайдт провел его мимо нужной двери — в просторную комнату без окон. Там стояли несколько стульев, большой рабочий стол и еще стол поменьше. Имелись ручки, бумага для заметок, десятки подробнейших карт Африки, интерком — однако телефона не было. По стенам на пробковых досках висели копии фотографий полуразложившихся тел, переданные Бондом при первой встрече.

Интересно, где оригиналы. У Хайдта в спальне?

— Подойдет?

— Вполне. Нельзя ли еще компьютер?

— Конечно — но только для работы с текстами и печати. Никакого Интернета.

— Почему?

— Мы опасаемся хакеров и других электронных угроз. Да настоящая презентация и не нужна, просто пометь нужную информацию от руки.

Бонд с невозмутимым видом посмотрел на часы. В Йорке половина девятого. Осталось два часа с небольшим.

— Что ж, тогда мне стоит заняться делом.

— Мы будем в большой переговорной, с другой стороны холла. По коридору до конца и налево, комната номер девятьсот. Приходи, когда захочешь, но не позднее половины первого — по телевизору будут передавать кое-что интересное.

В Йорке будет десять тридцать.

Хайдт ушел, и Бонд склонился над картой. Он обвел зоны боевых конфликтов, наобум выбранные еще на встрече в «Лодж-клубе», и приписал рядом цифры — количество захороненных. Затем свернул карту, прихватил ручки, блокнот и шагнул в пустой коридор. Сориентировавшись, двинулся в сторону отдела разработок.

В разведке обычно чем план проще, тем лучше — даже в операциях с нелегальным проникновением. Поэтому Бонд просто постучал в дверь.

«Мистер Хайдт просил принести ему бумаги… Простите, что беспокою. Я быстро…»

Он собирался наброситься на того, кто откроет дверь, провести болевой на запястье или локоть и вывести его из строя. Если противник будет вооружен — отлично. Оружие можно будет забрать.

Никто не отозвался. В отделе разработок сегодня тоже выходной.

Бонд перешел к плану «Б» — чуть посложнее. Вчера вечером он отослал Хирани фотографии двери. Шеф отдела «Кью» сказал, что замок неприступен и на взлом потребуется несколько часов. Его команда обещала поискать другие варианты.

Вскоре Бонду сообщили, что Хирани отправил Лэмба раздобыть какой-то инструмент; именно его вместе с инструкцией агент МИ-6 передал этим утром Бонду в кабинете Бхеки Йордан.

Он еще раз оглянулся и принялся за работу. Из внутреннего кармана пиджака извлек моток лески — металлодетектор не реагировал на нейлон. Один конец пропустил через узкую щель над дверью и стал понемногу подтравливать, пока тот не опустился на пол с другой стороны. Затем оторвал от обложки блокнота кусок картона в форме буквы Г — получилось нечто вроде крючка, который он просунул под дверью, подцепил конец лески и вытащил его наружу.

Связав концы лески тройным хирургическим узлом, Бонд получил петлю, которая охватывала дверь сверху донизу, и с помощью ручки стал затягивать ее как жгут. Леска натянулась и стала давить на рычажок с той стороны двери. Наконец случилось то, что и должно было, по словам Хирани, произойти «скорее всего», — дверь рас-

пахнулась со щелчком, как будто кто-то изнутри захотел выйти и нажал на рычажок, ведь правила пожарной безопасности запрещают ставить кодовый замок внутри комнаты.

Бонд шагнул в темное помещение, ослабил петлю и убрал инструмент в карман, потом прикрыл дверь, включил свет и осмотрелся в поисках телефона, радиопередатчика или оружия. Увы. Только десяток ноутбуков и стационарных компьютеров. Он попытался загрузить три из них — везде стоял пароль на вход, так что на остальные не стоило и время тратить.

На столах валялись тысячи бумаг и папок, однако, как ни печально, метки «Геенна» нигде не обнаружилось.

Он стал рыться в кипах чертежей, диаграмм, спецификаций и схем. Там было оружие, охранные системы, какие-то машины — но только не ответ на важнейшие вопросы: кого собираются взорвать в Йорке и где именно заложена бомба.

Наконец ему попалась папка «Сербия». Бонд распахнул ее, стал просматривать бумаги и замер. Он не верил своим глазам.

На фотографиях были столы из морга старой армейской санчасти в Марче, а на одном из столов — оружие, которого не существует. Эту

адскую машину прозвали «Резак». МИ-6 и ЦРУ подозревали, что ее строят сербы, однако никаких доказательств не нашлось. «Резак» был предназначен для поражения живой силы противника. В дополнение к обычной взрывчатке там использовались твердотопливные элементы, выбрасывавшие сотни крошечных титановых лезвий со скоростью около трех тысяч миль в час.

Хотя о «Резаке» пока ходили лишь слухи, ООН и правозащитные организации сразу же осудили эту жуткую бомбу. Сербия стойко отрицала свою причастность к ее производству, и никто, даже самые завзятые торговцы оружием, никогда не видел такого устройства.

Откуда же Хайдт выкопал эту чертовщину?

Бонд продолжал рыться в бумагах. Сложные технологические схемы, чертежи, инструкции по обработке лезвий, служивших «Резаку» шрапнелью, — все на сербском, с английским переводом.

Хайдт построил «Резак»: каким-то образом получил чертежи и велел своим специалистам собрать адскую машину. Металлические опилки, которые Бонд нашел на заброшенной военной базе, — это обрезки смертоносных титановых

лезвий.

Разрешилась и загадка отравляющего вещества с сербского поезда — химикаты Данна вообще не интересовали. Возможно, Ирландец даже не знал, что в вагоне был опасный груз, — он отправился в Нови-Сад за титаном для бомбы. Два вагона металлолома шли сразу за локомотивом — за ними-то и охотился Данн. И в рюкзаке у него было не оружие и не взрывчатка для бочек с химикатами из третьего вагона. Изначально рюкзак был пуст, а Данн наполнил его бесценными титановыми пластинами и привез в Марч. Он подстроил крушение поезда, чтобы не обнаружили пропажу.

Но как Хайдт с Данном раздобыли чертежи? Сербы должны были хранить документацию как зеницу ока.

Ответ нашелся через мгновение, в письме годичной давности от Махди аль-Фулана из Дубая.

> Северан!
>
> Что касается твоего запроса по поводу возможности создать систему, которая будет восстанавливать пропущенные через шреддер секретные документы, — боюсь, после современного шреддера это невозможно. Вот что я предлагаю:

мы можем разработать систему оптических датчиков, которая будет отключать устройство, если кто-нибудь в него полезет. В нее же мы встроим сверхскоростной сканер, через который будут проходить все документы. Данные будем хранить на трех- или четырехтерабайтном диске, который спрячем где-нибудь внутри шреддера. Впоследствии их можно будет скачать по защищенному каналу на мобильный телефон или через спутник, а можно и извлечь физически при замене ножей или чистке аппарата.

Рекомендую также предложить клиентам сверхэффективные шреддеры, которые измельчают бумагу буквально в пыль, — это придаст им уверенности, что тебе можно доверить даже самую секретную документацию.

Кроме того, у меня имеется проект такого же аппарата для считывания данных с жестких дисков перед их утилизацией. Я думаю, можно разработать устройство, которое будет разбирать стационарные компьютеры и ноутбуки, оптически идентифицировать жесткий диск и на-

правлять его в специальный блок, где диск перед утилизацией можно временно подключать к рабочему компьютеру. После копирования секретных данных вся исходная информация стирается.

Бонд погрузился в чтение. Сканирующие шредеры уже стояли во всех городах, где имелся офис «Грин уэй», в том числе и на засекреченных объектах сербской армии, и у их подрядчиков в окрестностях Белграда.

В других письмах обсуждались проекты сбора не столь секретных, но тоже важных документов. Специальные группы работников «Грин уэй» должны были отвозить «особый» мусор в специально отведенные места, где тот просматривался в поисках личных данных и иной ценной информации.

Бонд сразу оценил важность проекта: ему попадались копии оплаченных кредиткой счетов — иногда целых, иногда восстановленных после шреддера. Так, один счет был за номер в гостинице неподалеку от Претории. Перед именем владельца карты стояло слово «достопочтенный», а из прилагаемой записки следовало, что интрижка выплывет наружу, если он не согласится

с требованиями своего конкурента в политических делах. Очевидно, это и были «особые грузы», которые свозились сюда со всей страны.

Были там и целые страницы телефонных номеров, еще каких-то цифр, логинов, паролей, обрывков электронной переписки и эсэмэс. Электронный мусор. Еще бы. Рабочие с «Кремниевой улицы» просматривали телефоны и компьютеры, извлекали серийные номера, пароли, банковские реквизиты, тексты сообщений и черт знает что еще.

Впрочем, главный вопрос оставался без ответа. Где взорвется «Резак»?

Бонд склонился над столом и вперил взгляд в чертеж адской машины. Кровь стучала в висках.

«Думай».

Какое-то время в голову ничего не приходило, но потом родилась идея. Что делал Северан Хайдт? Собирал информацию по кусочкам.

Нужно поступить так же. Сложить головоломку.

Какие имеются кусочки?

Цель в Йорке.

Слова «группа» и «пять миллионов фунтов» в одном из сообщений.

Хайдт устраивает бойню, чтобы отвлечь внима-

ние от преступления, которое хочет совершить в действительности — как в Сербии.

«Резак» был спрятан где-то в окрестностях Марча и только-только прибыл в Йорк.

Он действует не по идейным соображениям. Взрыв оплачен.

Он мог выбрать любую взрывчатку, но пошел на огромные затраты и по оригинальным чертежам сербов собрал «Резак». Такую бомбу не купишь по обычным каналам.

Погибнут тысячи людей.

Минимальный радиус взрыва 100 футов.

Взрыв произойдет ровно в десять тридцать утра.

Нападение как-то связано с «курсом», дорогой или каким-то маршрутом.

Как Бонд ни переставлял эти жалкие обрывки, целого не получалось.

Не останавливаться! Он в ярости стал рассматривать каждый фрагмент головоломки по отдельности, мысленно поднимая его и кладя на новое место.

Один вариант очевиден: если Хайдт с Данном построили «Резак», то эксперты обнаружат след военных и придут к выводу, что за взрывом стоит сербское правительство или армия, поскольку

на черном рынке такую бомбу не купишь. Хайдт отвел подозрение от себя и заказчиков — кем бы они ни были. Это ложный след — совсем как пущенный под откос поезд.

Тогда должно быть две цели. Для полиции и для публики удар будет направлен против объекта, имеющего очевидную связь с Сербией, тогда как настоящая жертва погибнет на первый взгляд случайно. Никто никогда не подумает, что Хайдт и неизвестный заказчик охотились именно за ней.

И именно эта смерть не в интересах Британии.

Кто жертва? Госчиновник? Ученый? И где, черт побери, прогремит взрыв?

Бонд еще немного поиграл с информационным конфетти.

Ничего…

Как вдруг в голове что-то щелкнуло. «Группа» встала рядом с «курсом».

Что если «группа» — не оперативное подразделение, а группа студентов? А «курс» — университетский курс?

Логично. Большое здание, тысячи студентов.

Но где именно?

Итак, получается следующее: некая организация, где сегодня в десять тридцать утра читается

курс, состоится лекция, митинг, выставка или что-то еще, связанное с Сербией. Предположительно университет.

Подтвердится ли собранная по кусочкам версия?

Времени на рассуждения не осталось. Судя по электронным часам на стене, прошла еще минута.

В Йорке девять сорок.

Глава 56

Бонд, сжимая в руках карту захоронений, расслабленно шел по коридору.

Охранник с маленькой головой на бычьей шее посмотрел на него с подозрением. К разочарованию Бонда, оружия у него не оказалось, рации тоже. Он спросил, как пройти в переговорную к Хайдту, — тот объяснил.

Бонд двинулся дальше, но вдруг обернулся:

— Ах да, мне бы еще уточнить у мисс Барнс по поводу обеда. Не знаете, где она?

Охранник с некоторым сомнением указал нужный коридор:

— Ее кабинет там. Комната сто восемь. Двустворчатая дверь с левой стороны. Сначала постучите.

Бонд направился в указанном направлении. Добравшись до цели, обернулся — никого. Он постучал.

— Джессика, это Джин. Мне надо с вами побеседовать.

Тишина. Она говорила, что будет у себя, но вполне могла заболеть, устать и остаться дома.

«Пожалуйста…»

Щелкнул замок, и Бонд шагнул в отворившуюся дверь. Джессика смотрела на него с нескрываемым удивлением.

— Джин, что случилось?

Он закрыл дверь и впился глазами в телефон на столе.

Джессика тут же поняла. Выпучив глаза, она шагнула к столу, схватила телефон и отскочила подальше.

— Вы… — Она покачала головой. — Вы полицейский. Вы охотитесь за ним. Как же я не догадалась!

— Послушайте…

— Да-да, понимаю. Вчера в машине вы меня… как там говорят? Вербовали? Втирались в доверие.

— Через сорок пять минут Северан убьет кучу людей.

— Чушь!

— Это правда. На кону тысячи жизней. Он взорвет университет в Англии.

— Я вам не верю! Он на такое не способен. — Однако убежденности ее тону не хватало. Джессика видела слишком много столь дорогих Хайдту фотографий, чтобы отрицать его страсть к смерти и разрушению.

— Он торгует секретами, которые извлекает из мусора, шантажирует ими людей и убивает. — Бонд шагнул вперед и протянул руку к телефону. — Прошу вас.

Она шагнула назад и помотала головой. Окно в комнате было открыто, после недавнего ливня под ним образовалась лужа. Джессика вытянула руку с телефоном наружу.

— Стойте.

Бонд замер.

— Время на исходе. Прошу, помогите.

Еще несколько бесконечных секунд. Наконец узкие плечи женщины поникли.

— Он темный человек. Я думала, что дело только в этих… в этих жутких снимках. Что у него просто такая болезненная страсть. И в то же время подозревала: все куда страшнее. Ему недостаточно просто смотреть — он хочет разрушать сам.

Джессика протянула телефон.

— Спасибо.

В этот момент дверь распахнулась. На пороге стоял тот самый охранник, у которого Бонд спрашивал дорогу.

— Что здесь происходит? Посетителям не разрешается пользоваться телефоном.

— У меня дома беда, — ответил Бонд. — Заболел

близкий человек, и нужно сделать пару звонков. Я попросил телефон у мисс Барнс — она не против.

— Все так, — подтвердила Джессика.

— Пожалуй, я его заберу.

— Нет, не заберете, — уверенно заявил Бонд.

Повисла тяжелая пауза, а потом охранник кинулся на Бонда. Тот отбросил телефон на стол и принял защитную стойку. Начался бой.

Противник был тяжелее килограммов на двадцать и вдобавок очень хорош — владел кикбоксингом и айкидо. Бонд не без труда уходил от ударов, тем более что в заставленном мебелью кабинете не было места для маневра.

Гигант вдруг резко отпрыгнул и врезался в Джессику. Та с криком рухнула на пол и, оглушенная, затихла.

Бонд понял, что уклоны и уходы «системы» здесь не помогут. Противник очень силен и, кажется, вообще не уставал.

Не теряя хладнокровия в горячке боя, охранник оценил обстановку и приготовился ударить, но в последний момент придержал ногу. Бонд разгадал его финт, и когда массивный противник повернулся, врезал локтем ему в бок — прием крайне болезненный, вполне можно отбить

почку.

Увы, Бонд слишком поздно сообразил, что и противник предвидел его ход. Он подставился специально и теперь прыгнул к столу, схватил с него «Нокию», разломил пополам и вышвырнул в окно. Одна половинка исчезла сразу, вторая скакнула по поверхности лужи и пошла ко дну.

Однако когда охранник обернулся, Бонд был готов. Махнув рукой на «систему», он встал в классическую боксерскую стойку и врезал врагу левой в солнечное сплетение, а когда тот сложился пополам, обрушил правую по короткой дуге, метя в точку за ухом. Удар лег точно в цель. Охранник дернулся и рухнул на пол.

Бонд быстро связал здоровяка шнуром от лампы и заткнул ему рот салфетками, которые валялись на подносе.

Затем склонился к Джессике, которая как раз пыталась встать.

— Как вы?

— Ничего, — еле слышно шепнула она и подбежала к окну. — Но телефон-то… Что будем делать? Другого у меня нет. И диспетчерская сегодня закрыта — Северан отправил всех по домам.

— Поворачивайтесь, — сказал Бонд, — мне придется вас связать, причем туго — иначе не

поверят.

Джессика сложила руки за спиной.

— Простите. Я очень старалась.

— Тс-с, — шепнул Бонд. — Я понимаю. Если кто-то войдет, скажите, что не знаете, куда я пошел. Притворитесь напуганной.

— Притворяться и не надо, — отозвалась она и добавила: — Джин…

Он обернулся.

— Перед каждым конкурсом красоты мы с мамой молились, и я часто побеждала. Наверное, у нас неплохо получалось. Я буду молиться за вас.

Глава 57

Бонд быстро шагал по темному коридору мимо фотографий с райскими кущами, в которые компания Хайдта превращала захоронения отходов.

В Йорке девять пятьдесят пять. «Резак» в боевой готовности. Взрыв произойдет через тридцать пять минут.

Нужно срочно выбираться из здания. Наверняка тут есть что-то вроде арсенала — скорее всего у поста охраны при входе. Туда-то он и направлялся уверенным шагом, опустив голову и сжимая в руках карты и блокнот. До входа осталось метров пятьдесят, и Бонд стал обдумывать тактику. Охранников трое. Сдавал ли оружие кто-то из посетителей, или им тоже велели оставить его в машине? Может быть…

— Вот вы где, сэр!

Бонд вздрогнул. Перед ним с ничего не выражающими лицами выросли два мускулистых охранника. Очевидно, Джессику и связанного бойца еще не обнаружили.

— Мистер Хайдт, не найдя вас в кабинете, попросил привести вас в переговорную.

Тот, что пониже, исподлобья, как черепаха из-

под панциря, буравил Бонда жестким взглядом.

Оставалось лишь подчиниться. Через пару минут они подошли к переговорной. Высокий охранник постучал. Данн открыл и кивком пригласил войти. Партнеры Хайдта сидели вокруг стола. У двери, скрестив руки, стоял гигант в темном костюме — именно он вчера был провожатым у Бонда.

Хайдт воскликнул:

— Джин! Как продвигается дело?

— Отлично, но я пока не закончил. Мне бы еще минут пятнадцать-двадцать.

— Разумеется, только позволь мне сначала представить людей, с которыми тебе предстоит работать. Всего у меня с десяток инвесторов, трое крупнейших — перед тобой.

У Бонда мелькнула мысль, не насторожит ли троицу тот факт, что никто никогда не слышал ни о каком Джине Тероне, однако Матебула, Эберхард и Хуан лишь коротко кивнули — они были увлечены какими-то другими делами.

На часах двенадцать ноль пять. Значит, в Йорке пять минут одиннадцатого.

Бонд уже собирался идти, когда Хайдт сказал:

— Нет-нет, подожди.

Он мотнул головой в сторону телевизора. Данн

включил лондонский канал «Скай ньюс» и приглушил звук.

— Взгляни. Это наш первый проект.

Хайдт сел и пустился в разъяснения о том, что Бонд уже и так знал: проект «Геенна» заключался в восстановлении и считывании секретной информации с целью продажи, вымогательства и шантажа.

Бонд вздернул брови, изображая удивление, и снова украдкой посмотрел на выход. Прорваться вряд ли выйдет — гигант в черном костюме замер у самой двери.

— Как видишь, Джин, рассказывая об измельчении документов, я был не вполне откровенен. Но ведь это происходило до нашего маленького приключения с «винчестером».

Бонд пожал плечами и прикинул дистанцию до двери.

Длинные желтые ногти Хайдта пробежали по бороде.

— Тебе, наверное, интересно, что произойдет сегодня. «Геенна» начиналась как проект по сбору и продаже секретной информации, и лишь потом я понял, что у этих тайн есть более выгодное, а для меня — еще и более приятное — применение. Их можно превратить в оружие. Несколько ме-

сяцев назад я встречался с руководителем некой фармацевтической компании, который покупал у нас коммерческие тайны конкурентов. Все шло хорошо, но сверх того он сделал мне весьма своеобразное предложение. Один профессор из Йорка, блестящий исследователь, разрабатывает новое лекарство от рака. Когда оно поступит в продажу, компания моего клиента разорится, поэтому он готов платить миллионы — лишь бы профессор погиб вместе со своей лабораторией. И здесь «Геенна» оказалась настоящей находкой.

Далее Хайдт подтвердил все выводы Бонда про сербскую бомбу, созданную по чертежам и планам, восстановленным в белградском подразделении «Грин уэй». Решат, что убийцы охотились за другим профессором того же университета, дававшим ранее показания в Международном трибунале по бывшей Югославии. Он читал курс по истории Балканских стран по соседству с лабораторией того самого исследователя. Всякий сразу подумает, что главная жертва — именно историк.

Бонд посмотрел на время в бегущей строке новостей. В Англии десять пятнадцать. Надо выбираться.

— Просто замечательно, — сказал он. — А те-

перь я принесу записи и изложу вам свою идею.

— Подожди. Полюбуйся. — Хайдт кивнул в сторону экрана, и Данн сделал погромче. — Мы собирались устроить взрыв в половине одиннадцатого, но обе лекции уже начались, так что можно и сейчас. Да и вообще, — признался он, — уж больно хочется проверить, сработает ли наш агрегат.

Бонд и глазом моргнуть не успел, как Хайдт набрал какой-то номер и посмотрел на экран.

— Что ж, сигнал прошел. Посмотрим.

Все в полном молчании уставились на экран, показывали сюжет о королевской семье. Через пару минут его сменила тревожная красно-черная надпись:

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

На экране появилась студия, и ведущая-индианка заговорила дрожащим голосом:

— Мы прерываем передачу экстренным сообщением. В Йорке произошел взрыв. Судя по всему, бомба была заложена в машине. Власти заявляют, что взрыв уничтожил большую часть университета. Как только что передали… Да, на территории Йоркского университета. По нашим данным, в момент взрыва в здании шли занятия

и в помещениях находилось очень много людей… Пока никто не взял на себя ответственность…

Бонд шумно выдохнул сквозь сжатые зубы. Глаза Хайдта горели триумфальным огнем, а собравшиеся аплодировали так, словно их любимый форвард только что забил на чемпионате мира решающий гол.

Глава 58

Через пять минут в эфир вышла местная служба новостей, и весь мир увидел кадры трагедии: полуразрушенное здание, клубы дыма, всюду руины и обломки стекла. Кругом суетились спасатели, подъезжали десятки полицейских и пожарных машин. Бегущая строка гласила: «Мощный взрыв в Йоркском университете».

В наше время жуткими кадрами никого не удивишь. Сцены, непереносимо-кошмарные вживую, каким-то образом смягчаются, когда попадают на плоский экран, с которого к нам приходит «Доктор Кто»[29] вместе с рекламой «форда-мондео» и новых коллекций в «Мисс Селфридж».[30]

И все равно картина бедствия — руины университета в дыму и пыли, ошарашенные, беззащитные люди — брала за сердце. Очевидно, в помещениях рядом с эпицентром взрыва не выжил никто.

---

[29] Примечания: 29
«Доктор Кто» — популярнейший британский телесериал Би-би-си.

[30] Примечания: 30
«Мисс Селфридж» — крупная сеть магазинов молодежной моды.

Бонд молча уставился на экран. Хайдт тоже, хотя он-то был в полном восторге. Троица партнеров оживленно переговаривалась — нормальное поведение для людей, за долю секунды разбогатевших на несколько миллионов каждый.

Ведущая сообщила, что бомба была начинена металлическими пластинками наподобие бритвенных лезвий, которые разлетелись со скоростью несколько тысяч миль в час. Взрыв разрушил большинство аудиторий и административных помещений на первом и втором этажах.

Далее передали, что в редакцию одной венгерской газеты пришло письмо, в котором ответственность за взрыв брала на себя группа сербских военных. Как говорилось в письме, университет служил «прибежищем и трибуной» профессору, являвшемуся «предателем сербского народа».

— Это тоже наших рук дело, — пояснил Хайдт. — Официальный бланк сербской армии попал к нам из мусорной корзины — на нем и напечатали заявление. — Он быстро посмотрел на Данна, и Бонд понял, что именно Ирландец добавил эту крошечную детальку в общий механизм.

«Человек, который предусмотрит все…»

— Что ж, пора на праздничный обед, — объявил Хайдт.

Бонд бросил последний взгляд на экран и направился к двери. В этот самый момент ведущая вдруг повела головой.

— Последние новости из Йорка. — Голос женщины звучал озадаченно, она даже приложила руку к гарнитуре, чтобы лучше слышать. — Старший суперинтендант полиции Йоркшира Фил Пелэм собирается сделать заявление. Мы передадим его в прямом эфире.

В кадре, на фоне пожарной машины, появился обеспокоенный мужчина средних лет в полицейской форме, но без пиджака и головного убора. Десяток микрофонов торчали у самого его лица. Мужчина откашлялся.

— Примерно в десять часов пятнадцать минут утра на территории Йоркшир-Брэдфорд-колледжа сдетонировало взрывное устройство. Здание сильно пострадало, однако никто не погиб, и лишь пять или шесть человек получили легкие травмы.

Троица за столом умолкла. В голубых глазах Данна сверкнул непривычный огонек.

Хайдт шумно, с присвистом вдохнул и мрачно нахмурился.

— Примерно за десять минут до взрыва властям сообщили, что на территории одного из университетов Йорка или где-то поблизости заложена бомба. Ряд дополнительных обстоятельств наталкивал на мысль, что целью злоумышленников может быть именно Йоркшир-Брэдфорд-колледж, однако в качестве дополнительной предосторожности мы провели эвакуацию во всех учебных заведениях города в соответствии с планами, введенными в действие после седьмого июля.

В результате взрыва пострадали — еще раз подчеркну, речь идет исключительно о мелких травмах — сотрудники специальных служб, оставшиеся в опасной зоне, дабы убедиться, что все учащиеся эвакуированы. Кроме них, легко ранен профессор-медик, читавший лекцию в аудитории возле самого эпицентра: перед взрывом он забирал материалы из своего кабинета.

Нам известно, что ответственность за теракт взяла на себя сербская военная группировка, и могу вас заверить: полиция Йоркшира, полиция Лондона и Служба безопасности придают этому инциденту первостепенное значение…

Хайдт молча нажал на кнопку, и экран потух.

— Это что, кто-то из ваших? — рявкнул Хуан. — Струсил и предупредил их!

— Вы гарантировали, что всем до одного можно доверять! — холодно произнес немец.

Доверие между партнерами стремительно таяло.

Хайдт бросил взгляд на Данна. Ирландец погрузился в размышления. За столом шумно спорили, и Бонд стал потихоньку пробираться к выходу.

Он преодолел уже половину пути к свободе, как вдруг дверь с грохотом распахнулась. Стрельнув глазами, охранник указал на Бонда:

— Это он.

— Что он? — переспросил Хайдт.

— Чензиру и мисс Барнс нашли связанными у нее в кабинете. Чензиру оглушили, но, придя в сознание, он успел заметить, как этот человек достал из сумочки мисс Барнс что-то вроде маленькой рации и с кем-то по ней разговаривал.

Хайдт недоуменно нахмурился, тогда как по лицу Данна читалось, что он чуть ли не ждал предательства именно от Джина Терона. Быстрый взгляд Ирландца — и гигант в черном костюме направил пистолет прямо в грудь Бонду.

Глава 59

Итак, охранник в кабинете Джессики очнулся раньше, чем ожидалось. Он видел, как Бонд, связав хозяйку, достал из ее сумочки предметы, полученные от Лэмба вместе с ингалятором.

Накануне, когда они остановились у ее дома, Бонд донимал Джессику бестактными вопросами, чтобы она расстроилась, отвлеклась, а в идеале — разрыдалась. Тогда он мог бы достать из ее сумочки платок, а заодно подбросить в боковой карман «подарки», которые Лэмб передал по поручению Хирани. В их числе был миниатюрный спутниковый телефон размером с толстую авторучку. Двойной охранный периметр не позволял припрятать оборудование в траве или кустах, и Бонд, зная, что Джессика вернется на следующий день на фирму, подбросил все, что нужно, в ее сумочку, которую не проверяли металлодетектором.

— Давай сюда, — велел Хайдт.

Бонд выудил из кармана телефон. Хайдт осмотрел его, швырнул на пол и раздавил каблуком.

— Кто ты? На кого работаешь?

Бонд молча покачал головой.

Хайдт, утратив былую безмятежность, отвечал на нападки озлобленных партнеров: те гневно требовали гарантий сохранения их имен в тайне и как один желали получить свои телефоны — а Матебула еще и пистолет.

Данн рассматривал Бонда, словно тот был забарахлившим двигателем, и тихо бормотал:

— Так это ты был в Сербии. И на базе в Марче — тоже ты. — На его лбу под светлой челкой пролегли глубокие борозды. — Но как же ты сбежал? Как? — Ответа не требовалось, Ирландец говорил сам с собой. Его голос стих, а на лице появилось нечто вроде восхищения: похоже, Данн решил, что Бонд такой же инженер со своими сложными проектами.

Хайдту Ирландец пояснил:

— У него хорошие контакты в Англии — иначе университет не успели бы эвакуировать. Значит, работает на какую-то британскую спецслужбу. Здесь у него тоже кто-то есть, иначе из Лондона связывались бы с Преторией, а у нас там полно людей, которые потянули бы время. — Данн обратился к одному из охранников: — Запусти сигнал тревоги «Выброс вредных веществ». Всех выводить на стоянку: если нагрянет полиция или спецслужбы, то им придется повозиться.

Охранник отдал распоряжения по интеркому. Завыла сирена, включилась система оповещения.

— А с ним что? — Хуан указал на Бонда.

— С ним?.. — Данн говорил сухо, словно тут и обсуждать-то нечего. — Убейте, а тело — в мусоросжигатель.

Гигант все с тем же скучающим выражением лица шагнул вперед и прицелился из своего «глока».

— Не надо! — воскликнул Бонд, умоляюще воздев руку к небу.

Вполне естественный жест при сложившихся обстоятельствах.

Именно поэтому охранник очень удивился, когда ему в лицо полетело черное лезвие — последний гостинец из «гуманитарной помощи» Хирани, припрятанный Бондом в сумочке Джессики.

Бонд не успел сделать поправку на расстояние, да и вообще не был особенно силен в метании ножей, так что рассчитывал скорее на отвлекающий эффект. Охранник же отмахнулся от вращающейся пластинки, и острая как бритва кромка рассекла ему руку. Не давая врагам опомниться, Бонд бросился вперед, выкрутил

гиганту кисть и, обезоружив, прострелил ему толстенную ногу. Так он убедился, что пистолет заряжен, и заодно вывел противника из строя. Данн и второй охранник открыли пальбу, и Бонд выкатился в дверь.

В коридоре никого не было. Он захлопнул дверь, пробежал двадцать метров и укрылся за мусорным баком — по занятному совпадению, зеленого цвета.

Дверь медленно приоткрылась. Из нее высунулся вооруженный охранник — его узкие глазки настороженно обшаривали коридор. Убивать мальчишку было незачем, и Бонд всего лишь прострелил ему локоть.

Понимая, что противники наверняка вызвали подмогу, Бонд вскочил и понесся дальше. На бегу проверил магазин. Десять патронов. Девятимиллиметровые, пуля с цельнометаллической оболочкой. Патрон маломощный, да и останавливающий эффект у покрытой медным сплавом пули хуже, чем у экспансивной, зато скорость и точность на высоте.

Он вставил магазин обратно.

Десять патронов.

Не сбиться бы со счета…

У самого уха что-то щелкнуло, а из бокового

коридора донесся грохот выстрела. К нему бежали двое охранников в форме защитного цвета со штурмовыми винтовками «бушмастер». Бонд выстрелил дважды, не попал, но выиграл достаточно времени, чтобы отворить пинком боковую дверь и вбежать в тесный кабинет. Никого.

Осталось восемь выстрелов.

Пара охранников действовала грамотно — не иначе бывшие военные. Бонд оглох от выстрелов и не слышал голосов, но, судя по мелькающим в коридоре фигурам, подошло подкрепление — возможно, и Данн с ними. Похоже, собираются ворваться разом, паля во все стороны. Против такого маневра шансов у него нет.

Противники приближались.

Оставался последний, не слишком разумный и оригинальный вариант. Бонд швырнул в окно стул и, прыгнув следом с шестифутовой высоты, растянулся на земле. Он больно ударился, но ничего не сломал и сразу рванулся в глубь покинутой рабочими территории завода.

Бонд залег за бульдозерным отвалом, держа на прицеле окно и дверь рядом с ним.

Восемь патронов, восемь патронов, восемь…

Он чуть придавил податливый спусковой крючок и ждал, ждал, ждал, по возможности

контролируя дыхание.

Однако охранники не сунулись в ловушку. Никто так и не подошел к выбитому окну, а значит, враги направляются к другим выходам. Они, разумеется, попробуют его обойти — этот простой и эффективный план был приведен в исполнение немедленно. Данн с двумя охранниками выбежали из-за южного угла здания и укрылись за грузовиками. Бонд инстинктивно посмотрел в другую сторону: оттуда приближались двое охранников, напавших на него в коридоре. Они залегли за желто-зеленым экскаватором.

Отвал прикрывал его только со стороны здания, враги же надвигались с флангов. Бонд откатился в сторону как раз вовремя — один из охранников с северной стороны открыл огонь. «Бушмастер» не отличается дальнобойностью, зато бьет очень точно. Пули глухо зарывались в землю и громко щелкали по металлическим брусьям — Бонда даже чуть зацепило свинцовой крошкой.

Пока двое с северной стороны не давали ему пошевелиться, вторая группа под предводительством Данна приближалась с юга. Бонд чуть приподнял голову, но прицелиться не успел: враги подобрались ближе и залегли среди мусорных куч, бочек и всякого хлама.

Внезапно со всех сторон взметнулись фонтаны земли. Он попал под перекрестный обстрел. Пули ложились все ближе и ближе. Двое с северной стороны укрылись за невысоким холмиком, вероятно, рассчитывая подняться наверх и прицельно расстрелять противника.

Нужно срочно менять позицию. Бонд быстро-быстро пополз через траву и кусты к востоку, в глубь огороженной территории, поеживаясь от полной беззащитности. Холм оставался сзади, по левую руку, и два стрелка вот-вот поднимутся на его вершину.

Он попытался представить себя на их месте. Сколько еще до верха? Пятнадцать футов? Десять? Пять? Вот двое медленно выползают на гребень, поднимают винтовки…

Пора!

На всякий случай Бонд выждал еще пять мучительных секунд — каждая тянулась как целый час, — а потом перекатился на спину и прицелился, лежа ногами к противнику.

Один охранник и правда стоял на вершине холма с винтовкой у плеча, второй пристроился позади.

Бонд нажал на спусковой крючок, чуть повел стволом и выстрелил снова.

Первый охранник схватился за грудь и покатился вниз, волоча за собой оружие. Второй откатился целый и невредимый.

Осталось шесть патронов. Шесть.

И четверо противников.

Кругом засвистели пули Данна и его группы. Бонд перекатился между бочками, залег в высокой траве и оценил обстановку. Бежать можно только через главный вход — до него сотня футов, и калитка для прохода открыта. Однако укрытий на пути нет, а позиция для стрельбы что у Данна с сообщниками, что у второго охранника на холме будет идеальная.

Шквальный огонь заставил Бонда вжаться в пыльную землю. Потом наступило короткое затишье, и он, оценив расположение стрелков, вскочил и бросился к чахлому деревцу, у подножия которого рассчитывал укрыться за сваленными бочками. Он мчался изо всех сил, но на полпути вдруг развернулся. Охранник из группы Данна, не ожидая такого маневра, встал во весь рост и вел стволом на упреждение, рассчитывая уложить беглеца через пару метров. Ему не пришло в голову, что противник выскочил на открытое место специально, чтобы выманить цель из укрытия. Два хлопка — и охранник

упал. Остальные попрятались, и Бонд, добежав до дерева, укрылся за невысокой кучей мусора. Пятьдесят футов до ворот. Несколько выстрелов с южной стороны — и пришлось перебраться в заросли невысокого кустарника.

Четыре патрона.

Три цели.

До ворот он добежал бы за десять секунд, но пять из них пришлось бы преодолеть без намека на укрытие.

Впрочем, выбора нет. Его вот-вот окружат.

Высматривая врагов, Бонд заметил движение между двумя грудами строительного мусора и насчитал среди редкой травы у самой земли три головы. Охранник с северной стороны присоединился к Данну и его спутнику. Они не догадывались, что Бонд их видит, и озабоченно перешептывались — вероятно, планировали, что делать дальше. Все трое были в зоне поражения.

Да, с таким количеством боеприпасов да из незнакомого пистолета попасть будет сложновато, и все же такую возможность упускать нельзя. Нужно действовать, ведь враги в любой момент могут сменить позицию.

Лежа на животе, Бонд поднял пистолет. На соревнованиях по стрельбе о спусковом крючке

даже не думаешь. Для хорошего выстрела, прицелившись по мишени, нужно контролировать дыхание и не шевелиться. Указательный палец медленно сгибается, и в какой-то момент пистолет стреляет как будто сам собой — лучшие стрелки даже немного удивляются каждому выстрелу.

Само собой, при сложившихся обстоятельствах второй и третий раз придется стрелять быстро. Первый же предназначался Данну, и уж тут-то Бонд постарается не промазать.

Он и не промазал.

Громкий хлопок, сразу за ним еще два.

В стрельбе, как и в гольфе, мгновенно понимаешь, насколько хорошо ты взял прицел. Стремительные пули угодили туда, куда посылал их Бонд.

Да, он попал точно в цель — но не во врагов, а в лист хромированного металла, который кто-то из них (наверняка проклятый Ирландец) отыскал в груде мусора и установил под нужным углом. Блестящая пластина упала на землю.

Проклятие!

По приказу Данна охранники разделились и заняли удобные позиции — благо Бонд так удачно выдал свою.

Двое бросились вправо, отсекая его от ворот, а Данн побежал налево.

Один патрон. Один.

Враги пока не знают, что стрелять ему нечем, но скоро догадаются.

Он в ловушке. Единственное укрытие — куча картона и старых книг.

— Сдаюсь! — крикнул Бонд, отбросил пистолет и вышел с поднятыми руками.

Показались двое охранников справа и, видя, что враг безоружен, стали подбираться ближе.

— Не шевелись! Не опускай руки!

Они держали его на мушке.

Вдруг откуда-то поблизости донесся голос:

— Вы что творите? На кой черт нам сдался пленный? Убейте его!

Разумеется, с ирландским акцентом.

Глава 60

Охранники переглянулись и, видимо, решили поделить между собой славу убийцы того, кто пустил под откос «Геенну» и прикончил парочку их сослуживцев.

Оба вскинули оружие.

Бонд собирался броситься на землю в отчаянной попытке уйти от пуль, как вдруг сзади раздался грохот. Белый фургон вышиб ворота, расшвыряв в стороны обрывки металлической сети и колючей проволоки. Машина резко замерла, дверь отъехала в сторону, из салона выскочил высокий мужчина в костюме и бронежилете под пиджаком — и тут же открыл огонь по паре охранников.

Квалене Нкоси — немного взволнованный и напряженный — показал себя молодцом.

Охранники, отстреливаясь, стали отходить к востоку, в глубь территории завода, и исчезли в кустах. Краем глаза Бонд заметил Данна — тот спокойно изучил обстановку, а потом метнулся туда же, где скрылись остальные.

Бонд подхватил свой пистолет и бросился к полицейской машине. Из нее выбралась Бхека

Йордан и замерла за плечом Нкоси, высматривая цель. Грегори Лэмб сначала выглянул наружу, а затем опасливо ступил на землю, сжимая огромный «кольт».

— Вы все же решили заехать? — поприветствовал Бонд капитана.

— Да просто катались тут поблизости… Неожиданно раздались выстрелы. Я подумала, это браконьеры. Их деятельность незаконна, и у нас появилась причина осмотреть территорию предприятия.

Похоже, она не шутит. Неужели всерьез намерена преподнести эту историю начальству? Если так, то нужно поработать над подачей информации — звучит не очень правдоподобно.

— Со мной небольшая группа. Сержант Мбалула с остальными обыскивает здание.

— Хайдт здесь — во всяком случае, был здесь, — сообщил Бонд. — Три его партнера тоже. Они, вероятно, вооружены. Есть еще охрана. — Он объяснил, где располагаются посты, в двух словах набросал план здания, не забыв кабинет Джессики, и добавил, что та ему помогала.

По знаку капитана Нкоси, пригибаясь к земле, побежал к офису.

Йордан вздохнула:

— Мы еле добились подкрепления. Хайдта явно прикрывает кто-то в Претории. Но ничего, у меня есть друг из «разведчиков» — так у нас называют спецназ, — и группа уже выехала. Им плевать на политику — лишь бы не простаивать, только приедут они минут через двадцать-тридцать.

Лэмб внезапно насторожился, припал к земле и направился к югу, в направлении небольшой рощицы.

— Я обойду их с фланга.

С фланга? Кого?

— Стойте, — крикнул Бонд, — там никого нет! Идите лучше с Квалене! Нужно взять Хайдта.

Однако толстяк его не услышал. Шлепая по земле, словно престарелый буйвол, Лэмб скрылся в кустах. Что он вытворяет?

Вдруг засвистели пули, и Бонд с Йордан бросились на землю.

Отбежав на пару сотен метров, Данн и два его товарища перегруппировались и открыли огонь по преследователям. Несколько пуль угодило в фургон, не причинив серьезных повреждений. Троица укрылась за горами мусора на краю «Улицы забвения», где почти не осталось перепуганных пальбой чаек.

Бонд прыгнул за руль, краем глаза заметив

позади несколько коробок с патронами, и завел двигатель. Йордан подбежала с другой стороны.

— Я с вами.

— Сам управлюсь.

Он вдруг вспомнил стихи Киплинга, которые читала ему Филли Мейденстоун, и подумал, что из них вышел бы неплохой боевой клич.

«В бездну Геенны иль в царский чертог тот быстрей доберется, чей путь одинок».

Йордан прыгнула на пассажирское сиденье.

— Я же сказала, что встану с вами плечом к плечу, если позволит закон. Закон позволяет. Едем, они уйдут!

Бонд сомневался всего мгновение, а потом врубил первую передачу, и они помчались мимо «Кремниевой улицы», «Улицы воскрешения» и энергетических установок. И конечно же, мимо мусора, мимо миллионов тонн мусора: бумаги, черепков и пищевых отходов, над которыми уже вновь собиралось жутковатое облако разъяренных чаек.

Лавировать между бульдозерами и ожидающими отправки на полигон кипами бумаги и других отходов было непросто, однако и Данну с охранниками было нелегко прицелиться. Они изредка оборачивались и стреляли, но думали

только об отступлении.

Йордан передала по рации, где они и кого преследуют. Диспетчер сообщил, что спецназ прибудет не раньше чем через полчаса.

Беглецы добрались до забора, отделяющего свалку от рекультивированной территории, когда один из охранников выпустил по цели весь магазин. Пули пробили передние колеса и решетку радиатора. Фургон завилял, потерял управление и врезался в груду бумажных кип. Сработали подушки безопасности; Бонд и Йордан замерли, оглушенные ударом.

Заметив, что враг в сложном положении, троица обрушила на них шквальный огонь. По стенкам фургона защелкали пули, и Бонд с Йордан выкатились наружу, в канаву.

— Ты не ранена?

— Нет. Я… Слишком шумно! — Голос Йордан дрожал, но, судя по глазам, капитан справилась с охватившим ее страхом.

Из-под крыла фургона был отлично виден один из охранников.

Последний патрон.

Бонд нажал на спусковой крючок, но едва боек ударил по капсюлю, противник присел, и пуля прошла выше.

Бонд сорвал крышку с коробки: в ней оказались винтовочные патроны. То же самое во второй коробке. И во всех остальных. Ни одного девятимиллиметрового для пистолета. Он со вздохом огляделся по сторонам.

— Тут есть из чего стрелять?

— Винтовки нет. Только это. — Йордан вытащила свое оружие. — Вот, возьми.

У нее оказался «кольт-питон» под патроны «магнум», с хорошим самовзводом и мягким спуском. Прекрасное оружие — но это всего лишь револьвер с шестью патронами.

Даже меньше. Оказалось, что Йордан — стрелок старой школы и держит камору под курком пустой.

— Запасные обоймы или патроны есть?

— Нет.

Итак, у них пять пуль на троих вооруженных автоматическим оружием противников.

— А о «глоках» вы не слышали? — проворчал Бонд, сунув разряженный пистолет за пояс, и взвесил в руке «кольт».

— Я расследую преступления, — холодно заметила она. — В людей не часто стрелять приходится.

«Пусть и не часто, но приходится, — раздражен-

но подумал Бонд, — и неплохо бы экипировку иметь соответствующую». А вслух сказал:

— Оставайся тут и не высовывайся.

Йордан спокойно посмотрела в глаза Бонду. На ее висках, прямо под завитками роскошных смоляных волос, выступили капельки пота.

— Раз ты идешь за ними, то и я с тобой.

— Без оружия от тебя никакого толку.

Она посмотрела вслед Данну и его приспешникам.

— У них оружия много, а у нас один револьвер. Так нечестно. Нужно отобрать еще один.

Что ж, похоже, у капитана Йордан все-таки есть чувство юмора.

Они улыбнулись друг другу. В разгневанных глазах Йордан плясали оранжевые отблески горящего метана.

Пригибаясь, они юркнули в Эдемский сад, укрываясь за узколистными кустиками финбоша, среди ватсоний и островков травы, зарослей джакаранды и королевской протеи. Стояла поздняя осень, однако в столь мягком климате листва все еще зеленела. Стайка цесарок оглядела людей с раздражением и двинулась дальше. Раскачивающаяся походка птиц напомнила Бонду Найла Данна.

Враг атаковал, когда они углубились в сад метров на семьдесят пять. Троица просто заманивала Бонда и Йордан подальше в глухомань, где приготовила ловушку. Противники разделились: один охранник спрятался за поросшим зеленью бугорком и открыл ураганный огонь, а второй — скорее всего вместе с Данном, которого Бонд так и не увидел, — бросился сквозь густую траву прямо на них.

Бегущий противник был у Бонда как на ладони, но упал на землю аккурат в момент выстрела. Снова промах.

«Полегче», — сказал себе Бонд.

Четыре патрона. Четыре.

Они укрылись в ямке по соседству с небольшой лужайкой, поросшей сочной болотной травой. Рядом раскинулся пруд, в котором по весне наверняка появятся царственные кои. Внезапно на убежище обрушились тысячи пуль (по зрелом размышлении — сорок или пятьдесят), высекая каменную крошку и громко шлепая по воде.

Двое в защитной форме, видимо, потеряв терпение и отчаявшись сбежать, кинулись на Бонда и Йордан с разных сторон. Бонд дважды выстрелил в того, что слева. Одна пуля попала в винтовку, вторая — в левую руку нападавшего. Охранник

закричал от боли и выронил оружие; несмотря на рану, он правой рукой вытащил пистолет и не выключился из боя. Второй враг рванул в сторону, и Бонд в спешке попал ему куда-то в бедро. Вряд ли рана серьезная. Охранник скрылся в зарослях.

Один патрон. Один.

Где Данн?

Подкрадывается сзади?

Воцарилась тишина, наполненная звоном в ушах и гулкими ударами сердца. Йордан дрожала. До оставленного раненым охранником «бушмастера» было метров десять.

Бонд внимательно осмотрел местность, не упуская ни одного дерева, куста или иной детали ландшафта. Метрах в пятидесяти-шестидесяти закачалась трава. Двое охранников пробирались сквозь заросли, держась порознь. Через пару минут они будут здесь. Даже если последней пулей уложить одного, второй с ними расправится.

— Джеймс, — шепнула Йордан и сжала его руку, — я их отвлеку — побегу туда. — Она махнула в сторону поросшей невысокой травой полянки. — Одного уложишь, второй спрячется, и ты доберешься до винтовки.

— Самоубийство, — прошептал он в ответ. — Ты будешь у них на виду во всей красе.

— Джеймс, ты постоянно со мной флиртуешь. Прекрати.

Он улыбнулся:

— Слушай. Геройствовать здесь буду я. Пойду прямо к ним. Когда скажу — беги за винтовкой. — Он показал на лежащий в пыли «бушмастер». — Стрелять умеешь?

Она кивнула.

Враг подползал ближе. Осталось тридцать метров.

— Без сигнала не высовывайся. Приготовься.

Охранники осторожно скользили в высокой траве. Бонд еще раз осмотрелся, глубоко вдохнул, затем не спеша поднялся и двинулся им навстречу. Правая рука с револьвером была расслабленно опущена, левую он поднял вверх.

— Нет, Джеймс! — прошептала Йордан.

Бонд не отвечал. Он обратился к охранникам:

— Давайте поговорим. Если вы назовете имена остальных, то против вас не только не будут выдвигать обвинений, но еще и наградят. Ясно?

Те в недоумении замерли в десяти шагах друг от друга. Они понимали, что, застрелив одного, их враг неминуемо погибнет от пули другого, однако он по-прежнему медленно приближался, опустив оружие.

— Слышали? Пятьдесят тысяч рандов в награду.

Они переглянулись и закивали — слишком уж активно. Бонд понимал, что его предложение и рассматривать не будут — просто подпустят поближе и расстреляют. Лица врагов повернулись к нему.

В этот самый момент могучий револьвер Бонда громко рявкнул. Последняя пуля ушла в землю. Враги ошарашенно присели, агент же рванулся влево, под защиту деревьев.

Охранники вновь озадаченно переглянулись и бросились вперед, чтобы получше прицелиться в Бонда, который успел нырнуть за холмик в тот самый миг, когда загрохотали выстрелы.

Тут-то и разверзся ад…

От пламени выстрела воспламенился метан, бивший из замаскированной под древесный корень трубы, по которой газ отводился от подземных захоронений к факельным установкам. Именно эту трубу Бонд прострелил последней пулей.

Взметнувшаяся волна адского пламени поглотила охранников. Огонь быстро распространялся, охватывая кусты и деревья, словно они были облиты зажигательной смесью. Испуганные птицы

взмыли в воздух.

Йордан неуверенно поднялась и побежала за оружием, но Бонд на бегу заорал:

— План поменялся! Брось!

— И что будем делать?

Еще одно грибообразное облако пламени взметнулось неподалеку и швырнуло их на землю. Бонду пришлось зарыться лицом в роскошную шевелюру спутницы, чтобы перекричать ревущую стихию.

— Пожалуй, пора отсюда уходить.

Глава 61

— Вы совершаете ужасную ошибку!

Хайдт говорил низким, угрожающим голосом, однако на его длинном бородатом лице застыло совершенно иное выражение: страх. Страх перед гибелью его империи: вдали бушевал пожар, а полиция и спецназ обыскивали офис и территорию предприятия.

Властные манеры куда-то улетучились.

Закованный в наручники, Хайдт вместе с Йорданом, Нкоси и Бондом стоял возле грузовиков и бульдозеров между офисом и «Улицей воскрешения». Именно здесь пришел бы конец Бонду, не явись Бхека Йордан ловить «браконьеров».

Сержант Мбалула принес из машины «вальтер», патроны и мобильный телефон.

— Спасибо, сержант.

Полиция и спецназ прочесывали территорию в поисках улик и скрывшихся преступников. Пожарные бригады не на жизнь, а на смерть сражались с горящим метаном. Западная часть Эдемского сада превратилась в ад.

Похоже, купленные Хайдтом чиновники из Претории оказались не столь уж всемогущи:

высшее руководство страны моментально вмешалось, санкционировало арест и выразило полную поддержку операции капитана Йордан. Во все отделения «Грин уэй» на территории Южной Африки были направлены оперативные группы.

Кругом суетились врачи — они обрабатывали раны охранникам Хайдта.

Хуана, Эберхарда и Матебулу задержали. Пока было непонятно, в чем конкретно их обвинят; как минимум каждый нелегально ввез в страну оружие, а этого вполне достаточно для ареста.

Четверо выживших охранников были арестованы, а около сотни ожидавших на стоянке сотрудников «Грин уэй» — задержаны для допроса.

Данн сбежал. Спецназовцы отыскали следы мотоцикла, припрятанного под брезентом в куче соломы. Разумеется, Ирландец позаботился о надежных путях отступления.

— Я невиновен! — возмущался Хайдт. — Вы преследуете меня потому, что я подданный Британии, да еще и белый. На почве расовых предрассудков.

Йордан не сдержалась:

— Расовых предрассудков? Я арестовала ше-

стерых негров, четверых белых и азиата. Самая настоящая радуга!

Хайдт начал понемногу осознавать весь масштаб бедствия. Он наконец отвлекся от языков пламени и стал обшаривать глазами окружающую территорию — вероятно, искал Данна. Без гениального инженера ему конец.

Он посмотрел на Бонда, потом на Йордан и в отчаянии предложил:

— Не могли бы мы договориться? Я очень богат.

— Вам повезло, — отозвалась она. — Адвокаты обойдутся в круглую сумму.

— Я не пытаюсь вас подкупить.

— Надеюсь. Это ведь очень серьезное преступление… Кстати, мне нужно знать, куда делся Найл Данн. Если расскажете, я сообщу прокурору, что вы сотрудничали с полицией.

— Я дам вам адрес квартиры…

— Туда уже выехали. Расскажите, где еще он может прятаться.

Откуда-то с заброшенной части свалки появился Лэмб, сжимавший большой пистолет так, словно никогда не держал в руках оружия. Оставив Йордан и Хайдта между двумя рядами поддонов с пустыми бочками, Бонд встретил

агента МИ-6 у опрокинутой вагонетки.

— О, Бонд! — Лэмб тяжело дышал и сильно вспотел, хотя было по-осеннему зябко. Его лицо было перемазано грязью, рукав пиджака — порван.

— Зацепило? — Бонд кивнул на дырку в рукаве, оставленную, по всей видимости, пулей.

— Слава Богу, без последствий. Только любимый пиджак жаль.

— А что с теми, кто в вас стрелял? Мне они что-то не попадались.

— Стыдно признаться — ушли. Они разделились и стали меня обходить, но я все равно погнался за одним. Тут мне и досталось. — Он показал на простреленный рукав. — Эти черти знают тут все закоулки! Впрочем, одного я зацепил.

— Тогда пойдемте, выследим его по пятнам крови!

Лэмб захлопал глазами:

— Я пробовал, но след вскоре исчез.

Потеряв всякий интерес к таинственным приключениям агента в буше, Бонд отошел в сторону, чтобы связаться с Лондоном. Он как раз набирал номер, когда поблизости раздалось несколько громких хлопков — такие издает попавшая в цель крупнокалиберная пуля, — а за ними далекие винтовочные выстрелы.

Бонд обернулся и стал шарить глазами по сторонам, одновременно вытаскивая «вальтер». Стрелка он не разглядел — только жертву. Грудь и лицо Бхеки Йордан превратились в кровавую кашу, она взмахнула руками, будто хватаясь за воздух, рухнула на спину и скатилась в канаву.

Глава 62

— Нет! — закричал Бонд. Его первой мыслью было броситься на помощь, но он мгновенно понял: кровь, обрывки мышц, размозженные кости — никаких шансов выжить.

Вспомнились оранжевые огоньки в глазах Йордан перед схваткой с охранниками в Эдемском саду, вспомнилась ее едва заметная улыбка…

«У них оружия много, а у нас один револьвер. Так нечестно. Нужно отобрать еще один».

— Капитан! — прокричал Нкоси, укрывшийся за вагонеткой. Остальные полицейские хаотично палили во все стороны.

— Не стрелять! — скомандовал Бонд. — Не видите цели — не стреляйте. Следите за периметром, ориентируйтесь по вспышкам.

Дисциплинированные спецназовцы, заняв позиции, искали цель.

Выходит, инженер все-таки разработал план отхода своему шефу. Вот что так напряженно высматривал Хайдт. Данн прицельным огнем не даст полицейским поднять головы, а Хайдт тем временем сбежит. Наверняка уцелевшие охранники дожидаются где-то на территории, возле

припрятанной машины или даже у вертолета. Впрочем, он медлил с броском и не высовывался из-за поддонов, где Йордан вела допрос, — дожидался, пока его прикроют.

Бонд потихоньку пополз в ту же сторону. Хайдт в любой момент может юркнуть в кусты, под защиту Данна и, возможно, других преданных сторонников.

Джеймс Бонд этого не допустит.

Откуда-то донесся шепот Лэмба:

— Можно вылезать?

Бонд не сразу понял, что тот нырнул прямо в набитую мусором вагонетку.

Надо пошевеливаться. Нельзя позволить Хайдту сбежать, даже если придется подставиться под снайперский огонь Данна. Смерть Бхеки Йордан не будет напрасной.

Держа «вальтер» наготове, Бонд бросился в темный проход между поддонами с пустыми бочками. Бросился — и замер. Хайдт не убежит. Мусорщик, грезивший смертью и разрушением, лежал на спине. Две пули пробили ему грудь, третья угодила в лоб и снесла большую часть черепа.

Бонд опустил пистолет. Бойцы стали потихоньку выбираться из укрытий. Кто-то крикнул, что

снайпер оставил боевую позицию и скрылся в буше.

Вдруг у него за спиной женский голос прошипел:

— Sihlama!

Он обернулся. Из канавы, вытирая лицо и сплевывая кровь, вылезла Бхека Йордан — целая и невредимая.

Данн либо промахнулся, либо целился как раз в своего шефа. Кровь попала на лицо Йордан, когда убили Хайдта, капитан стояла рядом.

Бонд оттащил ее за пустые бочки, и в нос ударил тошнотворный запах свежей крови.

— Данн все еще где-то рядом.

— Как вы, капитан? — прокричал Нкоси.

— Да нормально, нормально, — отмахнулась Йордан. — Что с Хайдтом?

— Мертв, — отозвался Бонд.

— Masende! — прорычала она.

Нкоси ухмыльнулся.

Йордан сорвала с себя рубаху, под которой оказался надетый поверх черной майки бронежилет, вытерла ею лицо, шею и волосы.

С гребня холма крикнули, что периметр чист. Естественно, Данну здесь делать больше нечего — он уже выполнил задуманное.

Бонд еще раз осмотрел тело. Судя по кучности попаданий, стреляли именно в Хайдта. Ничего удивительного: Данн прикончил шефа, чтобы тот ничего не рассказал полиции. Бонд вспомнил, что за последние дни Ирландец пару раз окидывал Хайдта каким-то нехорошим взглядом. Было в этом взгляде что-то такое… Раздражение? Возмущение? Пожалуй, чуть ли не зависть. Возможно, за убийством стоит нечто большее.

Так или иначе, Ирландец выполнил работу с присущим ему профессионализмом.

Йордан бросилась в здание и вернулась минут через десять. Она нашла где-то кран или душ — крови на мокром лице и в волосах почти не осталось.

— Моего арестанта убили. Нужно было лучше его охранять. Я и подумать не могла…

Речь капитана прервал пронзительный вопль. Кто-то несся к ним, крича на ходу:

— Нет, нет, нет…

Джессика Барнс бросилась на землю и, не обращая внимания на жуткие раны и кровь, обняла мертвое тело Хайдта.

Бонд шагнул вперед, приобнял ее за узкие дрожащие плечи и помог подняться:

— Пойдемте со мной, Джессика.

Он отвел ее за бульдозер. Туда же подошла Йордан.

— Он мертв, мертв. — Джессика уронила голову ему на плечо.

Бхека Йордан сняла с пояса наручники.

— Она пыталась мне помочь, — остановил ее Бонд, — и не знала о планах Хайдта. Я ручаюсь.

Йордан убрала наручники.

— Мы отвезем ее в участок и снимем показания. Думаю, обвинений не последует.

Бонд взял Джессику за плечи и чуть отстранился.

— Спасибо за помощь. Вам пришлось не просто.

Она глубоко вдохнула и спросила уже куда спокойнее:

— Кто? Кто его убил?

— Данн.

Джессика не особенно удивилась.

— Он мне никогда не нравился. Северан был горячий, импульсивный, никогда ничего тщательно не продумывал. Найл увлек его своими хитрыми, изощренными планами. Не надо было ему доверять. Правда, мне так и не хватило смелости сказать об этом.

Женщина на мгновение прикрыла глаза.

— Вы хорошо молились.

— Даже слишком хорошо, — мрачно прошептала она.

По шее и щекам Джессики растеклись яркие пятна крови Хайдта. Бонд вдруг понял, что впервые видит на ее лице хоть какие-то краски. Пристально глядя ей в глаза, он сказал:

— У меня есть знакомые — они помогут, когда вы вернетесь в Лондон. Я прослежу.

— Спасибо, — пробормотала Джессика и ушла с женщиной-полицейским.

Вдруг откуда-то из пустоты донесся мужской голос:

— Можно вылезать?

Бонд озадаченно нахмурился и только потом сообразил: Лэмб все еще в вагонетке!

— Да, можно.

Агент МИ-6 выкарабкался из своего убежища.

— Осторожно, здесь кровь, — предостерег Бонд Лэмба, который чуть было не наступил в лужу.

— О Боже! — пробормотал тот с таким видом, словно сейчас грохнется в обморок.

Бонд обратился к Йордан:

— Необходимо понять, что им стало известно в ходе осуществления проекта «Геенна». Вы можете распорядиться, чтобы конфисковали все компью-

теры и документацию из отдела разработки? И еще мне понадобятся специалисты-компьютерщики: нужно взломать пароли.

— Да, конечно. Перевезем все в Главное управление полиции — там можно будет посмотреть.

— Я сам займусь этим, коммандер, — сказал Нкоси.

Похоже, это была его первая перестрелка. Он никогда уже не будет прежним, но перемена пойдет молодому полицейскому только во благо.

Нкоси махнул группке экспертов и повел их в здание.

Бонд посмотрел на Йордан:

— Можно вопрос? Что ты сказала, когда выбралась из канавы?

При таком цвете лица ни за что не поймешь, краснеет она или нет.

— Только не говори угого…

— Ни за что.

— Первое — это на зулусском. Что-то вроде вашего «вот дерьмо».

— Да, у меня тоже иногда вырывается. А второе слово что значит?

Она прищурилась.

— А вот этого, Джеймс, я не скажу.

— Почему?

— Там упоминается одна деталь мужской анатомии. А тебе только повод дай…

Глава 63

Ближе к вечеру, когда солнце стало клониться к северо-западу, Бонд, приняв у себя в отеле душ и переодевшись, подъехал к полицейскому участку.

По пути в кабинет Йордан он ловил на себе взгляды — уже не любопытные, а восхищенные. Возможно, прошел слух, что он в одиночку расстроил планы Хайдта, одним выстрелом прикончил своих врагов и взорвал целую мусорную свалку.

Пожар уже большей частью потушили — к колоссальному облегчению Бонда. Ему не хотелось бы войти в историю как человек, который спалил дотла половину Кейптауна.

В холле его встретила Бхека Йордан. Она тоже успела принять душ — окончательно смыть с себя кровь Хайдта — и переоделась в темные брюки и ярко-желтую рубашку. Жизнерадостный цвет, вероятно, должен был как-то уравновесить мрачное происшествие на заводе «Грин уэй».

Капитан кивком пригласила Бонда к себе в кабинет и села у стола рядом.

— Данн улизнул в Мозамбик. Его засекли

агенты госбезопасности, но мерзавец сумел затеряться в самых жутких районах Мапуто — других там, по правде говоря, почти нет. Я позвонила в Преторию коллегам из Управления финансовых преступлений, Отдела специальных расследований и Информационного центра банковских рисков. Они — разумеется, с ордером — проверили все счета Данна. Вчера на его счет в швейцарском банке поступило двести тысяч фунтов, а полчаса назад он перевел их на десяток анонимных онлайн-счетов. К ним открыт доступ из любой точки мира, так что мы понятия не имеем, куда он двинется дальше.

Оба раздраженно поморщились.

— Если Данн как-то проявится в Мозамбике или покинет страну, мне сообщат. А пока он вне досягаемости.

В этот момент появился Нкоси, толкая перед собой груженную коробками тележку — документы и ноутбуки из отдела разработок «Грин уэй». Все трое прошли в пустой кабинет, и Нкоси расставил коробки вокруг стола. Бонд приподнял крышку, но Йордан тут же одернула его:

— Закрой сейчас же. Нечего уничтожать улики. — И протянула ему синие резиновые перчатки.

Бонд усмехнулся, однако перчатки взял. Йордан и Нкоси вышли из кабинета, а он первым делом позвонил Биллу Таннеру.

— Джеймс, — воскликнул тот, — судя по полученной информации, у вас там черт знает что творится!

Формулировка повеселила Бонда. Он подробно рассказал о перестрелке в «Грин уэй», гибели Хайдта и бегстве Данна. В документах «Грин уэй» Бонд отыскал имя директора фармацевтической компании, который заказал убийство Йоркского профессора. Фирма находилась в Роли, штат Северная Каролина, и Таннер должен был передать информацию ФБР, а те проведут собственное расследование и арестуют мерзавца.

— Нужно отправить за Данном оперативную группу — если, конечно, удастся выяснить, где он, — сказал Бонд. — У нас есть поблизости кто-нибудь из категории «один-один»?

Таннер вздохнул:

— Попробую что-нибудь устроить, Джеймс, но из-за ситуации в Восточном Судане людей катастрофически не хватает. Помогаем МИДу и морпехам обеспечивать безопасность. Могу прислать спецназ. Подойдет?

— Вполне. Я займусь изучением материалов из

штаб-квартиры Хайдта. Когда закончу — перезвоню и сообщу Эм.

Повесив трубку, Бонд стал выкладывать на большой стол документы по «Геенне». Немного поколебавшись и чувствуя себя идиотом, все же натянул синие перчатки — хоть будет чем повеселить Ронни Вэлланса из полиции Лондона. Тот любил повторять, что из Бонда не вышло бы хорошего полицейского инспектора: вместо того, чтобы, скрупулезно собрав улики, засадить правонарушителя за решетку, Бонд стрелял и калечил.

Он почти час листал документы, пока наконец не решил, что готов к разговору с Лондоном.

— У нас тут просто кошмар, ноль-ноль-семь, — мрачно начал Эм. — Этот кретин из Третьего отделения дошел до самого верха. Эвакуировал весь Уайтхолл, а заодно и Даунинг-стрит. Международная конференция по безопасности отменена из-за опасений за ее безопасность — таблоиды будут в восторге от такой истории!

— Опасения не подтвердились? — Бонд не сомневался, что цель атаки — Йорк, однако это не означало, что Лондону совсем ничто не угрожает, — так он и сказал Таннеру, когда звонил из кабинета Джессики по спутниковому телефону.

— Нет. Само собой, у «Грин уэй» все документы в порядке. Представители компании вместе с полицией разрабатывали меры по обеспечению безопасности тоннелей для транспортировки мусора в районе Уайтхолла. Ни радиации, ни взрывчатки, ни Гая Фокса.[31]

— А что Осборн-Смит?

— Не имеет значения.

Бонд так и не понял, идет ли о речь о самом Перси или о том, что его дальнейшая судьба не имеет отношения к делу.

— Ладно, ноль-ноль-семь, выкладывайте, что там у вас произошло. Как можно подробнее.

Бонд рассказал о смерти Хайдта и аресте троих его партнеров, сообщил о побеге Данна и о собственном намерении захватить Ирландца, если того удастся обнаружить.

Далее Бонд рассказал про «Геенну» — как Хайдт похищал и копил секретную информацию с целью шантажа и вымогательства — и перечислил города, на которых были сосредоточены основные усилия: Лондон, Москва, Париж, Токио, Нью-Йорк и Мумбай. Более мелкие операции проводились в Белграде, Вашингтоне, Тайбэе и

---

[31] Примечания: 31

Имеется в виду самый знаменитый участник «Порохового заговора» 1605 года, целью которого было убийство короля Якова I.

Сиднее.

Повисла пауза. Бонд представил, как Эм жует сигару, осмысливая полученные сведения.

— Вытаскивать информацию из мусора… Умный, мерзавец.

— Хайдт говорил, что мусорщиков никто не замечает. Так и есть. Они невидимки.

Эм вдруг усмехнулся, чего за ним не водилось.

— Вчера и мне эта мысль в голову пришла. — И серьезно добавил: — Ноль-ноль-семь, каковы рекомендации?

— Я бы задействовал «Шестерку» и наших людей в посольстве, чтобы как можно быстрее накрыть все подразделения «Грин уэй», пока действующие лица не начали исчезать. Заморозить все счета и отслеживать поступающие платежи — тогда мы вычислим остальных клиентов «Геенны».

— Что ж, — отозвался Эм на удивление тихо, — можно и так…

О чем это старик?

— Но мне кажется, торопиться не стоит. Нет ли смысла внедрить туда парочку агентов категории «один-один» и пока что не сворачивать «Геенну»? Очень уж интересно, что выбрасывают в подмосковном «Авиакосмосе». Мусор из паки-

станского консульства в Мумбае тоже наверняка любопытный. Нужно только убедить прессу не рассказывать, чем занимался Хайдт. Попрошу ребят из «Шестерки» запустить дезинформацию, что он был связан с организованной преступностью. Без особых подробностей. В какой-то момент все выплывет, но мы к тому времени много интересного раскопаем.

Вот старый лис. Бонд чуть не расхохотался. Значит, ГМП займется переработкой мусора…

— Превосходный план, сэр.

Эм помолчал и вдруг рявкнул:

— Треклятый Осборн-Смит парализовал все движение в Лондоне! Я так вообще домой не попаду. Ну почему нельзя было дотянуть М-4 прямо до Эрлс-Корта?!

Связь прервалась.

Глава 64

Бонд отыскал визитку Фелисити Уиллинг и позвонил ей в офис — сообщить, что один из дарителей оказался преступником и погиб при аресте.

Однако его опередили. На девушку уже накинулись репортеры, требуя прокомментировать тесные связи «Грин уэй» с сицилийской мафией и неаполитанской Каморрой. Бонд отметил, что ребята из «Шестерки» времени даром не теряют.

Фелисити была в бешенстве: кто-то из журналистов намекнул, что она принимала пожертвования, зная о нечистоплотности Хайдта.

— Джин, у чертовых газетчиков вообще совести нет! Да, Хайдт вносил пятьдесят или шестьдесят тысяч фунтов в год, но, Боже мой, это ведь капля в море! Я бы немедленно разорвала отношения со всяким, кто преступает закон. А ты-то сам как, не пострадал?

— Во время рейда меня там не было. Ехал на машине, а тут звонят из полиции. Задали пару вопросов, и все. Чертовски неприятно, надо признать.

— Еще бы.

Спросив, как идут дела с грузом, он узнал, что тот оказался даже больше ожидаемого. Продовольствие уже отправлено в десять стран Африки — его хватит, чтобы сотни тысяч людей забыли о голоде на несколько месяцев.

Бонд поздравил ее и спросил:

— Поездка во Франшхок не отменяется?

— Нет уж, от выходных со мной ты не отвертишься.

Они договорились встретиться утром, и Бонд напомнил себе, что нужно обязательно заехать на мойку. Несмотря на аляповатую раскраску и бестолковый задний спойлер, он как-то привязался к своей «субару».

Распрощавшись с Фелисити, Бонд откинулся на спинку стула, с упоением вспоминая неподдельную радость в голосе девушки и их прошлые встречи. Еще он думал о будущем.

«…тебе приходится участвовать во всяких темных делах, но ведь ты мог бы держаться подальше от совсем уж грязных?»

С улыбкой Бонд бросил последний взгляд на визитку, отложил ее и натянул перчатки, чтобы вновь нырнуть в пучину документов и компьютерных файлов. По ходу работы он делал пометки насчет разных офисов «Грин уэй» и нюансов

«Геенны», чтобы Эм и Таннеру было проще разобраться. Протрудившись около часа, Бонд решил, что неплохо бы чего-нибудь выпить.

Он с чувством потянулся… И замер. Внутри что-то щелкнуло. Знакомое ощущение, нет-нет да и возникающее у разведчиков — ведь они живут в мире, полном скрытых намеков, где все всегда не так, как кажется на первый взгляд. Очень часто такой тревожный толчок означает, что исходная посылка содержит ошибку. Вполне вероятно, катастрофическую.

Бонд уставился в свои записи. Губы у него пересохли, дыхание участилось, сердце колотилось как бешеное.

Еще раз пролистав сотни и сотни страниц, он схватил телефон, отправил Филли Мейденстоун срочное сообщение и, вскочив, стал мерить шагами тесную комнату в ожидании ответа. Мысли в голове теснились, метались и кружили, словно неистовые чайки над «Улицей забвения».

Филли ответила. Бонд схватил телефон, прочел сообщение и медленно-медленно откинулся на жесткую спинку стула.

Ощутив чью-то тень на лице, он поднял голову.

— Джеймс, я принесла кофе. Смотри, какая

чашка! — Бхека Йордан протянула ему кружку с улыбающимися лицами кудесников мяча из «Бафана-бафана».

Бонд не отзывался и вообще никак не реагировал. Она поставила Кружку на стол.

— Джеймс?

Бонд даже не пытался скрыть охватившую его тревогу. Он прошептал:

— Кажется, я ошибся.

— Ты о чем?

— Обо всем. О «Геенне». Об «Инциденте-20».

— Рассказывай.

Он выпрямился.

— По нашим исходным данным, в сегодняшнем инциденте, который должен унести множество жизней, замешан некто Ной.

— Да. — Йордан села рядом. — Это Северан Хайдт.

Бонд покачал головой и обвел рукой коробки с документами:

— Я перерыл все бумажки до единой и просмотрел данные с большинства компьютеров. Ной нигде ни разу не упоминается. В разговорах с Хайдтом и Данном такое прозвище тоже не звучало. Если это и правда псевдоним Хайдта, то почему он нигде не встречается? Я связался с кол-

легой из МИ-6, она здорово сечет в компьютерах. Ты знаешь, что такое метаданные?

— Вспомогательная информация, хранящаяся в компьютерных файлах. На их основании одного нашего министра осудили за коррупцию.

Бонд кивнул, указывая на телефон:

— Коллега проверила с полдюжины сетевых источников, где упоминалось, что Хайдта прозвали Ноем. Судя по метаданным, вся информация размещена на этой неделе.

— В точности как данные о Джине Тероне для твоего прикрытия…

— Вот именно. Настоящий Ной пустил нас по следу Хайдта. Выходит, «Инцидент-20» с тысячами смертей — это не бомба в Йорке. «Геенна» и «Инцидент-20» никак не связаны. А значит, произойдет что-то еще, причем очень скоро. Сегодня вечером, как и сказано в самом первом электронном письме. Жизни людей до сих пор в опасности, хоть и неясно, о каких людях речь.

После удачной операции в «Грин уэй» перед ним стоял тот же вопрос: кто враг и чего он добивается?

Пока нет ответа, не будет и плана действий. А ответ найти нужно. Времени осталось мало.

«…подтвердить инцидент 20 вечером в пят-

ницу, предполагаемое число жертв несколько тысяч…»

— Джеймс?

В его голове метались обрывки фактов, воспоминаний, теорий. Как и тогда, в недрах отдела разработок «Грин уэй», Бонд начал складывать обрывки информации, пытаясь восстановить пропущенную через шреддер картину «Инцидента-20». Он встал, сложил руки за спиной и наклонился вперед, всматриваясь в разложенные на столе бумаги.

Йордан молчала.

Наконец Бонд прошептал:

— Грегори Лэмб.

— Что-что?

Бонд снова опустился на стул.

— Мне понадобится помощь.

Глава 65

— Что случилось, Джин? Ты сказал, какое-то срочное дело?

Кроме них, в кабинете Фелисити никого не было. Офис ее организации находился в деловом районе Кейптауна, неподалеку от того самого клуба, где они познакомились в среду вечером. Бонд явился в разгар совещания, на которое собралось с десяток сотрудников, отвечавших за доставку продовольствия, и увел Фелисити для разговора наедине.

— Ты мне не поможешь? В Кейптауне не так много людей, кому я мог бы доверять.

— Ну разумеется.

Они присели на дешевый диванчик. Фелисити, одетая в черные джинсы и белую рубашку, придвинулась поближе, и их колени соприкоснулись.

— Для начала мне придется кое в чем сознаться. Боюсь, наш план поехать в Франшхок под угрозой. Вообще куча планов под угрозой.

Она молча нахмурилась и кивнула.

— И еще я прошу тебя сохранить все в тайне. Это очень важно. — Напряженный взгляд Бонда

блуждал по лицу девушки.

— Конечно-конечно. Прошу, не тяни, а то я нервничаю.

— Я не тот, за кого себя выдавал. Время от времени я выполняю поручения британского правительства.

— Так ты… шпион? — прошептала она.

Бонд засмеялся:

— Куда там! Я так называемый системный аналитик в сфере безопасности. Работа большей частью — скучнее не бывает.

— Но ты за хороших?

— Можно сказать и так.

Фелисити опустила голову ему на плечо.

— В Африке если человек «занимается безопасностью», то он обычно наемник. Ты не признавался, и я тебе не верила.

— Это было прикрытие. Я охотился за Хайдтом.

На лице девушки читалось облегчение.

— Я спрашивала, не мог бы ты хоть чуточку измениться, а ты взял и поменялся полностью. Развернулся на сто восемьдесят градусов.

— Разве с мужчинами такого не случается? — горько заметил Бонд.

На ее лице мелькнула улыбка.

— Получается, ты не Джин? И не из Дурбана?

— Нет, я живу в Лондоне. — Он протянул руку. — Меня зовут Джеймс. Рад встрече, мисс Уиллинг. Теперь вы спустите меня с лестницы?

Замявшись лишь на долю секунды, она с хохотом бросилась ему на шею, а потом снова села рядом.

— Ты говорил, нужна помощь?

— Я бы не втягивал тебя, но других вариантов нет, а время на исходе. На кону тысячи жизней.

— О Боже! Чем я могу помочь?

— Что ты знаешь про Грегори Лэмба?

— Про Лэмба? — Тонкие брови Фелисити съехались на переносице. — Он изображает важную шишку, и я несколько раз обращалась к нему за пожертвованиями. Лэмб каждый раз обещал, но так ничего и не перечислил. Вообще он чудной. Настоящий шут. — Она расхохоталась. — Шут, а шутит не смешно.

— Должен сказать, он не так уж прост.

— Ходили слухи, что Лэмб на кого-то работает, но я ни за что не поверю, что бывают такие шпионы.

— По-видимому, он прикидывается. Строит из себя дурачка, чтобы никто не заподозрил его в темных делах. Ты последнее время часто бываешь в доках?

— Да, приходится.

— Не знаешь, что за крупный фрахт намечается у Лэмба сегодня вечером?

— Первый раз слышу.

Бонд немного помолчал.

— А Ноем Лэмба никто не называл?

Фелисити задумалась.

— Я не уверена, вроде бы… Хотя постой. Да-да, точно. Однажды кто-то именно так его и назвал. Но ты говорил, что на кону тысячи жизней, — это о чем?

— Полагаю, он собирается потопить своим грузовым кораблем британский туристический лайнер.

— Господи, не может быть! Зачем?

— Лэмб трудится ради денег — по заказу исламистов, каких-то вооруженных группировок или пиратов. Скоро узнаем. Мы прослушиваем его телефон. Примерно через час он встречается с кем-то в здании заброшенного отеля «Шестой апостол» к югу от города. Я поеду туда.

— Зачем тебе ехать самому? Вызови полицию — пусть его арестуют.

Бонд помедлил.

— Полицию подключать нельзя.

— Это потому, — спокойно уточнила она, — что

ты работаешь системным аналитиком в сфере безопасности?

— Да.

— Понятно, — кивнула Фелисити, а потом наклонилась и поцеловала его в губы. — Кстати, Джеймс, раз уж ты об этом заговорил… Что бы ты ни делал — сейчас или потом, — это не поставит под угрозу наш план съездить во Франшхок. И другие наши планы — тоже не поставит, я обещаю.

Глава 66

Солнце в Кейптауне садится в мае около половины шестого. Бонд мчался на юг по Виктория-роуд, наслаждаясь невероятными пейзажами в роскошном огне заката. Спускались сумерки, и над бушующей Атлантикой горели пурпурные полоски облаков.

Позади остались Столовая гора с Львиной Головой, дорога устремилась на юг, оставляя слева мрачные скалистые склоны пика Двенадцати Апостолов, поросшие травой и редкими кустиками протеи.

Через полчаса после выезда из офиса Фелисити Бонд заметил левый поворот к отелю «Шестой апостол». Там стояло два щита: первый, с названием гостиницы, выведенным поблекшей, облупившейся краской, и второй — поновее и позаметнее, — где говорилось, что идет реконструкция и въезд воспрещен.

Бонд свернул, выключил фары и медленно двинулся по извилистой дороге. Внушительная стена Двенадцати Апостолов вздымалась в какой-то сотне футов позади отеля.

Зданию и правда не помешала бы обещанная

реконструкция, хотя когда-то давно здесь наверняка можно было отлично отдохнуть, а то и провести романтический вечер с подружкой из Лондона или Гонконга. Просторная одноэтажная постройка раньше стояла посреди обширного сада, теперь густо разросшегося.

Бонд заехал на стоянку позади здания и спрятал «субару» в зарослях кустарника и высокой травы. Выбравшись наружу, он осмотрел потемневший от времени фургончик, где прежде жили рабочие. Никого. Он вытащил «вальтер» и бесшумно зашагал к зданию.

Входная дверь была открыта. Внутри пахло плесенью, свежим бетоном и краской. Справа располагались комнаты для отдыха и библиотека, а слева — большая столовая и холл с панорамными окнами, обращенными к северу, с видом на сад и тронутую последними лучами закатного солнца скалистую стену. Рабочие оставили здесь сверлильные станки, станины с циркулярными пилами и прочие инструменты, закрепив их цепью с навесными замками. Позади виднелся проход на кухню. Бонд заметил выключатели, но предпочел остаться в темноте.

Со стороны стен и из-под пола то и дело доносился стремительный шорох крохотных лапок.

Бонд уселся в углу столовой на ящик с инструментами. Оставалось только ждать врага. Он вспомнил, как вскоре после прихода в ГМП подполковник Билл Таннер сказал: «Запомни, ноль-ноль-семь, большую часть времени тебе придется ждать. Надеюсь, ты терпелив».

Бонд не был терпелив, но если задание того требовало — ждал.

Луч света скользнул по стене, и он бросился к окнам фасада. Машина, подпрыгивая на ухабах, подкатила к зданию и остановилась в густой траве у центрального входа.

Из нее выбрался человек. Бонд прищурился. Фелисити! Она держалась за живот.

Бонд бросился наружу и подбежал к девушке.

— Фелисити!

Он шагнула к нему и рухнула наземь.

— Джеймс, помоги! Я… Помоги. Я ранена.

На рубашке расплылось красное пятно, пальцы тоже были в крови. Он опустился на колени и бережно обнял девушку.

— Что случилось?

— Я поехала… поехала в доки проверить груз. Там был человек… — Она закашлялась. — Он достал пистолет и выстрелил в меня. Ничего не сказал. Просто выстрелил — и убежал. Я добра-

лась до машины и поехала сюда. Помоги!

— А как же полиция? Почему ты…

— Джеймс, в меня стрелял полицейский.

— Что?

— У него на ремне была бляха.

Бонд взял ее на руки и перенес в столовую, где осторожно уложил у стены на стопку чехлов для мебели.

— Поищу бинт, — шепнул он, а потом гневно добавил: — Это я виноват. Нужно было догадаться самому. Жертва «Инцидента-20» — ты! Лэмб потопит не лайнер, а суда с продовольствием. Его наняли те самые сельхозкорпорации из Америки и Европы, о которых ты рассказывала. Наняли убить тебя и сорвать поставку. Наверняка Лэмб и полиции заплатил за помощь.

— Я не хочу умирать!

— Все будет хорошо. Я перевяжу тебя и позвоню Бхеке. Ей можно доверять.

Он направился на кухню.

— Нет, — сказала Фелисити поразительно ровным и спокойным голосом.

Бонд обернулся.

— Брось телефон, Джеймс.

На него смотрели неподвижные зеленые глаза хищника. В руке девушки был его собственный

«Вальтер-ППС». Фелисити вытащила оружие, пока он нес ее на руках.

— Телефон, — повторила она. — Экрана не касайся. Просто возьми за ребра и брось его в угол.

Он подчинился.

— Прости. Мне жаль.

И Джеймс Бонд поверил, что где-то в самой глубине души ей и правда чуточку жаль.

Глава 67

— А это что? — спросил Бонд, указывая на окровавленную блузку.

Кровь, разумеется. Самая настоящая, ее собственная кровь. Тыльная сторона кисти до сих пор ныла: она проколола вену булавкой. Хватило измазать рубашку, чтобы было похоже на пулевое ранение.

Фелисити не ответила, но в его глазах прочла, что он и сам догадался.

— В доке не было никакого полицейского, так?

— Ага. Я соврала. Садись на пол.

Бонд подчинился, и Фелисити, щелкнув затвором, выбросила патрон, однако убедилась, что в патроннике есть еще один и пистолет готов к стрельбе.

— Знаю, ты мастер боя. Но мне уже доводилось убивать, поэтому ничего не выйдет — твоя жизнь не имеет особой ценности. Только дернись — почту за счастье тебя пристрелить.

На слове «счастье» ее голос дрогнул. «Что еще за чертовщина?» — разозлилась Фелисити.

Она бросила наручники ему на колени:

— Надевай.

Поймал. Отличная реакция.

Оттуда, где еще недавно лежала его рука, приятно пахло. Мыло или шампунь из гостиницы. Он не из тех, кто мажется кремом после бритья.

Да к черту его!

— Наручники! — напомнила Фелисити.

Помедлив, Бонд защелкнул наручники на запястьях.

— Подойдет? Теперь объясни.

— Туже.

Он затянул браслеты.

— На кого именно ты работаешь?

— На одну лондонскую контору. Больше подробностей не жди. А ты, выходит, на Лэмба?

Она усмехнулась:

— На этого потного дурака? Понятия не имею, чем он занимается, но мое сегодняшнее предприятие с Лэмбом не связано. Толстяк задумал, наверное, какую-нибудь смехотворную финансовую аферу. Может, эту гостиницу купит. Я солгала: никто и никогда не называл его Ноем.

— Тогда почему ты сюда приехала?

— Потому что ты наверняка сообщил начальству в Лондон, что подозреваешь Лэмба.

Его глаза сверкнули — это было подтверждением.

— Завтра утром капитан Йордан и ее не особенно компетентные подчиненные обнаружат, что здесь произошла схватка не на жизнь, а на смерть. Ты — и предатель Грегори Лэмб, задумавший взорвать пассажирский лайнер, а с ним его сегодняшний собеседник. Ты обнаружил их, завязалась перестрелка, и все погибли. Да, будут кое-какие нестыковки, зато от тебя больше никаких проблем.

— И твоему предприятию ничто не помешает. Только я не понимаю… Кто этот проклятый Ной?

— Не кто, Джеймс, и не Ной. Н-О-Е-М.

Гримаса удивления на его лице. Потом он понял.

— О Боже! Интернациональная организация «Единая миссия». ИОЕМ. Тогда, на вечере, ты говорила, что интернациональный статус получен совсем недавно. То есть раньше была Национальная организация «Единая миссия». НОЕМ.

Она кивнула.

Бонд хмуро продолжал:

— На прошлой неделе мы перехватили сообщение, и в нем «ноем» стояло прописными буквами — но там вообще не было строчных. Вот я и подумал, что имеется в виду человек.

— Тут мы допустили оплошность. Название

сменилось уже давно, но мы привыкли писать по-старому.

— Мы? И кто же отправитель?

— Найл Данн. Он — мой партнер. Хайдту я его просто одолжила.

— Твой партнер…

— Мы уже несколько лет работаем вместе.

— А как ты вышла на Хайдта?

— Мы с Найлом сотрудничали с боевиками и диктаторами Черной Африки. Месяцев девять или десять назад он услышал от кого-то из них про «Геенну». Предприятие на вид сомнительное, но подвернулся шанс получить неплохую прибыль. Я дала Данну десять миллионов, чтобы войти в долю. Он сказал Хайдту, что инвестор пожелал остаться неизвестным и поставил условие: лично участвовать в проекте и контролировать расход денег.

— Точно, он упоминал, что есть и другие инвесторы. Выходит, Хайдт о тебе не знал?

— Вообще ничего. В результате Северан только радовался, что Данн взял на себя тактическое планирование. Без него «Геенна» так не развернулась бы.

— «Человек, который предусмотрит все».

— Да, Хайдт так говорил, и Данн этим очень

гордился.

— Была ведь и другая причина, по которой Данн оставался с Хайдтом, — сказал Джеймс. — Это ваш запасной план. Отвлекающий маневр.

— Если бы кто-то что-то заподозрил — вот как ты, — мы планировали пожертвовать Хайдтом. Сделали бы его козлом отпущения, и дальше бы никто копать не стал. Поэтому-то Данн и убедил Хайдта устроить взрыв в Йорке именно сегодня.

— А десять миллионов долларов не жалко?

— Хорошая страховка стоит дорого.

— Я-то никак не мог понять, почему Хайдт не приостановил свой проект, когда я объявился в Сербии и потом в Марче. Я тщательно заметал следы, но ведь и здесь, в обличье Джина Терона, он принял меня с распростертыми объятиями. Я бы на месте Хайдта поостерегся. Получается, Данн его убедил…

Она кивнула:

— Северан всегда слушался Найла.

— И Данн же разместил в Интернете информацию, что Хайдта прозвали Ноем и что он сам построил в Бристоле яхту.

— Верно. — Ее снова захлестнула ярость. — Какого черта ты не успокоился после смерти Хайдта?

— И что тогда? Дождалась бы, пока я усну, и перерезала мне горло?

— Я думала, ты и правда «специалист по безопасности» из Дурбана! — рявкнула Фелисити. — Потому и приставала к тебе прошлой ночью, спрашивала, не сможешь ли ты чуточку измениться, — думала, расскажешь, кто ты на самом деле. У нас ведь могло бы… — Она умолкла.

— …могло бы что-то получиться? — Бонд помрачнел. — Если хочешь знать, мне тоже так казалось.

Бывает же. Она чуть с ума не сошла от злости, когда выяснилось, что Джеймс — «за хороших», а он — когда понял, что она по другую сторону баррикад.

— Что произойдет сегодня? Что такое «Инцидент-20»? — Он шевельнулся, и цепь наручников тихо звякнула.

— Ты же знаешь о вооруженных конфликтах? — спросила Фелисити, по-прежнему держа его на мушке.

— Слышал по Би-би-си, — сухо отозвался Бонд.

— Когда я работала в Сити, мои клиенты иногда инвестировали в «горячие точки». Я неплохо изучила эти места и поняла: в зонах вооруженных столкновений все решает голод. Голодающие

готовы на все. Пообещай накормить — и они сделают что угодно: сменят политические пристрастия, будут сражаться, убивать безоружных, свергать диктаторов и возводить их на трон. Абсолютно все. Голод — это оружие, и я его продаю.

— Торговец голодом.

Неплохо сказано. Она продолжила с бесстрастной улыбкой на лице:

— ИОЕМ контролирует тридцать два процента продовольственного импорта Южной Африки. Скоро такая же картина будет в нескольких странах Латинской Америки, в Индии и Юго-Восточной Азии. Если полевой командир захочет захватить власть где-нибудь в ЦАР и заплатит, сколько я скажу, то все продовольствие пойдет его людям, а противники будут голодать.

Бонд был поражен.

— Судан. Так вот что случится сегодня. Война в Судане.

— Правильно. Мой клиент — правительство в Хартуме. Президент — точнее говоря, диктатор — не хочет, чтобы Восточный Альянс отделился и сформировал отдельное государство. Восток планирует теснее сотрудничать с Великобританией и продавать нефть туда, а не в Китай. В одиночку Хартуму не справиться, так что мне заказали

продовольственные поставки в Эритрею, Уганду и Эфиопию. Их армии атакуют одновременно с силами президента. Восточному Альянсу не удержаться.

— Значит, несколько тысяч жертв — это ожидаемый результат сегодняшнего вторжения?

— Да. Клиент потребовал гарантий, что войска Восточного Альянса понесут определенные потери. Если они превысят две тысячи человек, мне полагается бонус.

— А как затронуты британские интересы? Наша нефть пойдет в Пекин?

Кивок.

— Часть денег на мои услуги Хартум получил от китайцев.

— Сколько еще осталось ждать?

— Часа полтора. Вторжение в Восточный Судан начнется, как только самолеты с продовольствием поднимутся в воздух, а суда покинут территориальные воды. — Фелисити глянула на свои неброские часики «Бом-э-Мерсье». Вот-вот придет Лэмб. — С торговлей голодом разобрались, теперь поторгуемся за твои услуги.

Бонд холодно усмехнулся. Фелисити продолжила:

— Учти: не сделаешь, что я скажу, и твоя по-

дружка Бхека Йордан умрет. У меня в Африке много друзей. Они прекрасно умеют убивать и просто рвутся проявить свои таланты.

Она удовлетворенно отметила, что угроза его зацепила. Фелисити Уиллинг обожала подмечать чужие слабости.

— Что тебе нужно?

— Сообщи своему начальству, что информация про Лэмба и взрыв пассажирского лайнера подтвердилась, но ты предотвратил нападение и скоро возьмешь Лэмба.

— Ты же понимаешь, что это невозможно.

— На кону жизнь твоей подружки. Ну же, Джеймс, оставайся героем до конца. Тебе все равно не жить.

Джеймс пристально посмотрел на нее и повторил:

— У нас и правда могло что-то получиться.

По спине Фелисити пробежал холодок.

А Бонд, словно окаменев, вдруг скомандовал:

— Все, достаточно. Времени мало.

Она в недоумении нахмурилась. О чем это он?

— Постарайтесь ее не убить. По возможности.

— Господи Иисусе, — прошептала Фелисити.

Из-под потолка вдруг хлынула ослепительная волна дневного света. За спиной раздался топот

бегущих ног. Фелисити хотела обернуться, но тут у нее вырвали «вальтер». Двое навалились сзади, уложили на живот. Кто-то больно уперся коленом в поясницу и ловко защелкнул наручники на запястьях.

До Фелисити донесся сухой женский голос:

— В соответствии с параграфом тридцать пять конституции Южной Африки, принятой в тысяча девятьсот девяносто шестом году, вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Глава 68

— Нет, — выдавила Фелисити Уиллинг, все еще не веря в происходящее, и тут же гневно завопила: — Нет!

Бонд окинул взглядом хрупкую девушку с высоты своего роста — теперь она сидела на том самом месте, где недавно располагался он сам.

— Ты все знал! — кричала она. — Сукин сын! Ты и не думал подозревать Лэмба!

— Да. Я соврал, — мрачно бросил он ей в лицо.

Бхека Йордан стояла рядом.

Бонд потирал запястья, с которых только что сняли наручники. Лэмб отошел чуть в сторону и разговаривал по телефону. Они с Йордан приехали заранее и, разместив в здании микрофоны, на случай если Фелисити проглотит наживку, спрятались в фургончике строителей. Бонд по прибытии просигналил им фонариком, чтобы не высовывались. С рациями он связываться не хотел.

У Йордан зазвонил телефон. Она слушала, что-то помечая в блокноте, а потом сказала:

— Мои люди обыскали офис мисс Уиллинг и нашли записи, где указаны все аэропорты, куда

вылетели самолеты с продовольствием, а также маршруты всех судов.

Лэмб быстро просмотрел ее заметки и зачитал информацию по телефону. Как агент разведки, особого доверия Бонду он не внушал, но нужные связи у него, очевидно, имелись.

— Не смейте! — взвыла Фелисити. — Вы не понимаете!

Бонд и Йордан, не обращая на ее крики никакого внимания, не спускали глаз с Лэмба. Наконец тот опустил телефон.

— С американского авианосца у побережья поднялись истребители. Они перехватят самолеты. Наши ВВС и штурмовые вертолеты южноафриканцев уже вылетели к судам.

Бонд искренне поблагодарил этого потеющего толстяка. Разумеется, он ни одного мгновения не подозревал Лэмба, странное поведение которого объяснялось банальной трусостью: так, во время перестрелки на свалке он просто спрятался в кустах. А вот на роль наживки для Фелисити Уиллинг Лэмб подходил идеально.

Йордан опять позвонили.

— Подмога чуть задерживается — на Виктория-роуд серьезная авария. Квалене говорит, они приедут минут через двадцать-тридцать.

Бонд посмотрел на Фелисити. Даже сейчас, на грязном полу обветшалой гостиницы, она оставалась яростной, непокорной львицей в клетке.

— Но как… как ты догадался?

Могучий атлантический прибой мерно бил о камни, издалека доносились птичьи крики. Взвыл шальной автомобильный гудок. Здесь, совсем недалеко от центра Кейптауна, словно раскинулась другая вселенная.

— Я заметил несколько странностей. Во-первых, сам Данн. Почему загадочный перевод поступил на его счет именно вчера? По-видимому, у Данна есть какой-то деловой партнер. Кроме того, в одном из перехваченных нами сообщений говорилось, что если Хайдт выйдет из игры, то найдутся и другие заинтересованные в проекте стороны. Кто адресат? Вероятно, некто, вообще не связанный с «Геенной». Потом я вспомнил, что Данн ездил в Индию, Индонезию и на острова Карибского моря, а на том вечере в «Лодж-клубе» ты упоминала, что фонд открыл отделения в Мумбае, Джакарте и Порт-о-Пренсе. Удивительное совпадение. А еще я сообразил, что у вас есть связи в Лондоне и что вы вели дела в Южной Африке еще до того, как здесь открылось отделение «Грин уэй». А про НОЕМ я и сам

догадался. — Разглядывая в управлении полиции визитку Фелисити, он обратил внимание на аббревиатуру ИОЕМ — разница всего в букву! — Я запросил в Претории копию учетных документов, и там нашлось первоначальное название. Так что, когда ты сказала, что Ноем прозвали Лэмба, я сразу понял: ты лжешь. Лишнее подтверждение. Оставалось только вытянуть из тебя все по поводу «Инцидента-20».

Выбор действия диктуется намерениями противника.

Намерений Фелисити он не знал — и решил устроить ловушку. Она чуть отползла к стене, бросив быстрый взгляд в окно.

Внезапно в голове Бонда несколько разрозненных мыслей слились воедино. Этот взгляд, «авария» на Виктория-роуд, гений планирования Данн… Донесшийся три минуты назад автомобильный гудок — конечно же, сигнал, и Фелисити нужно было после него какое-то время выждать.

— Ложись! — заорал Бонд.

Он повалил Йордан на пол, Лэмб плюхнулся рядом, а огромные окна уже разлетались мириадами сверкающих осколков.

Глава 69

Бонд с Лэмбом и Йордан укрывались от огня как могли, а это оказалось непросто, поскольку с северной стороны холл был совершенно открыт. Спрятаться можно было лишь за станками, но все равно при ярком свете ламп комната оказалась у снайпера как на ладони. Фелисити вжалась в стену.

— Сколько людей с Данном? — крикнул Бонд.

Молчание.

Он прицелился в пол у самой ее ноги. Прогремел оглушительный выстрел, и в лицо девушке полетели щепки. Она испуганно взвизгнула и быстро зашептала:

— Он пока один, остальные на подходе. Послушайте, вы просто отпустите меня и…

— Заткнись!

Получается, часть денег Данн заплатил кому-то в службе безопасности Мозамбика за упоминание, что его якобы видели там. А сам остался выручать Фелисити, вдобавок нанял людей, которые при необходимости их отсюда вытащат.

Бонд окинул взглядом помещение. Укрыться просто-напросто негде. Он аккуратно расстрелял

все светильники, однако оставались еще лампы под потолком — их было слишком много, и света Данну вполне хватало. Бонд чуть приподнялся, и тут же совсем рядом ударили две пули. Вспышек он не заметил. Данн стрелял откуда-то сверху, но где именно засел Ирландец, понять было невозможно.

После короткой передышки снова загремели выстрелы. Пули пробили мешки со строительной смесью, и в воздух поднялись тучи цементной крошки, так что Бонд с Йордан закашлялись. Он заметил, что угол обстрела уже другой — Данн меняет позицию. Скоро им будет негде укрыться.

— Нужно выключить свет! — крикнул Лэмб.

Выключатель находился у входа на кухню, и чтобы добраться туда, следовало пробежать вдоль стеклянных дверей и окон под убийственным огнем Ирландца.

Бонд решил попробовать, однако позиция у него была совсем неудачная. Стоило подняться, и пули застучали совсем рядом — по станкам и колонне. Пришлось снова залечь.

— Давай я, — сказала Йордан, прикидывая расстояние до выключателя. — Мне ближе всех — успею. Знаешь, Джеймс, в колледже я была звездой регби и очень быстро бегала.

— Нет, — твердо заявил Бонд. — Это самоубийство. Дождемся подкрепления.

— Не успеют. Через пару минут он нас всех перестреляет. Джеймс, регби — великая игра. Не пробовал? — Она рассмеялась. — Конечно, нет. Не представляю тебя на поле.

Он улыбнулся в ответ.

— С твоей позиции лучше прикрывать. Он увидит огромный «кольт» и умрет от страха. Бегу на счет «три». Раз… два…

— Давайте только без этого! — вмешался вдруг Лэмб. — В кино-то на эти отсчеты смотреть невозможно. Что за чушь! Никто так не делает. Просто встают и бегут.

Лэмб встал и побежал к выключателю, неуклюже перебирая толстыми ногами. Бонд с Йордан прикрывали его, паля в темноту. Они даже не догадывались, где притаился Данн, и все пули наверняка ушли в «молоко». В любом случае Ирландец не испугался. Он выпустил прицельную очередь, когда Лэмбу оставалось футов десять до выключателя. Пули вдребезги разнесли стекло и нашли цель. Стена и пол окрасились кровью, и толстяк рухнул лицом вперед.

— О Боже, нет! — вырвалось у Йордан.

Удачный выстрел, видимо, придал Данну уве-

ренности, и пули стали ложиться совсем рядом. Бонду пришлось перебраться за станину, где пряталась Йордан. На циркулярной пиле виднелись отметины от винтовочных выстрелов.

Они прижались друг к другу. Кругом зияли черные прорехи окон. Бежать было некуда.

Бонд по-прежнему не видел Данна, но чувствовал: сейчас тот будет убивать.

— Я его остановлю, — вдруг заговорила Фелисити. — Только отпустите меня. Дайте телефон, я позвоню.

Яркая вспышка, и Бонд едва успел дернуть свою напарницу вниз. Из стены вылетела цементная крошка. Оказалось, пуля зацепила прядь у самого уха, запахло паленым волосом. Йордан охнула и, дрожа, плотно прижалась к Бонду.

— Никто не узнает, что вы меня отпустили. Просто дайте телефон, и я позвоню Данну.

— Да пошла ты, сука! — донеслось с другого конца холла. Лэмб с трудом поднялся на ноги и, зажимая кровавую рану в груди, бросился к дальней стене. Он снова упал, но все же успел дотянуться до выключателя. Отель погрузился во тьму.

В ту же секунду Бонд вскочил, пинком вышиб боковую дверь и нырнул в кусты за своей закон-

ной добычей.

Осталось четыре патрона, один магазин в запасе.

Бонд несся сквозь кусты к подножию крутого пика Двенадцать Апостолов. Он бежал зигзагами, не давая Данну прицелиться. Хотя до полнолуния было далеко, света для стрельбы вполне хватало, однако все пули прошли стороной.

Наконец Ирландец прекратил огонь: вероятно, решил, что попал в Бонда или что тот побежал за помощью. Данну вовсе не нужно было их убивать — достаточно задержать, пока не прибудут его подельники. Кстати, когда это произойдет?

Бонд прижался к огромному валуну. Ночь выдалась холодная, вдобавок поднялся ветер. Данн где-то в сотне футов прямо над ним — залег на скалистом выступе, оттуда гостиница и подходы к ней как на ладони. И он сам, ярко освещенный луной, — тоже. Стоит Данну перегнуться через край…

Сверху ударил луч мощного фонаря. Бонд проследил за ним взглядом: с моря шла лодка. Наемники.

Интересно, сколько человек на борту и как они вооружены. Через десять минут наемники высадятся. Вдвоем с ними не справиться, а уж Данн

наверняка позаботился, чтобы по Виктория-роуд никто не проехал.

Бонд окинул взглядом склон горы.

К Ирландцу вели два пути. Справа по склону круто петляла узкая, но хорошо утоптанная туристская тропа — она шла от «Шестого апостола» вверх, мимо уступа, где залег Данн. Однако выбери Бонд эту дорогу, он попадет под прицельный огонь, а укрытий на тропе не видно.

Второй вариант — штурмовать гору в лоб, то есть карабкаться сотню футов по неровному, но очень крутому склону.

Он прикинул возможный маршрут.

Почти через четыре года после смерти родителей пятнадцатилетний Джеймс решил, что устал бояться гор и отвесных стен (до этого дня даже унылая, хоть и внушительная стена Эдинбургского замка приводила его в ужас — если смотреть с автостоянки). Он уговорил директора колледжа создать альпинистский клуб, члены которого регулярно выезжали тренироваться в гористую часть Шотландии. За две недели жуткий страх отступил, и к перечню любимых Бондом развлечений на открытом воздухе добавилось скалолазание.

Он сунул «вальтер» в кобуру и напомнил себе

основные принципы: не хватайся сильнее, чем нужно; вес тела держат ноги, руки — для равновесия; прижимайся к склону; при движении используй инерцию. Ну и еще десяток подобных.

Вот так, без веревок, перчаток и магнезии, в модных, но совершенно неуместных на скользком склоне кожаных туфлях, Бонд двинулся вверх.

Глава 70

Найл Данн спускался с горы к отелю «Шестой апостол» по туристской тропе. Сжимая в руке «беретту», он держался вне поля зрения человека, так ловко выдававшего себя за Джина Терона. Примерно час назад Фелисити сообщила, что это английский шпион и зовут его Джеймс.

Сейчас тот исчез из поля зрения, но несколько минут назад Данн видел, как он лезет по стене. Джеймс заглотил наживку и штурмует гору в лоб — а Данн выскользнул «черным ходом» и теперь осторожно спускается по тропе. Через пять минут он будет в гостинице, а шпион пусть себе ползет по скале.

Все идет по плану. Вернее, по наскоро пересмотренному плану.

Осталось всего-то навсего исчезнуть из страны. Быстро и навечно. Разумеется, не в одиночестве. С ним отправится та, которой он всегда восхищался, кого любил и о ком мечтал.

Его босс, Фелисити Уиллинг.

«Это Найл, мой проектировщик. Он настоящий гений».

Так она отозвалась о нем несколько лет назад,

и на душе у Данна потеплело от радости. Он запомнил эти слова и хранил их в памяти, как хранят локон возлюбленной и как он хранил воспоминание об их первом совместном проекте. Тогда Фелисити работала в Сити, занималась инвестициями и наняла его проинспектировать какой-то промышленный объект, достройку которого ее клиент собирался финансировать. Данн раскритиковал эту убогую поделку и сэкономил для них с клиентом миллионы. Фелисити пригласила его поужинать, а там он чуть перебрал вина и разговорился, что, мол, морали не место в бою, в бизнесе, да и вообще нигде не место. Прекрасная собеседница не стала спорить. Оказалось, есть на свете человек, которому плевать, что его ступни расходятся в разные стороны, что он словно собран из разномастных запчастей, что он совершенно не умеет шутить и полностью лишен обаяния.

Фелисити была для него идеальной парой. Она обожала делать деньги, так же как он — конструировать совершенные механизмы.

Вечер закончился в ее роскошной квартире в Найтсбридже, где они занялись любовью. Несомненно, лучшая ночь в его жизни.

Они стали все больше работать вместе и все ча-

ще брались за дела, прямо скажем, поприбыльнее, чем возобновляемые кредиты на строительство, хотя и куда более сомнительные с точки зрения закона.

Проекты становились все амбициознее, все рискованнее и привлекательнее, однако в другом аспекте — личном… Там все переменилось. Впрочем, Данна это не удивило. Фелисити призналась, что отводит ему в своей жизни иное место. Та ночь — да, была восхитительна, и ей стоило многих усилий отказаться от серьезных отношений, поскольку они могут разорвать эту изумительную интеллектуальную — даже нет, духовную — связь между ними. А еще она недавно пережила жуткий разрыв и теперь как птица с перебитым крылом. «Пожалуйста, давай останемся друзьями и партнерами. Ты будешь моим проектировщиком…»

Не очень вразумительная история, но он предпочел поверить — ведь многие верят любимым, если ложь ранит не так сильно, как правда.

Дела же их — хищения, вымогательства — шли с необыкновенным успехом, и Данн выжидал, надеясь, что Фелисити передумает. Он сделал вид, что пылкое увлечение осталось в прошлом, и глубоко похоронил страсть. Так она и скрывалась

в его душе — невидимая и смертоносная, словно противопехотная мина.

Теперь же все изменилось. Скоро они будут вместе навеки. В глубине души Найл Данн в это искренне верил.

Он спасет Фелисити и завоюет ее любовь. Он спасет ее — один против всех — и увезет на Мадагаскар, где уже подготовил безопасное убежище, где им двоим будет вполне комфортно.

Подходя к гостинице, Данн припомнил, как этот Джеймс зацепил Хайдта, упомянув кровавую победу зулусов при Исандлване. Ему пришло на ум другое сражение того же январского дня — Роркс-Дрифт. Четыре тысячи зулусов атаковали госпиталь с небольшим складом; оборону держали сто тридцать британских солдат. Это может показаться невероятным, но англичане отбили атаку с минимальными потерями.

Для Найла Данна ценность битвы заключалась в том, что британским гарнизоном командовал лейтенант Джон Чард из Королевского инженерного корпуса. Он был сапером, совсем как Данн. Чард разработал план обороны от многократно превосходящих сил врага и блистательно этот план воплотил в жизнь, за что был награжден «Крестом Виктории». Теперь и Данн получит

заслуженную награду — сердце Фелисити Уиллинг.

Он не спеша подошел к гостинице, по-прежнему не показываясь британскому шпиону, который карабкался по скале.

Каков план?

Толстяк мертв или на последнем издыхании. Данн припомнил все, что видел в прицел винтовки, прежде чем так некстати выключили свет. Похоже, в здании только женщина из полиции — уж с ней-то он легко справится. Можно бросить что-нибудь в окошко, чтобы отвлечь ее и убить, потом увести Фелисити. Они добегут до берега, сядут в катер, на нем полным ходом к вертолету, а дальше — Мадагаскар. Свобода.

Они вдвоем…

Данн неслышно подошел к окну и заглянул внутрь. Застреленный агент лежал на полу и смотрел в пустоту застывшим взглядом мертвеца. Рядом сидела Фелисити со скованными руками и тяжело дышала.

С любимой обошлись чудовищно грубо!.. Тут с кухни донесся голос — женщина коротко спросила по рации:

— Сколько еще?

«Еще долго», — подумал Данн. Его люди опро-

кинули и подожгли большой грузовик. По Виктория-роуд сейчас не проехать.

Он обогнул гостиницу сзади, прошел через заросшую, заваленную мусором автостоянку к двери на кухню отеля. Держа пистолет наготове, он неслышно отворил дверь. Изнутри донесся треск рации и что-то там насчет пожарных машин.

Отлично. Значит, женщина занята разговором.

Данн шагнул внутрь, прошел по короткому коридору. Сейчас…

Кухня была пуста. Рация стояла на стойке, и сквозь треск эфира что-то вещал далекий голос. Это полицейский диспетчер зачитывал сообщения о пожарах, грабежах, бытовых ссорах — все подряд.

Рация стояла в режиме сканирования, по ней не говорили.

Возможно, это ловушка, чтобы заманить его внутрь. Откуда Джеймсу знать, что он уже покинул снайперскую позицию и пробрался сюда?

Данн шагнул к окну и бросил взгляд на скалу, по которой медленно взбирался человек.

Его сердце замерло. Этот человек никуда не взбирался. Темное пятно осталось на том же месте, что и десять минут назад. Теперь Данн понял:

на склоне с самого начала вполне мог быть не шпион, а его куртка, наброшенная на камень так, что рукава чуть шевелил ветер.

Только не это!

— Бросай оружие. Не оборачивайся, иначе стреляю, — прозвучал ровный мужской голос с британским акцентом.

Плечи Данна поникли, однако он не отвел глаз от вершины Двенадцати Апостолов, а лишь тихо рассмеялся:

— Я пришел к выводу, что ты полезешь по склону. Даже и не сомневался.

— А я пришел к выводу, что ты купишься на это и спустишься, — ответил шпион, — поэтому поднялся совсем чуть-чуть и оставил там куртку.

Данн обернулся. Женщина из полиции стояла рядом с Джеймсом. У обоих в руках было оружие. Глаза мужчины смотрели холодно, взгляд его компаньонки пылал решимостью. Через дверной проем Данн разглядел в холле Фелисити. Его возлюбленная силилась заглянуть на кухню.

— Что происходит? Ответьте, кто-нибудь! — закричала она.

«Мой проектировщик…»

Англичанин процедил:

— Повторять не буду. Через пять секунд стре-

ляю в руку.

Такого план не предусматривал. Неоспоримая логика механики и инженерной науки подвела Найла Данна. Он чуть не рассмеялся, когда понял, что, пожалуй, впервые в жизни принял нерациональное решение. Впрочем, оно вполне могло оказаться удачным.

Вера нерациональна, но часто творит чудеса.

Он прыгнул вверх, развернувшись в воздухе и целясь в женщину.

Два выстрела одновременно разорвали тишину. Их голоса, высокий и низкий, пропели в унисон.

Глава 71

Полицейские машины и «скорые» подкатывали одна за другой. Вертолет спецназа завис над моторкой с наемниками, его мощные прожектора били вниз, туда же смотрели и две двадцатимиллиметровые пушки. Короткая очередь вспорола воду у самого носа, и суденышко легло в дрейф.

Полицейская машина без опознавательных знаков, взвизгнув тормозами, подняла тучу пыли у входа в здание. Оттуда выскочил Нкоси и кивнул Бонду. Следом вылезли еще несколько полицейских. Кое-кого он помнил по операции в офисе «Грин уэй».

Йордан помогла Фелисити подняться на ноги.

— Данн мертв? — спросила та.

Мертв. Бонд и Йордан выстрелили одновременно, прежде чем Ирландец успел поднять свою «беретту». Он умер мгновенно; после смерти голубые глаза смотрели на мир так же безучастно, как и при жизни. И все же последний взгляд Данна был устремлен не на убийц, а в сторону холла, где сидела Фелисити.

— Да, — ответила Йордан. — Мне очень жаль. — В голосе капитана слышалось сочувствие — оче-

видно, она догадалась, что этих двоих связывали не только деловые отношения.

— Ей очень жаль, — едко отозвалась Фелисити. — Что мне теперь толку с мертвого?

Ее расстраивала не гибель партнера, а потеря важного козыря.

«Непреклонное счастье…»

— Послушай, ты понятия не имеешь, с чем связалась, — зашептала она Йордан. — Я — добрая фея, защитница голодающих. Я спасаю умирающих младенцев. Только попробуй меня арестовать — можешь сразу сдать оружие и значок. Не боишься? Тогда подумай о моих клиентах. Из-за тебя очень-очень серьезные люди потеряли много миллионов долларов. Давай так: я сворачиваю свою деятельность и перебираюсь в другую страну, а тебя никто не тронет — даю слово. Откажешься — ни ты, ни твоя семья не проживете и месяца. И не надейся упрятать меня куда-нибудь по-тихому. Стоит хоть кому-то пронюхать, что полиция не так обошлась с подозреваемым, пресса и суд разорвут вас в клочья.

— Никто тебя не арестует, — вмешался Бонд.

— Отлично.

— Официально объявят, что ты бежала из страны, присвоив пять миллионов долларов со счетов

ИОЕМ. Твои клиенты не будут мстить капитану Йордан или еще кому-то, они будут искать тебя. Тебя — и свои деньги.

На самом деле Фелисити доставят на секретную базу для подробного «разговора».

— Вы не посмеете! — Зеленые глаза пылали яростным огнем.

Из подкатившего черного фургона вышли двое в форме и направились к Бонду. Он сразу узнал нарукавный шеврон Специальной лодочной службы — меч и девиз, который ему всегда нравился, — «Силой и хитростью».

Прибыла оперативная группа Билла Таннера.

— Коммандер, — отсалютовал один из спецназовцев.

Бонд, одетый в штатское, кивнул в ответ.

— Ваш груз. — Он махнул рукой в сторону Фелисити.

— Что? — завопила та. — Не смейте!

— Слушаюсь, сэр.

Брыкающуюся Фелисити увели и усадили в фургон, который тут же рванул с места.

Бонд обернулся к Йордан, но та уже стремительно шагала к машине. Капитан, не попрощавшись, уселась в автомобиль и умчалась.

«Беретту» Данна Бонд отдал Нкоси и добавил:

— Там наверху еще есть винтовка. Ее нужно забрать.

Он показал, откуда Ирландец стрелял по гостинице.

— Понятно. Мы с семьей здесь часто гуляем, и я неплохо знаю пик Двенадцать Апостолов. Винтовку заберу.

Габаритные огни автомобиля Бхеки Йордан скрылись в темноте.

— Надеюсь, капитан не злится, что мы забрали Фелисити? Наше посольство обсуждало вопрос с вашим правительством, и в Блумфонтейне не возражали.

— Нет-нет. Сегодня капитан Йордан перевозит угого к сестре. Она никогда не опаздывает, если что-то обещала бабушке.

Нкоси подметил, каким взглядом Бонд провожал машину Йордан, и рассмеялся:

— Вот это женщина, правда?

— Правда. Что ж, доброй ночи. Окажешься в Лондоне — дай знать.

— Непременно, коммандер. Похоже, я не такой уж выдающийся актер, но все равно очень люблю театр и кино. Может, сходим вместе на какой-нибудь спектакль.

— Может, и сходим.

Они обменялись традиционным рукопожатием. Бонд помнил: сжать ладонь покрепче, не сбиться с ритма трех движений и, главное, не отпускать руку слишком быстро.

Глава 72

Джеймс Бонд сидел за угловым столиком на веранде гостиничного ресторана «Тейбл-Маунтин».

Поток тепла струился вниз из газовых обогревателей под потолком. В холодном вечернем воздухе витал легкий и даже в чем-то приятный аромат пропана.

В толстостенном бокале плескался бурбон «Бейкерс» со льдом — тот же самый «Бэзил Хэйден», только крепче, поэтому Бонд чуть взболтал виски, чтобы лед немного растворился и смягчил резкий вкус. Впрочем, после таких событий можно и не смягчать…

Наконец он сделал большой глоток и осмотрелся. Все столики были заняты парочками. Ладонь скользила по ладони, колени соприкасались, губы, источавшие легкий винный аромат, нашептывали обещания и тайны. Дамы склоняли головки, слушая учтивые речи спутников, и шелковистые копны волос раскачивались из стороны в сторону.

Бонд вспомнил про Фелисити и поездку во Франшхок.

Чем бы они занялись в субботу? Собиралась ли она рассказать бессердечному солдату удачи Джину Терону, что торгует голодом, и привлечь его на свою сторону?

А окажись Фелисити и правда спасительницей голодающей Африки — признался бы он сам, что работает на британское правительство?

Вообще Бонд терпеть не мог пустых рассуждений и поэтому только обрадовался, когда зазвонил телефон.

— Привет, Билл.

— В общем, Джеймс, ситуация такая, — начал Таннер. — Войска стран-соседей не перешли границу с Восточным Суданом. Хартум выступил с заявлением: Запад, мол, в очередной раз «вмешивается во внутренние дела суверенного демократического государства, что лишь способствует становлению феодализма в регионе».

— Феодализма? — усмехнулся Бонд.

— Видимо, автор имел в виду «империализм», но что-то напутал. Понять не могу, почему в Хартуме не подыщут себе через «Гугл» нормального журналиста!

— А китайцы? Они ведь остались без дешевой нефти.

— Китайцам не с руки жаловаться — в Судане

едва не разгорелась очень нехорошая война, причем частично по их вине. Зато правительство Восточного Альянса на седьмом небе от счастья. Тамошний губернатор шепнул нашему премьеру, что в следующем году они проведут референдум, отделятся от Судана и устроят демократические выборы. Им нужны долгосрочные экономические связи с нами и с Америкой.

— А у них много нефти.

— Прямо фонтанами бьет, — подтвердил Таннер. — Слушай дальше. Почти все продуктовые поставки Фелисити Уиллинг возвращаются в Кейптаун. Распределением займется Всемирная продовольственная программа — еда пойдет тем, кто в ней действительно нуждается. — И добавил: — Жаль Лэмба.

— Шагнул под пули и спас нам жизнь. Его должны наградить посмертно.

— Обязательно сообщу на Воксхолл-Кросс. Ты уж прости, Джеймс, но жду тебя здесь к понедельнику. В Малайзии что-то зреет, просматривается связь с Токио.

— Необычное сочетание.

— Вот именно.

— Буду в девять.

— Можно к десяти. Неделька у тебя выдалась

тяжелая.

Они распрощались. Бонд только успел отхлебнуть виски, как телефон снова завибрировал. Он посмотрел на экран и ответил после третьего гудка:

— Привет, Филли.

— Джеймс, я тут следила за новостями… Какой ужас! С тобой все хорошо?

— Да. Денек был непростой, но вроде все улажено.

— Ты просто образец сдержанности. Выходит, «Геенна» и «Инцидент-20» никак не связаны? Подумать не могла. Как же ты разобрался?

— Корреляционный анализ. Ну и без пространственного мышления, конечно, никуда, — серьезно заявил Бонд.

Филли, чуть помедлив, спросила:

— Джеймс, ты меня разыгрываешь?

— А то.

Мелодичный смешок.

— Слушай, я понимаю, ты валишься с ног, но у меня еще новости по «Стальному патрону». Рассказывать?

«Спокойно», — приказал себе Бонд, но успокоиться не мог. Предатель отец или нет?

— Я выяснила, как звали устраненного КГБ

«крота» из «Шестерки».

— Отлично. — Он медленно-медленно вдохнул. — И кто он?

— Секунду. Где же…

Бонд сдерживался лишь колоссальным усилием воли.

— Ага, вот. Роберт Уитерспун. Завербован резидентом КГБ в Кембридже. Оперативный сотрудник КГБ толкнул его под поезд на станции «Пиккадилли-Серкус» в 1988 году.

Бонд зажмурился. Эндрю Бонд не учился в Кембридже. Они с мамой погибли в горах Франции в 1990 году. Отец не предатель и не шпион.

— Кроме того, в рамках «Стального патрона» был убит еще один внештатный сотрудник «Шестерки». Обычный агент, не «двойной», восходящая звезда. Занимался контрразведкой: выслеживал «кротов» в МИ-6.

Бонд прокрутил эти сведения в голове — словно кубики льда в бокале.

— Что известно о его смерти?

— Почти ничего. В районе девяностого года где-то во Франции или Италии. Убийство было замаскировано под несчастный случай, а в качестве предупреждения у тела оставили стальной патрон.

Бонд криво улыбнулся. Возможно, отец все же был разведчиком — но не предателем. Во всяком случае, свою страну он не предавал. Но не предал ли он семью? Не перешел ли Эндрю некую грань? Ведь он брал собственного сына на встречи, надеясь перехитрить противника.

— И еще, Джеймс. Ты спрашивал о «его смерти»?

— Что-что?

— Ты сказал «его» про агента контрразведки, убитого в девяностом. Так вот, судя по архивным данным, это была женщина.

О Боже! Шпионом была его мать, Моник Делакруа Бонд? Невероятно. С другой стороны, она ведь работала фотографом-фрилансером — очень удобное прикрытие для агента. И тяга к приключениям у нее была куда больше, чем у отца: именно мать приучила Эндрю к скалолазанию и горным лыжам. Бонд вспомнил, что она каждый раз вежливо, но очень твердо отказывалась брать маленького Джеймса с собой на задания.

Еще бы. Ни одна мать не подвергнет опасности собственного сына, чему бы там ни учили на занятиях.

Бонд понятия не имел, как в те годы строилась кадровая политика, ведь Моник родилась

в Швейцарии, но, по всей видимости, такое допускалось.

Конечно, придется еще поработать, чтобы разрешить сомнения. Если все подтвердится, то он выяснит, кто отдал приказ и кто его исполнил. Впрочем, этим он займется сам.

— Спасибо, Филли. Ты просто гений и вполне заслуживаешь ордена Британской империи.

— Подарочного купона в «Селфриджес» вполне достаточно. Когда у них будет «неделя Болливуда», закуплю продуктов под завязку.

Выходит, и в еде их предпочтения совпадают.

— Лучше я отведу тебя в одно местечко на Брик-лейн — там готовят лучшее карри в Лондоне. Алкоголь, к сожалению, не подают, так что захватим бутылочку бордо. Давай в следующую субботу?

Она ответила не сразу. «Наверное, уточняет, свободна ли», — предположил Бонд.

— Договорились.

Перед глазами встал образ Филли. Пышные рыжие волосы, зеленые глаза с золотыми искорками, тихий шорох, когда она закидывает ногу на ногу…

— Только приходи не один, — добавила она.

Он замер с бокалом у самых губ и машинально

ответил:

— Хорошо.

— Ты с подружкой, и мы с Тимом. Отлично повеселимся.

— С Тимом… Твой жених?

— Ты, наверное, слышал, что у нас не все гладко, но в итоге он отверг очень заманчивое предложение и остался в Лондоне.

— И правильно. Думал бы сразу.

— Не стоит его винить, со мной ужиться нелегко… В общем, мы решили попробовать еще раз. Итак, решено, давай в субботу. Тебе будет интересно поболтать с Тимом о машинах и мотоциклах — он в них здорово разбирается. Даже лучше меня.

Она говорила быстро. Слишком быстро. Офелия Мейденстоун была девушкой не просто красивой, но еще и наблюдательной и умной. Она прекрасно поняла, что произошло в понедельник в ресторане, ощутила эту тонкую связь и теперь будет терзаться сомнениями: а вдруг у них что-то получилось бы… Однако вмешалось прошлое.

«Прошлое, — горько усмехнулся Бонд, — которое так влекло Северана Хайдта».

И которое его погубило.

— Очень рад за тебя, Филли, — совершенно

искренне сказал он.

— Спасибо, Джеймс.

— Только имей в виду: я не позволю тебе угробить жизнь на прогулки с детской коляской по Клэпхему. Ты великолепный координатор, так что готовься работать со мной во всех проектах.

— Буду ждать, Джеймс. Где скажешь и когда скажешь.

Бонд усмехнулся. Не самая удачная формулировка — при сложившихся-то обстоятельствах.

— Мне пора, Филли. Позвоню на неделе — проанализируем «Инцидент-20».

Они попрощались. Бонд заказал еще виски и залпом выпил, глядя на гавань. Впрочем, в этот раз он не оценил красоты пейзажа — и вовсе не потому (ну хорошо, не только потому), что Филли снова помолвлена.

Нет, Бонда занимала более серьезная проблема.

Его мать — секретный агент…

О Боже!

Внезапно прозвучавший голос прервал сумбурные размышления:

— Прости, я опоздала.

В кресло напротив опустилась Бхека Йордан.

— С угого все хорошо?

— Да. Правда, уже у сестры она усадила нас смотреть повтор «Сгуди снайси».

Бонд посмотрел на нее в замешательстве.

— Старый комедийный сериал на зулу. Местами забавный.

Под обогревателем было тепло, и Йордан сняла темно-синий пиджак, под которым оказалась красная рубашка с коротким рукавом. В этот раз она не стала прятать под косметикой страшный шрам — подарок от прежних сослуживцев. Интересно, почему?

Йордан внимательно посмотрела на Бонда:

— Я удивилась, когда ты согласился со мной пообедать. Кстати, плачу я.

— Нет необходимости.

— Будем считать, я этого не слышала.

Он не стал возражать.

— Хорошо.

— Я сомневалась, стоит ли идти, и долго не могла решиться. Вообще-то я уже говорила, что редко сомневаюсь и всегда все решаю быстро. — Она отвела взгляд в сторону. — Жаль, что сорвалась твоя поездка на природу.

— При сложившихся обстоятельствах лучше уж с тобой здесь, чем во Франшхоке.

— Еще бы. Со мной непросто, но я хоть людей

не убиваю. — И добавила с угрозой в голосе: — Только не вздумай со мной заигрывать. Нет-нет, не отрицай! Я отлично помню, как ты смотрел на меня в аэропорту.

— Я вовсе не заигрываю. У психологов есть специальный термин — «проекция». Ты проецируешь на меня собственные представления.

— И ты хочешь сказать, что не заигрываешь!

Бонд рассмеялся и жестом подозвал сомелье. Тот принес бутылку южноафриканского игристого, которую Бонд просил подать, когда придет его спутница.

Бонд попробовал и согласно кивнул, а потом объяснил Йордан:

— Тебе понравится. «Грэм Бек кювье клайв». Виноград шардонне и пино-нуар, две тысячи третий год. Из Робертсона.

Редкий случай — Бхека Йордан рассмеялась:

— Я-то старалась, рассказывала про Южную Африку, а ты, оказывается, и сам вполне подкован.

— Вино не хуже, чем в Реймсе.

— Это где?

— Во Франции, к востоку от Парижа. Там делают шампанское. Отличное место, тебе понравится.

— Может быть. Только зачем туда ехать, если наше вино не хуже?

Железная логика. Они отсалютовали друг другу бокалами.

— Кхотсо, — сказала Йордан. — Мир.

— Кхотсо.

Какое-то время они сидели молча. В компании этой «непростой» женщины Бонду почему-то было на удивление спокойно.

— Можно вопрос? — Она отставила бокал в сторону.

— Конечно.

— Когда мы с Лэмбом сидели в фургончике возле «Шестого апостола» и записывали ваш разговор с Фелисити, ты сказал, что у вас могло что-то получиться. Ты и правда так думал?

— Да.

— Прости. Мне тоже не везло с мужчинами. Знаю, каково это, когда приходится идти наперекор собственному сердцу. Но мы продолжаем жить.

— Да, продолжаем. Наперекор всему.

Она отвела взгляд и посмотрела на гавань.

— Кстати, про Данна, — заговорил Бонд, — он погиб от моей пули.

— Откуда ты знаешь, что я… — Она вдруг осеклась.

— Ты первый раз стреляла в человека?

— Да. Но у тебя-то откуда такая уверенность?

— На такой дистанции я выбрал вектор стрельбы в голову. Данн получил одну пулю в лоб и одну в грудь. Та, что в лоб, — моя, и рана смертельная. Твоя же была совсем неопасна.

— Ты уверен, что попал в голову?

— Да.

— Почему?

— При таком сценарии я не мог промахнуться, — ответил Бонд без сомнений.

Йордан немного помолчала.

— Пожалуй, я тебе поверю. Раз ты владеешь словами «вектор стрельбы» и «сценарий», то, наверное, знаешь, куда попал.

Скажи она так раньше, это была бы насмешка над его склонностью к насилию и презрением к закону; теперь же — самое обычное замечание.

Они немного поболтали о семье Йордан, о жизни Бонда в Лондоне и о его путешествиях.

На город опускалась тьма. Стоял тихий осенний вечер, какими славятся эти широты Южного полушария. Огни неподвижно сияли на суше и неспешно плыли по зеркальной глади воды. На усыпанном звездами небе чернели силуэты королевских гор Кейптауна: Столовой и Львиной Головы.

Со стороны гавани донесся заунывный баритон корабельного гудка.

Возможно, это как раз одно из судов с грузом продовольствия. Или катер с туристами возвращается с экскурсии по тюрьме на острове Роббен, где в годы апартеида много лет сидели в заточении будущие президенты Южной Африки Нельсон Мандела, Кгалема Мотланте и Джейкоб Зума. А может, круизный лайнер, отправляясь в следующий порт назначения, созывает на борт усталых пассажиров, нагруженных завернутыми в целлофан ломтиками билтонга, бутылками «Пинотажа» и кухонными полотенцами черно-зелено-желтых цветов Африканского Национального Конгресса и уносящих с собой море впечатлений об этой противоречивой стране.

Бонд махнул официанту, и тот принес меню. Йордан протянула руку, коснулась его локтя, и они снова обменялись улыбками — уже не столь мимолетными. И все же, несмотря на примирение, Бонд знал, что после ужина отправит ее на такси в Бо-Каап, а сам вернется в номер и завтра утром улетит в Лондон. «Определенно», как сказал бы Квалене Нкоси.

Да, когда-то давно Джеймс Бонд находил успокоение в приятной мысли, что рано или поздно

найдется женщина, которая идеально ему подходит, с которой он сможет поделиться всеми тайнами. Поделиться своей жизнью. Теперь же он понял, что женщина обречена играть в его удивительном мире лишь крохотную, второстепенную роль. В конце концов, он вечно в движении, а жизнь и спокойствие зависят от того, сколь быстро и бесстрашно он сможет мчаться, чтобы не упустить добычу и уйти от преследования.

Не зря в изящном двустишии, которое вспомнила Филли Мейденстоун, говорилось, что тот быстрей, чей путь одинок.

Примечания

Агентство по борьбе с тяжкой и организованной преступностью (SOCA — Serious Organised Crime Agency). Британская правоохранительная организация, занимающаяся расследованием тяжких преступлений на территории страны. Ее сотрудники имеют право производить задержание.

АИВД (AIVD — Algemeine Inlichtingenen Veiligheidsdienst) — голландская спецслужба, в задачи которой входит сбор информации и противодействие внутренним угрозам невоенного характера.

АНБ — Агентство национальной безопасности (NSA — National Security Agency). Государственная структура США, занимается сбором и анализом электронных сигналов и сопутствующей информации: мобильных переговоров, компьютерной переписки и т. п. Американский аналог британского ЦПС (см. ниже), с которым АНБ тесно сотрудничает как в Великобритании, так и в США.

БИА (BIA — Bezbednosno-informativna Agencija) — сербская служба внешней разведки и государственной безопасности.

ВР (DI — Defence Intelligence) — Военная разведка Великобритании.

ГМП — Группа международных проектов (ODG — Overseas Development Group). Законспирированное оперативное подразделение британских спецслужб, работает по большей части независимо, хотя и подчиняется Форин офису. Задача группы — обнаруживать угрозы национальной безопасности и устранять их любыми, в том числе самыми крайними средствами. Штаб-квартира этой вымышленной организации находится в офисном здании неподалеку от лондонского Риджентс-парка. Джеймс Бонд — агент «Группы 00», входящей в подразделение «О» (оперативное). Шефа ГМП сокращенно зовут Эм.

ГРУ — Главное разведывательное управление. Русская служба военной разведки.

КГБ — Комитет государственной безопасности. Советская служба внешней разведки и государственной безопасности. Просуществовала до 1991 года, после чего функции внешней разведки

отошли к СВР (см. ниже), а государственной безопасности — к ФСБ (см. ниже).

МИ-5 — Служба безопасности Великобритании (см. ниже).

МИ-6 — Секретная разведывательная служба Великобритании (см. ниже).

МО — Министерство обороны Великобритании. В его ведении находятся вооруженные силы.

НРУ — Национальное разведывательное управление (NIA: National Intelligence Agency). Служба, ведающая государственной безопасностью ЮАР, аналог МИ-5 (см. выше) и ФБР (см. ниже).

ОБП (CCID — Crime Combating and Investigation Division) — Отдел по борьбе с преступностью Полицейской службы ЮАР (см. ниже). Подразделение, ведающее расследованиями. В основном занимается особо тяжкими преступлениями: убийствами, изнасилованиями, террористическими актами.

ОКР (JIC — Joint Intelligence Committee) — Объединенный комитет разведслужб, комитет кабинета министров Великобритании, координирующий работу разведывательных служб и

служб безопасности страны.

Полиция Лондона (MPS — Metropolitan Police Service) — полицейское подразделение, юрисдикция которого распространяется на т. н. Большой Лондон (за исключением Сити, где действует собственная полиция). Неофициальные названия: «Скотленд-Ярд» и т. п.

Полицейская служба ЮАР (SAPS — South African Police Service). Основные полицейские силы ЮАР. Диапазон задач: от патрулирования улиц до расследования тяжких преступлений.

Правительственный комитет по чрезвычайным ситуациям (COBRA — Cabinet Office Briefing Room A). В Великобритании — комитет высшего уровня, который собирается при возникновении критических ситуаций. Как правило, его возглавляет премьер-министр или другой высокопоставленный чиновник, а состав определяется в зависимости от конкретной угрозы безопасности государства. Хотя английское название (во всяком случае, по уверениям прессы) содержит отсылку к «Комнате А» в здании Секретариата кабинета министров на Уайтхолл, в действительности комитет может собираться где угодно.

«Пятерка» — неофициальное название Службы безопасности МИ-5 (см. выше).

САС — Специальная авиационная служба (SAS — Special Air Service). Подразделение спецназа британской армии, создано во время Второй мировой войны.

СВР — Служба внешней разведки. Российское управление внешней разведки. Ранее его функции выполняло КГБ.

Секретная разведывательная служба. Управление внешней разведки Великобритании. Аналог американского ЦРУ. Неофициальные названия: МИ-6, «Шестерка».

СЛС — Специальная лодочная служба (SBS — Special Boat Service). Подразделение спецназа британского военно-морского флота, создано во время Второй мировой войны.

Служба безопасности — управление государственной безопасности Великобритании, которое отвечает как за обнаружение внешних угроз, так и за борьбу с преступностью на территории Соединенного Королевства. Сходна с ФБР, однако, в отличие от своего американского аналога, занимается исключительно расследованиями

и разведывательными операциями — но не задержанием преступников. Неофициальные названия: МИ-5, «Пятерка».

Спецназ — Войска специального назначения. Обобщенное неофициальное название спецподразделений российской армии и разведывательных служб.

«Третье отделение» — вымышленное спецподразделение британского правительства, неким образом связанное со Службой безопасности МИ-5 (см. выше) и размещенное с ней в одном здании (Темз-Хаус — на набережной Темзы, в лондонском районе Ламбет). Отделение выполняет оперативно-тактические задачи по расследованию и нейтрализации угроз в пределах Соединенного Королевства.

УНР — Управление национальной разведки, также Управление военно-космической разведки (NRO — National Reconnaissance Office). Правительственная спецслужба, занимающаяся разработкой и управлением космических спутников слежения. Входит в структуру Министерства обороны США.

ФБР — Федеральное бюро расследований. Глав-

ная из американских спецслужб, занимающихся обеспечением внутренней безопасности. ФБР ведет расследование преступлений на территории США, а также отвечает за противодействие ряду угроз безопасности государства и его граждан, находящихся за границей.

Форин офис (FO/FCO — The Foreign and Commonwealth Office). Министерство иностранных дел — структура, отвечающая за внешнюю политику Великобритании. Во главе Форин офиса стоит министр иностранных дел — член кабинета министров.

ФСБ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Российская служба государственной безопасности, аналог ФБР (см. выше) и Службы безопасности МИ-5 (см. выше). Ранее ее функции выполняло КГБ (см. выше).

ЦПС — Центр правительственной связи (GCHQ — Government Communications Headquarters). Спецслужба Великобритании, отвечающая за сбор и анализ электронных сигналов, аналог американского Агентства национальной безопасности. Неофициальное название «Бублик» связано с формой здания ЦПС в Челтнеме.

ЦРУ (CIA: Central Intelligence Agency) — Центральное разведывательное управление. Главная из американских спецслужб, занимающихся внешней разведкой и шпионажем. Считается, что определенную роль в создании ЦРУ сыграл сам Ян Флеминг. В годы Второй мировой войны он направил генералу Уильяму Донована (известному как Дикий Билл) записку с подробным описанием предлагаемой Флемингом шпионской операции. Донован возглавлял тогда Управление стратегических служб США, во многом его усилиями превратившееся впоследствии в ЦРУ.

Ян Флеминг

Ян Флеминг, создатель образа Джеймса Бонда, родился в Лондоне 28 мая 1908 года. Обучался в Итоне, затем переехал в Австрию — здесь, в небольшом городке Кицбюэль, он прожил несколько лет, изучая языки и пробуя силы на литературном поприще. В 30-х годах Флеминг поступил на работу в агентство Рейтер, где продолжил шлифовать свое писательское мастерство. Благодаря командировкам в коммунистическую Москву писатель получил ценные сведения о Советском Союзе — стране, которая впоследствии станет воплощением «империи зла» в его произведениях.

В годы Второй мировой войны Флеминг служил личным помощником руководителя разведывательного управления Военно-Морских Сил. Незаурядный ум и живое воображение Флеминга ярко проявились в подготовке секретных операций, неизменно отличавшихся дерзостью замысла и великолепной организацией исполнения. Впоследствии этот опыт стал для него богатым источником материала.

Война закончилась, и Флеминг устроился иностранным корреспондентом в «Санди таймс» — эта работа позволяла ему два месяца в году проводить на Ямайке. Здесь в 1952 году, в своем особняке «Золотой глаз», он написал книгу под названием «Казино „Рояль“». Год спустя она была опубликована и — родился Джеймс Бонд.

С тех пор в течение 12 лет из-под пера Флеминга каждый год выходил новый роман об агенте 007 — самом прославленном шпионе столетия. Писатель отлично разбирался в дорогих машинах, изысканной кухне и красивых женщинах, был заядлым гольфистом и азартным игроком — и все его увлечения нашли отражение в книгах, издававшихся миллионными тиражами.

За успехом книг последовал успех легендарного киносериала…

Разумеется, литературная карьера Флеминга не ограничивалась одним лишь Джеймсом Бондом. Он по-прежнему оставался известным журналистом, выпускал книги о путешествиях, написал и «Чух-чух-бум-бум» — до сих пор обожаемую миллионами детей сказку о летающем поезде, получившую воплощение в кино и на театральных подмостках. Кроме того, писатель собрал уникальную библиотеку литературных раритетов

— настолько ценную, что ее было решено эвакуировать во время бомбежек немецкой авиации.

В 1952 году писатель возглавил издательство «Куин Энн пресс».

Ян Флеминг умер от сердечного приступа в 1964 году в возрасте пятидесяти шести лет. К сожалению, «отец Джеймса Бонда» дожил до экранизации лишь двух своих романов — «Доктор Но» и «Из России, с любовью». Если бы он тогда знал, что последует за этими первыми фильмами…

Сегодня, когда КАЖДЫЙ ПЯТЫЙ ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ посмотрел хотя бы один фильм о Джеймсе Бонде, агент 007 уже не просто национальный герой, а феномен поистине мирового масштаба…

За дополнительной информацией о Яне Флеминге и его книгах обращайтесь на сайт www.ianfleming.com

Джеффри Дивер

В 2004 году Джеффри Дивер, автор множества международных бестселлеров, был удостоен премии Яна Флеминга «Стальной кинжал», которую издательство Яна Флеминга вручает за лучший приключенческий роман в духе Джеймса Бонда. В своей речи на церемонии награждения он сказал, что романы Флеминга о Джеймсе Бонде оказали большое влияние на его литературную карьеру. Исполнительный директор «Ян Флеминг пабликейшнс» Коринна Тернер, которая также присутствовала на вручении премии, позже говорила: «Именно в тот момент у меня зародилась мысль, что Джеффри Дивер смог бы придумать интересное продолжение приключений Джеймса Бонда».

Сам Дивер рассказывает об этом так: «Описать не могу, что я испытал, когда приехал в поместье Флеминга и получил предложение написать очередную книгу сериала о Джеймсе Бонде. История моей любви к Бонду насчитывает уже около пятидесяти лет. Мне было лет восемь-девять, когда я прочитал первый роман этой серии. Честно

говоря, читать эти книги мне было рановато, но родители почему-то не возражали. У них была очень своеобразная система воспитания: смотреть фильмы мне разрешалось только по их выбору, зато читать дозволялось все, что попадет под руку. Ирония ситуации заключается в том, что в пятидесятые и в начале шестидесятых годов на экране практически не было насилия и секса, чего нельзя сказать о книгах. Словом, я мог свободно читать все романы о Бонде, которые приносил в дом мой отец, и те, что я покупал сам на карманные деньги.

С самых ранних лет я находился под большим влиянием Флеминга. Достаточно сказать, что в одиннадцать я уже написал свое первое произведение в духе бондианы. Там рассказывалось о шпионе, который похитил у русских какой-то сверхсекретный самолет. Агент был американцем, но имел связи в Британии, которые успел наладить в годы Второй мировой в Восточной Англии. Это я уже списал со своего отца.

До сих пор помню, как услышал в новостях: умер Ян Флеминг. Мне тогда было лет пятнадцать-шестнадцать. Появилось ощущение, будто я потерял старого друга или любимого дядюшку. А потом еще сказали, что Бонд тоже погибнет в

новой книге „Человек с золотым пистолетом“. Как же мне было грустно… Я купил этот роман в первый же день, как он появился на книжных прилавках и, прочитав за один присест, понял, что, к счастью, отныне буду оплакивать гибель лишь одного из своих героев.

Я получил за свои триллеры немало наград, но самая дорогая моему сердцу — премия „Стальной кинжал“ Яна Флеминга. Сам приз повторяет форму тех ножей, которые, по словам Флеминга, входили в экипировку морской разведки в годы Второй мировой войны. Очень выразительный приз — на моей каминной полке он занимает центральное место.

Когда меня спрашивают, есть ли какое-то сходство между мной и Джеймсом Бондом, я признаю, что оно есть, но весьма отдаленное. Я тоже люблю скоростные машины — у меня даже были „мазератти“ и „ягуар“, да и сейчас иной раз крепко разгоняю свой „Порш-911-Каррера С“ или „Инфинити-Джи-37“. Я люблю кататься на горных лыжах, люблю нырять с аквалангом, обожаю односолодовое шотландское виски и американский бурбон — а вот водку не люблю. Да, кстати сказать, и великий шпион употреблял виски куда чаще, чем свой фирменный мартини

с водкой — „смешать-но-не-взбалтывать“».

Джеффри Дивер — бывший журналист (как и Флеминг), фолк-певец и адвокат — начинал создавать свои первые детективы и триллеры, что называется, без отрыва от производства — не выходя из офиса на Уоллстрит. Теперь же он самый известный автор международных бестселлеров, перу которого принадлежат два сборника рассказов и двадцать восемь романов. Книги его изданы в ста пятидесяти странах и переведены на двадцать пять языков.

Наибольшую славу ему принесли книги о Кэтрин Дэнс и Линкольне Райме, а самый знаменитый роман — «Собиратель костей» — лег в основу сценария голливудского блокбастера 1999 года «Власть страха» с Анджелиной Джоли и Дензелом Вашингтоном в главных ролях. В 2009 году его внесерийный роман «Брошенные тела» был признан лучшим триллером года Международной ассоциацией авторов триллеров.

Последняя книга Дивера о Линкольне Райме — «The Burning Wire» («Фитиль»). А новый внесерийный роман «Edge» («На краю») выйдет в сентябре 2011 года.

Джеффри Дивер родился в предместье Чикаго, сейчас проживает в Северной Каролине.

Дополнительную информацию вы можете получить на сайтах:

www.007carteblanche.com

или

www.jefferydeaver.com